

"Jones perfectly
balances humor
and suspense."

—*Publishers Weekly*
(starred review)

Third Grave Dead Ahead

A Novel

DARYNDA JONES

Author of Second Grave on the Left

Аннотация Сверхъестественный частный детектив. Ангел смерти, единственный в своем роде. Как вам угодно. Чарли Дэвидсон возвращается! И отныне пьет еще больше кофе, чтобы не уснуть, потому что всякий раз, закрывая глаза, она видит его — Рейеса Фэрроу. Получеловека, полусупермодель. Сына Сатаны. Мало того, что по милости Чарли Рейес опять оказался в тюрьме, ей предстоит раскрыть дело о без вести пропавшем человеке, постоянно общаться с самовлюбленным врачом, успокаивать недовольного отца и выяснить, кто из банды байкеров помешан на убийствах. Но как все это сделать, если сын дьявола по-прежнему полон решимости соблазнить ее и... отомстить? Перевод: Euphony
Сверка: EuphonyРедактура: NikitinaХуд. оформление: RuSa

Даринда Джонс

Третья могила прямо по курсу

Перевод — Eurhony

Редактирование — Nikitina

Аннотация

Сверхъестественный частный детектив. Ангел смерти, единственный в своем роде. Как вам угодно. Чарли Дэвидсон возвращается! И отныне пьет еще больше кофе, чтобы не уснуть, потому что всякий раз, закрывая глаза, она видит его — Рейеса Фэрроу. Получеловека, полусупермодель. Сына Сатаны.

Мало того, что по милости Чарли Рейес опять оказался в тюрьме, ей предстоит раскрыть дело о без вести пропавшем человеке, постоянно общаться с самовлюбленным врачом, успокаивать недовольного отца и выяснить, кто из банды байкеров помешан на убийствах. Но как все это сделать, если сын дьявола по-прежнему полон решимости соблазнить ее и... отомстить?

Благодарности

Как всегда, глубочайшие и самые сердечные «спасибо» Джен и Александре. Благодаря вам светит солнце и сияет луна. Вы навеки в моем сердце.

Благодарю всех в «Macmillan» и «Janklow & Nesbit». Загибаю пальцы, но наверняка умудрюсь не назвать по имени кого-то из заслуживающих самой искренней благодарности героев. Вы все — мои каменные стены.

Отдельные благодарности моей семье, в которую входят не только родные по крови люди. Моему супругу, родителям, бабушкам и дедушкам, сестрам, братьям, сыновьям, дочерям, двоюродным и троюродным братьям и сестрам, их детям (понятия не имею, есть ли для них особое слово), племянницам, племянникам и самым-самым чудесным на свете друзьям, которых не отличить от семьи.

Хочу особо поблагодарить мою сестру Анетт. Вот кто на самом деле заслуживает весь мой авторский гонорар, потому что я без зазрения совести снова и снова публикую в книгах целые куски из ее потрясающе интересной жизни. Огромное спасибо моим братьям. Лютеру — за то, что разрешил мне без спроса использовать его имя, и Квентину — за то, что он самый-пресамый крутой сводник на свете!

Очередные «спасибо» шлю своей богине критики Тэмми, несравненной Селесте Брэдли, красавице Дэн-Дэн и сногсшибательной Кит. Именно они сумели прочесть книгу со скоростью света, чтобы дать мне необходимую, как воздух, ответную реакцию. И, конечно же, всем богиням из LERA и «Общества сестер красных туфельек». Что бы я без вас делала! Особенно без Лиз. Спасибо тебе огромное за то, что придумала название для книги!

Невероятное спасибо всем читателям и рецензентам, которые любят историю Чарли и Рейеса не меньше, чем я. Пусть приключений им хватит по самое не хочу, а любовь их будет вечной. Сразу после того, как я выжму из них все соки.

Особое спасибо Майку Дэвидсону за список Гаррета. И за то, что он из кожи вон вылез, чтобы меня пригласили к Опре. Уверена: помешала крошечная несостыковка! Спасибо, что так ради меня выкладываешься.

Кэрол и Мелвину, также известным как дикие соседи.

Люблю, люблю, люблю вас.

Смерть приходит к тем, кто ее ждет.

И к тем, кто не ждет, тоже. Так что...

Шарлотта Джин Дэвидсон, ангел смерти

У меня в гостиной сидел мертвый клоун. Поскольку я не питаю огромной любви к клоунам и было еще слишком рано, чтобы мой рот мог извергнуть нечто членораздельное, я притворилась, будто не замечаю его, и, громко зевнув, направилась в кухню. Тогда-то на меня и накатила паника. Глянув вниз, чтобы удостовериться, что мои девичьи отличительные черты не скомпрометированы, я с облегчением вздохнула. На мне были белый топ и мужские трусы в клеточку. А значит, мои девочки, также известные как Угроза и Уилл Робинсон, в безопасности.

Мысленно перекрестившись, я продолжила путь по своим скромным апартаментам, стараясь не привлекать внимания и гадая, заметил ли меня клоун, до сих пор не спускавший с меня глаз. Моя квартира — нечто среднее между складом подушек и чуланом для швабр, так что путешествие выдалось недолгим. И не очень поучительным, потому что посмотреть здесь практически не на что. Однако за несколько коротких секунд я все-таки пришла к кое-какому умозаключению: пусть уж лучше у меня гостит мертвый клоун, чем живой.

Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Для некоторых просто Чарли, а для некоторых Шарлотка Глубокая Глотка^[1], но так меня называли в основном в школьные времена. Я иду в комплекте с полным набором изгибов и выпуклостей в положенных местах, здоровым уважением к мужской анатомии и немного настораживающей склонностью к пище и питью коричневого цвета. Не считая всего этого, а также того факта, что я родилась ангелом смерти, я такая же нормальная, как и любая другая угрюмая девица с удостоверением частного детектива.

К мистеру Кофе я подошла с похотью в глазах. Между нами уже какое-то время были, можно сказать, отношения, и с его стороны требовалось всего лишь оставлять для меня иногда лишнюю чашечку. Не нужно было ни доливать воды, ни досыпать кофе, чтобы он разгорячился и позаботился обо мне. Не глядя, я поставила чашку в микроволновку. Мне было до лампочки, чему еще не повезло оказаться в ее чреве и испытать на себе все радости облучения в течение тридцати секунд. Затем совершила набег на холодильник в попытке найти, чем набить желудок. Поглощение еды не даст мне заснуть еще как минимум пять минут. А единственной моей целью в последние две недели было не спать любой ценой. Потому что альтернатива слишком мучительна.

После поисков эпических масштабов я наконец-то нашла что-то не зеленое и не покрытое пушком. Это оказалась сарделька. Я назвала ее Питер, в основном потому, что мне нравится давать вещам имена, и только отчасти потому, что это казалось правильным. Как только кофе превратился в кипяток, я отправила Питера в микроволновку, надеясь, что

радиоактивная среда его стерилизует. Кому нужно, чтобы повсюду сновали беснующиеся маленькие Питеры?

Пока я размышляла о мире во всем мире, о заоблачных ценах на дизайнерское нижнее белье и о том, какой была бы жизнь без гуакамоле, Питер пикнул. Я обернула его черствым хлебом и съела, загружая в кофе такое количество заменителей нормальных продуктов, что тот стал попросту опасным для здоровья. Сделав большой глоток, я потащила к заваленному подушками дивану, уселась поудобнее и посмотрела на клоуна. Он сидел в кресле, придвинутом к дивану, и терпеливо ждал, когда я его замечу.

— Знаешь, я не очень-то люблю клоунов, — сказала я после очередного глотка.

Мертвые люди у меня в гостиной далеко не невидаль. Судя по всему, я супермегаяркая, как прожектор маяка во время шторма. Умершие, которые не перешли сразу после смерти, могут увидеть меня из любого уголка Земли и, если захотят, пройти через меня в мир иной. В сокращенной версии именно этим и занимается ангел смерти. Никакой косы. Никакого собирательства душ. Никакой переправы мертвых по озеру день за днем, что рано или поздно наверняка бы осточертело.

— Часто такое слышу, — отозвался клоун.

Он казался моложе тех двадцати пяти лет, которые я дала ему поначалу, хотя его голос, очевидно, охрип от сигарет и частых ночных посиделок в баре. С этим образом резко контрастировал яркий грим и торчащие во все стороны рыжие волосы. Спасало только то, что у него не было огромного красного носа. Ненавижу их, особенно те, что пищат. С остальным смириться можно.

— Так как? У тебя есть для меня история?

Он пожал плечами:

— Не сказал бы. Всего лишь хочу перейти.

Я удивленно моргнула, осмысливая его слова, а потом переспросила:

— Всего лишь хочешь перейти?

— Если тебе не сложно.

— Ни капельки не сложно, — фыркнула я.

Еще бы! Не надо передавать никаких сообщений любимым, которые остались здесь. Не надо расследовать обстоятельства его убийства. Не надо охотиться за какой-то памятной вещичкой, которую он оставил своим детям в таком месте, где ни один человек в здравом уме даже не подумал бы искать. Подобные ситуации в моем понимании даже лучше сливочного совершенства, каким может быть кусок торта без лишних калорий.

Клоун двинулся ко мне. Я не поднялась, потому что не было сил — кофе еще не подействовал. Но колун, кажется, ничего не имел против. Когда он сделал еще один шаг вперед, я заметила рваные джинсы и закрашенные маркером кроссовки.

— Погоди-ка, — вдруг сказал он, застыв на полпути.

Нет. Ну нет же...

Он поскреб затылок — неосознанный жест из прошлой жизни.

— А ты можешь передавать людям послания?

Проклятье. Ложка дегтя в бочке меда моей жизни.

— М-мм, нет, извини. «Western Union» не пробовал?

— Ты серьезно? — спросил клоун, ни на секунду не купившись. Плохо у меня с торговлей, что тут скажешь.

Я вздохнула и накрыла лоб рукой, показывая, как сильно не хочу быть его посланником.

Потом взглянула на него, чуточку приоткрыв глаза. Он стоял на том же месте, ждал и совершенно не казался впечатленным моим спектаклем.

— Ладно, — сдалась я. — Напечатаю записку или еще что.

— Ничего подобного делать не придется. Просто зайти в «Супер Дог» дальше по этой же улице и поговори с девушкой по имени Дженни. Скажи, Рональд передал «Поцелуй меня в зад».

Я оглядела его желто-красный клоунский костюм сверху донизу.

— Тебя зовут Рональд?

— Поверь, суть этой иронии от меня не ускользнула, — усмехнулся он и прошел через меня раньше, чем я успела задать вопрос по поводу поцелуев в филейные места.

Когда люди переходят через меня, я вижу их жизни. Могу сказать, были ли они счастливы, какой цвет любили больше всего и как звали их домашних животных, когда они сами были детьми. Это своего рода ритуал, от которого я научилась получать удовольствие. Закрыв глаза, я приготовилась. Он пах гримом, йодом и кокосовым шампунем. Он лежал в больнице, ждал пересадки сердца. Время шло, и он решил не терять его даром — каждый день наряжался разными клоунами и навещал детей в отделении педиатрии. Каждый день у него было новое имя. Что-то смешное, вроде Родео Рон или Капитан Боксерские Трусы. И каждый день дети должны были угадать его имя по беззвучными подсказками. Под конец он с трудом говорил, а активные движения невыразимо его изматывали, и все же он считал, что это лучше, чем пугать детей скрипучим голосом. Умер он всего за несколько часов до того, как нашли сердце. И ни дня в жизни не курил.

А еще он любил девушку по имени Дженни, которая пахла детским маслом и продавала хот-доги, чтобы оплачивать учебу в колледже. Дженни вписывалась как раз в ту часть обязанностей ангела смерти, которую я ненавижу всей душой. В ту самую часть, которая связана с оставшимися на земле людьми из жизни умерших. Я чувствовала, как сжимаются от горя их сердца. Чувствовала, как трудно дается их легким каждый следующий вдох. Чувствовала, как слезы обжигают им глаза, когда они теряют тех, кого любят. Тех, без кого не могут жить.

Сделав резкий вдох, я вернулась в настоящее. Рональд оказался классным парнем. Надо будет его поискать, когда придет мой час, посмотреть, как ему живется в вечности. Я зарылась поглубже в диванные подушки и от души глотнула кофе, выпитывая кофеин, чтобы он зажег искру и снова разбудил клетки мозга.

Взглянув на настенные часы с мультяшными персонажами, я подавила приступ отчаяния, узнав, что сейчас всего 3:35. До рассвета оставалось еще несколько часов. При свете дня не спать было проще. А ночь так и манила отдохнуть и расслабиться. Однако я не могла позволить себе такую роскошь. Почти две недели подряд мне удавалось избегать сна, как бывшего парня с герпесом. А когда не получалось, приходилось расплачиваться.

От одного воспоминания об этой расплате в животе запорхали незванные бабочки. Я прогнала эту мысль, почувствовав, как меня, словно густой пар, обволакивает жар душной ночи, просачиваясь в кожу и давя в зародыше любую надежду на комфорт. Взвинченная до предела, я села ровнее, смахнула с лица влажную прядь и пошла в ванную, надеясь, что холодная вода хоть немного поможет, и удивляясь, как, черт возьми, ночь стала такой душной. На дворе хренов ноябрь. Может быть, глобальное потепление вернулось в игру с новыми силами. Или вспышка на солнце прорвалась через магнитосферу, и прямо сейчас всех нас поджаривает живьем. Вот был бы отстой.

Как только я добралась до выключателя, раздумывая, стоит ли купить крем от загара, внизу живота взорвалась острая вспышка возбуждения. Ахнув от изумления, я схватилась за дверную ручку, чтобы не упасть.

Не может быть. Не могло это повториться, и все тут.

Я с тоской уставилась на кран. Вода все исправит. Пару раз плеснуть в лицо, и я мигом стану нормальной и вредной самой собой. Я щелкнула выключателем, но свет над головой всего лишь мелькнул, словно хватая ртом воздух, и тут же погас. Я щелкнула еще раз. И еще раз, а потом сдалась. В основном потому, что на ум пришло определение безумия.

Проводка в моей квартире, мягко говоря, перетрудилась давным-давно. К счастью, у меня имелся ночник, чей мягкий свет просачивался в ванную. Этого освещения оказалось достаточно, чтобы я подошла к раковине, не отбив по пути ничего жизненно важного. Встав перед зеркалом, я покосилась на него, пытаюсь силой мысли перекачать сюда из атмосферы каждую крупицу света, которую могла предложить вселенная. Не помогло. Мое отражение было всего лишь тенью, призрачной сущностью, которую вряд ли можно назвать живой.

Я задумалась об этом, когда на меня нахлынула рябь желаний, впиваясь восхитительно острыми когтями и заставляя так сильно дрожать, что я стиснула зубы. Из всех сил я цеплялась за гордость, купаясь в чувственном пожаре, с которым ничего не могла поделать. Жар просачивался в меня, подталкивал к краю, вел на темную сторону. Я жадно приоткрыла рот и развела ноги, давая ему больше места. И жар стал нарастать. Сильный, властный, он запустил в меня свои ростки, которые извивались и пульсировали в животе.

Ноги подкосились, и пришлось опереться на ладони, в то время как давление становилось все сильнее, вынуждая бороться за каждый вдох. А потом чужое дыхание смешалось с моим, и я взглянула в зеркало.

За спиной материализовался Рейес Александр Фэрроу — получеловек, полусупермодель и сын Сатаны. Могучие плечи блестели от клубящегося вокруг него пара, создавая впечатление, будто он пришел сюда прямо из ада. Но, разумеется, это не могло быть правдой. Из ада он сбежал много столетий назад, а прямо сейчас точил на меня зуб за то, что я привязала его нематериальное тело к материальному. Однако почему-то от этой информации эффект не ослабевал ни на йоту.

Я посмотрела вбок, чтобы увидеть его яснее.

— Что ты здесь делаешь?

Он опустил голову, пронзив меня сердитым взглядом темных глаз. Нахал. Это моя ванная.

Но я же его связала. Привязала нематериальное тело к физическому. Как он здесь оказался? Как ему это удалось?

— Ты меня призвала. — В глубоком резком голосе сквозила враждебность.

Я покачала головой:

— Это невозможно.

Рейес протянул руку над моим плечом и уперся ладонью в стену передо мной. Намерение ясное как божий день. Возвышаться. Доминировать. Убедиться, что я знаю: мне не уйти. Его стройное тело прижалось ко мне сзади, и справа от меня на стену легла вторая рука, окончательно запирая меня в ловушке.

Тяжелый пронзительный взгляд встретился с моим.

— Невозможно, потому что ты посадила меня на цепь, как какого-то пса?

О да. Он в бешенстве.

— Ты не оставил мне выбора, — проговорила я дрожащим, а вовсе не таким уверенным голосом, как собиралась.

Он медленно наклонялся, пока его губы не оказались у моего уха:

— Ты мне тоже.

Его черты потемнели, глаза сузились, глядя на меня в отражении из-под полуопущенных от страсти густых ресниц.

Я не могла отвести взгляд. Он был такой красивый, такой мужественный! Когда сильная рука обвила меня и скользнула спереди вниз, к краю трусов, я перехватила его запястье и с трудом выдавила, тяжело дыша:

— Подожди. Я до сих пор не понимаю, как ты здесь оказался.

— Я же сказал, ты меня призвала. — Несмотря на все мои слабые протесты, его пальцы уже скользили у меня между ног, и я громко ахнула, когда они двинулись глубже. — Ты всегда меня зовешь. Всегда могла призвать меня, когда пожелаешь или когда я тебе нужен, Датч. Неужели до тебя еще не дошло?

Я отчаянно боролась с невероятными ощущениями, пронзающими низ живота с каждым движением его пальцев. Из всех сил старалась понять смысл тихо произнесенных слов.

— Нет. Ты сам приходил, когда был мне нужен. Когда я попадала в беду.

И это правда. Пока я росла, он всегда оказывался рядом, если моей жизни угрожала опасность.

Дыхание Рейеса согревало мне щеку, а жар, исходящий от него, стал обжигающим, когда его губы пустились в поиски трепещущего пульса на моей шее.

— Это всегда была ты.

Он ошибался. Наверняка ошибался. Мысль о том, что я могла его призвать, что всегда призывала, была непостижима. До недавнего времени я не имела ни малейшего понятия, кто он такой. Даже боялась его. Он был темным существом из дыма и теней, и меньше всего на свете мне хотелось, чтобы он ошивался поблизости. Как я могла его призывать? Бред какой-то.

— Но раз уж я здесь... — Рейес намеренно не договорил, и неоконченная фраза повисла в воздухе.

Крепко прижав меня к себе, он стянул с меня трусы. От слабого намека на улыбку приподнялся уголок его прекрасных губ, когда Рейес раздвинул мне ноги и вошел в меня одним длинным движением. Я громко выдохнула, и водоворот ощущений, возникший всего несколько секунд назад, в мгновение ока превратился в ураган. Одной рукой я схватилась за его запястье, которое напряглось от того, что он сжимал мое горло, а второй впилась в стальную задницу, подгоняя глубже, ближе к разрядке.

Ни на секунду не закрывая глаз, я смотрела в зеркало, наблюдая за реакцией Рейеса. Его губы слегка приоткрылись. Брови сдвинулись. Ресницы упали тенями на скулы.

— Датч... — Глубокий бархатный голос звучал так, словно Рейес ничего не мог поделать с тем, что должно произойти.

Поставив мою ногу на туалетный столик, он снова и снова загонял себя в меня, почти жестоко, с каждым толчком унося меня куда-то далеко-далеко. С каждым мощным ударом внутри рос вихрь, становясь все сильнее. Член Рейеса заполнял всю меня, вытесняя неутоленную жажду, поглощавшую каждую клетку моего организма. Отчаянная потребность в нем, которую я так долго отталкивала, устремилась ко мне и разлилась между ног, поднимаясь, как прилив, влагой и подводя меня все ближе и ближе к пропасти.

Мои ногти вонзились в его запястье, и внезапно я вспомнила, что он не хотел быть здесь. Не хотел быть со мной. Тем более после того, что я натворила.

— Рейес, остановись.

В тот же миг я почувствовала, как содрогнулось его тело, и взрыв прошел сквозь меня. Острые вспышки наслаждения рикошетили от моих костей, неслись по венам, иссушая плоть опаляющим экстазом.

Вместе с сильнейшим оргазмом, расколовшим меня на кусочки, вернулась реальность, пробудившая меня от раздражающего душу сна. В комнате умирающим эхом звенели крики, и я сразу поняла, что они были моими. С трудом придя в себя, я задышала полной грудью и разжала кулаки. И тут же пролила на себя кофе, потому что держала в руках чашку. Хорошо, что в ней оставалось совсем чуть-чуть. Поставив чашку на столик, я откинулась на подушки и накрыла лицо согнутой рукой, чтобы переждать до боли знакомый шторм, сотрясавший меня изнутри.

Три раза за одну неделю. Стоило лишь на секунду закрыть глаза, как он был здесь, ждал, наблюдал. Сердитый и соблазнительный.

Я снова глянула на часы. В последний раз они показывали 3:35. Сейчас было 3:38. Три минуты. Я закрыла глаза три минуты назад.

Изнуренно вздохнув, я была вынуждена признать, что сама виновата. Я позволила себе задремать.

Может быть, таким способом Рейес заставлял меня расплачиваться за то, что я сделала. Он всегда умел выходить из тела, становиться нематериальным и причинять вред человечеству. Не то чтобы он действительно причинял какой-то вред, но мог бы, если бы захотел. А сейчас он застрял в физическом теле. Крошечная оплошность, если хотите знать мое мнение. Но тогда, когда я его связала, это было необходимо.

И вот он снова охотится на мои сны. Раньше, когда он приходил ко мне во сне, я действительно спала между раундами игр в прятки и в своеобразное перетягивание каната. Теперь же, стоит хоть на секунду закрыть глаза, Рейес тут как тут, причем самым подавляющим из всех возможных способов. И пока я сплю, мы ведем себя, как кролики на ферме.

Но самое худшее во всем этом — он на самом деле до чертиков на меня зол. А значит, не имеет ни малейшего желания никуда приходить. Его пожирала ярость, но все же он был таким невероятно страстным, как будто ничего не мог с собой поделаться, не мог контролировать бушующий в нем пожар, не мог сдержать жажду, текущую по венам. Я уж точно не могла держать себя в руках, поэтому понимала, каково ему.

Но чтобы я его призвала? Быть того не может. И как я могла призывать его в детстве? Как, например, тогда, когда мне было четыре, и меня едва не похитил педофил. Я даже не знала, кто такой Рейес. И до смерти его боялась.

На этой мысли я услышала, как распахнулась входная дверь, и решила, что пора умыться. Кофе снаружи вовсе не так шикарен, как внутри.

— Что такое? Где ты? — услышала я голос своей соседки, которая ворвалась в мою квартиру.

Куки подрабатывала у меня секретарем и лучшей подругой. Короткие черные волосы торчали во всех социально неприемлемых направлениях. На ней была мятая, плотно обтягивающая солидные размеры пижама в желто-голубую полоску, и красные носки, собравшиеся гармошкой на щиколотках. Без слез не взглянешь.

— Я тут, — отозвалась я, отдирая себя от дивана. — Все в порядке.

— Ты же кричала. — Куки обеспокоенно оглядывала квартиру. — Нам просто необходимы звуконепроницаемые стены.

Она жила напротив, а значит, могла услышать, как у меня в кухне упадет перышко. Переведя дух, она наградила меня холодным взглядом:

— Чарли, черт тебя дерит.

— Знаешь, меня так частенько называют, — сказала я, шлепая к ванной, — но на самом деле меня зовут совсем не Чарли Черт Тебя Дери.

Куки отступила к книжному шкафу, обхватила себя одной рукой, а другую прижала к груди, пытаясь успокоить сердце. Потом сердито посмотрела на меня. Это было забавно. Едва открыв рот, чтобы что-то сказать, она заметила полчище пустых чашек из-под кофе, расставленных по всей квартире, и снова перевела на меня сердитый взгляд. Наблюдать за ней было по-прежнему забавно.

— Ты заливалась кофе всю ночь?

Я скрылась в ванной, потом вернулась с зубной щеткой во рту и указала на дверь, приподняв брови:

— Это считается проникновением со взломом?

Куки обошла меня и закрыла дверь.

— Нам надо поговорить.

Понятно. Время нотаций. Всю неделю, каждый божий день она выписывала мне нагоняй. Поначалу было легко врать, что я просто-напросто недосыпаю, и Куки покупалась на мою ложь. Но потом заподозрила бессонницу, когда в вентиляционных отверстиях в офисе я увидела розовых слонов. Так и знала, что не надо было о них спрашивать. Но я-то думала, она просто сменила декор.

В спальне я переоделась в чистую пижаму, потом вернулась и, направляясь к кофеварке, спросила:

— Кофе хочешь?

— Сейчас полчетвертого утра.

— Ясно. Кофе хочешь?

— Нет, сядь. — Когда я остановилась на полпути, вопросительно изогнув брови, Куки упрямо стиснула челюсти: — Говорю тебе, нам надо поговорить.

— Дело в усах, которые я нарисовала тебе, пока ты спала? — Я медленно опустилась на диван, не сводя с нее настороженного взгляда. На всякий случай.

— Нет. Дело в наркотиках.

У меня отвисла челюсть. Зубная щетка чуть не выпала.

— Ты подсела на наркотики?

Куки поджала губы:

— Нет. Ты.

— Я подсела на наркотики? — ошалело спросила я. А я и не знала.

— Чарли, — сочувственно проговорила она, — сколько ты уже не спишь?

Я вздохнула, хотя скорее всхлипнула, и посчитала на пальцах.

— Дней тринадцать. Около того.

Ее глаза изумленно распахнулись. Когда смысл моих слов дошел до Куки, она спросила:

— И ты ни на чем не сидишь?

Я вынула изо рта щетку.

— Разве что на зубной пасте.

— Тогда как тебе это удастся? — Она подалась вперед, беспокойно сдвинув брови. —

Как ты можешь не спать столько дней подряд?

— Не знаю. Просто не закрываю глаза.

— Чарли, это невозможно. И наверняка опасно.

— Вовсе нет, — заверила я ее. — Я пью тонны кофе. И вряд ли когда-нибудь усну за рулем.

— Кошмар какой-то. — Куки уронила лицо в ладони.

Улыбнувшись, я засунула щетку обратно в рот. От людей вроде Куки сложно отделаться. Непоколебимая. Верная. Таких трудно сбить с толку.

— Солнце, я не такая, как ты. Помнишь?

Она снова сосредоточилась на мне.

— Но ты все равно человек. Только потому, что ты быстро исцеляешься, видишь мертвых и обладаешь уникальной способностью вызывать в самых обычных людях желание тебя убить...

— Он ужасно зол на меня, Кук. — Я опустила голову, чувствуя, как подбирается печаль.

Куки помолчала, обдумывая мои слова, а потом сказала:

— Расскажи мне подробно, что происходит.

— Ладно, но сначала кофе.

— Сейчас полчетвертого утра.

Десять минут спустя у нас обеих было по чашке шедеврального кофе. Я рассказывала о своих снах, если их можно так назвать, неудовлетворенной разведенке, в чьих глазах появилось мечтательное выражение. Она уже знала о том, что я связала Рейеса, но не знала, что я вижу во сне. То есть не обо всем. Только что я рассказала ей о своей последней «встрече» с богом Рейесом, который был рожден в адском пламени и создан из красоты и греха, спавленных вместе обжигающим жаром чувственности.

Обмахиваясь ладонью, я посмотрела на Куки.

— Так он был в...

— Ага, — перебила я.

— И он поставил твою ногу на...

— Ага. Думаю, чтобы облегчить себе доступ.

— Обалдеть. — Куки положила руку на грудь.

— И снова ага. Было круто. В смысле, когда он меня трогал, целовал и гладил в самых удивительных местах.

— Он тебя целовал?

Я покачала головой:

— Ну, не сегодня. Хотя иногда целует. Самое странное — он не хочет приходить. Не хочет быть со мной. Но стоит мне закрыть глаза, он тут как тут. Неистовый. Сексуальный. Злой как черт.

— Но он взял и поднял твою ногу на...

— Куки, — я взяла ее за руку, вынуждая сосредоточиться, — давай уже проедем эту часть.

— Да. — Она моргнула и тряхнула головой. — Ты права, извини. Теперь я, конечно же, понимаю, почему ты не хочешь переживать ночь за ночью такой страшный стресс.

— Но я вообще не отдыхаю! Просыпаюсь еще более изнуренной, чем, скажем, три

минуты назад. И он на меня жутко злится.

— Ну, ты же связала его на веки вечные.

Я вздохнула:

— Ни о какой вечности и речи нет. В смысле я могу все исправить. — Я решила умолчать о том, что уже пыталась и, к несчастью, ничего не добилась. — Я выясню, как его освободить. Как думаешь?

— Ты меня спрашиваешь? — поразились Куки. — Это твой мир, солнце. Я всего лишь невинный свидетель. — Она посмотрела на настенные часы.

Как всегда, я удивилась самой себе, забеспокоившись о своем ближнем:

— Тебе надо вернуться в постель. — Я забрала у нее чашку и пошла в кухню. — У тебя добрых два часа до того, как разбудить Эмбер в школу.

Эмбер — двенадцатилетняя дочь Куки, хотя я дала бы ей все тридцать.

— Я только что выпила чашку кофе.

— Можно подумать, тебе это когда-нибудь мешало.

— Верно. — Куки поднялась и пошла к двери. — Кстати, звонил Гаррет. Кажется, у него для тебя дело. Сказал, утром будет на связи.

Гаррет Своупс — легальный «охотник за головами». Наверное, именно потому, что он темнокожий, всякий раз, когда он улыбается, создается впечатление, будто его серебристые глаза сияют. И большинство женщин находит это привлекательным. Меня же он целиком и полностью раздражает. Мы с ним пережили несколько жестких стычек, когда он узнал о моих сверхъестественных талантах и пытался заставить меня сознаться в шарлатанстве.

Хотя в большинстве случаев он ничего. В остальном — пусть поцелует меня в зад. Но когда нужно кого-то выследить, он феноменальный профессионал и время от времени бывает суперпуперполезным.

— Дело, значит? — Я была заинтригована. Все же больше пользы по сравнению с тем, чтобы день за днем бить баклуши. — Может, съезжу к нему и поговорю с глазу на глаз.

— Пятнадцать минут пятого, Чарли.

На моей физиономии расплылась широченная улыбка.

На лице Куки опять появилось мечтательное выражение.

— Можно мне с тобой?

— Нет. — Я вытолкала ее за дверь. — Тебе нужно поспать. Кто-то должен быть в здравом уме в рабочее время. И это точно не я, барышня.

Примерно через пятнадцать минут, одетая в пижаму с надписью «Сочная» и розовые тапочки с кроликами, я стучала в дверь Гаррета Своупса, подозревая, что, видимо, умерла по дороге сюда. Я до такой степени устала, что не чувствовала себя живой. Пальцы онемели. Губы опухли. Глаза высохли, и единственной целью превратившихся в наждачную бумагу век было бесить меня и высасывать последние капли желания жить.

Да, скорее всего я уже умерла.

Почувствовав, как по спине побежали мурашки, я снова постучала. На краю сознания забрезжила слабенькая надежда, что гипотетическая смерть освободит меня от

сверхъестественных обязанностей, заключавшихся в том, что через меня могли пройти умершие, которые не перешли сразу. Будучи единственным ангелом смерти по эту сторону вечности, я оказывала неоценимую услугу обществу. Человечеству. Всему миру!

Дверь распахнулась, явив моему взору угрюмого сыщика по имени Гаррет, смотревшего на меня со злостью, которую я затрудняюсь описать. А это значило, что я, видимо, все-таки не умерла. С виду у Гаррета было похмелье. С похмелья он вряд ли видел розовых слонов, а мертвых и подавно.

— Чего тебе? — не без труда прорычал он сквозь зубы.

— Мне нужен ибупрофен, — бесстрастно и безразлично ответила я.

— Лечиться тебе нужно. — Удивительно, что я его понимала, потому что зубы он так и не расцепил.

— Мне нужен ибупрофен, — нахмурившись, повторила я на случай, если он не расслышал с первого раза. — И я не шучу.

— Я тоже.

— Но я не шутила первая.

Громко вздохнув, Гаррет отступил и жестом пригласил меня внутрь пещеры летучих мышей. Я глянула вниз на тапки с кроликами, молча умоляя их прыгнуть вперед, когда Гаррет вдруг сунул палец за пояс моих «сочных» штанов и втянул меня в квартиру.

Это помогло. Придя в себя, я прошла по ковру прямо к кухонным шкафчикам, по пути щелкая выключателями, включая свет.

— Ты в курсе, который час? — поинтересовался Гаррет.

— Не особенно. Где ты хранишь свои самые законные на свете лекарства?

Меня донимала головная боль. Наверное, после того, как по пути сюда я врезалась в телефонный столб.

Холостяцкая берлога Гаррета оказалась намного опрятнее, чем я ожидала. Повсюду бежевое и черное. В поисках аптечки я открывала шкафчик за шкафчиком, ящик за ящиком. И везде только стаканы, тарелки, миски. Ладно.

Гаррет встал у меня за спиной.

— Что ты ищешь?

Я медленно повернулась к нему, сверкая злым взглядом:

— Не верю, что ты такой тормоз.

Большим и указательным пальцами он ущипнул себя за переносицу, что дало мне время его рассмотреть. Спутанные темные волосы давно не стригли. По отросшей щетине плакала бритва. А волосы на груди, которые так и вопили о его мужественности, тоже неплохо было бы...

— О господи! — воскликнула я, закрыв глаза руками и со всей дури вписавшись задом в столешницу барной стойки.

— Что?

— Ты голый.

— Ничего подобного.

— Я ослепла.

— Нет, не ослепла. Я в штанах.

— А. — Неудобно получилось.

Гаррет нетерпеливо сдвинулся.

— Хочешь, чтобы я накинул рубашку?

— Поздно. У меня травма на всю жизнь. — Я не могла его не подколоть. Тем более он такой ворчливый в полпятого утра! Пришлось вернуться к поискам по ящикам.

— Seriously, что ты ищешь?

— Болеутоляющие.

Я пробиралась через то, что напоминало солдатские пайки, и упаковки шоколадного печенья. Так уж вышло, что шоколадное печенье попадало в категорию коричневой пищи. Сунув одно в зубы, я продолжила свою благородную миссию.

— Ты приехала сюда ради болеутоляющих?

Хрустя печеньем, я еще раз оглядела Гаррета с ног до головы. Не считая шрамов от пулевых ранений на груди и плече, которые он получил пару недель назад, чуть не погибнув по моей милости, у него была прекрасная кожа, густые ресницы и упакованный шестью рельефными квадратиками живот. Может быть, у Куки есть причины.

Я тяжело сглотнула.

— Нет, я приехала поговорить. Но так уж вышло, что сейчас мне понадобились таблетки. Они в ванной? — спросила я, уже направляясь туда.

— У меня все закончилось. — Гаррет встал у меня на пути, явно что-то скрывая.

— Ты же «охотник за головами».

Он нахмурился:

— И что с того?

— Да ладно тебе, Своупс! — В моем голосе сквозило неприкрытое обвинение. — Я знаю, что ты отслеживаешь наркодилеров, когда не смотришь «Дебби покоряет Даллас» [\[2\]](#). У тебя имеется доступ ко всем видам дури. Не станешь же ты утверждать, что не прикарманил капельку крэка или излишки мотрина [\[3\]](#).

Почесав лицо, Гаррет подошел к маленькому обеденному столу, выдвинул стул и сел.

— У тебя же сестра психиатр?

Я зашла в его спальню и включила свет. Не считая беспорядка на кровати и разбросанных повсюду вещей, комната выглядела неплохо. Первым делом я сунулась в шкаф с одеждой.

— Вообще-то я рад, что ты здесь, — крикнул Гаррет. — Кажется, у меня есть для тебя дело.

Именно поэтому я и приехала, но ему знать необязательно.

— Я не стану опять обшаривать твою тачку в поисках таинственно потерявшейся фигни. Одного раза мне хватило.

— Нет, настоящее дело, — в его голосе прозвучал намек на улыбку. — Так сказать, передам из рук в руки. Похоже, неделю назад жена одного парня пропала, и теперь он ищет хорошего частного детектива.

— И зачем посылать его ко мне? — озадаченно спросила я.

— Ты там закончила?

Как раз только что я обшарила тумбочки и направлялась к шкафчику в ванной.

— Почти. У тебя до странности разношерстная подборка порнухи.

— Он врач.

— Кто врач?

Ничего полезного в шкафчике не оказалось. Абсолютно ничего. Разве что не вызывающие сонливости антигистамины можно принять за болеутоляющее.

— Парень, у которого пропала жена.

У кого, бога ради, на этой планете может не быть дома аспирина? Голова просто раскалывалась. Я уснула за рулем и выехала на встречную полосу. Из-за гудков и вспышек фар мне показалось, что меня похитили инопланетяне. Слава богу, телефонный столб в нужном месте положил конец этому безобразию. Видимо, чтобы не спать, мне нужен кофе покрепче. А может, вообще что-то другое. Что-то из области науки и техники.

Я выглянула за дверь и спросила:

— У тебя случайно не найдется шприца с адреналином?

— Для таких, как ты, существуют специальные программы.

Меня обуял чистейший ужас, когда я поняла, что не чувствую мозгов. Но ведь всего минуту назад они были на месте! Может, я и правда умерла.

— Я тебе мертвой не кажусь?

— У твоей сестры есть номер для экстренных звонков?

— От тебя никакого толку, — заявила я с отвращением, которое он не мог не заметить. — Хреновый бы из тебя вышел менеджер по работе с клиентами.

Поднявшись со стула, Гаррет подошел к холодильнику.

— Пива хочешь?

Я прокралась к столу и заняла его место.

— Ты серьезно? — Когда он только повел бровью, откручивая крышку, я продолжила: — Нет, спасибо. Алкоголь — успокоительное средство, а мне надо, чтобы эти глаза оставались открытыми. — Для убедительности я указала на них пальцами.

Гаррет сделал большой глоток.

— Почему?

— Потому что стоит мне закрыть глаза, как появляется он.

— Бог? — предположил Своупс.

— Рейес.

Гаррет стиснул зубы. Наверное, потому, что не был в восторге от Рейеса и от наших с ним незаурядных отношений. Но ведь никто не говорил, что иметь дело с сыном Сатаны легко и просто. Поставив пиво на стойку, Своупс двинулся в свою комнату. В одно мгновение его движения стали резкими и точными. Я смотрела, как он уходит. В основном потому, что сзади он смахивал на симпатичный перевернутый треугольник. Почти сразу же он появился в дверях с рубашкой и ботинками в руках.

— Пойдем, отвезу тебя домой.

— А как же Развалюха?

— Именно так ты и выглядишь. И других до того же доводишь.

— Нет, мой джип. Развалюха. Помнишь ее? — Иногда люди удивляются, как мне пришло в голову назвать вишневый джип «вранглер» Развалюхой, но Гертти ей бы не подошло. — Она расстроится, если я брошу ее не на той стороне улицы. Совсем одну. Еще и покалеченную.

Гаррет обернулся и изумленно уставился на меня:

— Ты разбила свой джип?

Это надо обдумать.

— Ну, до конца я не уверена. Там были телефонный столб, визг покрышек, серьезная вероятность инопланетной жизни. Все случилось слишком быстро.

— Ей-богу, мне нужен номер твоей сестры. — Он натянул рубашку и нашел ключи.

— Неужто так припекло? К тому же ты не в ее вкусе.

Не слишком ласково проводив меня к своему грузовику, Гаррет влез за руль и завел двигатель. По приятному звуку было ясно, что тачка в отличном состоянии. Пока мы плыли по Альбукерке, я смотрела в окно на густую, почти непроницаемую ночную тьму. Умиротворяющий покой только усугублял мои трудности. Шершавые веки становились все тяжелее с каждой минутой, с каждой секундой. Несмотря на дискомфорт, я изо всех сил старалась не закрывать глаза, потому что иначе стало бы намного хуже: Рейеса Фэрроу, вопреки нашим желаниям, втянуло бы в сон, словно всякий раз, когда опускаются мои веки, какая-то невидимая сила бросает его ко мне. И, как только он оказывается у меня в голове, весь наш гнев и противостояние смываются под натиском океана чувственности, где господствуют обжигающие губы и ищущие руки. И это полный отстой, потому что мы друг друга бесим.

Но его слова о том, что я сама его призываю, просто ерунда. Надо хорошенько все обдумать.

— Сколько ты не спала?

Я резко повернулась к Гаррету и посмотрела на часы. То есть на запястье, где должны были быть часы, если бы я о них не забыла.

— М-мм, дней тринадцать.

Мне показалось, что он застыл, но сказать наверняка было сложно. Видимо, я то теряла связь с реальностью, то возвращалась в нее, если учесть, что на капоте Своупса я видела маленькую девочку с кухонным ножом. Думаю, она была мертвой, хотя призраки редко катаются на капотах.

— Послушай, я понимаю, что ты не обыкновенный человек, — осторожно начал Гаррет, — но тринадцать дней без сна никому не принесут пользы, даже тебе.

— Может быть. Ты купил на капот украшение?

Он взглянул на капот:

— Нет.

— У врача есть имя?

Протянув руку мимо меня к бардачку, он вытащил визитку.

— Тут его данные. Сегодня утром он должен прийти к тебе в офис. Если ты там появишься.

Доктор Нейтан Йост.

— Появлюсь. Он твой друг?

— Не-а. Он козел. Но, кажется, все в этом мире ему поклоняются.

— Ясенько. — Я попыталась засунуть визитку в карман, но поняла, что карманов у меня нет. — Слушай, я оставила сумку в Развалюхе.

Гаррет покачал головой:

— Станный ты все-таки человек, Чарльз. Кстати, все забываю тебе сказать: на досуге я поработал над списком фраз, которые нельзя говорить ангелу смерти.

Я хихикнула:

— Я тоже часто об этом думаю. Причем так часто, что вряд ли смогу выбрать какую-то одну.

— Тогда я начну с конца, — усмехнулся он. — Готова?

Я дернула правой бровью:

— Нет и вряд ли когда-нибудь буду.

— Ладно. Номер пять: «Я до смерти устал».

— Ага, так значит, список не очень длинный.

— Ты хочешь услышать все или нет? — спросил Своупс, заезжая на парковку перед моим домом.

— Я взвешиваю все «за» и «против». Список может оказаться великим открытием апокалиптических масштабов. А может попусту потратить мои ограниченные запасы мозгового топлива. И я склоняюсь к последнему.

— Ну и ладно. Остальные фразы скажу тебе, когда у тебя будет настроение получше. Это сделает список более увлекательным.

— Отличная идея, — я подняла вверх большие пальцы. Увлекательный, чтоб меня.

— Никто больше не признает истинную одаренность. — Гаррет проводил меня наверх. Когда я медленно стала закрывать дверь, оставляя его в коридоре, он спросил: — Ты собираешься хоть немного поспать?

— Нет, если получится.

По крайней мере Своупс оказался полезным: благодаря ему я не спала целый час.

Как только я закрыла дверь и двинулась к мистеру Кофе, Гаррет открыл дверь, проворчал «Запрись» и снова закрыл.

Вернувшись к двери, я заперлась на замок, а через две секунды услышала, как в нем провернулся ключ. Или так, или я опять уснула стоя. Поскольку Рейес не появлялся, чтобы довести меня до сокрушительного оргазма, наверное, все-таки не уснула.

Ворвавшись в квартиру, Куки пронеслась мимо меня напрямик к кофеварке.

— Ты говорила с Гарретом?

Я поплелась за ней.

— Ага. Мне кажется, сегодня тут был клоун.

— Неужели пижама такая страшная? — Куки принялась дико осматривать то, во что до сих пор была одета.

— Нет, — недоуменно моргнула я. — Мертвый клоун.

— Призрак?

— Да.

— Но теперь его здесь нет? — спросила она, беспокойно озираясь.

— Нет. Он перешел.

— Теперь понятно. А то я подумала, ты опять меня подкальываешь.

Поездка домой совсем меня вымотала, спать хотелось неимоверно. Может, мне действительно нужна доза адреналина.

— А я думала, что ты вернешься в постель.

— Так и было, но в мыслях постоянно плясали леденцы. Леденцы-мужчины, если ты понимаешь, о чем я. Кстати о них, — она сделала большой глоток кофе, — Гаррет был голый?

— С чего вдруг Гаррету быть голым? — демонстративно обалдела я, тщательно изображая мрачную мину, чтобы скрыть рвущийся наружу смех.

— Просто интересно, спит ли он голый.

— Понятия не имею, голый он спит или нет. В таком виде он вряд ли стал бы открывать дверь.

Куки задумчиво кивнула:

— Тоже верно. Вот черт. Надо будить Эмбер в школу.

— Ладно, мне все равно надо в душ. До сих пор пахну кофе. А еще сегодня мне нужно

заскочить в «Супер Дог». Напомни, если что. — Я медленно пошла к ванной.

— Заметано. И еще, — Куки остановилась у двери, — хотела тебе сказать, я одолжила банку кофе из офиса.

Я застыла и наградила ее своим самым лучшим взглядом, выражающим ошеломленное разочарование.

— Ты украла из офиса банку кофе?

— Я одолжила из офиса банку кофе. Куплю другую со следующей зарплаты.

— Поверить не могу!

— Чарли...

— Да шучу я, шучу. Не волнуйся об этом, — добавила я, махнув рукой. — Я все равно денег не трачу.

Куки уже была почти за дверью, но опять остановилась.

— На что?

— На кофе. Я за него не плачу.

— И где ты его берешь?

— Таскаю с папиного склада. — Когда на ее лице застыли шок и неодобрение (и неодобрение читалось особенно четко), я подняла руки и показала таймаут. — Поостыньте, барышня. Я годами помогала этому человеку раскрывать дела. И меньшее, что он может сделать, — это время от времени обеспечивать мне чашку кофе.

Папа был детективом управления полиции Альбукерке, и я помогала ему раскрывать преступления с пяти лет. Почему-то намного проще раскрыть дело, когда можешь спросить убитого, кто лишил его жизни. Несколько лет назад папа вышел на пенсию, а я продолжаю делать то же самое теперь уже для дяди Боба, который тоже работает детективом.

— Ты крадешь кофе у своего отца?

— Ага.

— Я пью краденый кофе?

— Каждый день. Помнишь, как-то утром, приблизительно с месяц назад, у нас закончился кофе, а потом пришел чувак с пушкой, который пытался меня убить, но появился Рейес и рассек ему позвоночник пополам здоровенным мечом, который носит под плащом, а потом приехал дядя Боб, набежали копы, и папа стал задавать вопросы по поводу позвоночников и все такое?

Долго-долго Куки молчала, а потом ответила, источая сарказм:

— С трудом.

— Так вот. Я тогда побывала на волосок от смерти, и мне так захотелось кофе, что ты не согласишься. А у нас не было на граммuleчки. Тогда я и взяла банку на папином складе.

— Чарли, — Куки оглядывалась так, будто кто-то мог нас услышать, — нельзя красть у отца кофе.

— Кук, в тот момент я бы на панель вышла за чашку латте.

Она с пониманием кивнула:

— Я понимаю, почему тогда ты взяла банку, но нельзя продолжать в том же духе.

— Ага, так тебе воровать можно, а мне нет?

— Я не воровала. Я одолжила.

— Называй, как хочешь, если это поможет тебе спокойно спать по ночам, Бонни. И передай от меня привет Клайду.

Тяжело вздохнув, Куки снова пошла к выходу. Перед тем как закрыть за собой дверь в

ванную, я крикнула:

— Кстати, он открыл дверь без рубашки.

Она громко ахнула:

— Спасибо.

Миру позарез необходим саркастический шрифт.

Надпись на футболке

Наспех приняв душ, я стянула волосы в растрепанный хвост, надела удобные джинсы, свободный черный свитер и пару убийственно классных ботинок, которыми разжилась у байкера за танец на коленях. Сам байкер тоже был обалденным, а я в то время как раз покончила с отвращением к брюнетам.

— Оставляю вас на хозяйстве, мистер Вонг! — крикнула я, собирая вещи.

Мистер Вонг достался мне вместе с квартирой. Он был моим соседом и по совместительству жутковатым мертвецом, парящим над полом в углу. Мне никогда не удавалось увидеть его лица, потому что день за днем, год за годом он висел на одном и том же месте, уткнувшись носом в стену. По убогой серой одежонке можно было предположить, что он иммигрант, живший в девятнадцатом веке, или даже китайский военнопленный. Как бы там ни было, мне он нравился. Жаль только, что я не знала его настоящего имени. Я назвала его мистером Вонгом только потому, что он все-таки больше смахивал на мистера Вонга, чем на мистера Зелински, например.

— Не натворите тут чего-нибудь, чего не натворила бы я.

Куки отвезла Эмбер в школу и чуть раньше меня ушла на работу. Наш офис располагается на втором этаже «Вороны» — бара, которым владеет мой отец и который находится метрах в десяти от нашего дома. Короткий путь от дома до работы — это классно, к тому же за такой крошечный промежуток времени шансы встретить бешеных енотов резко сокращаются.

Я шла в офис, погрузившись, как всегда, в мысли о Рейесе Фэрроу, который теперь появлялся через секунду после того, как я закрывала глаза. И похоже, никто из нас не мог контролировать этот феномен.

Прокручивая в уме подробности нашей последней встречи, я вошла во вкус. От одной только мысли о нем все мои девичьи принадлежности трепетали. Однако из задумчивости меня вытасила нахлынувшая внезапно волна печали. Будучи ангелом смерти, я ощущаю эмоции людей, но, как правило, чувства тех, кого я встречаю каждый день, не вмешиваются в мои мысли. Давным-давно я научилась их блокировать, превращая в фоновый белый шум, пока намеренно не решу прочесть их или изучить ауру кого-то, связанного с очередным расследованием. И все же сегодня мое внимание привлекли сжимающие сердце чувства, исходившие от припаркованной на противоположной стороне улицы машины. Странно. Казалось, они направлены именно в мою сторону. «Бьюик» старой модели стоял в тени грузовика службы доставки, но мне удалось рассмотреть женщину с темными волосами и в больших солнцезащитных очках, которая смотрела прямо на меня. Определить ее черты подробнее было невозможно из-за отражающегося в стеклах раннего утреннего солнца.

Обычно я захожу через черный ход и поднимаюсь в офис по внутренней лестнице, но сегодня решила зайти спереди, надеясь, что мне удастся рассмотреть женщину получше.

Нацепив на себя самый беззаботный на свете вид, я оглядывалась по сторонам, как мог бы оглаживаться любой другой человек на моем месте. Женщина завела машину и выехала на дорогу. Грусть и страх, которые тянулись за ней, сгустили воздух, и мне пришлось его вдохнуть.

Я остановилась на тротуаре и принялась искать ручку, чтобы записать номер машины на ладони. Увы, ручки у меня не оказалось. И я уже успела забыть шесть цифр и букв. Кажется, там была «L». И еще 7. Черт бы побрал мою кратковременную память.

Не тратя больше времени даром, я потопала по ступенькам в офис. Передняя дверь вела прямо в приемную, так же известную под названием «Богом забытый кабинет Куки, так что держите подальше свои грязные ноги от отвратительной мебели». Или сокращенно БЗККТЧДПСГНООМ.

— Привет, — поздоровалась она, отрываясь от компьютера.

Стуча подошвами, я направилась к кофеварке, проживающей в моем маленьком уголке офисного рая. Все помещения в «Детективном агентстве Дэвидсон» были темными и морально устаревшими, но я не теряла надежды, что деревянные панели снова вернутся в моду.

— Со мной только что произошло нечто странное.

— Ты вспомнила, как потеряла девственность?

— Если бы. На парковке была женщина. Смотрела прямо на меня.

— Хм-м, — прогудела Куки, не проявляя ни малейшего интереса.

— Она была объята печалью. Просто тонула в ней.

Наконец Куки подняла голову:

— Знаешь почему?

— Нет. Она уехала до того, как я успела с ней поговорить.

Я навалила в фильтр столько молотого кофе, что на выходе он наверняка окажется похожим на моторное масло.

— Странно. А знаешь, твой отец ведь выяснит, куда девается его кофе. Как-никак, он работал детективом больше двадцати лет.

— Видишь это? — спросила я, показывая из-за двери мизинец. — Именно вокруг этого пальца я с легкостью обвожу кого угодно. И папу тоже. Так что кончай париться по этому поводу, чикита^[4].

— И не надейся, что я буду навещать тебя в тюрьме. — Звякнул колокольчик, открылась входная дверь. — Чем могу помочь? — спросила Куки, а я вышла в приемную, чтобы посмотреть на гостя.

— Мне нужно поговорить с Чарли Дэвидсон, — ответил симпатичный мужчина со светлыми волосами и бледно-голубыми глазами.

На нем был белый докторский халат, под которым виднелись небесно-голубая рубашка и темно-синий галстук. В руке он держал дорожный портфель. С помощью своих уникальных дедуктивных способностей суперсыщика я пришла к выводу, что этот человек, возможно, и есть тот самый врач, о котором говорил Гаррет.

— Я Чарли, — сказала я, но не улыбнулась. Вдруг я все-таки ошиблась, и он пришел сюда, чтобы всучить мне подписку на какой-нибудь журнал? Если так, то поощрять его однозначно не стоило.

Он протянул мне руку и представился:

— Доктор Нейтан Йост. Мне рекомендовал вас Гаррет Своупс.

Для человека, чья жена исчезла, он чувствовал себя до странности спокойно. Ни намек на панику. Его эмоции представляли собой запутанный клубок, но совсем не такой клубок, какой можно было бы ожидать от того, у кого пропала жена. Скорее от того, у кого пропала собака. Или от того, кто проснулся после пьянки и заметил, что не хватает одной брови. Но никак не жены. Однако не знавшие расчески светлые волосы были спутаны, а глаза покраснели от усталости и беспокойства. То есть на первый взгляд он вполне соответствовал всем признакам горящего мужа.

— Проходите, пожалуйста, — я жестом пригласила его в свой кабинет. — Кофе будет готов через минуту, но я могу предложить вам бутылку воды, — сказала я, когда он сел.

— Нет-нет, ничего не нужно. Большое спасибо.

— Не стоит благодарности. — Я уселась за стол. — Гаррет предупредил, что вы придете. Можете рассказать, что произошло?

Он поправил галстук и взглянул на картины, висевшие на стенах. Их было три, и все нарисовала Пари, моя подруга. На двух из них были изображены детективы старой школы. Естественно, детективы-женщины, в фетровых шляпах и длинных пальто. С дымящимися пушками в руках и пронизательными до дрожи глазами. На третьей, висевшей прямо над моим столом, девушка-гот отстирывала кровь с рукавов. Картина была настолько абстрактной, что было трудно понять, чем именно занимается девушка и на кого она похожа. Это была шутка между мной и Пари. День стирки стоял в моем списке как раз после порезов от бумаги и сбитых до крови пальцев ног.

— Разумеется, — глубоко вздохнув, сказал гость. — Чуть больше недели назад пропала моя жена.

— Очень сожалею, — отозвалась я, доставая из стола блокнот и ручку. — Вам известны какие-нибудь подробности?

— Разумеется. — Теперь его лицо выражало скорбь. — Моя жена встречалась с друзьями. Задержалась допоздна. Поэтому я не стал беспокоиться, когда проснулся среди ночи, а ее все еще не было дома.

— Какой это был день? — спросила я, делая пометки в блокноте.

Он поднял глаза и задумался.

— Прошлая пятница. В субботу утром я проснулся, но она так и не вернулась.

— Пробовали звонить на сотовый?

— Да. А потом звонил друзьям, с которыми она была в тот вечер.

— Ее сотовый был включен?

— В смысле?

Я прекратила писать и посмотрела на врача:

— Когда вы звонили жене, ее сотовый работал, или сразу включалась голосовая почта?

— Не помню. — Он сдвинул брови. — Кажется, голосовая почта. Тогда я был очень расстроен.

Неправильный ответ.

— Естественно. В котором часу она уехала от друзей?

— Около двух.

— Мне нужны их имена и контактная информация.

— Конечно. — Йост покопался в портфеле, достал из кожаной папки лист бумаги и протянул мне. — Это список большинства ее друзей. Те, с кем она тогда была, помечены звездочками.

— Отлично, спасибо. Как насчет семьи?

— Родители жены умерли несколько лет назад. Но остались сестра и брат. Сестра здесь, в Альбукерке. Брат — в Санта-Фе. Он владелец строительной компании. Видите ли, — он придвинулся к столу, — они не были особенно близки. Жена не любила об этом говорить, но я подумал, лучше вам знать заранее. На случай, если они не станут сотрудничать.

Интересненько.

— Понимаю. В моей семье похожая ситуация.

Совсем недавно мы с сестрой помирились после надолго затянувшегося взаимного безразличия, ну а с мачехой за десятки лет мы разговаривали и того реже. Чаще всего слова, которые произносит ее рот, наглые и эгоистичные, поэтому меня всегда устраивали наши прохладные отношения.

Я записала имена родственников жены врача и адреса мест, где она работала на общественных началах. Только чтобы все выглядело более или менее официально. Он то и дело путал времена глаголов, но я пока решила не указывать ему на оплошности.

— Требований о выкупе не поступало?

— Нет. Именно этого и ждет ФБР. То есть мне кажется, что все дело в этом. Я богат. А кто-то просто хочет денег. Что скажете?

— Ничего утверждать не могу, но это определенно мотив. Думаю, для начала информации достаточно. Только у меня еще один вопрос. — Я посмотрела на врача взглядом Алекса Требека^[5] — сочувствующим и высокомерным одновременно. Наверное, у Алекса такой взгляд потому, что он заранее знает ответ на вопрос в последнем туре «Своей игры»^[6]. Прямо как я сейчас. — Доктор Йост, иногда нас посещают предчувствия. Что-то вроде внутренних инстинктов. С вами такое бывает?

На его лице отразилась боль, и он опустил голову:

— Бывает.

— А сейчас? Чувствуете ли вы, что ваша жена где-то там с нетерпением ждет, когда вы ее найдете?

Не отрывая глаз от пола, он покачал головой:

— Хотелось бы верить, что так и есть, но я уже ничего не знаю.

И снова неправильный ответ. В последнем туре «Своей игры» он бы с позором продул. Ошибки во временах глаголов, тот факт, что он не знает, был ли включен сотовый его жены (если бы он действительно ее искал, то знал бы это наверняка), и то, что за весь разговор он ни разу не назвал жену по имени, — все это создавало образ богатенького доктора, чьи руки по локоть в крови. Упрямый отказ называть жену по имени говорил о том, что он уже не видел в ней живого, дышащего человека. Конечно, это вовсе не доказывает, что миссис Йост действительно нет в живых, но все же это мощная зацепка. Или так, или он намеренно пытается не видеть в жене личность, чтобы поскорее выбросить ее из головы.

Но последний штрих к портрету заключался в том, что люди, у которых пропали жены, мужья или дети, из последних сил отчаянно цепляются за веру, что их любимые все еще живы. Тем более, если с исчезновения прошла всего неделя. Порой даже увиденные собственными глазами останки не помогают смириться с очевидным. Люди просто не могут проститься со своими близкими. Но тот, кто убил свою жену, никогда не сможет по-настоящему испытать эту надежду, как бы мастерски ни притворялся. И это означало, что миссис Йост скорее всего мертва. Однако я не намеревалась делиться с доктором своими подозрениями о том, что он виновен, как воскресный грех. Хотя бы потому, что могла

ошибаться. Если она жива, мне понадобится время, чтобы ее найти, пока он не завершит начатое.

— Понимаю, — сказала я. — Но я хочу, чтобы вы не теряли надежды, что с ней все в порядке.

Йост посмотрел на меня полными фальшивой печали глазами.

— Значит, вы беретесь за это дело? — спросил он, просяив.

Как же иначе? Скорбящий муж, делающий все возможное, чтобы найти свою жену, вызывает меньше подозрений.

— Откровенно говоря, доктор Йост, учитывая, что ФБР уже над этим работает, я не знаю, что еще могу сделать.

— Но ведь что-то же можете? Если дело в деньгах, я выпишу чек прямо сейчас. — Он достал из портфеля чековую книжку и похлопал по нагрудному карману в поисках ручки.

Я покачала головой:

— Дело вовсе не в деньгах. И я не хочу брать ваши деньги, если ничего не смогу сделать. — Он понимающе кивнул, и я продолжила: — Дайте мне пару дней. Если я решу, что смогу помочь вашей жене, я вам позвоню.

— Хорошо. — Его лицо вспыхнуло надеждой. — Значит, позвоните?

— Разумеется. — Проводив его к двери, я положила руку ему на плечо. — Обещаю, я сделаю для нее все возможное.

Он печально улыбнулся:

— А я заплачу любые деньги.

Я смотрела, как уходит добрый доктор, потом выждала целую невозможную секунду и повернулась к Куки, закатив глаза:

— Этот человек виновен, как мой бухгалтер.

Она открыла рот:

— Виновен? А по виду не скажешь.

— Та же фигня с моим бухгалтером, — отозвалась я, вороша бумаги на ее столе.

Куки шлепнула меня по руке:

— В чем виноват твой бухгалтер?

Перед тем, как ответить, я пососала тыльную сторону ладони:

— Уклоняется от налогов.

— Твой бухгалтер уклоняется от налогов?!

— Зачем еще мне платить кому-то, кто разбирался бы с моими налогами? Короче говоря, он, — я указала пальцем за плечо на дверь, — виновен. И у нас еще одна пропавшая жена. Сезон у них, что ли?

Всего пару недель назад мы раскрыли дело об исчезновении женщины. В процессе меня похитили, пытали, в меня стреляли, и я едва не подвела под монастырь Гаррета, Куки и нашу клиентку. А вообще неплохая выдалась неделя. По крайней мере так я говорила самой себе.

— Итак, он виновен. Это значит, что его жена мертва?

Со статистикой я знакома. И девяносто пять процентов требовали громко ответить «да». Но я отказывалась работать с такими предположениями.

— Ну, это еще нужно выяснить. А парень хорош. Всего пару раз спутал времена глаголов, что навело меня на мысль: он знает, что его жены нет в живых. А еще он ни разу не назвал ее по имени.

— Это плохо, — обеспокоенно заметила Куки.

— Если бы я не чуяла вину из каждой его поры, то купилась бы на всю эту ложь.

— А я купилась.

Я признательно улыбнулась:

— Ты всегда покупаешься. Потому что видишь в людях только самое лучшее. Поэтому мы так замечательно ладим. Сквозь мое обаяние и поразительную красоту ты просто-напросто не можешь разглядеть настоящую меня.

— Еще как могу. Но мне всегда было ужасно жаль умственно отсталых. Мне кажется, вы, ребята, заслуживаете такого же шанса на нормальную жизнь, как и все остальные.

— Это так мило! — я захлопала ресницами, как черлидерша на метамфетамине.

Куки пожала плечами:

— Стараюсь оказывать положительное влияние на тех, кому повезло меньше.

И тут меня осенило:

— Вот дерьмо!

— Что?

— До меня только что дошло.

— Опять забыла надеть трусы?

Я решительно уставилась на Куки:

— Если добрый доктор виновен, то почти наверняка попытается меня пришить. Причем скоро. Может быть, тебе захочется принять какие-нибудь меры предосторожности.

— Поняла. С чего начнем?

— С кевларовых бронежилетов, наверное. Ну или хотя бы с перцовых баллончиков.

— Буду иметь в виду. — Куки посмотрела мимо меня в сторону моего кабинета. — Привет, мистер Дэвидсон.

Я оглянулась и увидела папу. Он зашел через внутреннюю лестницу. И это ничего, если учесть, что все здание принадлежит ему. Высокая худая фигура, казалось, немного ссутулилась. Светлые волосы выглядели лишь слегка причесанными, веки под воспаленными глазами приобрели фиолетовый оттенок. Совсем не симпатичный, а такой, какой бывает у людей в депрессии.

Недавно по его милости меня чуть не убили, поэтому отношения между нами уже не были прежними. Один из заключенных, которого папа упек за решетку, когда работал детективом, условно-досрочно освобожден и решил свести с ним счеты, охотясь на его семью. Чтобы спасти мою сестру и мачеху и не дать ему возможности воплотить в жизнь подлый план расплаты, папа практически нарисовал мишень у меня на спине. Но проблема не в этом. А в том, что, надеясь перехватить убийцу раньше и практически натравив его на меня, он ни слова мне не сказал. Что делало меня, по сути, незащищенной. Правда, папа посадил мне на хвост Гаррета Своупса. И этого было бы достаточно даже для президента, если бы тот вознамерился выступить перед Национальной стрелковой ассоциацией^[7] с призывом отказаться от огнестрельного оружия. Но в тот день за мной следил другой назначенный Гарретом парень, решивший выпить кофе в тот самый момент, когда бывший зек развернул свою веселенькую убийственную акцию. В качестве наглядного доказательства могу привести омерзительный шрам на груди. Или могла бы, если бы не исцелялась так быстро. Видимо, такие у ангелов смерти особые бонусы.

На подобные семейные недомолвки трудно смотреть сквозь пальцы. И все-таки я была готова оставить прошлое в прошлом, однако чувство вины, которым веяло от папы, словно оно уже было запатентованным одеколоном, постоянно напоминало о случившемся и будто

не давало ему сблизиться со мной, как раньше. Казалось, он сам себя не мог простить. И его чувство вины имело свои последствия, как и любое другое чувство вины.

Поэтому я не могла точно сказать, была ли сильная эмоция, которую сейчас излучал папа, побочным продуктом тех событий, или это было что-то совершенно новое и улучшенное — без консервантов, наполнителей и искусственных красителей. Он заметно хмурился. Может, у него изжога. Хотя скорее всего он слышал разговор о перцовых баллончиках.

— Привет, пап. — Я подпрыгнула и поцеловала ворчливого медведя, которым он прикидывался, в колючую щеку.

— Мы можем поговорить, милая?

— Конечно. Я мигом, — сказала я Куки.

Папа кивнул ей и закрыл дверь между нашими кабинетами. Хотя это вряд ли чем-то поможет. Рядом с этой дверью и картон покажется несокрушимым.

Внезапно я занервничала:

— Это по поводу кофе?

— Какого кофе?

— А-а, — блин, — хочешь чашечку?

— Нет, а себе налей, если хочешь.

Быстренько приготовив себе чашку контрабандного кофе, я уселась за стол, а папа сел напротив меня.

— Как дела? — спросила я.

Несколько секунд папа смотрел на меня, но не в глаза, а потом и вовсе отвел взгляд. Плохой знак.

Тяжело вздохнув, он выдал то, что было у него на уме. Слова прозвучали во всей своей психбольной красе:

— Я хочу, чтобы ты закрыла агентство.

Услышать это было так же приятно, как узнать, что у тебя хламидиоз, но надо отдать папе должное за то, что сразу перешел к делу. Как детектив, вышедший на пенсию с безупречной репутацией, он мог до посинения ходить вокруг да около, а в моем генофонде вряд ли найдется кто-то еще с такой уникальной способностью, так что разнообразие мне, в общем-то, было по душе.

Но бросить свое дело? То самое дело, которое я выстроила с нуля собственными руками, пусть и с помощью пары шедевров от Луи Виттона? То самое дело, ради которого я жертвовала кровью, потом и слезами? Ну, пусть не потом и слезами, но кровью точно. И крови было много.

Просто взять и бросить? Вот уж вряд ли. Кроме того, чем еще мне тогда заниматься? Зря я не пошла в Хогвартс, когда был шанс.

Пока папа ждал ответа, я ерзала на стуле. Он казался непреклонным, непоколебимым в своем решении. Что ж, понадобится весь мой такт. И благоразумие. И, наверное, парочка карамельно-шоколадных батончиков.

— Ты спятил? — спросила я и поняла, что весь мой план по очарованию и умасливанию вылетел в трубу, как только я открыла рот.

— Чарли...

— Нет, папа. Поверить не могу, что ты даже просишь о таком.

— Я не прошу.

От резкого тона я потеряла дар речи. Кипящее раздражение лавиной обрушилось на меня, выбив дух. Неужели он серьезно? Тем временем папа продолжил:

— Можешь работать у меня барменом полный день, пока не подыщешь что-нибудь другое. — Видимо, серьезно. — Если, конечно, не захочешь остаться. Мне может понадобиться человек, который будет вести учет, проводить инвентаризацию и организовывать поставки. — Что за черт? — Но я, конечно же, пойму, если ты откажешься. И помогу в любом другом деле. А может быть, ты захочешь вернуться к учебе, получишь магистра. — Кажется, папу просто переполняли надежды. — Я все оплачу. До последней копейки.

— Пап...

— Нони Бачича ищет нового офис-менеджера.

— Пап, перес...

— Он тебя с руками и ногами наймет.

— Папа, остановись. — Чтобы привлечь его внимание, я вскочила со стула. Добившись, чего хотела, я уперлась ладонями в стол, наклонилась вперед и сказала самым нормальным, на какой была сейчас способна, тоном: — Нет.

— Почему?

— Почему?! — Я потрясенно подняла руки. — Во-первых, речь не только обо мне. У меня есть сотрудники.

— То есть Куки.

— Вот именно. И когда того требует ситуация, я нанимаю других сыщиков.

— Куки может найти работу где угодно. У нее квалификации выше крыши, и тебе об этом известно.

Папа был прав. Я и близко не плачу ей столько, сколько она заслуживает. Но ей здесь нравится. А мне нравится, что она здесь.

— К тому же у меня дело. Я не могу просто взять, упаковать вещички и закрыться.

— Ты не взяла с него денег. Я слышал. Так что никакого дела у тебя нет.

— Пропала женщина.

— По вине того человека, — указав на дверь, папа тоже встал. — Просто расскажи дяде Бобу и не лезь в это дело.

Охватившее меня разочарование вырвало из меня вздох.

— У меня есть ресурсы, которых нет у полиции. И ты это знаешь лучше, чем кто бы то ни было. Я могу помочь.

— Можешь, если будешь просто передавать сведения дяде Бобу. — Он наклонился ко мне. — Не лезь в это.

— Не могу.

Папины плечи поникли. Внутри него боролись гнев и сожаление.

— Обещай хотя бы подумать.

Одна только мысль об этом меня парализовала. Мой собственный отец просит меня бросить то, чем я зарабатываю на жизнь. Бросить мое призвание. Надо было понять, что что-то не так, когда он сдал меня убийце.

Он пошел к выходу. Обогнув стол, я схватила его за руку. Чуть отчаяннее, чем собиралась.

— Пап, что навело тебя на такие мысли?

— А ты не догадываешься? — Кажется, его удивило, что я вообще об этом спрашиваю.

Изо всех сил я старалась понять, что он имеет в виду. Это мой отец. Мой лучший друг с самого детства. Единственный человек, к которому я могла обратиться, который верил мне и в то, что я делаю, и не смотрел на меня так, будто я ярмарочный уродец.

— Но почему? — Мне хотелось приглушить боль в голосе. Не получилось.

— Потому что, — строго начал он, — я больше не могу сидеть сложа руки и смотреть, как тебя избивают, похищают и пытаются проделать в тебе новые отверстия, как выразилась бы ты сама. И все это происходит с тех самых пор, как ты открыла агентство. — Он обвел руками мой офис, то есть второй этаж принадлежащего ему здания, как будто именно здание и было во всем виновато.

Я отошла и снова плюхнулась за стол.

— Пап, я раскрывала преступления с пяти лет. Не забыл? Для тебя.

— Но я никогда не разрешал тебе лезть в гущу событий и старался оградить тебя от этого.

Мне не удалось сдержать вырвавшийся наружу грубый, резкий смех. Надо же было такое ляпнуть!

— Две недели назад, папа. Или ты уже забыл, как нарисовал у меня на спине мишень? — Это был удар ниже пояса, но он сделал то же самое, когда пришел сюда и потребовал, чтобы я бросила свою работу.

Чувство вины, которое поедало папу, нанесло сокрушительный удар по моей решимости. Я держалась из последних сил. Не важно, какими были его намерения, когда тот бывший зек открыл на нас охоту. Папа принял хреновое решение, а теперь отыгрывался на мне.

— Ясно, — мягко согласился он, — я это заслужил. Но как насчет всех остальных случаев? Например, когда злющий муж той женщины, которой ты помогла исчезнуть, пришел к тебе с пушкой наперевес. Или когда тебя похитили и избивали, как боксерскую грушу, пока не появился Своупс. Или когда тебе врезал пацан, и ты свалилась с крыши десятиметрового склада.

— Пап...

— Я могу продолжить список. Он очень, очень длинный.

Согласна, но папа не понимал. Всему можно было найти объяснения. Я опустила голову, почему-то чувствуя себя обиженным ребенком и удивляясь, как папе удалось превратить меня в маленькую девочку.

— И ты решил, что лучший выход — попросить меня бросить все, над чем я столько работала?

Он медленно выдохнул:

— Да, именно так я и решил. — Потом повернулся и пошел к двери. — И прекрати таскать у меня кофе.

— Ты всерьез считаешь, что, если я брошу работу, это хоть отчасти снимет с тебя вину?

Папа даже не притормозил, но я его ужалила. Я это почувствовала как короткую яркую вспышку за секунду до того, как он исчез за углом.

Несколько минут мы дымились вместе с кофе. Потом я взяла себя в руки и вышла в приемную.

— Нам конец. Он знает про кофе.

— Он не прав, — сказала Куки, глядя на меня поверх компьютера с таким видом, будто только что задела не мои, а ее чувства.

— Но я действительно таскала у него кофе. — Я села на стул напротив нее.

— У меня квалификации не выше крыши.

— Нет, солнце, выше и еще больше, — сказала я, всей душой ненавидя убеждение, что честность — лучшая стратегия.

Она прекратила печатать и взглянула на меня:

— Нет. Мне нравится эта работа. Никто не делает того, что делаем мы. Никто не спасает столько жизней, сколько спасаем мы. Как можно хотеть чего-то большего?

Ее энтузиазм меня поразил. Я никогда не задумывалась, как она относится к нашей работе.

Я вымучила улыбку:

— Он просто расстроен. Рано или поздно он успокоится. Хотя, возможно, не по поводу кофе.

На мгновение Куки задумалась, а потом сказала:

— Может... может, тебе стоит ему рассказать.

— Что рассказать?

— Он знает, что ты видишь призраков, Чарли. Он поймет. Уверена, что поймет. Даже твоей сестре теперь известно, что ты — ангел смерти.

Я покачала головой:

— Не могу я ему такое сказать. Что с ним будет, если он узнает, что его дочь родилась ангелом смерти?

У всей этой «смертельной» музыки очень неприятный мотив.

— Дай мне руку.

Я посмотрела вниз на свои ладони и подозрительно глянула на Куки:

— Ты опять ударилась в хиромантию? Сама знаешь, что я думаю по этому поводу.

Она усмехнулась:

— Я не собираюсь читать по ладони. Дай руку, говорю.

Я дала, хотя и очень неохотно.

Взяв мою ладонь обеими руками, Куки наклонилась ко мне:

— Будь у Эмбер твои способности, я бы невероятно ею гордилась. Я бы любила и поддерживала ее, несмотря на то, как жутко называется эта... должность.

— Но ты совсем не такая, как мой отец.

— Не согласна. — Она ласково сжала мою ладонь. — Твой отец всегда тебя поддерживал. А весь этот негатив, скрытая агрессия и ненависть к себе...

— И вовсе я себя не ненавижу. Ты мою задницу видела?

— ...все это из-за твоей мачехи. Из-за того, как она к тебе относилась. Она, а не твой отец.

— Моя мачеха, конечно, стерва, — отчасти согласилась я, — но я не смогу сказать о таком папе. О том, что я ангел смерти.

Я потянула руку к себе, и Куки меня отпустила.

— Мне кажется, он стал бы проще ко всему этому относиться, если бы знал, что на твоей стороне нечто большее, чем способность видеть призраков.

— Возможно.

— Так ты серьезно думаешь, что твой бухгалтер мухлюет?

Я тут же с благодарностью поддержала смену темы:

— Как ручной шулер. Мне почти вечность пришлось искать бухгалтера с гибкими

моральными устоями. — Я дважды подмигнула, чтобы до Куки точно дошло. — Видимо, у них есть целый кодекс чести и какая-то там этика, от которых сложно отказаться.

Зазвонил мой сотовый. Вытащив его из переднего кармана, я посмотрела на номер. Это бы Нил Госсет, друг, с которым мы когда-то вместе учились и который теперь работал заместителем начальника тюрьмы в Санта-Фе.

— Алло, — сказала я в трубку, потому что «Дом булочек Чарли» было бы не к месту.

— Рейес хочет поговорить.

Проклятье, Джим!^[8]

Надпись на футболке

— Давным-давно в галактике, очень похожей на нашу, у родителей, которых звали Мама и Папа, родилась маленькая девочка.

— Эту часть я уже знаю.

— У нее были темные волосы, — сказала я в трубку, полностью игнорируя Джемму, мою слегка навязчивую сестру.

Я вела Развалюху по шоссе к Санта-Фе, надеясь, что по пути мне не встретятся копы — еще одно предупреждение за разговоры по телефону за рулем мне ни к чему.

Гаррет привез Развалюху, проверив ее на предмет механических повреждений после моего маленького дорожного происшествия. Кажется, она меня простила, так что мы снова были друзьями. Завалив Куки рутинной по проверке подноготной доброго доктора, я рванула из офиса, да так, что после меня по помещению летали бумажки.

— И сияющие золотистые глаза, — продолжала я, — над которыми день за днем ворковали медсестры.

— Ворковали медсестры? Ты такое людям рассказываешь?

— Мама так сильно любила свою маленькую девочку, что пожертвовала жизнью ради жизни дочери.

— Не думаю, что это был вопрос выбора.

— Родив дочь, мама умерла и прошла через малышку, которая была создана из магии и света. Но это опечалило отца. Не фишка со светом, а то, что мама умерла.

— И так ясно.

Я обогнала грузовик, водитель которого, видимо, был не в курсе, что сто пятьдесят километров в час — это новые сто двадцать.

— Малышка лежала в отделении для новорожденных долгих три дня.

— Три дня? Ты уверена? — с сомнением спросила Джемма.

Мы с Джеммой всю жизнь были сестрами, и она всегда знала, что я вижу призраков и что я родилась единственным ангелом смерти по эту сторону Млечного Пути, а это, в свою очередь, дало мне возможность помогать папе и дяде Бобу в их работе. Но мы с ней никогда не были близки. Я считала, что ее отталкивает то, чем я являюсь, и лишь недавно узнала, что вовсе не мой статус держал ее на расстоянии, а я сама, потому что когда-то этого потребовала. Я и не мечтала, что она когда-нибудь станет воспринимать меня всерьез.

— Ага, и прекрати перебивать, — сказала я, так вильнув в сторону, что чуть не оторвалось колесо. Из всех мест на свете, где можно потерять колесо, это я бы выбрала в последнюю очередь. — На чем я остановилась? Ах да. Никто к ней не приходил. Никто не навещал, кроме огромного множества мертвых людей, собравшихся вокруг малышки и остававшихся на страже, пока отец не справился с горем и не пришел наконец забрать ее домой.

— Не думаю, что прошло три дня.

— Малышка прекрасно все помнила, потому что у новорожденных великолепная кратковременная память.

— Допустим, — отступила Джемма. — Переходи к приятной части.

Джемма психиатр. А это значит, она может позаботиться о проблемах всех на свете, но только не о своих собственных. И это лишь одна из наших общих черт. Хотя наш внешний вид в их число не входит. У меня темные волосы и золотистые глаза, она — классическая голубоглазая блондинка, при виде которой трепещут мужские сердца. Я тоже могу заставить трепетать мужские сердца, но у меня свои методы, в которых я изрядно поднаторела. В основном они касаются того, что я умею делать ртом.

— Так ты уже в курсе, что я помню день, когда родилась?

— Еще бы! Ты мне тысячу раз говорила, когда мы были детьми.

Ничего себе. А я и не помню.

— Тогда я наверняка рассказывала об огромном зловещем существе, укутанном в развевающийся черный плащ, которое наполнило всю родильную палату незримым колебанием волн, разбивающихся о стены? И о том, как он возвышался в углу, оставаясь со мной все три дня и обещая, что отец скоро придет, хотя тогда я не слышала его голоса? И о том, как он до смерти меня пугал, потому что мне казалось, что одно его присутствие высасывает из меня силы и лишает способности дышать?

Повисла долгая пауза. Я даже успела задуматься, не уснула ли Джемма снова, но вдруг она проговорила:

— Нет, об этом ты не упоминала.

— А-а, ну ладно. — Я постукивала пальцами по рулю в такт классическому року, тихо звучавшему в машине, и была рада, что могу вернуться к рассказу. — В общем, так и было. А на третий день, когда отец наконец-то появился в больнице, чтобы забрать девочку домой, ей ужасно хотелось спросить «Где тебя носило, пап?», но не хватало двигательных навыков, отвечающих за речь. Прошел год. Она была очень счастлива, потому что больше не видела то большое страшное существо, а папа, казалось, искренне ее любил. Кроме тех дней, когда она ела гороховое пюре, но он сам виноват. А потом он привел домой женщину по имени Дениз, и с тех пор счастья значительно поубавилось.

— Ясно, — сказала Джемма, — все, что касается мачехи, я поняла. Возвращайся к могучему существу.

Наверное, Рейес был единственной сногсшибательной частью моей жизни, о которой не знала Джемма. Если, конечно, не принимать в расчет вечеринку с Двадцать второй штурмовой эскадрилей истребителей. Они праздновали повышение одного из своих товарищей. Я помогала праздновать. Чертовы «отвертки» с вином. В ту ночь я впервые узнала, как много существует разных способов отмазаться. И насколько безгранично мое желание жить, несмотря на самое кошмарное в жизни похмелье.

— Ладно, но могу предложить только облегченно-сокращенную версию.

— Ты за рулем?

— ...Нет.

— Точно? Я слышу шум дороги.

— ...Да.

— Хорошо. Придется согласиться на такую версию. На моих часах почти девять.

— Поняла. — Я посмотрела на свои часы. — Короче говоря, когда я родилась, рядом

была огромная фигура в черном плаще и все такое. И хотя он был удивительный, но все равно зловещий. И он назвал меня Датч.

— Минуточку.

— У тебя клиент через, эм-м, пять секунд. Может, завалишь меня вопросами после того, как закончишь?

— Он назвал тебя Датч? Когда ты родилась?

Обалдеть. Удивительно, что Джемма обратила внимание именно на это.

— Ты помнишь, да?

— В ту ночь, когда ты остановила мужчину, избивавшего подростка, парень, которого мы спасли, назвал тебя Датч.

А она молодец. Мы с Джеммой учились в школе. Я помогала ей со школьным проектом, из-за которого мы оказались в одном из самых неблагополучных районов города. Она хотела запечатлеть жизнь улиц для видео о неприглядной стороне Альбукерке. Мы прятались за углом заброшенной школы, отмораживая задницы, когда заметили движение в окне одного из небольших жилых зданий. С ужасом мы поняли, что какой-то мужчина избивает мальчика-подростка. В тот момент у меня в голове билась лишь одна мысль — спасти его. В отчаянии я запустила в окно кирпичом. Каким-то чудом это сработало. Мужик перестал бить парня и рванул за нами. Мы бросились по темному переулку в поисках прохода в проволочной изгороди, но внезапно увидели, что парню тоже удалось сбежать — он стоял на четвереньках на замерзшей земле, кашляя и пытаясь перевести дух, несмотря на боль.

Мы вернулись к нему. Когда он посмотрел на нас, по его лицу текла кровь и капала из уголка невообразимого рта. Мы пытались ему помочь, но он отказался от помощи и даже угрожал, лишь бы от нас избавиться.

У нас не было выбора. Мы бросили его, раненного и истекающего кровью. Через день я вернулась и узнала от хозяйки, что семья съехала посреди ночи, не заплатив за два месяца. А еще она назвала имя. Рейес. И это все, что у меня было в течение долгих лет. Только имя. Когда через десять лет я его нашла, меня не очень удивило, что все эти годы Рейес провел за решеткой за убийство того самого мужика.

И в ту ночь, когда мы пытались его спасти, он назвал меня Датч.

— Поверить не могу, что ты сложила два и два, — сказала я. — У меня на это годы ушли.

— Что ж, я умнее. Так как? Есть какая-то связь?

— Да. То существо и Рейес — одно и то же лицо.

Джемме понадобилось несколько секунд, чтобы осознать смысл сказанного.

— Как такое возможно?

— Ну, тебе надо узнать о Рейесе побольше.

Правду, только правду и ничего, кроме правды, о Рейесе я не рассказывала никому, за исключением узкого круга избранных, и тем самым наверняка подвергла их жизни смертельной опасности. Но Джемме уже многое было известно, а я и так слишком долго ее не подпускала. Мне хотелось, чтобы между нами все было, как когда-то. Хотелось снова с ней сблизиться. Наша мачеха Дениз вбила между нами клин, с которым я больше не собиралась мириться. Никаких клиньев. И точка.

— Перед тем, как я тебе расскажу, мне нужно знать три вещи.

— Хорошо.

— Первая: ты сидишь?

- Да.
- Вторая: ты психически стабильна?
- Стабильнее, чем когда-либо была ты.

А вот это уже было лишним.

- И третья: как пишется «шизофрения»?
- Какое это имеет отношение к разговору?
- Никакого. Просто хотела узнать, скажешь или нет.

Джемма громко вздохнула:

- Ну?
- Ладно. Но помни: я тебя предупреждала.
- Минуточку. Никаких предупреждений не было.
- Ничего подобного. «Я тебя предупреждала» и было предупреждением.
- А, ну прости.
- Ты закончила?
- Да.
- Я могу продолжать?
- Чарли.
- Ну ладно, дело твое. Рейес Фэрроу — сын Сатаны.

Фух. Я это сказала. Выложила как на духу. Обнажила душу. И нутро. И ждала. Ждала.

Ждала. Я проверила телефон. Звонок по-прежнему был активен.

- Джемма?
- Сатаны? Того самого...
- Да.
- У меня как-то был клиент, который сменил свое имя на Сатана. Ты уверена, что это

не его отец?

Я честно старалась не рассмеяться.

— Уверена. Рейес Фэрроу — великолепный, упрямый и непредсказуемый сын Сатаны. Много веков назад он сбежал из ада, чтобы быть со мной. И ждал, когда я смогу появиться на свет. Потом выбрал семью и сам родился на Земле. А чуть позже его похитили и продали человеку, который его вырастил, Эрлу Уокеру. Но он пожертвовал всем, чтобы быть со мной, Джемма, потому что знал: когда родится, он не будет помнить, кто он такой и кто я. И, как мне известно, воспоминания о прошлом стали возвращаться к нему всего лишь несколько лет назад. Медленно, как замерзшая на январском морозе патока. — Я обогнала грузовик, перевозящий коров. Большие грустные глаза смотрели на меня, когда я проезжала мимо. Бедняжки. — Ты трубку, что ли, повесила?

— Так, у меня окно во вторник, в четыре. На всякий случай впишу в расписание двухчасовой сеанс.

— Я не свихнулась, Джем. Ты же знаешь.

Вздохнув, она с неохотой согласилась:

— Знаю. Но я никогда не верила в существование Сатаны. А теперь ты говоришь, что он не только настоящий, но еще и обзавелся сыном. И этот сын преследует тебя с самого рождения.

— Ну, можно и так сказать. И последние десять лет он сидел в тюрьме за убийство человека, который его вырастил. Того самого мужика, которого мы видели той ночью.

— Святой ежик! Он его убил? Да уж, нечасто такое встретишь.

— Знаю. Дети, подвергавшиеся жестокому обращению, редко нападают на своих мучителей. Но такое случается.

— Так значит, это Рейес был тем существом, которое повсюду следовало за тобой?

— Да. Судя по тому, что я узнала, у него в детстве были приступы, смахивающие на апоплексический удар, во время которых он покидал физическое тело и становился тем существом, Злодеем, как я его называла. Огромной, больше, чем сама жизнь, сущностью. И всегда спасал мне жизнь, когда я попадала в беду.

— Так это был он? Когда тебе было... сколько? Четыре? Пять?

— Поверить не могу, что ты помнишь. Он появлялся снова и снова. Когда тот ублюдок педофил пытался поиграть со мной в больничку, Злодей пришел на помощь. И когда одноклассник пытался переехать меня на джипе, тоже пришел.

— О да, я помню. Тебя пытался убить Оуэн Вон.

— Точно. Злодей его остановил.

— Оуэн казался вполне нормальным парнем. Ты узнала, в чем было дело?

— Нет. Он меня по сей день ненавидит.

— Сволочь.

— Ага. И когда за мной в колледже следил извращенец, который вдруг решил, что узнает меня получше, если приставит к моему горлу нож, Злодей снова меня спас.

— Об этом ты мне не рассказывала, — проговорила Джемма осуждающим тоном.

— Ты тогда со мной не разговаривала.

— Я не разговаривала с тобой потому, что ты сама этого хотела.

— Знаю. Извини.

— Были еще ситуации, когда твоей жизни угрожала опасность?

— О да, тысячи. Вот хотя бы из последнего: очень недовольный муж клиентки пришел за мной с хромированным девятимиллиметровым, и снова появился Злодей. Список можно продолжать и продолжать. Но за всю свою жизнь я так и не поняла, почему так сильно его боялась. Меня даже в детстве ничего не пугало. С самого рождения я играла с мертвецами, но Злодей пугал меня до чертиков. И это подводит меня к тому, зачем я тебе позвонила.

— Это наградит меня кошмарами до конца жизни?

— Нет-нет. Разве что в качестве бонуса. Почему я так его боялась?

— Солнце, ну, во-первых, он был черным, могущественным, подавляющим существом, похожим на дым.

— Хочешь сказать, я расистка?

— Нет, Чарли. Я хочу сказать, что ты обладаешь нормальным инстинктом самосохранения, как и все остальные. Ты не могла не воспринимать его как угрозу. И ты все-таки за рулем. Куда едешь?

— Обещай подумать над этим, а потом обязательно позвони, хорошо? — попросила я, совершенно не удовлетворившись ее ответом. Фрейдистские теории тут не прокатят. Юнг с Эриксоном тоже. И бога ради, ни намека на Опру. — И это подводит меня ко второй причине моего звонка. Я еду в Санта-Фе, чтобы с ним увидеться. Помнишь, в какое месивс его превратили пару недель назад в подвале моего дома?

Джемма знала, что Рейес был ранен, но не знала почему.

— Помню.

— Скажем так: по пути в вечность случаются забавные вещи. Из ада сбежали демоны. Если точнее — несколько сотен тысяч. Они пытали его физическое тело, чтобы заманить

меня в ловушку.

— Демоны.

— Демоны.

— Которые...

— Да, из адского огня и самородной серы.

После долгой паузы Джемма спросила немножко срывающимся голосом:

— И почему они пытались заманить тебя в ловушку?

— Потому что я ангел смерти. Портал в рай, который им очень нужен.

— Ясно.

— Но ты должна знать кое-что еще: Рейес — портал из ада. И он им нужен не меньше меня.

— Угу.

— Вот и я о том же. Хорошо хоть он сам мне об этом сказал. А помнишь, мы той ночью видели на нем татуировки? Так вот, они — карта к вратам ада. Но это уже другая история. А закончилось все тем, что он такой: «Я в таком виде слишком уязвим, поэтому дам своему материальному телу умереть», а я: «Нет, не дашь», а он: «Еще как дам», а я...

— Чарли, — внезапно перебила меня Джемма, — всего этого не может быть. Все, что ты говоришь...

— Не бросай трубку.

Я слышала, как ее душит паника. Но Джемма — сестра и врач в одном флаконе. К кому еще я могла обратиться со всей этой фигней? Той ночью я открыла в себе крутую способность, которая помогла мне справиться с демонами, но не с тем, что они сделали с Рейесом. От одной мысли об этом голова кругом, и не в хорошем смысле. Наверное, Джемме об этой подробности знать не стоит.

— Я стараюсь.

— Короче говоря, — выпалила я, пока она не отключилась, — чтобы не дать ему совершить самоубийство, я привязала его нематериальное тело к физическому.

— Что ты сделала?

— Я знаю, знаю. Но я была в отчаянии: он собирался себя убить. Если б ты только видела, на что он способен с этим своим мечом. Кстати, я упоминала об огромном мече? И нет, я сейчас не образно выражаюсь. Хотя надо признать, что...

— Чарли, остановись хоть на секунду, — опять перебила она. — Ты его привязала? И что это за собой повлечет?

— Обычно ты соображаешь быстрее.

— Да я из-за тебя на грани нервного срыва!

Она буквально наорала на меня, и до меня дошло, что этот разговор должен был состояться лицом к лицу. Прочесть ее эмоции по телефону я не могла. И она, черт возьми, должна была принять это во внимание.

— Я знаю, извини. — Может быть, мне самой нужно понятнее излагать мысли. — Итак, иными словами, он не может покидать физическое тело, потому что привязан к нему. А теперь Рейес Фэрроу, одно из наиболее могущественных созданий во вселенной, хочет поболтать. — От одной только мысли об этом у меня кишки в узел завязывались. — А еще, — добавила я, чуть не забыв о самой лучшей части, — утром ко мне в офис заходил папа и потребовал, чтобы я бросила.

— Встречаться с сыном Сатаны?

— Нет, расследования.

— Понятно.

— И что ты думаешь?

— По поводу папы?

— Нет, с папой я разберусь. — Хотя, наверное, мне стоило бы волноваться. В последний раз, когда папа вел себя странно, на меня напал мужик с разделочным ножом. Острым. Очень острым ножом. — По поводу Рейеса. Пока мы говорим, я еду повидаться с ним.

— Чарли, я с трудом осознаю, что ты мне наговорила. И у меня уже девять.

— Серьезно? Ты собираешься бросить меня прямо сейчас?

— В данный конкретный момент я бы посоветовала тебе бежать. Но это всего лишь мое мнение. Позвони мне через час.

— Это вряд ли, — сказала я, но она уже повесила трубку. Господи, я ведь так на нее рассчитывала!

Я понимаю: осознать такое непросто. Да самого Рейеса, черт возьми, осознать непросто. К тому же прямо сейчас я должна была сосредоточиться на пропавшей жене доктора Йоста, а не колесить по стране в надежде на аудиенцию у принца преисподней. Когда я связала его, он так разозлился, что не хотел меня видеть. Вот почему звонок Нила Госсета так меня удивил.

И теперь все лезло наружу. Все чувства, связанные с Рейесом, кипели и шипели внутри меня. Я так долго его искала, столько раз молилась о нем, а в итоге выяснила, что он десять лет провел в тюрьме. И я была разочарована, но исключительно из эгоизма. Мне хотелось быть с ним. В ту ночь, когда мы с Джеммой его встретили, я хотела его спасти, вытащить из тех кошмарных обстоятельств, уберечь от того ужасного человека. Но он отверг нашу помощь. Когда я узнала, что он убил мужика, который так сильно его избил в тот вечер, мне показалось, что я его подвела. А ведь тогда я понятия не имела, кто он такой. Лишь совсем недавно я узнала, что он в буквальном смысле сын Сатаны.

— Должно быть, вырасти в аду — тот еще отстой, — сказала я вслух.

— Опять разговариваешь сама с собой?

Я глянула на призрак тринадцатилетнего гангстера, который появился на пассажирском сиденье.

— Привет, Ангел. Как дела по ту сторону?

С Ангелом я познакомилась в тот вечер, когда встретила Рейеса. Он погиб больше десяти лет назад, когда его лучший друг решил совершить налет, ни слова ему не сказав. Ангел сидел за рулем маминой машины, которую взял без спроса, и очень удивился, когда приятель принялся палить из окна. Пытаясь его остановить, Ангел заплатил слишком высокую цену. Хотя мне лично думается, что моя регулярная расплата намного хуже. Ума не приложу, чем заслужила этот маленький кусочек дерьма. Не то чтобы я жалела хоть об одной проведенной с ним минуте.

Ангел пожал плечами:

— Вполне шикарно. — На нем была грязная футболка. И красная бандана. Лица застыло между детской непосредственностью и озорством подростка-хулигана.

— У мамы прорва клиентов. На нее в газете дали отзыв, или как там оно называется. Там написано, что она лучший в городе косметолог для гламурных барышень, что бы это ни значило.

— Ничего себе! Это обалденно. — Я стукнула его в плечо, и он робко усмехнулся, соглашаясь.

— Наверное. Так у нас дело?

— Вообще-то да. Есть один врач, идеальный до мозга костей, который пытался избавиться от жены.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Богатый?

— Ага.

— И он совершил преступление? Иди ты!

Я кивнула и помолчала, давая Ангелу время позлорадствовать. Ничто не радует его больше, чем богатые люди, совершающие идиотские поступки.

— Ты закончил? — спросила я, пока он не пустился в пространные разглагольствования о том, что богачи должны получать более суровые приговоры, чем бедняки, а не наоборот.

— Все должно быть соответственно: чем ты богаче, тем больше рискуешь.

— Теперь закончил?

— Наверное.

— Полегчало?

— Полегчало бы, если бы ты разделась.

— Короче говоря, этот врач, — заговорила я, пока его не понесло, — что-то сделал со своей женой, а потом подал заявление о ее исчезновении. Тела нет, поэтому мне нужно, чтобы ты за ним проследил.

— Так он ее пришил или как?

— Это ты и должен выяснить. Я надеюсь, он приведет нас прямиком к ней. Ну, типа вернется на место преступления и все такое.

Я дала Ангелу всю информацию на доктора Нейтана Йоста, в том числе описание внешности и домашний адрес.

— Понял. Но если он это сделал, почему бы не арестовать его?

— Я не арестовываю людей.

— Тогда какая от тебя польза? — поддразнил он меня.

Я выдала ему улыбку, достойную победителя, а не занявшего позорное второе место.

— Это тема затяжных и масштабных дебатов, красавчик.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Он играл с клапаном кондиционера, двигая его туда-сюда. Небольшие ямочки на подбородке и над верхней губой придавали ему вид почти взрослого мужчины. Богатому цвету карих глаз, густым ресницам и квадратным скулам позавидовал бы любой латиноамериканец с индейцами в родословной.

— Может быть, ты прав. — Я снова сосредоточилась на мотоциклисте с суицидальными наклонностями, если судить по тому, как он то нырял в транспортный поток, то выныривал из него. — Йост может никуда нас не привести. Но это все, что у меня есть на данный момент. И упускать этот шанс как-то не хочется.

— Нет, я говорил о тебе. О том, что ты едешь к нему.

Ангелу Рейес никогда не нравился. Похоже, ему не удавалось увидеть за статусом сына Сатаны что-то еще.

— Почему ты так говоришь?

Он вздохнул, как будто был вынужден повторять мне уже в тысячный раз:

— Я тебе тысячу раз говорил: Рейазизель не тот, за кого ты его принимаешь.

От одного упоминания иномирного имени Рейеса по коже побежали мурашки.

— Солнце, я знаю, кто он. Помнишь?

Мне показалось, что перед тем, как ответить, Ангел пялился в окно не меньше километра.

— Он в бешенстве.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. — Он повернулся ко мне. Большие карие глаза сузились от серьезности. — Он зол. Настолько зол, что вполне может кокнуть всю вселенную.

Я не совсем поняла, о чем он, но решила об этом не думать.

— Да уж, он разозлился.

— Я понятия не имел, что он способен на такое дерьмо. Что он настолько могущественный. Но мне кажется, сейчас не самое лучшее время для встречи с ним.

— Я его связала, Ангел.

Как только я это сказала, его взгляд стал умоляющим. Брови сдвинулись от беспокойства.

— И тебе нельзя сейчас его освобождать. Пожалуйста, Чарли. Если ты его освободишь, я не знаю, как описать, что он тогда натворит. Он в бешенстве, по-настоящему психует.

Я прикусила губу, борясь с чувством вины, а потом призналась:

— Все равно я не знаю как.

— Что? — изумленно спросил он. — Ты не можешь его освободить?

— Нет. Я пыталась.

— Нет! Не делай этого. — Ангел махнул рукой, словно это сотрет сказанное. — Просто оставь все, как есть. Он уже навалил кучи дерьма по всему миру. Кто знает, что он сделает, если ты его освободишь.

— Что ты несешь? Какие еще кучи дерьма?

— Ну, как обычно. Землетрясения. Ураганы. Торнадо.

Я попробовала улыбнуться, но не получилось.

— Ангел, такие вещи случаются сами по себе. Рейес с ними никак...

— Ты правда не в курсе? — Он смотрел на меня так, словно я идиотка, несущая полную ахинею.

— Как может Рейес влиять на погоду? — Никогда бы не подумала, что Ангел — сторонник теории заговора. Кто бы знал!

— Его гнев нарушает баланс. Как та карусель в парке, которая вращается и качается одновременно. Неужели ты не заметила?

Ах да, помню. На таких каруселях куча детей лишалась своих обедов.

— Солнце...

— Ты знаешь, что в Санта-Фе было землетрясение? В Санта-Фе! — Только я открыла рот, чтобы снова возразить, он поднял руку и сказал: — Делай что хочешь, но только не освобождай его. А я прослежу за тем дятлом-доктором.

И он исчез, прежде чем я успела хоть что-нибудь сказать. Однако я поверить не могла в то, что он нагородил. Просто-напросто невозможно, чтобы гнев Рейеса вызывал природные катаклизмы. Бывало, я доводила людей до белого каления, но это никак не приводило к землетрясениям.

Я вытащила телефон и набрала Куки.

— Что стряслось, босс?

— Вопрос: в Санта-Фе было землетрясение?

— А ты не слышала?

— Святой ежик. Где меня черти носили?

— Тебе надо чаще смотреть новости.

— Не могу.

— Почему?

— Они меня в депрессию вгоняют.

— Ну да. А тусоваться с мертвецами — сплошное веселье.

А вот это было грубо.

— Так как? — спросила я. — Seriously, землетрясение?

— Такой силы впервые за сто с лишним лет.

Вот дерьмо.

И не введи нас в искушение...

Лично я его сама найду.

Надпись на футболке

На охранном посту у ворот тюрьмы штата Нью-Мексико я показала удостоверение. Охранник махнул мне, давая добро на въезд, и я поехала дальше, остановившись на парковке для посетителей возле пятого уровня — максимально защищенного сектора тюрьмы. Как только я зашла в здание с бирюзовыми оконными рамами, мне навстречу вышел Нил Госсет, забрал у меня кофе и выбросил в мусорную корзину. Правильно. Надо было раньше об этом подумать.

— Привет, — поздоровалась я едва слышно, потому что мой живот атаковали бабочки всех мастей и размеров. — Как дела?

Мы с Нилом вместе учились в старших классах, но никогда не тусовались в одной компании и уж точно не были друзьями. Он был спортсменом, что лишь отчасти объясняло его дерьмовое отношение ко мне в школе. Не то чтобы дело было только в нем, однако, чтобы сохранить собственное достоинство, винить его одного было легче, чем кого-то еще.

В десятом классе я доверилась своей лучшей подруге Джессике Гуинн, рассказав ей самые сокровенные свои тайны, включая слова «ангел смерти», правда, может быть, не в том порядке. Надо было догадаться, что не стоило этого делать. Ничего удивительного, что она разболтала об этом по секрету всему свету и превратила меня в дурацкую школьную сенсацию, навечно повесив на меня ярлык «фрик». Я не делала попыток возразить, но и не радовалась репутации прокаженной. А Нил пребывал в центре событий, поддерживая издевки, выдумывая новые прозвища и стараясь избегать меня, как огня.

Тогда он и не думал верить в мои способности, но когда совсем недавно наши пути снова пересеклись, он изменил свое мнение. Поскольку он служил заместителем начальника тюрьмы, где последние десять лет сидел Рейес Фэрроу, мне ничего не оставалось, как наткнуться на него в поисках человека, который вполне мог победить в номинации «Самый сексуальный сын Сатаны на планете». Десять лет назад, когда Рейеса только привезли сюда, произошел один инцидент, связанный с избиением трех самых отъявленных бойцов из местной банды — лучших, каких только можно было отыскать в тюремном сообществе. Все закончилось ровно за пятнадцать секунд, но благодаря этому Нил стал верить, что на самом деле существуют вещи, которые снятся в ночных кошмарах. Что бы тогда ни увидел Нил, это произвело на него неизгладимое впечатление. И обо мне он знал достаточно, чтобы верить каждому моему слову. Бедняга и зануда.

Нил отвернулся и пошел прочь, что мне показалось весьма грубым. Но я все равно пошла за ним и, стараясь не отставать, завалила его вопросами:

— Так он хочет поговорить? Это он просил тебя позвонить мне? А он сказал зачем?

Перед тем как ответить, Нил провел нас через несколько постов охраны:

— Он попросил о встрече со мной, один на один. — Нил осмотрелся, чтобы убедиться,

что никто нас не услышит. — Я пошел на этаж, где его держат. Ну и, само собой, думал, что мне крышка, раз уж он так психует из-за того, что его связала наша с ним общая знакомая. — Он бросил на меня злобный взгляд через плечо. — Короче говоря, подхожу я к его камере, а он заявляет, что хочет с тобой поговорить.

— Вот так, ни с того ни с сего?

— Ни с того ни с сего.

Мы миновали еще пару постов и вошли в комнату без окон, вроде тех, где заключенные встречаются со своими адвокатами. Там стояли стол и два стула. Помещение было крошечным, но из-за ярко-белых бетонных стен казалось еще меньше. Похоже, что находящихся внутри охранники могли видеть только через окошко в двери размером с почтовую марку.

— Ничего себе.

— О том и речь. Ты уверена, что хочешь этого, Чарли?

— Конечно. Почему нет?

Я уселась за стол и положила на него папку, которую принесла с собой, попутно удивляясь, что Нил разрешил мне оставить ее при себе.

— Ну, дай-ка подумать. — Явно взволнованный, он стал расхаживать взад-вперед.

Нил все еще мог похвастать неплохим телосложением, хотя трагическое мужское облысение уже давало о себе знать. Исходя из того, что мне удалось на него накопать, он никогда не был женат. И такая информация вполне могла шокировать: в школе на него вешались толпы девушек. Совершая очередной круг, он взглянул на меня и начал говорить, загибая пальцы:

— Рейес Фэрроу — сын Сатаны, — большой палец. — Он самый сильный человек, какого я когда-либо встречал, — указательный. — Он двигается со скоростью света, — средний. — И он просто в бешенстве. — Вот вам и весь кулак.

— Я знаю, что он в бешенстве.

— Он зол как черт, Чарли. На тебя.

— Пф-ф! Откуда тебе знать, что он злится на меня? Может, он злится на тебя.

— Я видел, что он делает с людьми, которые имели неосторожность его разозлить, — продолжал Нил, не обращая внимания на мои слова. — Такие сцены преследуют всю жизнь, если ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю. Проклятье. — Я прикусила губу.

— Но таким я его еще никогда не видел. — Он задумчиво положил ладони на стол. — С тех пор как он вернулся, он на себя не похож.

— Как это? — встревожилась я.

Нил опять заходил по комнате.

— Не знаю. Ведет себя отстраненно. То есть больше, чем обычно. И не спит. Просто ходит по камере, как зверь в клетке.

— Как ты сейчас? — подколола я.

Он повернулся ко мне, ни капельки не оценив шутки.

— Помнишь, что я видел, когда он только сюда попал?

Я кивнула:

— Конечно.

Когда я впервые сюда приехала, Нил рассказал мне, как стал свидетелем тому, на что способен Рейес. Нил едва начал работать в тюрьме и в тот день дежурил в столовой, как

вдруг увидел трех бугаев, идущих прямо к Рейесу. В то время Рейес был двадцатилетним парнишкой, которого только что перевели на общий режим. Другими словами, свежее мясо. Запаниковав, Нил схватился за рацию, чтобы вызвать подмогу, но не успел: Рейес разделался с тремя самыми страшными бугаями в штате, даже не вспотев. Нил говорил, что он двигался так быстро, что не уследить. Как животное. Или призрак.

— Вот поэтому я буду наблюдать через ту камеру, — он ткнул пальцем в угол, где была установлена камера видеонаблюдения, — и за дверью будет группа охранников, ожидающих приказа.

— Нельзя их сюда посылать, — напомнила я, — и ты это прекрасно знаешь. Если, конечно, ты хоть немного беспокоишься о своих людях.

Он покачал головой:

— Если что-нибудь случится, им, может быть, удастся задержать его, чтобы ты смогла унести отсюда ноги.

Я поднялась и шагнула к нему.

— Ты знаешь, что ничего у них выйдет.

— И что мне делать? — рявкнул Нил.

— Ничего, — ответила я умоляющим тоном. — Он ничего мне сделает. Но не могу утверждать того же о твоих людях. Если они заявятся сюда с дубинками и перцовыми баллончиками, он может не оценить их порыв.

— Я обязан принять меры предосторожности. И единственная причина, по которой я даю добро на эту встречу, заключается в том... — он опустил голову. — Ты сама знаешь.

И я знала. Рейес спас ему жизнь. В мире за стенами тюрьмы это имеет большое значение. Но здесь смысл этих слов возрастает не на один порядок.

— А ведь в школе я тебе никогда не нравилась. — Он шутливо нахмурился и вопросительно приподнял брови, и я попробовала объяснить: — Мне, конечно, немножко льстит, что ты так обо мне беспокоишься, но...

— Не заблуждайся, — усмехнулся он. — Ты хоть представляешь, сколько бумажной волокиты, если кого-то убивают в тюрьме?

— Спасибо. — Я похлопала его по руке. Сильно похлопала.

Нил выдвинул мне стул.

— Ты будешь сидеть здесь. Тише воды, ниже травы. А я помогу привести его сюда.

— Ладно. Тише воды, ниже травы.

И я сдержала обещание. У меня в животе все скрутилось в узел от волнения, адреналина, страха и излишка кофеина. Было трудно поверить, что я наконец-то его увижу. Во плоти. В сознании. Во плоти я его уже видела, но он был то в коме, то без сознания от пыток. Пытки — страшный отстой.

Через несколько минут открылась дверь, и я вскочила на ноги. Оглянувшись на здоровяка надзирателя, на пороге остановился мужчина в наручниках. Это был Рейес, и от его присутствия захватывало дух. Те же темные и давно не стриженные волосы, те же широкие плечи под оранжевой тюремной формой. Рукава закатаны, открывая четкие и плавные линии татуировок, обвивающих бицепсы и исчезающих под выцветшей тканью. Такой настоящий, такой могущественный... И этот его жар, как автограф... устремился ко мне в тот же миг, когда открылась дверь.

Надзиратель взглянул на наручники на руках Рейеса, а потом посмотрел ему в глаза:

— Прости, Фэрроу, но это останется на месте. Приказ.

Рейес поднял руки. Наручники соединялись цепью с поясом на талии и кандалами на ногах.

— Ты же знаешь, что это ничего не изменит, — сказал он Нилу. Глубокий голос теплым потоком хлынул на меня.

Нил посмотрел мимо Рейеса в мою сторону:

— Это даст мне несколько секунд, если они мне понадобятся.

И тогда Рейес бросил взгляд через плечо. Впервые за десять лет я смотрела в глаза настоящего, живого Рейеса Фэрроу, и мне казалось, что вот-вот подкосятся ноги. Несколько раз я видела его, скажем так, в намного более духовном смысле, когда он мог приходить ко мне в бестелесном виде. Но сейчас, когда он на самом деле стоял передо мной, все было совершенно по-новому. В последний раз, когда я видела его во плоти, он был изодран на куски сотнями, сотнями и сотнями похожих на пауков демонов с острыми как бритва зубами. Я бы сказала, он очень даже неплохо исцелился, если судить по волне чувственного адреналина, текущего сейчас по его венам.

Я чувствовала, что он не хочет прерывать зрительный контакт, и знала, что он точно так же чувствует желание, поднимающееся во мне от кончиков пальцев ног вверх, к животу, как условный рефлекс на его близость. Где-то глубоко-глубоко в душе меня это смущало. Но еще я чувствовала, как он хочет разорвать наручники. С одной стороны, чтобы досадить Нилу, а с другой — чтобы сломать стол, стоявший между нами. И он легко мог это сделать. Разорвать стальные наручники, словно они из бумаги. Однако за всем этим я ощущала неугасающий гнев и внезапно обрадовалась, что в углу есть камера, дающая хоть какую-то иллюзию защиты. Хотя, если до этого дойдет, то наличие камеры не просто бесполезно, но еще и смешно.

Рейес шагнул к столу. На его лицо упал свет, и мой пульс в два раза ускорился.

Черты лица определенно стали взрослее и жестче с тех пор, как я видела его, будучи школьницей. Но эти глаза цвета красного дерева не узнать было невозможно. И он вырос. В некоторых местах больше, чем в других. Он по-прежнему был стройным, но плечи стали настолько широкими, что, казалось, в наручниках ему ужасно неудобно.

Темные волосы и небритая щетина делали четче черты самого красивого лица, какое я когда-либо видела. Полные, чувственные губы. И глаза, точно такие же, как я запомнила: шоколадные, сверкающие золотистыми и зелеными искорками в обрамлении невозможно густых ресниц. Эти глаза мерцали даже в искусственном свете, льющемся с потолка над нами.

Десять лет за решеткой. В этом самом месте. Не успела мысль толком оформиться, как в груди появилась тяжесть, и возникло неуместное желание его защитить.

К сожалению, Рейес это почувствовал и холодно посмотрел на меня.

— Скажи ему, что у нас все в порядке, — сказал он, и до меня только сейчас дошло, что Нил еще в комнате.

Глубоко вздохнув, я взяла себя в руки:

— У нас все в порядке, Нил. Спасибо.

Несколько секунд Нил колебался, потом показал на камеру в углу, чтобы напомнить мне о ней, вышел и закрыл за собой дверь.

— Мило, — проговорил Рейес, усаживаясь на стул и глядя на папку, которую я положила на стол. Цепи звякнули о металл, когда он накрыл ее ладонями.

Я тоже села.

— Что именно?

Он кивнул на дверь:

— Госсет, — и с неодобрением добавил: — И ты. — Тень ухмылки без намека на веселье приподняла уголок красивого рта.

На что способен этот рот, я знала из снов. Но не из реальности.

— В каком смысле? — спросила я, притворяясь обиженной, потому что была озадачена тем, что он чувствовал. И это было не изумление. — Мы вместе учились в школе.

Рейес изогнул бровь, как будто мои слова его впечатлили.

— Как удобно.

— Наверное.

В тот самый миг я беззвучно ахнула, почувствовав, что еду вперед. Рейес зацепился ногой за ножку стула и потащил меня к столу.

Только я начала сопротивляться, как он поднял закованные в наручники руки и, приложив к губам палец, прошептал:

— Ш-шш.

В его глазах искрилось озорство. Подтянув меня к столу, он опустил взгляд на мою грудь. Когда я уперлась в край стола, свитер натянулся, и ткань облепила Угрозу и Уилл Робинсон.

— Так лучше, — с довольным видом сказал Рейес и, когда я уже собиралась отчитать его, поинтересовался: — Давно он в курсе?

Требовательный тон выбил меня из колеи.

— Кто? И в курсе чего?

— Госсет. — Рейес снова смотрел мне в лицо. — Как давно он знает, кто я?

Вопрос вышиб из меня дух. Пытаясь придумать ответ, который не стоил бы Нилу жизни, я, заикаясь, промямлила:

— Он... он ничего не знает.

— Не надо. — Это было спокойное предупреждение, а я дернулась, как будто он на меня наорал.

— С чего ты...

— Датч. — Рейес с сожалением поцокал языком и склонил голову, ожидая, что я отвечу.

Понятно, обойти правду не удастся.

— Он не знает. Точнее не все. Он не представляет для тебя угрозы, — сказала я, стараясь убедить нас обоих.

Разболтав Нилу о том, что Рейес сын Сатаны, я подвергла жизнь заместителя тюрьмы опасности. И поняла это, как только слова сорвались с моих губ. С Куки и Джеммой было иначе, потому что Нил день за днем пребывал с Рейесом на одной территории. Ей-богу, сказать Нилу — самый глупый поступок за всю мою жизнь.

— Скорее всего, ты права, — проговорил Рейес, и я чуть не выдохнула от облегчения. — Кто ему поверит? — Он посмотрел прямо в камеру в углу, и та полуулыбка, которая до сих пор играла на его губах, превратилась в скрытую угрозу.

Внезапно я почувствовала себя так, будто едва его знаю. Что, по сути, было правдой. Наши «встречи» были значимыми, но короткими. Если изредка у нас и случались разговоры по душам, то все они заканчивались одинаково. Хотя сказать, что я жалею о сексе с тем, кто создан из пламенного греха, было бы ложью. Его тело — и физическое, и нематериальное —

как жидкая сталь, а страсть — ненасытная... И когда он меня трогает, когда его губы прикасаются ко мне, а тело сливается с моим, все на свете становится не важно.

От этих мыслей внутри все напряглось, и я тихо вздохнула.

Рейес так внимательно смотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли. Чтобы успокоиться, я схватила за папку, которую принесла. Там были расшифровки стенограмм заседаний суда, копия протокола его ареста и записи о его пребывании в тюрьме, которыми, как бы там ни было, поделился со мной Нил. Психологический профиль мне добыть так и не удалось, но я знала, что его тестировали на IQ. Как они там сказали? «Несоизмеримый»?

Я решила вывалить свои вопросы до того, как мы доберемся до настоящей причины моего приезда. Рейес подвергался физическому и психологическому насилию со стороны человека, за убийство которого сел за решетку. Но ни одна подробность этой истории не всплыла на суде. И я хотела знать почему.

Распрямив плечи, я спросила:

— Почему в процессе суда никто не указал на то, каким пыткам подвергал тебя Эрл Уокер?

Рейес застыл. Намек на улыбку испарился, и между нами начала расти стена недоверия. Он лишь слегка изменил позу, но я увидела, что он пытается защититься, однако его плечи расправились, как будто враждебно, и напряжение в воздухе стало чересчур густым.

Я крепче сжала руками папку. Мне нужно было знать, почему он ни слова не сказал в свою защиту, почему даже пальцем не пошевелил, чтобы попытаться оправдать свои действия.

— Об этом вообще никто не упомянул, — добавила я, с трудом глотнув воздуха, чтобы продолжить разговор.

Рейес взглянул на папку, и что-то злое вспыхнуло в его глазах.

— Значит, ты все обо мне знаешь? — Похоже, его это совсем не радовало.

— Вряд ли, — заверила я.

Целую минуту он молчал, а потом сказал:

— Но все, что ты хочешь знать, в этой папке. В хронологическом порядке. Официальными фразами. Коротко и по существу.

Его взгляд стал таким тяжелым, что из моих легких испарился весь воздух, и внезапно мне пришлось изо всех сил бороться за следующий вдох.

— Думаю, ты себя недооцениваешь.

— В этой комнате меня недооценивает только один человек. Ты.

От этих слов у меня на затылке волосы встали дыбом.

— Мне так не кажется.

— Госсет не хотел оставлять тебя со мной наедине. У нег, по крайней мере есть богом данные инстинкты.

Я решила не обращать внимания на оскорбление. Рейес злился и пытался сорвать на мне свою злость. Разве не то же самое сделал мой собственный отец всего час назад? Меня всегда поражала неспособность мужчин справляться со своими эмоциями. Я опустила взгляд на его руки, испытывая усталость и отголоски стресса при виде наручников.

Рейес пытливо взглянул на меня:

— Ты не спишь.

Я удивленно моргнула.

— Не могу. Ты... в снах.

Широкие плечи немного расслабились, а голова опустилась, как будто ему было стыдно.

— А не должен быть.

— Уж я-то знаю.

Его признание выбило меня из колеи. Мне удалось скрыть боль в голосе, но Рейес все равно почувствовал, что мне больно.

— О чем ты?

— Ты... ты слишком злишься. — Я с трудом справилась с унижением, чтобы продолжить: — Тебе не хочется приходить. Не хочется быть со мной.

На него нахлынуло раздражение, и он отвел взгляд. Это дало мне шанс увидеть его профиль, жесткий и одновременно благородный. Даже в этой тюремной форме он оставался самым могущественным созданием из всех, кого я когда-либо знала. Словно зверь, живущий только силой и инстинктами.

— Я злюсь не потому, что не хочу приходить, Датч, — тихо сказал он, как будто сомневался, стоит ли это говорить. И в тот же миг меня пришили к месту до невозможности серьезный взгляд. — Я злюсь потому, что хочу.

Пока мое сердце не унеслось на небеса от таких слов, я решила вспомнить его же слова.

— Когда сегодня рано утром ты приходил ко мне, — начала я, вдруг покраснев от смущения, — ты сказал, что все дело во мне. Что я призвала тебя. И всегда призывала. Но это невозможно.

После долгого молчания, от которого меня чуть не скрутило на стуле, он проговорил:

— Когда-нибудь ты выяснишь, на что способна. Тогда и поговорим. — И, не успев я задать вопрос, он продолжил резким шепотом: — Освободи меня.

В ответ я съежилась. Так и знала, что до этого дойдет. Знала, что именно поэтому он и захотел со мной поговорить. Разве могла быть другая причина? Очень сомневаюсь, что он просто-напросто захотел меня увидеть.

Я поникла:

— Я не могу тебя освободить. Потому что не знаю как.

— Еще как знаешь, — отозвался Рейес, пристально следя за мной.

Я покачала головой:

— Я пыталась. Так что нет, я не знаю, как это сделать.

Цепи звякнули по столу, когда он наклонился ко мне.

— Я не буду... — его взгляд метнулся к камере в углу, — ...не буду пытаться сделать то, что пытался сделать, когда ты видела меня в последний раз. — То есть не станет пытаться избавиться от физического тела, наложив, по сути, на себя руки. — Ты должна это знать. Ты не сможешь отменить то, что сделала, если не будешь мне доверять.

— Говорю тебе: я пыталась. Не думаю, что дело тут в доверии.

— Все связано с доверием. — Рейес вскочил из-за стола, опрокинув стул. Было заметно, как он пытается взять себя в руки.

Я показала в камеру ладонь, давая Нилу понять, что все в порядке, а потом тоже поднялась.

— Я попробую еще раз, — пообещала я, стараясь сохранять спокойствие.

— Ты должна меня освободить, — в отчаянии прошептал он.

До меня вдруг дошло, что дело не только в свободе. У него была какая-то цель. Я видела, как она сияет в глубине его глаз.

— Зачем?

Жар, всегда исходивший от него, просочился под одежду, под кожу, вызывая во мне вспышки совершенно неуместного желания. Но у Рейеса, очевидно, были дела поважнее, чем обращать внимание на мои жалкие страдания.

Он тяжело посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

— У меня есть неоконченные дела. И если ты думаешь, что цепи мне помешают, то серьезно ошибаешься, Датч.

Нас по-прежнему разделял стол, но я не удержалась и отступила назад.

— Нил появится здесь через две секунды.

Опустив голову, Рейес посмотрел на меня из-под темных ресниц так, будто я была какой-то едой.

— Ты хоть представляешь, что я могу сделать за две секунды?

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались три охранника с дубинками в руках. Мимо них прошел Нил, глядя то на меня, то на Рейеса.

— Встреча окончена.

Рейес не поднял головы. Просто повернулся и одарил его насмешливым взглядом. Кровь отлила от лица Нила, но он и не думал отступать. И это было впечатляюще для всех в этой комнате, кто знал, кем является Рейес. Охранники же просто стояли, ничего не подозревая. Новички, не иначе.

Не успела я шагнуть в сторону, как внимание Рейеса снова переключилось на меня. Он замер, и весь его вид гипнотизировал мой разум, словно я смотрела на кобру, готовую напасть в любой момент.

— Думаю, мы закончили, Нил. Спасибо. — Мой голос прозвучал хрипло от страха и текущей по венам густой концентрации адреналина.

Выступив вперед, двое охранников взяли Рейеса под руки, чтобы вывести из комнаты. К моему полнейшему изумлению, он им это позволил. Но перед тем как переступить порог, обернулся ко мне и сказал:

— Ты не оставляешь мне выбора. — Бросив быстрый взгляд на Нила, он вышел и двинулся с охранниками по коридору.

Лицо Нила приобрело пепельный оттенок:

— Вроде все прошло терпимо, да?

Я знаю карате. И еще два японских слова.

Надпись на футболке

Выехав на шоссе, мы с Развалюхой держались на средней скорости. Голова шла кругом. Рейес был и оставался загадкой. Первобытной и неземной. Беспощадной и... взбешенной. Но черт бы побрал эти бицепсы!

Сотовый разразился припевом «Da Ya Think I'm Sexy?»^[9]. Я щелчком открыла телефон:

— Да, Куки?

— Ну?

— Ну?

— Ну?!

— Куки, хватит.

— Чарли Дэвидсон, — проговорила она самым что ни на есть материнским тоном, — даже не думай, что тебе удастся скрыть от меня хоть малейшую подробность.

Я прыснула от смеха, но потом подумала о Рейесе, и в груди тут же образовалась невыносимая тяжесть.

— О боже, Кук. Он так... Он такой...

— Потрясающий? Великолепный? Притягательный?

— Добавь к этому очень-очень злющий и считай, что тебе удалось написать его точный портрет.

Она втянула воздух сквозь зубы.

— Этого я и боялась. Ты должна мне все рассказать. Минуточку, а ты где?

— На шоссе. Выезжаю из Санта-Фе.

— Тогда притормози.

— Прямо тут?

— Да.

— Ладно, но если я умру, то вернусь и буду преследовать тебя всю жизнь. — И это будет справедливо. При первой же возможности я развернулась и поехала обратно в город.

— Договорились. Из того, что мне удалось накопать, у доктора Айболита не было приводов. Но его арестовали, когда он учился в колледже. Что-то связанное с покушением на убийство или типа того. Обвинения были сняты, так что в базе данных ничего вкусного.

— Интересно.

— Я тоже так подумала. Сейчас пытаюсь выяснить, что да как. Параллельно я пробовала связаться с сестрой его жены, но тут пока полный ноль. Зато мне удалось выйти на ее брата в Санта-Фе.

— Ага, так вот, значит, зачем мне позарез надо вернуться в город.

— Именно. Я так понимаю, ты выжила?

— Как всегда.

— Брата зовут Лютер Дин.

— Помню. Внушительное, сильное имя. — Такое может быть у расиста. Или на этикетке колбасы.

— Ага. По телефону он именно таким и показался — внушительным и сильным.

— Чудненько. — Это казалось интригующим. — Он сказал что-нибудь по делу?

— Не-а. Он вообще отказался со мной разговаривать.

Ух ты!

— А со мной поговорит?

— Не-а.

— Ну и на кой я к нему еду?

— Потому что ты очаровашка. Если кто и сможет его разговорить, то только ты.

— Ты такая душка! Спасибо. Но повторяю: если я умру, то вернусь и буду тебя преследовать.

Куки на мгновение задумалась:

— Вообще-то у тебя действительно есть тенденция к тому, чтобы быть убитой в самых неожиданных местах.

Она права. Было дело. Я даже думала о том, чтобы пройти курс психотерапии, но это отнимет у меня время, которое я могу потратить на валяния на диване. А без меня диван сам в себя корни не пустит.

— Минуточку, — взволнованно вздохнула Куки, — тебе не о чем волноваться. Он подрядчик. А значит, ты будешь на стройплощадке. Погибнуть на стройке, где куча всякого опасного оборудования и инструментов, очень даже легко, так что с тобой наверняка ничего не случится.

— Верно мыслишь. — Какая она у меня все-таки умница! — Адрес дашь? — Я записала адрес под перезвон автомобильных сигналов и щебетанье птиц, а потом сказала: — И найди имя женщины, которая выдвинула обвинения против Айболита в колледже. До смерти хочу узнать, кто она.

— Заметано, босс. Так все нормально?

— Абсолютно. Как только мои коленки перестанут трястись от встречи с богом Рейесом, со мной все будет в полном порядке.

— Господи, — приглушенно выдохнула Куки, — мне бы хоть одного божочка! Всего лишь одного. Я ведь ни капельки не эгоистка.

— Ну, если мой меня прикончит, он весь твой.

— Ты просто прелесть.

На заднем фоне я слышала стук ногтей по клавиатуре.

— Зачем еще нужны лучшие друзья?

— Кстати, мадам Мариголд продолжает писать. Буквально умоляет тебя ответить ей.

У знака «Стоп» я остановилась, чтобы пропустить группу глухонемых детей. Они смеялись над историей, которую знаками рассказывал один из мальчиков. Что-то о том, как учитель, у которого все в порядке со слухом, запрыгнул на свой стол, испугавшись чихуахуа.

- Хорошо, что ты создала липовый ящик, — отозвалась я, хихикая над рассказом мальчика. — Она чокнутая.

Мадам Мариголд была создательницей сайта, посвященного ангелам и демонам. Когда последние пытали Рейеса, я искала любую информацию о них, в том числе в интернете. На одной из страниц упомянутого сайта я наткнулась на слова, привлечшие мое внимание: «Если вы ангел смерти, пожалуйста, немедленно свяжитесь со мной».

Все это было настолько необычно и любопытно, что на следующий день Куки написала ей письмо, где спросила, что ей нужно от ангела смерти. На что мадам Мариголд ответила: «Это только между мной и ангелом смерти». Ясное дело, Куки на этом не остановилась. Она поручила Гаррету написать письмо, в котором он утверждал, что он ангел смерти. Мадам Мариголд снова ответила, написав: «Если ты ангел смерти, то я сын Сатаны». Этого хватило, чтобы ввести меня в ступор секунд на тридцать. Откуда она узнала о Рейесе? Очень сомневаюсь, что это могло быть совпадением. А потом Куки создала мне еще один почтовый ящик. В интересах науки и ужасиков я написала мадам Мариголд, задав тот же вопрос: чего ей надо от ангела смерти. И ожидала очередного динамо. Но вместо этого получила в ответ: «Долго же мне пришлось тебя ждать».

Тогда я подумала, что она или действительно ясновидящая, или крайне удачливая шарлатанка. Как бы то ни было, в этом случае я решила оставить все как есть и плыть по течению.

— Думаю, тебе стоит ей ответить, — сказала Куки. — Мне ее немножко жаль. И кажется, она немножечко в отчаянии.

— Серьезно? Почему?

— Потому что она написала: «Я немножечко в отчаянии».

— Понятно. Но у меня сейчас нет времени на эти игры. Кстати, нам надо поиграть сегодня в «Эрудит».

— Я не буду играть с тобой только потому, что ты не хочешь спать.

— Трусиха.

— Никакая я не трусиха.

— Еще какая.

— Чарли...

— Заячья душа.

— Я не боюсь, что ты обыграешь меня в «Эрудит». Я только хочу, чтобы ты хоть капельку подремала.

— Продолжай убеждать себя в этом, чикита.

Через двадцать минут я припарковалась у стройплощадки возле новенького сияющего торгового центра на восточной границе города. Санта-Фе разрастался, о чем свидетельствовала пробка по дороге сюда. Но город все еще сохранял свое очарование благодаря тому, что был единственным в стране, где городские власти постановили обязательное сохранение испанского континентального стиля и стиля пуэбло^[10] для всех архитектурных построек. И как результат, Город Отличий^[11] был именно таким, каким и должен быть: отличающимся от остальных, особенным, изумительным и одним из самых любимых мной мест на планете.

Выйдя из Развалюхи, я рассматривала наполовину достроенный торговый центр. Кирпичные стены были отделаны керамической плиткой, кое-где располагались деревянные арочные проходы.

— Вам помочь?

Я обернулась и увидела проходящего мимо парня, который тащил какую-то огромную фигну. В его глазах плескался неподдельный интерес. Черт бы побрал Угрозу и Уилл.

— Было бы чудесно. Я ищу Лютера Дина.

— Понятно. — Он осмотрелся, а потом указал на проход, который однажды обзаведется стеклянными дверьми. Внутри стоял какой-то мужчина. — Князь вон там.

— Князь? — Впечатляющий титул. И тот, кто его носил, был таким же. Выглядел он как футболист и кирпичная стена одновременно. Из-под каски торчали блестящие и черные, как соболиный мех, волосы. — Можно мне войти?

— Без этого — нет, — парень постучал пальцем по каске у себя на голове, затем бросил на землю свой груз и потрусил к фургончику, видимо, служившему мобильным офисом, на котором красовался логотип «Строительная компания Дина». Покопавшись в пластмассовом контейнере, он бегом вернулся с ярко-желтой каской в руках. Вручил ее мне и сказал с мальчишеской ухмылкой: — А теперь можно.

— Спасибо.

В других обстоятельствах я бы не преминула подмигнуть ему или вытворить что-то похожее на флирт, но он казался слишком юным, даже для меня. Не хотелось бы питать надеждами его только что наступившую половую зрелость.

— Не за что, мэ. — Парнишка коснулся края каски и снова взгромоздил огромную хреновину на плечи.

Стараясь не наступать на обломки и всякий мусор, я вошла через проход, где когда-нибудь будут двери.

— Мистер Дин?

Здоровенный детина изучал кучу бумаг с архитектурными проектами. Его плечи были настолько широкими, что казалось, ему даже жить с ними неудобно. Мне встречались двери банковских хранилищ, которые не выглядели и вполтину такими же надежными. Он взглянул на меня, и в небесно-голубых глазах отразился лишь слабый намек на любопытство.

— Да.

— Привет. — Я пошла к нему, протягивая руку и надеясь, что он не сломает мне кости. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Я частный детектив. Работаю над делом вашей сестры.

Его лицо тут же потемнело, и я опустила руку. Мой инстинкт самосохранения все еще был при мне.

— Я уже передал вашей помощнице, что мне нечего вам сказать.

Эмоциональную нагрузку, скрывающуюся за этими словами, я ощутила, как удар промеж глаз. Гнев, беспокойство и возмущение были такой силы, что у меня в легких не осталось ни капли воздуха. Чтобы прийти в себя, мне понадобилось несколько секунд, а Дин тем временем свернул чертежи и раздавал указания группе рабочих в соседнем помещении. Они мигом бросились выполнять его приказы. Буквально.

— Мистер Дин, уверяю вас, я на стороне вашей сестры.

Он так злобно взглянул на меня, что на моем месте обмочился бы и закоренелый серийный убийца.

— Как, ты сказала, тебя зовут? — Листы бумаги жалко смялись, когда он сжал руку в кулак.

Я тяжело сглотнула.

— Джейн. Джейн Смит.

Он сощурил глаза:

— А мне показалось, ты сказала что-то вроде Шарлотта или Шерри.

— Я просто забыла. Недавно я сменила имя.

— Знаешь, что я делаю с людьми, которые лезут в мою семью?

— Я собираюсь переехать в Южную Америку.

— Я делаю им больно.

— И, может быть, сделаю операцию по смене пола. Вы меня ни за что не узнаете, если, ну, станете искать.

— Мы закончили?

Проклятье. Очередной вопрос с подвохом. Он отвернулся и двинулся к офису. Мне стоило ответить «да». Правда, стоило. Но я не могла уйти, оставив о себе такое плохое впечатление. И сразу почувствовала себя дрожащей бесхребетной желеобразной массой. Куки ошибалась. На стройплощадке я все-таки умру. Все, сто процентов вернусь и буду донимать ее днем и ночью.

— Слышь ты, сволочь, — сказала я. Вслух.

В шаге от цели он остановился и повернулся ко мне с отвисшей челюстью. В таком же состоянии находились и все, кто нас слышал, но это было только между мной и князем.

Шагнув вперед, я понизила голос:

— Мне все ясно. Ты решил, что я работаю на Айболита, поэтому не доверяешь мне. — Внезапно испытав прилив любопытства, Дин наклонил голову набок, и я продолжила: — Так вот, все не так. Он не заплатил мне ни цента. Я разыскиваю твою сестру, и если ты не хочешь мне помочь, пеняй на себя. Если кто и может ее найти, то это я. — Выудив из куртки визитку, я засунула ее в нагрудный карман рубашки Дина. Надо признать, карман прикрывал очень и очень твердые мышцы. Удивляясь, что все еще нахожусь в сознании, я добавила: — Позвони, если захочешь узнать, где она.

А потом развернулась и направилась к Развалюхе, пока на глазах у всех не хлопнулась в обморок.

— Что ты сказала?! — За каких-то три слова голос Куки взлетел на октаву.

Усмехнувшись и перехватив телефон поудобнее, я сбавила скорость и повторила:

— «Слышь ты, сволочь».

— С ума сойти. Минуточку. Ты это сказала Лютеру Дину или говоришь сейчас мне?

Смешная она.

— Я хотела повидать Рокета, чтобы узнать, жива ли Тереза Йост, но там ротвейлера выпустили.

Рокет, гениальный призрак, живет в заброшенной психбольнице, в которую мне приходится вламываться всякий раз, когда я хочу его навестить. Ему известны имена всех, кто когда-либо родился на земле, наряду с тем, живы они или нет. Он мог сказать мне, жива ли Тереза Йост, или добрый доктор все-таки сделал свое дело, и эта информация сейчас была бы очень кстати. Но банда байкеров, которой сейчас принадлежал дурдом, держала ротвейлеров. А мне пока конечности не мешают.

— Черт бы побрал этого ротвейлера. Думаешь, он женат?

— Не знаю, Куки, но уверена, что он предпочитает цыпочек на четырех лапах.

— Не ротвейлер. Брат Терезы. Кстати, звонил твой дядя. Сказал, ты ему нужна, чтобы прочистить засор. Ты нашла новую работу?

Я фыркнула, потом мысленно забрала «фырк» назад, и на меня снизошло прозрение:

— А знаешь, неплохая идея. Как ты смотришь на то, чтобы пополнить ряды сантехников? Если поискать, я даже могу найти у себя симпатичную трещину. В трубах.

— Я перенесу вашу встречу.

— Уверена? У сантехников большие разводные ключи...

— Сто процентов. Так ты как? — спросила она. По интонации было ясно, что Куки вернулась к разговору о Рейесе, который у нас состоялся раньше.

— Нормально. После нашей встречи во мне достаточно овса на тысячу бессонных ночей.

— Черт тебя дери, Чарли, ты когда-нибудь научишься документировать такие вещи? Мне нужно видеоподтверждение. Наглядные пособия.

— Слушай, я собираюсь заскочить в «Супер Дог». Перекусить и заодно передать послание от мертвого парня его подружке. Пойдешь со мной?

— Не могу.

— Из-за моего сомнительного морального облика?

— Нет. Из-за того, что сейчас три часа, и мне нужно забрать Эмбер из школы.

— Ой, точно. Так значит, мои моральные устои тебя не беспокоят?

Куки рассмеялась и повесила трубку.

Я перезвонила Диби — моему страдающему геморроем и находящемуся в вечном стрессе дяде. Он служит детективом в управлении полиции Альбукерке, и именно благодаря ему я официально работаю консультантом полиции и практически регулярно помогаю ему раскрывать дела. Платят неплохо, а иметь доступ к их базе данных — просто мечта.

— Так что там насчет прочищения засоров? — спросила я, когда он взял трубку. — Ты уж извини, но от таких слов пахнет кровосмешением.

— Это фраза была шифром, чтобы ты перезвонила мне как можно скорее.

— Серьезно? — Что у него в голове творится? — А нельзя было просто сказать «Пусте перезвонит мне, как только сможет»?

— Наверное, можно. Но мне хотелось выглядеть крутым.

подавив неуместный смех, я поинтересовалась:

— Дядя Боб, почему бы тебе просто не пригласить ее куда-нибудь?

— Кого?

— Сам знаешь кого.

Совсем недавно выяснилось, что он неровно дышит к Куки. Тревожит ли меня это? Очень. По тысяче причин сразу. Но он классный чувак. И заслуживает хорошей девушки. К сожалению, ему, видимо, придется довольствоваться Куки.

— Над чем работаешь? — полюбопытствовал Диби.

— Пропала жена.

— Надо же, я и не знал, что ты женилась.

— Остряк. Что тебе известно о докторе Нейтане Йосте? — спросила я, осматривая Сентрал в поисках вывески с огромным хот-догом. Никак не могла вспомнить, был ли «Супер Дог» возле магазина игрушек для взрослых или рядом с парикмахерской для собак

«Жизнь по-собачьи». Помню только, что был там намек на секс.

— Я знаю, что его жена исчезла, — отозвался дядя Боб.

— И все?

— Вкратце.

— Ну тогда выкуси, разгильдяй. Это его рук дело.

— Вот дерьмо. Ты уверена?

— Как тест на беременность после выпускного.

— Значит, дело серьезное. С кем ты над этим работаешь?

— С Куки.

Он тяжело вздохнул:

— Я примерно на семнадцать месяцев опаздываю с отчетами и всякой бумажной хренотенью, но могу покопаться, если хочешь. Посмотрим, что у нас есть на этого мужика.

— Спасибо. А копии мне сделаешь?

— Конечно, почему нет?

Наконец-то. Заведение нашлось рядышком с адвокатской конторой «Секстон и Хоар».

— Давай вместе поедим в «Супер Дог».

— Не могу.

— Из-за моего сомнительного морального облика?

— Нет, из-за того, что меня ночью замучает изжога, если я в такое время поем в «Супер Дог».

— То есть мои моральные устои тебя не беспокоят?

— Не так сильно, как изжога.

Слышать это было приятно. В конце концов, я не довожу до ручки близких людей.

Припарковавшись у «Супер Дог», я вошла внутрь, пристально вглядываясь в бейджи в поисках надписи «ДЖЕННИ». Мне повезло: она стояла у кассы, к которой я подошла. Я сделала заказ, зная наверняка, что, как только передам Дженни послание от Рона, мертвого клоуна, которого я встретила у себя в гостиной, меня засыплют вопросами, и мечты о том, чтобы насладиться хот-догом с соусом чили, печально и одиноко канут в Лету.

В попытке уверовать в романтику я решила не передавать послание слово в слово. Дженни оказалась симпатичной девушкой с темно-русыми волосами и бровями, как у супермодели. И наверняка заслуживала чего-то получше, чем роновское «Поцелуй меня в зад».

Когда она вручила мне хот-догом с чили и картошкой, я сказала:

— Дженни, меня зовут Шарлотта Дэвидсон. У меня для вас послание от друга.

Уже занимаясь чем-то другим, она снова посмотрела на меня. И в тот же миг ко мне устремилось горе, сочившееся из каждой ее поры.

— Для меня? — безразличным тоном переспросила она.

Что ж, понять ее можно.

— Да. Это прозвучит странно, но мне нужно, чтобы вы уделите мне минутку.

Ее худенькие длинные пальцы переплелись. Она ждала чего-то еще.

— Рональд передал, что очень сильно вас любит.

Дженни медленно, размеренно сглотнула пару раз. А потом ее глаза наполнились слезами, которые потекли по щекам, будто кто-то открыл шлюзы. Вот только выражение ее лица не изменилось ни на йоту.

— Вы лжете, — сказала она с горечью, — он никогда не сказал бы мне такого. Никогда.

Отвернувшись, она убежала в подсобку, а я стояла за стойкой, совершенно ошарашенная. Если сравнивать, то я ощущала себя почти так же, как тогда, когда мне было двенадцать, и через меня прошла дочь бедуина, умолявшая позаботиться о верблюдах ее отца. Вместе с ней прошел мужик, порно-звезда, который отказывался перейти, пока я не назову его Доктор Секс. В общем, чувствовала я себя ни то ни се.

Обойдя стойку, я направилась к двери, за которой скрылась Дженни.

Кто-то завопил «Туда нельзя!», но я уже была в комнате для персонала. Заливаясь слезами, Дженни свернулась в клубок на пластмассовом стуле, глядя на постер с кошкой, призывающий «держаться изо всех сил».

— Дженни, мне очень жаль, — сказала я.

Утерев лицо рукавом, она посмотрела на меня:

— Он бы никогда так не сказал.

Проклятье, ненавижу, когда меня ловят на лжи. Мне больше нравится, когда я вру, и никто не замечает, как это бывает со звездами на пике карьеры, которых арестовывают или принудительно отсылают в реабилитационные центры.

— Он и не говорил. — Я повесила голову и мысленно поклялась позже заклеить себя позорным клеймом.

Дженни открыла рот, как будто собиралась о чем-то спросить. Выражение ее лица отражало чистую надежду.

— Он сказал, и я думаю, что в самом лучшем смысле, «Поцелуй меня в зад».

На ее лице медленно сменялись эмоции, а потом она порывисто обняла меня и воскликнула:

— Я знала! — Несколько сотрудников вошли в тесную комнатушку, чтобы узнать, что происходит. — Только так он и мог сказать. — Дженни оторвалась от меня, чтобы объясниться, сглотнув комок в горле: — В конце он был настолько слаб, что с трудом говорил, а я его с трудом понимала. — Она отклонилась еще дальше, чтобы посмотреть на меня. В ее глазах вдруг засияла какая-то догадка. — Погодите-ка. Вы же свет.

— Свет? — переспросила я, изображая невинность и смирение.

— Ну да. Когда он... перед тем, как он умер, он говорил, что видел свет. Вот только свет этот, по его словам, шел от женщины с каштановыми волосами, золотистыми глазами и, — она бросила взгляд на мои ноги, — в байкерских ботинках.

— Правда? — изумилась я. — Он меня видел? То есть, он же должен был идти к другому свету. По другому маршруту. Я вроде как служу тем, кто умирает и не уходит сразу. — Я глянула вниз, осматривая себя. Как же меня бесит, что я не вижу того, что видят призраки. Не вижу этой моей «маячной» яркости. — Мне давно пора проверить потребляемую мощность.

— Так он передал «Поцелуй меня в зад»? — переспросила Дженни, явно не заикливаясь на том, что я — свет, в который проходят мертвецы. Но позже до нее дойдет.

— Да, — ответила я, настороженно улыбаясь. — Что он имел в виду?

Ее лицо озарилось улыбкой, ярче огней полицейских машин.

— Он имел в виду, что хочет на мне жениться. У нас было что-то вроде кодового языка на двоих. — Тонкие пальцы поддели ниточку, выбившуюся из ткани форменной рубашки с нашивкой «Супер Дог». — Нам не нравилось ругаться на глазах у других людей, поэтому мы придумали кодовые фразы, даже для приятных вещей.

— Ага, — протянула я, догадываясь, почему она так отреагировала на слова, которые

якобы передал Рон. — И что на вашем шифре означали слова «Я очень сильно тебя люблю»?

Дженни смущенно улыбнулась:

— «Уйди с глаз моих, чтоб я тебя не видел, или пусть лучше муравьи съедят мои глазные яблоки».

— Ничего себе! Замысловатый вы шифр придумали.

Она рассмеялась, но уже через секунду тоска охватила ее вновь, и улыбка на губах стала угасать. Из всех сил Дженни постаралась и снова широко заулыбалась. Для клиента. Для меня.

— Нет, — произнесла я, положив ладонь ей на плечо, — передо мной вам не нужно притворяться.

В ту же секунду в ее глазах появились слезы, и она снова меня обняла.

И мы сидели так долго-долго, пока то заходили, то выходили парни всех возрастов и размеров. Может быть, только затем, чтобы подивиться на обнимающихся девушек.

Даже не спрашивайте: мне совершенно до лампочки.

Надпись на футболке

В ту самую минуту, когда Дженни сложила два и два и начала задавать вопросы о том, как я получила послание от Рона и могу ли я общаться с потусторонними сущностями, мне срочно потребовалось ехать по делам. К счастью, она все поняла и даже предложила купить мне еще один хот-дог с чили, потому что мой давно остыл. Однако к тому времени мне уже расхотелось есть хот-дог, зато появилось страстное желание отведать гамбургер с гуакамоле из «Мачо Тако». К тому же в «Мачо Тако» превосходный кофе, чем, в первую очередь, и объяснялось мое присутствие там.

Я решила позвонить агенту ФБР, которого назначили на дело Терезы Йост, чтобы узнать, сколько мне удастся раскопать.

— Это агент Карсон? — спросила я, укладывая на гамбургер кусочки халапеньо.

— Она самая, — раздался в ответ женский голос.

— Потрясающе. — Я накрыла бутерброд верхней половиной булочки, облизала пальцы и полезла в сумку за блокнотом. Так и не найдя его, достала салфетку, на которой был нацарапан чей-то давно забытый номер. Ладно, сойдет. Развернув салфетку, я щелкнула ручкой. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Семья Терезы Йост наняла меня расследовать ее исчезновение, — немножко приврала я.

— Тогда вы наверняка с ними связывались, и теперь вам известно то же, что и нам. — Ее тон был резким и не терпящим возражений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Так уж вышло, что у меня в жизни имеются и другие интересы, кроме поисков возражений при каждом удобном случае. Мне уже приходилось иметь дело с агентами, и не только с теми противными типами, которым по душе регулярные осмотры женских тел ^[12], но и с самыми настоящими федералами. Судя по всему, в списке обязательных требований к агентам ФБР одним из первых пунктов стоит неспособность ладить с другими людьми.

— Разумеется, если речь идет о деле. Но прямо сейчас мне бы хотелось кое-что разузнать о докторе Йосте.

— Правда? — Наконец-то мой звонок заинтересовал агента Карсон. — Разве не он вас нанял?

— И да, и нет. Скажем так: я не взяла с него денег. Я собираюсь найти Терезу Йост, а не завести новых друзей.

— Приятно слышать, — в ее голосе звучала улыбка, — и все-таки зачем...

— Нейтана Йоста арестовали, когда он учился в колледже. Точнее — на медицинском факультете. Наверняка вы уже раскопали эту информацию.

В трубке повисла долгая тишина, во время которой я честно старалась не глазеть на трансвестита в самых красивых красных туфлях на шпильках, какие я видела в жизни. Наконец агент Карсон заговорила:

— Здесь нет ничего, чего вы не могли бы найти сами.

— Само собой, но так быстрее. Предлагаю вам сделку.

— Что ж, посмотрим. — Я услышала, как скрипнул стул, как будто агент Карсон откинулась на спинку. Может быть, для того, чтобы примостить ноги на стол. — Итак?

— Я позвоню вам, как только найду Терезу Йост.

И тут случилось нечто странное. Я не услышала ни насмешек, ни взрыва безудержного хохота, ни скрипа зубов, стиснутых от злости.

— Что будет частично и моей заслугой? — всего-навсего спросила Карсон.

— Ясное дело.

— Договорились. — Ничего себе! — Йоста арестовали на основании заявления его бывшей подружки. — Как-то легко все складывается. — Она утверждала, что он взбесился, когда она пыталась с ним порвать. Сказал, что хватит одного укола, и ее сердце остановится за каких-нибудь несколько секунд, и никто никогда не сможет связать это с ним. Барышня так испугалась, что уже на следующий день переехала к родителям.

— Могу ее понять.

— Ее убедили выдвинуть обвинения, но все основывалось исключительно на ее словах. Никаких улик, никаких свидетельств неадекватного поведения со стороны Йоста, так что у окружного прокурора были связаны руки.

— Да уж, интересная картина. Один укольчик, и сердце остановится?

— Ага. Видимо, он чему-то научился на занятиях и решил использовать это во зло, а не во благо.

— Вы допрашивали ее в связи с последними событиями?

— Нет. Но, насколько мне известно, она все еще живет здесь. Я могу ее вызвать.

— Не будете возражать, если я сама с ней поговорю?

— Валяйте.

Поражаясь тому, как гладко идет разговор, я спросила:

— Имя дадите?

Послышался шорох бумаг, а потом и ответ:

— Иоланда Поуп.

— Серьезно? — изумилась я. — Я училась вместе с Иоландой Поуп.

— Той Иоланде, о которой мы говорим... Ага, вот она. Ей двадцать девять.

— Ну точно. Иоланда была старше меня на пару классов.

— Тогда у вас найдется что обсудить. А мне это сэкономит тонны зря потраченного времени и сил.

Ладно, она мне по-настоящему нравилась, но удержаться я не могла — агенты ФБР так запросто информацией не делятся:

— Могу я поинтересоваться, что происходит?

— Вы о чем?

— Почему вы даете мне информацию?

Карсон усмехнулась:

— Думаете, я ничего о вас не знаю? До меня доходили слухи о том, как вы помогали отцу раскрывать преступления, когда он работал детективом. А теперь помогаете дяде.

— Вы обо мне слышали?

— Я не брезгую возможностями, которые сами плывут в руки, мисс Дэвидсон. Я не вчера упала с дерева.

— Так я знаменитость?

— Хотя я действительно упала с дерева, когда мне было девять. Не забудьте вбить мой номер в быстрый набор, — добавила она и повесила трубку.

Вот это да! Теперь у меня был свой собственный агент ФБР. День становился все лучше и лучше. И гамбургер с гуакамоле не подкачал.

У Куки все никак не получалось связаться с сестрой Терезы Йост. Она жила в Альбукерке, но, по-видимому, часто бывала в разъездах. И все же я представить не могла, что она уехала из города, когда сестра пропала без вести. Велев Куки разыскать все, что только можно, на Иоланду Поуп, я провела остаток дня, расспрашивая друзей доброго доктора и его жены. Если верить каждому, с кем я говорила, он просто святой. Все его обожали и считали их с Терезой идеальной парой. Лично мне Айболит казался чересчур идеальным. Как будто его окружала волшебная иллюзия или он наложил на всех вокруг какое-то заклятие.

Может, он и правда колдун. Ну или кто-то со сверхъестественными способностями. Рейес же оказался в итоге сыном Сатаны, так почему бы и Нейтану Йосту не оказаться сыном Блинчика — трехногого карликового козлика, которому в шестом классе поклонялся Джимми Хочхолтер. Все знали, что Блинчик — малоизвестное и очень недооцененное божество. Скорее всего потому, что вонял он за тридевять земель. От самого Джимми пахло не лучше, что никак не помогало репутации козлика.

Я припарковалась у «Салона красоты Деллы» и вошла внутрь под звук электронного звонка. А может, звенело у меня в ушах. Делла была подругой Терезы и видела ее одной из последних в ночь исчезновения.

Женщина с волосами, уложенными в аккуратные шипы, и умопомрачительными ногтями спросила, чем может мне помочь.

— Не подскажете, здесь ли Делла?

— Она в дальней комнате, милочка, — ответила та, с сочувствием взглянув на мои волосы. — Вам назначено?

Я вдруг смутилась и провела рукой по хвосту.

— Нет. Я частный детектив. Хотела узнать, могу ли задать ей несколько вопросов.

Женщина удивленно заморгала:

— К-конечно. Проходите вон туда, — и указала длинным ногтем с черно-белыми полосками на заднюю дверь.

— Спасибо.

Еще раз взглянув на ее прическу (я бы тоже могла сделать шипы), я прошла по указанному маршруту и оказалась в дальней комнате. Вдоль одной стены располагались шкафчики, вдоль другой — раковины. У одной из них полная женщина с бобом, превращенным в романтический беспорядок, ополаскивала волосы клиентки. Мне всегда нравилось, как пахнут парикмахерские. Резкий запах химии чудесным образом смешивается с ароматами шампуня, духов и тонн лака для волос, который не жалеют для клиентов. Вдохнув, я подошла ближе и спросила:

— Вы Делла?

Женщина обернулась ко мне с полуулыбкой, и я ощутила, какой подавленной она себя чувствует.

— Она самая, — ответили мне. — Вы привезли перманент для завивки?

— Извините, но нет. — Я похлопала себя по карманам. — Наверное, забыла дома. Я частный детектив. — Выудив удостоверение, я протянула его ей, чтобы выглядеть официальнее. — Можно мне задать вам несколько вопросов о Терезе?

Делла искренне удивилась и чуть не утопила клиентку под струей воды.

— Боже мой, — вырвалось у нее, пока она выключала воду. — Извините, миссис Ромеро. Вы как?

Взглянув на нее сверкающими глазами, клиентка спросила:

— Что?

— Вы как? — повторила Делла. Очень громко.

— Я тебя не слышу, потому что ты залила мне уши, дорогуша.

Делла терпеливо мне улыбнулась:

— Все равно она меня не слышит. Я уже рассказала полиции все, что знаю.

— Я возьму у них копию ваших показаний, как только смогу. Однако сейчас меня интересует, заметили ли вы что-то необычное в поведении Терезы. Она не показалась вам взволнованной? Может быть, говорила, что ее что-то беспокоит?

Делла пожала плечами, подсушивая волосы миссис Ромеро полотенцем, после чего накрыла пожилую женщину бирюзовой накидкой, из-под которой торчали только туфли.

— Мы уже не видимся так часто, как раньше. Но в тот вечер она действительно казалась расстроенной. — Делла помогла миссис Ромеро подняться. — Даже грустной. Сказала, что, если что-нибудь с ней случится, она всегда будет нас любить.

Похоже, Тереза знала, что ее муженек что-то замышляет.

— И ничего конкретного не добавила?

Делла покачала головой:

— Нет. Она не стала бы вдаваться в подробности. Я очень удивилась, когда она нам позвонила. Прошло уже так много времени, да и Тереза была очень расстроена. — В ее глазах светилась печаль. — Если бы в тот день мы не встретились, ничего этого бы не произошло.

— Почему вы так говорите?

Я пошла за Деллой, когда та повела миссис Ромеро к креслу.

— Потому что она так и не вернулась домой.

— Откуда вам это известно? — удивилась я.

— Нейтан сказал. Их систему безопасности никто не выключал. Если бы Тереза заходила через парадную дверь, осталась бы запись.

— То есть каждый раз, когда кто-то входит и выходит, это записывается? — Я достала блокнот и сделала пометку не забыть это проверить.

— Насколько я понимаю, да. Если система безопасности активирована.

— Что? — завопила миссис Ромеро.

— Вам как обычно? — крикнула в ответ Делла.

Старушка кивнула и закрыла глаза — видимо, пришла пора вздремнуть.

Перед тем как уйти, я вытащила из Деллы все, что смогла. Она была согласна со всеми остальными. Нейтан был святым. Столпом общества. Но вот что странно: как бы ни

беспокоилась Делла о Терезе, она, похоже, считала, что их брак оказался под угрозой по вине самой Терезы. Очевидно, раз добрый доктор не мог сделать ничего плохого, то во всем виновата его жена.

Ни на йоту не приблизившись к разгадке, я решила заскочить в офис доктора как раз перед закрытием, когда все устали и имели одно-единственное желание — поскорее добраться до дома. В таком состоянии люди меньше говорят и быстрее переходят к делу. Поскольку сам доктор уходил рано на обход в больнице, я решила, что, когда заявлюсь, его уже не будет. Войдя в здание, я узнала, что Йост отоларинголог. Даже представить не могу, что бы это значило.

Женщина в регистратуре уже собирала вещи — спешила забрать дочь из садика. Зато оставалась одна из ассистенток Йоста — аудиолог по имени Джиллиан, которую задержала какая-то бумажная работа.

— И давно вы работаете на доктора Йоста? — поинтересовалась я у нее.

Джиллиан была ширококостной барышней с кудрявыми светлыми волосами и обладала слишком большим количеством подбородков, чтобы считаться традиционно привлекательной. Но у нее были приятные черты и теплые глаза. Я так и видела, как она работает с детьми: в приемной повсюду валялись игрушки и настольные игры.

Мы сидели перед стойкой регистратуры на мягких стульях на колесиках. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не воспользоваться таким шансом.

— Мы работаем вместе уже двенадцать лет, — поведала Джиллиан, печально глядя на меня. — Он замечательнейший человек. Поверить не могу, что с ним такое происходит.

Обалдеть. Обвести вокруг пальца родных и друзей — это одно, но дурить того, с кем работаешь изо дня в день в течение двенадцати лет? Да кто такой этот мужик?

— В последнее время его поведение не показалось вам странным? Может быть, он был чем-то расстроен? Или упоминал, что его преследуют или звонят и бросают трубку?

Таким образом я пыталась выяснить, насколько тщательно все спланировал Йост и успел ли подготовить себе алиби. Давно ли он собирался отыгаться на жене, или действовал под влиянием момента?

— Нет. До того утра ничего необычного.

— Можете рассказать, что произошло?

— Ну, я даже не знаю, — она покачала головой. — В то утро, в субботу, он позвонил мне домой. Сказал, что не может приехать в больницу на обход, и попросил узнать, сможет ли его заменить доктор Файнли.

— Он сказал, что его жена исчезла?

Выудив ручку из кармана халата, Джиллиан кивнула:

— И даже спросил, не звонила ли она мне. Еще сказал, что в его доме полиция и что скорее всего они захотят со мной поговорить. — Вписав несколько цифр в бланк, она поставила подпись и закрыла папку.

— И как? К вам кто-нибудь приезжал?

— Да. Вечером ко мне домой приезжали из ФБР.

— Агент Карсон?

— Да. Вы с ней работаете?

— В некотором смысле, — отозвалась я, стараясь не очень глубоко нырять в омут правды. — Значит, до исчезновения жены в поведении доктора Йоста не было никаких заметных перемен?

— Нет. Простите, что от меня так мало толку.

Ну что ж, пока все сказанное свидетельствовало в пользу того, что добрый доктор ничего заранее не планировал. И все же мужик держался молодцом.

— После всего, через что ему пришлось пройти раньше...

Я застыла.

— Раньше?

— Ну да, с первой женой.

Слышали гонг между раундами в боксе? Так вот, сейчас он звучал у меня в голове.

— Ах да, конечно. Первая жена. Трагично.

Поблескивавшая на ресницах Джиллиан слеза наконец сорвалась и покатилась по щеке. Смутившись, она отвернулась и достала салфетку.

— Извините. Просто это... это ужасно, что она умерла так скоропостижно.

— Нет-нет, не стоит, я все понимаю. — Изо всех сил я старалась делать вид, что не замечаю, как дергаются ее кудри, пока она сморкается.

— Ее сердце остановилось. Прямо во время отпуска, представляете? После этого он был невероятно одинок.

Наконец хоть что-то существенное. Разве не об этом упоминала агент Карсон? Один укол, и сердце остановится.

— Поверить не могу.

Надо срочно это проверить. А Джиллиан оказалась намного помешаннее на Йосте, чем я вначале думала. Интересно, насколько в ее неведении виноват доктор и насколько она сама? Щенячья любовь — мощный эликсир. Уж я-то знаю. Что я только ни вытворяла ради Тима Лакруа — старшеклассника, бывшего моей страстной любовью. К сожалению, тогда я ходила в садик, иначе он бы наверняка меня заметил.

По дороге домой я заскочила в кафе «Шоколадный кофеек» за мокко латте, в «Мачо Тако» за буррито с цыпленком и двойной сальсой, а потом и в круглосуточный супермаркет за парой упаковок попкорна для микроволновки и шоколадками, которые помогут мне продержаться еще одну ночь. Я не знала наверняка, сколько еще мне удастся не спать. Надо посмотреть какой-нибудь боевик или ужастик. Что-нибудь кровожадное. Но даже так я расценивала свои шансы как пятьдесят на пятьдесят.

Что говорил Рейес? Что он злится не потому, что не хочет приходить, а потому, что хочет? Представления не имею, как это понимать. В голове все смешалось, но я все же склонялась к радости, несмотря на то, какими отчаянными и жалкими были мои мысли. В основном из-за того, что творил со мной Рейес. Нечто восхитительное, дьявольское, роскошно-умопомрачительное. Черт.

Пока не довела себя до оргазма, я открыла телефон и позвонила Куки.

— Привет, шеф. Ты где? — спросила она.

— Взяла кое-чего перекусить. Что думаешь насчет исполнительниц танца живота?

— Разве что под щедрым слоем хрена.

— Да нет же, я о нашей новой профессии. Нам нужно задуматься о будущем прямо

сейчас. Мне всегда хотелось научиться делать волны животом. Я уже молчу о том, что мой пупок можно выставлять в музее. Почти никто этого не знает.

— И то правда, — подыграла Куки. — Я даже не в курсе, как его зовут.

Я ахнула и посмотрела вниз.

— Не думаю, что Стелла тебя слышит, но выбирай выражения. Кстати, все забываю тебе сказать: мне кажется, что официантка из «Мачо Тако» с короткой стрижкой и странными бровями на самом деле Бэтмен.

— Я тоже о ней думала. Не хочешь обсудить что-нибудь связанное с делом?

— Кроме того, что доктор Йост был женат до Терезы?

— Не поверишь, я собиралась тебе позвонить и рассказать то же самое. Такое чувство, что между нами какая-то особая связь. Или на худой конец ЭСВ.

— То бишь экстрасенсорное восприятие?

— В яблочко. Я нашла номер Иоланды Поуп и оставила сообщение на ее сотовом.

— Потрясающе. До смерти хочу узнать, что стоит за обвинениями, которые она выдвинула в адрес некоего мистера Нейтана Йоста. А тем временем выясни все, что сможешь, о его первой жене.

— Будет сделано. Все, что успею накопать, оставлю у тебя на барной стойке. Ты же домой едешь?

— Так точно, — ответила я, сворачивая на Централ.

— Вот видишь? Я могла и не спрашивать.

— Ага. Даже как-то жутковато.

— Сколько чашек кофе ты за сегодня выпила?

Я посчитала на пальцах, пока не вспомнила, что во время движения должна держаться за руль.

— Семь, — сказала я, вильнув в сторону перед самым носом пришедшего в ужас пешехода.

— Всего семь?

— И двенадцать половинок.

— Ага, значит, все не так плохо. Для тебя. Может быть, после разговора с Рейесом ты сможешь немного поспать. Я имею в виду... вдруг он перестанет.

— Может быть. Поспать кажется сейчас очень заманчивой идеей. — От одной мысли об этом голова стала опускаться, а глаза начали закрываться, пока я не вспомнила, что во время движения они должны оставаться открытыми. Кто придумал все эти правила? — И все же я не уверена. Похоже, во всей этой белиберде у него не больше выбора, чем у меня.

— Есть здесь нечто космическое, — мечтательно вздохнула Куки.

— Ну, что-то определенно есть. Ладно, я почти дома. Одна нога здесь, другая там.

Ровно в 20:23 я вошла в свою квартиру с едой, кофе и DVD в руках, попутно пытаюсь отыскать в сумке сотовый. Пришла эсэмэска от Гаррета. Наверняка он хотел отомстить мне за то, что разбудила его ни свет ни заря. Я открыла телефон и прочла:

«Номер четыре: “Ты меня убиваешь”».

Я ответила:

«Мне явно надо приложить побольше усилий».

— Привет, мистер Вонг, — поздоровалась я, сваливая ношу на стойку в кухне.

Хотя список Гаррета из пяти фраз, которые нельзя говорить ангелу смерти, вызывал во мне любопытство, у меня для него был список поинтереснее. Под заголовком «Срочно нужно». Пропылесосить. Помыть мне холодильник. И посуду в одних трусах. Почему он должен мыть мою посуду в одних трусах, понятия не имею.

Как только я взялась просматривать информацию, оставленную Куки возле мистера Кофе (как же хорошо она меня знает!), кто-то постучал в дверь. Я решила удариться в оптимизм. А вдруг я выиграла миллион долларов? Или мне попытаются продать пылесос? Тогда я потребую продемонстрировать товар. Это бесплатно, так что все равно останусь в выигрыше.

Отложив буррито, я открыла дверь самой удаче, понимая, что сделаю что угодно, лишь бы не спать.

По ту сторону стояла Эмбер, дочь Куки. Ну, не по ту самую сторону, а по ту сторону двери. Она казалась бы высокой, даже будь ей двадцать. Поэтому для двенадцати лет она была просто высоченная. Но я могла поклясться, что в последнюю нашу встречу она была намного ниже. Эмбер явно только что вышла из душа, потому что ее длинные почти черные волосы пахли земляничным шампунем и свисали по спине влажными прядями. На ней была пижама в виде короткой розовой маечки и штанов-капри, обтягивающих самые длинные и тощие ноги, какие мне доводилось видеть. Таким ногам позавидует любая танцовщица. Эмбер напоминала бабочку, готовую вот-вот вылететь из кокона.

— Ты собираешься смотреть телик по телику? — спросила она, абсолютно серьезно глядя на меня огромными голубыми глазами.

— Ну не по тостеру же. — Поджав губы, Эмбер моргнула в ожидании ответа, и я сломалась: — Нет, я не собираюсь смотреть телик по телику.

— Отлично, — улыбнулась она и проскочила мимо меня.

— Но я собираюсь принять душ в душе.

— О'кей. — Она взяла пульт и прыгнула на диван, подобрав босые ноги. — Мама отключила кабельное.

— Не может быть, — отозвалась я, давась смехом.

В этот самый миг Куки выскочила из своей квартиры и ворвалась в мою. Тоже в пижаме. Я в ужасе уставилась на нее.

Куки закатила глаза:

— Она еще не убедила тебя позвонить в органы опеки и попечительства?

— Мам, — Эмбер перевернулась на живот, — это в корне неправильно. Почему я должна расплачиваться за то, что ты решила вести здоровый образ жизни?

Я наградила Куки своим самым лучшим убийственным взглядом и вылила в голос все свое презрение:

— Не может быть!

Со вздохом она вручила мне еще одну распечатку и закрыла дверь.

— Врач сказал, что мне нужно похудеть.

— Кто сказал? — переспросила я. — Доктор Йост?

На бумажке, которую она мне всучила, было имя нашего несостоявшегося клиента. Зачем отоларингологу советовать ей сбросить вес? Тем более если она у него не

наблюдается?

— Нет, не доктор Йост. — Куки подошла к стойке и взобралась на табурет. — С чего бы я вдруг пошла к доктору Йосту?

— А-а, так это запись о его аресте. — Я просмотрела распечатку, откусила кусок буррито и поинтересовалась: — А какое отношение имеет твое похудение к кабельному?

— Никакого, если не считать, что здоровая пища намного дороже нездоровой.

— Вот поэтому я и не ем здоровую пищу. — Я сунула буррито ей под нос. — Впредь тебе наука.

— Ты не считаешься. И вообще, тощим барышням слова не давали.

— А ну-ка притормози. Ты считаешь меня тощей?

— Врач был прав. Мне нужно меньше есть. — Плечи Куки поникли. — Ты хоть представляешь, как трудно сидеть на диете тому, кто носит имя Куки^[13]?

— Странно это все. — Я уставилась в никуда, задумавшись, как похоже иногда складываются обстоятельства. — Сидеть на диете с именем Чарли тоже непросто. Может, нам стоит сменить имена? — спросила я, снова поглядев на Куки.

— Я бы сделала это не задумываясь, если бы это помогло. Так что скажешь? — она указала на распечатку, перед тем как потянулась к чашке и налила себе кофе.

— У тебя все каналы, где показывают киношки! — воскликнула Эмбер. — Почему я до сих пор не знала?

— Да ну? — отозвалась я. — Так вот почему мне приходят сумасшедшие счета за кабельное? — Я покосилась на копию газетной статьи о первой жене Йоста и прочла вслух: — «Жена доктора Йоста была найдена мертвой в номере отеля. Очевидно, причина смерти — сердечный приступ». — Я глянула на Кук. — Ей не могло быть больше двадцати семи. Сердечный приступ?

— Читай дальше, — сказала она.

— «Согласно источникам, — продолжила я, — отбывшая в отпуск на Каймановы острова Ингрид Йост позвонила домой и оставила мужу сообщение на автоответчике за несколько минут до того, как ее сердце остановилось. Поэтому, несмотря на то, что смерть миссис Йост окружает цепь загадочных обстоятельств, полиция сообщает, что расследования не будет». — Я подняла глаза на Куки. — Какая еще цепь загадочных обстоятельств?

— Читай дальше, — велела она, вгрызаясь в мой буррито.

Я тоже откусила и, дочитав до конца, отложила распечатку.

— Итак, — сказала я, с трудом проглотив кусок, — Ингрид Йост заполняет заявление в полиции, где утверждает, что муж угрожал ей, а через два дня подает на развод. Еще через два дня она летит на Каймановы острова, взяв с собой едва ли не одну зубную щетку, а оттуда уже звонит и оставляет сообщение на домашнем автоответчике, в котором просит у доктора прощения за то, что не была хорошей женой, и заверяет, что ни о каком разводе больше не думает. А через пять минут умирает.

— Ага.

— И в истории болезни никаких упоминаний о проблемах с сердцем?

Взяв телефон, я воспользовалась быстрым набором, чтобы дозвониться до агента Карсон. Куки вопросительно приподняла брови и откусила еще один кусок.

— И что же не так с этой картинкой? — спросила я, когда Карсон взяла трубку.

— Подождите, мне нужно выйти в другую комнату, — ответила она, а через несколько

секунд спросила: — Вы нашли Терезу Йост?

— А вы где?

— В доме Йоста. Мой напарник все еще верит, что кто-нибудь позвонит и потребует выкуп.

— Неделю спустя?

— Он новичок. Так что там у нас?

— Первая жена Йоста заполнила на него заявление в полиции за два дня до того, как подала документы на развод, а еще через два дня улетела на Каймановы острова, где умерла от сердечного приступа? Да ладно!

— То есть вы ее не нашли.

— Развод, в процессе которого он вполне мог потерять маленькое состояние.

— И что вы думаете?

— А может, тут есть связь?

— Само собой, тут есть связь. Но попробуйте доказать. Мы проверили его паспорт и полеты. На Каймановы острова он не летал. Говорит, что ездил на охоту, чтобы хоть на время обо всем забыть.

— Это не значит, что он этого не делал. У доброго доктора денег куры не клюют. Он мог заплатить кому-то, чтобы избавиться от жены. У него предостаточно знаний о том, какие лекарства могут спровоцировать сердечный приступ. И вам не кажется, что сообщение на автоответчике — это не просто так?

— В каком смысле?

— Предлагаю сразу два варианта. Во-первых, согласно полицейскому отчету, Ингрид Йост была не в себе. Кто может утверждать, что ее не запугали до смерти, лишь бы она оставила это сообщение?

— Верно, но для чего?

— Чтобы отвести подозрения. Если бы что-то пошло не так, никто не стал бы подозревать нашего доктора в незаконных действиях. Вся ситуация и он сам не вызвали бы у людей ничего, кроме сочувствия.

— Возможно. А во-вторых?

— С каких пор у врачей дома автоответчики? Разве для этого они не держат секретарей, ассистенток или как их там? В конце концов, есть голосовая почта. А вот автоответчик дома — это прямо-таки слишком удобный нюанс.

На долгое время в трубке повисла тишина, но я слышала шаги, как будто агент Карсон успела пробежаться по нескольким комнатам.

— Вы правы. И на данный момент у него нет никакого автоответчика. Я этим займусь. Попытаюсь узнать, когда он приобрел автоответчик и как долго им пользовался.

— Неплохая идея. И кстати, не могли бы вы получить копию сообщения его жены?

— М-мм, сомневаюсь. Поскольку расследования не было, представить не могу, зачем кому-то хранить копию, но разузнаю.

— Спасибо. Заодно, может, проверите систему безопасности? Делла Питерс из салона красоты сказала, Йост знал, что Тереза не вернулась в ту ночь домой, потому что иначе была бы запись о том, что она вошла в дом.

— Была бы, если бы система была активирована. Первым делом мы именно это и пытались выяснить. Йост сказал, что забыл активировать систему.

— Тогда он врет, как дышит. — Надо не забыть, что ложь и до такого доводит. А то

вдруг меня когда-нибудь понесет. — Спасибо за информацию.

— Пожалуйста. Без обид, но разве вы не должны были уже ее найти? То есть разве не этим вы занимаетесь?

— Я над этим работаю. Не давите на меня.

— Ладно, — фыркнула Карсон, — но не забудьте об этом деле.

— Ни за что.

Я знала, что стоит на кону у любого сотрудника правоохранительных органов. Необходимость сделать себе имя, чтобы тебя заметили. А для этого нужно громкое дело. И я не о скандальном ЧП вроде стриптизерши на коленях.

Пока мы с Куки составляли план на завтра, я успела выпить два огромных стакана воды. Слизистые глаз практически высохли, а в рот будто ваты насовали. Слишком много кофе, слишком мало сна. Мне было необходимо справиться с обезвоживанием.

— Значит, я копаю по делу Йоста, — подытожила Куки, делая для себя пометки, — а ты попробуешь увидаться с Рокетом.

— Точно. По крайней мере, будем знать, жива ли до сих пор Тереза Йост.

Куки отобрала у меня чашку кофе, которую я только что себе налила:

— Тебе нужно хоть немного поспать.

— Мне нужно пооткисать в ванне, потому что обезвоживание меня скоро доконает.

— Хорошая мысль. К тому же ванна тебя так расслабит, что ты уснешь, хочешь ты того или нет.

— Ты на моей стороне или как?

Она недобро усмехнулась и позвала Эмбер:

— Пойдем, солнце.

— Ну мам! — отозвалась Эмбер, не отрываясь от экрана телевизора. — Фильм только начался.

— Тебе скоро в постель.

— Все в порядке, пусть остается, — сказала я, потом придвинулась к Куки и прошептала: — Она уснет через секунду.

— Тоже верно. Но ты точно не против?

— Конечно, нет. — Я вытолкала ее за дверь. — Поваляюсь немного в ванне, а потом посижу с ней.

Эмбер смотрела один из ужастиков, которые я взяла в прокате. Если подумать, то фильм может и не усыпить ее. Ну хоть кому-то из нас он поможет не заснуть.

— Я собираюсь немного поваляться в ванне, — сказала я Эмбер, свесившись через диван, чтобы поцеловать ее в лоб.

— Не набирай слишком горячую воду. Моя учительница говорит, что от горячих ванн превращаешься в сморщенную старуху.

Задушив на корню готовый сорваться с губ смех, я проговорила:

— Не думаю, что горячие ванны как-то влияют на появление болезни Альцгеймера, но приму к сведению.

— Как знаешь, но так говорит моя учительница, — еще раз предупредила Эмбер.

Не будь она такой очаровательной, я могла бы понять, почему Куки неоднократно угрожала продать ее цыганам.

Верните мне все те разы, когда я отказывалась спать в детстве!

Надпись на футболке

Раздевшись, я медленно залезла в ванну, корчась от обжигающей воды, поднимающейся по ногам и выше. Меня обступил жаркий, душный воздух, пар постепенно просачивался в кожу, а веки закрылись почти сразу же. Разум беззаботно устремился к более плодородным землям. К тем, где на мягком покрове зеленой травы стояла огромная кровать с балдахином, а на ней лежали взбитые пуховые подушки, которые так и молили на них поспать. Вокруг бегали утята. Не знаю почему, но утята там точно были. Я потеряла глаза, не без труда возвращаясь к реальности, и заправила влажную прядь волос за ухо. Может быть, вся эта затея с ванной была не так уж и хороша. Если мне хотелось не спать еще одну ночь, то последнее, что могло в этом помочь, — это горячая расслабляющая ванна.

Я быстро намылилась и, чтобы ополоснуться, легла с головой под воду, взглянув сквозь толщу воды на льющийся с потолка свет, перед тем как вынырнуть. Нехотя выдернула пробку в сливе пальцами ног и, встав, потянулась за полотенцем, которое обернула вокруг головы, чтобы хоть немного просушить волосы.

Вода вытекала в слив с бульканьем. Внезапно ощутив что-то рядом, я медленно опустила полотенце. Ни с чем не сравнимый жар поднимался по моим ногам, как пар. Прямо передо мной материализовался Рейес. Могучие плечи блестели от стекающих по ним капелек воды. Он поднял руку и схватил меня за горло, впечатав спиной в кафельную стену, которая показалась прохладной в контрасте с исходящим от него жаром. Выражение его лица было жестким и беспощадным.

Не успела я сказать ни слова, как знакомая до боли жажда охватила меня с ног до головы. Я застыла, борясь с ней, но это было все равно, что бороться с цунами, вооружившись ложкой и вилкой. Он шагнул ближе и посмотрел мне в глаза. Глубокий взгляд карих глаз из-под густых ресниц был испытывающим.

Я почувствовала, как он коленом раздвигает мне ноги.

— Что ты делаешь? — выдохнула я и тут же ахнула, потому что его жар достиг самой моей сути.

Не отвечая, он вырвал из моих рук полотенце и отбросил куда-то в сторону.

— погоди, Рейес. Ты не хочешь здесь быть. — Мои ладони легли ему на грудь. — И не хочешь этого делать.

— Не больше, чем ты сама, — возразил он, наклонившись ко мне и едва не касаясь ртом моих губ.

Его дыхание на моих губах ощущалось, словно бархат. Он пах молнией, землей, озоном и электричеством. Одна его рука взяла в плен мой подбородок, вторая скользнула между ног. От его прикосновения живот свело спазмом. Оно было таким интимным, таким чувственным, что я чуть не кончила на этом самом месте.

Послышался стук, и я оглянулась на дверь, нахмурившись.

— Еще рано, — угрожающе процедил Рейес, погружая в меня пальцы и снова завладевая моим вниманием целиком и полностью.

Шумно выдохнув, я схватила его за запястье, собираясь остановить, но вместо этого направила его глубже, цепляясь за него, безмолвно умоляя подарить мне разрядку.

Он прижался ко мне всем телом, крепким, как сталь, и мягким, глубоким голосом произнес мне прямо в ухо:

— Останься со мной.

Отпустив мой подбородок, он взял меня за руку и провел ею вниз по своему каменному животу.

В дверь снова постучали, и я почувствовала, как меня отрывают от него.

— Датч, — шепнул он, когда мои пальцы обвилились вокруг твердого члена.

Внезапно вода поднялась вокруг нас, и мы тонули в ней, пока я не начала задыхаться в буквальном смысле.

Выплеснув из ванны воду, я резко села, соображая, где нахожусь.

— ...ладно? — услышала я голос. Эмбер.

— Что, солнышко? — спросила я, вытирая с лица воду. — Я тебя не слышала.

— Я домой. Сотовый вот-вот умрет, а мне еще нужно позвонить Саманте. Ее бросил парень, и мир, видимо, катится в тартарары.

Я все еще пыталась отдышаться и ответила едва слышно:

— О'кей, солнце. Завтра увидимся.

— Ага.

Я заставила себя успокоиться, вернуться к реальности, разжать кулаки и выкрутить промокшее полотенце, которое я, видимо, как-то умудрилась затащить в ванну. Потом расслабилась и уткнулась лбом в колени, пережидая бушующую внутри меня грозу.

Это уже просто нелепо. Я ведь его связала, так как он все еще может вторгаться в мои сны? Какого хрена тут творится? Не говоря уже о том, что я уснула в ванне. Я же могла утонуть!

Чертов сын Сатаны.

Сотовый монотонно плакал, давая знать, что я что-то пропустила. Я потянулась к нему дрожащей рукой. Моя сестра Джемма прислала эсэмэску. Точнее три. У нее были какие-то проблемы с машиной, с папой связаться не удалось, поэтому она хотела, чтобы я подобрала ее у круглосуточного супермаркета на въезде в Санта-Фе. Вылезая из ванны, я пыталась до нее дозвониться, но услышала только противный голос, сообщивший, что у нее либо выключен телефон, либо она за пределами покрытия сети. В сообщении Джемма упоминала, что у нее садится батарея, так что, вероятно, уже села полностью.

Выбора не было. Вытершись насухо, я натянула джинсы, футболку с логотипом группы «Blue Öyster Cult», обула свои любимые и изрядно поношенные байкерские ботинки и вышла из ванной. Телик был выключен, в гостиной царил мрак.

Сушить волосы я не стала и, выходя из квартиры, велела мистеру Вонгу не впускать незнакомцев. Пока я бежала по улице к Развалюхе, по мне колотил ужасно холодный дождь, и я поклялась всем святым, что есть на свете, что если Джеммы не окажется в супермаркете к моему приезду, то я по-настоящему начну выполнять свои обязанности ангела смерти как собирателя душ, причем начну с нее. Наверное, мне понадобится какая-нибудь баночка.

Второй раз за этот день я ехала в Санта-Фе. Ветровое стекло потоками заливал ледяной дождь. Примерзшие к голове волосы медленно оттаивали. Что ж, стоит признать, что не

спать в состоянии мороженого намного проще. Развалюха из всех сил старалась меня согреть, и, честно говоря, пальцы у меня на ногах наверняка уже подрумянились. Надо было взять полотенце или одеяло. А вдруг что-нибудь случится? Вдруг Развалюха заглохнет, и я замерзну насмерть? Вот будет отстой.

Интересно, бывает ли Рейесу холодно? Он такой горячий, во всех смыслах, будто его тело вырабатывает жар благодаря какому-то встроенному внутри источнику. На нем просто обязано быть предупреждение «Легковоспламеняющийся».

Когда я наконец согрелась, до меня дошло, что дрожу я вовсе не от холода, а из-за последнего визита Рейеса. Кто бы сомневался. Задвинув мысли о нем подальше, я заставила мозг сосредоточиться на текущем деле. Прежде всего, нужно воспользоваться своими сверхъестественными связями и выяснить, жива ли еще Тереза Йост. Судя по всему, скорее нет, чем да, но если повезет, она все-таки выжила, что бы там ни задумал против нее добрый доктор. И на него самого мне тоже нужно больше информации.

Дождь и не думал заканчиваться и злобно лупил по Развалюхе со звуком, скорее напоминающим град, чем привычный стук капель. Мне пришлось ехать медленнее и поворачивать осторожнее, чем хотелось бы. Но агрессивность дождя очень соответствовала моему настроению. Шум дворников вводил меня в транс, и, как бы я ни старалась, мои мысли снова и снова возвращались к Рейесу.

Почему он ко мне приходит? Очевидно же, что он зол и не хочет быть со мной, но все-таки приходит и получает не меньше удовольствия, чем я.

Однако не стоит забывать, что он мужчина. А почему мужчины поступают так, как поступают, у меня в голове не укладывается. И у них еще хватает наглости жаловаться на женщин.

Я умудрилась вовремя свернуть на дорогу, которая вела к супермаркету на въезде в Санта-Фе. Располагался он в довольно отдаленном месте, и я не могла взять в толк, что, бога ради, тут забыла Джемма. Насколько мне известно, охота на диких зайцев ее не интересует. Передо мной ехал фургон службы доставки, поэтому мне пришлось ехать еще медленнее. Но поскольку из-за ливня я не видела ничего дальше семи метров, то чувствовала себя безопаснее, следуя за фургоном. Чтобы оставаться на нужной полосе, надо было только ориентироваться по его задним фарам. В выжженных пустынях Нью-Мексико дождь — это всегда подарок, но, тем не менее, оказаться под ливнем на дороге довольно опасно. К счастью, долго ехать в таких условиях не пришлось — вскоре появились огни ярко освещенного супермаркета. Фургон поехал дальше, а я свернула на стоянку у магазина. Здесь была только одна машина, принадлежащая, по всей видимости, продавцу, который работал сегодня в ночную смену. Я осмотрелась в поисках «вольво» Джеммы и, конечно, рассердилась: ее здесь не было.

Стиснув зубы, чтобы не выругаться вслух, я попробовала набрать ее еще раз, но снова не дозвонилась. Потом перечитала ее сообщения, чтобы убедиться, что приехала по нужному адресу. Все верно. Может быть, она заблудилась и дала мне адрес не того супермаркета. Пока я раздумывала, что делать дальше, моя пассажирская дверь открылась. Ну слава богу. Наверное, ее машина заглохла где-то поблизости, и ей ничего не оставалось, кроме как пешком дойти до магазина и спрятаться там от ливня. Но вместо светлых волос и хрупкой фигуры моей сестры я увидела, как в машину залез огромный мужик и захлопнул за собой дверь. На несколько долгих мгновений мной овладел полнейший ступор, а после я испытала запоздалый шок и, почувствовав скачок адреналина, отшатнулась от мужика.

Куки была права. Меня пытаются убить в самых неожиданных местах.

Я рванулась к двери, но длинные пальцы, которые дали бы фору пассатижам, обхватили и стиснули мою руку. Я знала, что говорит статистика о выживании похищенных женщин, и это подстегнуло меня к действию. Я боролась и даже нанесла несколько ощутимых ударов, пока на ощупь искала ручку двери. Когда мужик дернул меня к себе, я подняла ноги над коробкой передач и изо всех сил пнула его. Но он обвил мои ноги стальной рукой и сдвинул меня под себя.

Огромная ладонь заглушала мои крики. Он вжался в меня, и рычаг переключения скоростей больно вдавился в спину. Но я все равно пиналась и лягалась, вспоминая все, чему меня научили на уроках джиу-джитсу, куда я ходила аж две недели. Ни за какие коврижки я не собиралась облегчать ему задачу.

— Прекрати сопротивляться, и я тебя отпущу, — прорычал он.

Теперь, значит, ему поговорить захотелось? С еще большим усердием я принялась бить ногами и руками. Инстинкт самосохранения взял верх, и я уже сама себя не контролировала. Схватив меня за волосы, он вжал меня в сиденье. Я ощутила тошнотворное холодное острие, прижатое к моей шее, и застыла. Все чувства разом обострились вместе с пониманием, в какой заднице я оказалась.

- Если не прекратишь дергаться, — услышала я хриплый голос, — я перережу тебе горло сию же секунду.

Целую бесконечно долгую минуту я слышала только свое собственное тяжелое дыхание. От адреналина, текущего по моим венам, меня трясло с ног до головы. Мужик промок насквозь. Холодные капли стекали с его головы мне на лицо.

И вдруг на краю сознания забрезжило что-то знакомое. Жар. Несмотря на то, что его одежда и волосы были мокрыми и убийственно холодными, я ощутила исходящий от него жар и замерла в полнейшем недоумении.

Он уперся лбом в мой собственный, как будто пытался отдышаться. Потом убрал руку с моего рта, сунул ее мне под голову и рывком усадил. Мои ноги все еще обнимали рычаг коробки передач, когда он двинулся вперед и назад между моими бедрами — поразительный подвиг в таком тесном пространстве. И через секунду нож снова приставили к моей шее.

Нависая надо мной, он казался больше, чем сама жизнь. Под грязной и поношенной спецодеждой, состоявшей из комбинезона и куртки, я узнала тюремную форму.

— Я не причиню тебе вреда, Датч.

От прозвучавшего имени, которое дал мне он, по каждой молекуле внутри меня пронесся электрический разряд. Молния осветила замкнутое пространство автомобиля, и я уставилась в карие глаза Рейеса Фэрроу. И внезапно меня осенило: он сбежал из самой охраняемой и защищенной тюрьмы. Чуднее просто некуда.

Он дрожал от холода, что отвечало на вопрос, возникший у меня совсем недавно. И хотя его взгляд был полон отчаяния, в его действиях ничем таким и не пахло. Казалось, он себя полностью контролирует, и то, что им управляло, назвать отчаянием было трудно. В каждом его движении сквозила твердая решимость. Я ни на секунду не засомневалась, что он меня убьет, если понадобится. Как бы там ни было, то, что я связала его, взбесило Рейеса не на шутку.

— Бери джип, — выдавила я, не в состоянии поверить, что по-настоящему испугалась его. Разумеется, он был единственным, кого я боялась в своей жизни, но до недавнего времени я понятия не имела, что это он.

Рейес прищурился, изучая мое лицо. Мне хотелось отвернуться, пока я не поняла, что это невозможно. Из-за всего того, что мы пережили в последние недели. Из-за всего того, на что он был способен. А теперь я сижу с приставленным к горлу ножом. И это сделал тот самый мужчина, который мог заставить меня кричать во сне его имя.

— Он твой, — продолжала я. — Забирай. Я не стану звонить в полицию.

— Мне очень хочется именно так и поступить.

Эта наша встреча была не похожа на другие. Потому что это был он — Рейес Александр Фэрроу, Рейазиэль, сын Сатаны. Во плоти. Не считая той нашей утренней свиданки, я никогда не имела дела с этой его стороной — со зверем, способным порезать человека на шнурки, если верить историям, которые рассказывал мне Нил Госсет.

Когда вспыхнула очередная молния, Рейес посмотрел на свои часы, и только тогда до меня дошло, что он весь напряжен, как будто ему больно.

— Мы опаздываем, — сказал он, и легкая ухмылка приподняла уголок его рта. — Почему ты так долго ехала?

Я нахмурилась:

— Опаздываем?

Намек на улыбку тут же испарился, и он снова прижался лбом к моему лбу.

Теперь у меня не осталось сомнений: ему действительно больно. На полсекунды он расслабился, словно потерял сознание. Потом дернулся, снова сосредотачиваясь на мне, и схватился за руль, чтобы хоть на что-то опереться.

Перед моими глазами повторялась история. Я видела ту ночь, давным-давно, когда совсем юный парнишка точно так же ослабел от побоев. Он поднял руки в тщетной попытке защититься от очередного удара... Память опять швырнула меня в океан сочувствия и ослепляющего желания помочь ему.

Мне удалось побороть порыв. Передо мной был не подросток, а мужчина, сверхъестественное существо, в руке которого был нож, приставленный к моему горлу. Мужчина, просидевший в тюрьме больше десяти лет. Созревший, закаленный и ожесточенный ненавистью и яростью, которые процветают в таких местах. Не говоря уже о злобе, заложенной в нем только потому, что он рос в аду. Если он и не был неисправимым до тюрьмы, то теперь наверняка таким стал. И мне нельзя было позволять состраданию вмешиваться здесь и сейчас, что бы ни было между мной и Рейесом в прошлом. Хорошим парням не нужен нож, чтобы заполучить девушку. Может быть, он действительно сын своего отца.

Я покосилась в сторону. Рука, в которой был зажат самодельный нож, так крепко стискивала руль, будто от него зависела жизнь Рейеса. То, что он очевидно страдал от боли, напомнило его слова: «Не стой на пути у раненого зверя».

— Почему ты так поступил? — спросила я.

Он посмотрел мне в глаза и сухо ответил:

— Потому что ты бы убежала.

— Я не об этом. Зачем ты сбежал из тюрьмы?

Рейес помрачнел.

— Иначе меня бы не выпустили.

И снова на его лице отразилась вспышка боли.

Я глянула вниз. Темная ткань спецовки была пропитана кровью.

— Рейес... — вздохнула я раньше, чем успела подумать.

От настойчивого стука в мою дверь мы оба подпрыгнули. Нож тотчас же оказался опять у моего горла. Раненый зверь, ну да.

— Если только попробуешь...

— Ты серьезно? — процедила я сквозь зубы.

— Датч, — только и ответил он угрожающим тоном.

— Ничего я не сделаю. — Даже если бы мне хватило смелости бороться с ним, нож был слишком близко, опасно близко, чтобы я сотворила что-нибудь безрассудное. Забудем на время о том, что безрассудство — мое второе имя.

— Я не хочу причинять тебе боль, Датч.

— А я не хочу, чтобы ты это делал.

— Тогда не провоцируй.

Снова послышался навязчивый стук. Я протянула руку, чтобы опустить стекло, и острие ножа вжалось глубже.

Наградив Рейеса тяжелым взглядом, я проговорила:

— Он так просто не уйдет. Придется с ним поговорить.

Он не ответил, поэтому я открыла окно. Совсем чуть-чуть. На улице все еще лило как из ведра. Внезапно Рейес коснулся пальцем моих губ, и я ошалело повернулась к нему. Одну долгую секунду его взгляд был прикован к моему рту, а затем он наклонился и поцеловал меня. До меня сразу дошло, что к чему: кто станет досаждать любовникам, которые воспользовались предоставленным погодой шансом?

Поцелуй был удивительно нежным. Влажным и теплым. Язык Рейеса скользнул по моим губам, и я приоткрыла рот, подбадривая сделать поцелуй глубже. И он сделал. Скользнул языком глубоко и требовательно, превращая нежный поцелуй в обжигающий. Какая ирония судьбы! Это был наш первый настоящий поцелуй. Первый поцелуй с настоящим Рейесом, из плоти и крови.

Ни о чем не думая, я положила ладони на его твердую горячую грудь. Сильные руки обвились вокруг моей шеи, и он прижал меня к себе. Каждое его действие было наполнено неторопливой нежностью, но все мышцы в его теле были напряжены, готовясь к атаке, если возникнет необходимость.

Однако ни в коем случае нельзя было принимать желаемое за действительное. Я испытывала невероятное блаженство в его объятиях, тонула в поцелуе, но суд признал его виновным в убийстве. К тому же он был в отчаянии. А отчаявшиеся мужчины совершают отчаянные поступки.

— Похоже, у вас все под контролем.

Вздрогнув от неожиданности, я прервала поцелуй, задрала голову и увидела пожилого мужчину в ярко-желтом дождевике. Он стоял возле Развалюхи и посмеивался над нами.

— Лично я бы предпочла перебраться на заднее сиденье.

Усевшись поудобнее, я повернулась к лицу, которое едва виднелось в приоткрытом окне. Нож тут же вжался мне в шею с той стороны, с которой его не мог заметить мужчина в дождевике, едва не тонущий под потоками дождя. Просияв улыбкой, я почувствовала, как на Рейеса накатилась очередная волна боли, и дернулась, когда острие ножа проткнуло кожу до крови. Рейес тут же ослабил нажим.

— Извините нас, — сказала я человеку под дождем слегка дрожащим голосом. — Мы всего лишь решили, что раз уж бушует такая гроза...

— Понимаю, — широко ухмыльнулся он. — Вам бы отъехать подальше. Кто знает, что в

такую непогоду может случиться с другими водителями.

— Спасибо. Так и сделаем.

Несколько секунд он изучал глазами Рейеса, потом снова посмотрел на меня:

— Точно все в порядке?

— Конечно, — ответила я.

Рейес сел на пассажирское сиденье — до него, видимо, дошло, что он нависает над мной, как мог бы нависать сбежавший зек над своей заложницей. А может быть, у меня просто разыгралось воображение. Нож опустился к моим ребрам и вжался в куртку, чтобы я, видимо, не забывала, что он никуда не делся. Очень предусмотрительно.

— Все хорошо, — продолжила я. — Спасибо, что проверили. Не каждый рискнет выйти в такую грозу. — Я посмотрела на грохочущее небо.

— Ну, — мужчина в дождевике застенчиво улыбнулся, — я работаю в этом магазине. Увидел, как вы подъехали, и подумал, не случилось ли чего.

— Нет-нет, — отозвалась я, как будто вовсе не была вынуждена сидеть рядом со сбежавшим из тюрьмы убийцей, который к тому же является сыном самого злого существа во всей вселенной.

— Рад слышать. Если что-нибудь понадобится, заходите.

— Договорились. Огромное вам спасибо.

Мужчина махнул на прощание и пошел обратно к магазину. Улыбнувшись и махнув в ответ, я подняла стекло. Какой милый все-таки человек!

Как только он оказался внутри, я повернулась к Рейесу. Зная теперь, в каком он состоянии, я чувствовала, как боль накатывает на него горячими волнами, и мне опять пришлось бороться с сочувствием, которое грозило растворить в себе мое хреновое настроение.

Я указала на пятна крови:

— Что случилось?

— Ты.

— Я? — изумилась я.

Опустив нож, Рейес чуть-чуть сполз по сиденью.

— Ты уснула.

Так и было, черт побери.

— Какое это имеет отношение к...

— Похоже, каждый раз, когда ты засыпаешь, ты притягиваешь меня к себе.

— То есть это моя вина? Это... из-за меня?

Он посмотрел на меня полными боли глазами.

— Я связан. Поэтому не могу прийти к тебе, пока ты сама меня не призовешь.

— Но я же не специально. — Внезапно меня накрыло смущение. — Минуточку. Как это может быть связано с тем, что ты ранен?

— Все как прежде. Когда ты меня призываешь, я впадаю в состояние, близкое к апоплексическому удару.

— Вот оно что...

— Маленький совет: никогда не теряй сознание, если пытаешься увернуться от челюстей манипулятора мусоровоза.

— О... о... о боже мой! Мне так... Погоди-ка, с какой стати мне извиняться? Ты сбежал из самой охраняемой тюрьмы. В мусоровозе?

— Я же сказал, иначе меня бы не выпустили. — Он положил голову на подголовник и закрыл глаза. Терзающая Рейеса боль изнуряла его. — Поехали отсюда.

Повисла долгая пауза, а потом я поинтересовалась:

— Почему ты просто не забереешь мой джип?

На его губах заиграла озорная ухмылка.

— Именно это я и делаю.

— Только джип, без меня.

— Чтобы ты тут же помчалась в участок? Вот уж нет.

— Я никому ничего не скажу, Рейес. Обещаю. Ни единой душе.

Вздыхнув, он открыл глаза и посмотрел на меня. Такой красивый... И уязвимый.

— Ты знаешь, что я сделаю с человеком, который узнает правду?

Опустив голову, я ничего не ответила. Может быть, с уязвимостью я поторопилась.

— Я никому не хочу причинять боль, — добавил он.

— Но причинишь, если понадобится.

— Точно.

Повернув ключ в замке зажигания, я свернула на шоссе.

— Куда едем?

— В Альбукерке.

Я удивилась. Почему не в Мексику? Или не в Исландию?

— А что в Альбукерке?

Он снова закрыл глаза.

— Спасение.

Если все идет тебе навстречу, то ты на встречной полосе.

Надпись на футболке

Ливень превратился в моросящий дождик, от которого огни встречных автомобилей, как в тумане, расцветали целым спектром, словно дюжины маленьких радуг. Звезды по-прежнему прятались за тяжелыми тучами. Рейес, кажется, спал. Однако я все равно не горела желанием рисковать жизнью в попытке сбежать, хотя мне всегда ужасно хотелось исполнить киношный трюк с выпрыгиванием из движущейся на полном ходу тачки, после чего эффектно катишься по обочине. С моим везением меня раскатает по асфальту первая же попавшаяся машина. Минуточку! А это идея. Мы с Куки могли бы стать каскадерами.

И все-таки я не удержалась и попробовала поелозить Развалюху по шоссе, но только потому, что такие дела тоже любят режиссеры. Рейес вздрогнул на резком повороте, схватился за бок и шумно втянул в себя воздух от боли. Учитывая количество крови на спецовке, рана была существенной. Мы с ним исцеляемся быстрее, намного быстрее, чем все остальные, и я надеялась, это поможет ему остаться в живых, пока я не найду способ оказать ему помощь.

Я медленно выдохнула, поражаясь, как можно так сильно кого-то бояться и в то же время ужасно беспокоиться о состоянии его здоровья. Но действительность снова вышла на первый план, заставив посмотреть в лицо фактам: меня похитил сбежавший преступник. По моей шкале от одного до «Быть не может!» происходящее определенно занимало место двузначной отметки. Оптимист во мне, который видел стакан наполовину полным, пребывал в восторге, как бы тревожно это ни было. В конце концов, это ведь не какой-то там сбежавший преступник. Это — Рейес Фэрроу, тот самый мужчина, который проникал в мои сны, делая их настолько чувственными, что даже просто поделиться ими с кем-нибудь наверняка должно считаться преступлением.

Разыгрывать из себя шофера уголовника, который считал своим долгом тыкать мне в ребра самодельным ножом всякий раз, когда машина подпрыгивала на ухабах, не входило в мои планы на вечер. На мне висело дело. Я должна была съездить в кучу мест и повидать кучу людей. К тому же дома меня ждали два ужасика, изнывающие от жажды исполнить свой долг — встряхнуть мою нервную систему.

— Поверни на Сан-Матео.

Голос Рейеса застал меня врасплох. Я повернулась к нему, чувствуя себя чуточку смелее, чем час назад.

— Куда мы едем?

— К моему лучшему другу. Мы сидели в одной камере больше четырех лет.

— К Амадору Санчесу? — Удивление в моем голосе не услышал бы только глухой.

Амадор Санчес учился с Рейесом в старших классах и, похоже, был его единственной связью с внешним миром, пока самого Амадора не арестовали за вооруженное нападение с причинением тяжких телесных повреждений. И не на кого-нибудь, а на офицера полиции.

Надо же было так облажаться! Мы с Нилом Госсетом понять не могли, как Амадору и Рейесу удалось попасть в одну камеру на четыре года. А Нил был заместителем начальника тюрьмы. Если уж он не знал, как это произошло, то не знал никто. Одно ясно: в резюме Рейеса, кроме пункта «Был полководцем в аду», имелись и другие.

Открыв глаза, он повернулся ко мне:

— Ты его знаешь?

— Да. Мы познакомились, когда я искала твое тело. — Тут же нахлынули воспоминания. Сотни демонов напали на него и разорвали в клочья. И вот, две недели спустя, он сидит рядом со мной, полностью исцелившийся. В смысле после того случая, конечно.

Рейес слабо улыбнулся:

— Наверное, он тебе очень помог?

— Я тебя умоляю! Зуб даю, у тебя на него что-то есть.

Послышался тихий и недолгий смех:

— Это называется дружба.

— Это называется шантаж и является незаконным во многих странах. — Я снова взглянула на него, заметив в свете фар встречных машин золотистые и зеленые искорки в его глазах.

Он улыбался. Взгляд был теплым и спокойным. Моргнув, я отвернулась. Несколько долгих секунд он пялился на меня, а потом спросил:

— Который час?

Я глянула на часы на приборной панели.

— Почти одиннадцать.

— Мы опаздываем.

— Ну извини, — отозвалась я, источая сарказм в каждом слове, — понятия не имела, что мы действуем по расписанию.

Мы подъехали к дому Санчеса в Хайтс. Это был шикарный трехэтажный кирпичный особняк с матовыми витражными стеклами на парадных дверях, который с трудом вписывался в представление о жилище человека, отсидевшего в тюрьме за вооруженное нападение. В таком скорее мог жить кто-то с большим опытом уклонения от уплаты налогов. Или тот, кто каким-то образом присвоил себе собственность. Или просто украл.

— Подкати к гаражу и мигни фарами.

Не совсем понимая, почему Рейес так поступает, раз уж сбежал из тюрьмы, я сделала, как он велел. Дверь гаража тут же открылась.

— Заезжай и гаси двигатель.

Амадор и его жена казались мне чудесными людьми. Но вся эта ситуация не укладывалась в голове. Как Сьюзи Дервиш, которая никак не вписывалась в нашу команду скаутов, пока не подседа на риталин^[14].

— Мне не нравится этот план.

— Датч.

Я взглянула на Рейеса. Его глаза остекленели, он сильно побледнел. Без сомнения, он потерял много крови. Теперь я, наверное, смогу от него сбежать.

— Ничего плохого с тобой не случится, обещаю, — сказал он.

— Ты не в том состоянии, чтобы играть рыцаря на белом коне. Отпусти меня, и все.

На лице Рейеса отразилось сожаление.

— Извини, но не могу. — Он взял меня за руку, будто боялся, что я сейчас же сорвусь с места.

Именно это я и обдумывала. Долго ли он сможет бежать за мной в таком состоянии?

— Заезжай, — повторил он.

Глубоко вздохнув, я въехала в гараж на две машины и заглушила двигатель, ни капельки не радуясь тому, что сделала.

Гаражная дверь опустилась. Я оказалась один на один с группой преступников. Включился свет, из боковой двери высыпало все семейство, мигом устремившееся к нам.

Едва заметно вздрогнув, Рейес сел ровнее и искренне улыбнулся тому, кто открыл дверь с его стороны. Это был Амадор Санчес. Бьянка, жена Амадора, держала на руках маленького мальчика. За ее руку цеплялась девочка постарше. Прижав малыша к себе, Бьянка махнула мне в знак приветствия.

Я махнула в ответ (видимо, стокгольмский синдром спешил на помощь) и увидела, как Амадор засунулся в машину и сгреб Рейеса в объятиях.

— Hola^[15], дружище, — сказал он, мощно похлопывая Рейеса по спине. Рейес стиснул зубы, чтобы не выругаться. — Вы опоздали.

Амадор Санчес был привлекательным мужчиной лет тридцати с хвостиком, с короткими черными волосами, карими глазами и гонором, который мог впитаться в него только в культуре чикано^[16].

— По вине водителя, — процедил Рейес сквозь зубы. — Все время пыталась сбежать.

Взглянув на меня, Амадор подмигнул:

— Могу вас понять, мисс Дэвидсон. Я четыре года пытался избавиться от его компании.

Рейес рассмеялся. Рассмеялся! Впервые в жизни я слышала, как он по-настоящему смеется. Какое-то совсем неуместное счастье затопило меня изнутри.

— Ты ранен. — Амадор отстранился и окинул взглядом Рейеса.

— Пап, отойди! Пусти меня! — Девочка, настоящая красавица с длинными черными вьющимися волосами, протиснулась в салон рядом с отцом. По-детски изящные брови сошлись над переносицей. — Дядя Рейес, что случилось?

Рейес улыбнулся ей:

— Мне нужно сказать тебе что-то очень важное, Эшли. Готова?

Она кивнула с таким энтузиазмом, что кудряшки закачались вокруг ее личика.

— Никогда-никогда-никогда не лезь в мусоровоз.

— Говорил же, что это дурацкая идея, — сказал Амадор, поцокав языком.

— Это была твоя идея, черт бы тебя побрал.

— Тогда она была еще хуже, чем дурацкой. — Бьянка вышла вперед и попыталась аккуратно снять с Рейеса пропитанную кровью спецовку, чтобы не задеть раны. На ее красивом лице читалось беспокойство. — Поверить не могу, что ты его послушал.

— Поверить не могу, что ты за него вышла.

Прищурившись, она посмотрела на Рейеса. В этом взгляде было больше иронии, чем порицания. И в нем была любовь — искренняя, неподдельная любовь. Меня резанула вспышка несвойственной мне ревности. Они знали его лучше, чем я. Может быть, даже лучше, чем я когда-либо узнаю. Никогда никого в жизни я не ревновала, но, похоже, в последнее время это все, что я чувствую, когда речь заходит о людях в жизни Рейеса.

— Когда ты наконец придешь в себя и разведешься с ним? — спросил он у Бьянки.

Я поникла. Бьянка была великолепна. Как и у ее дочери, у нее были огромные сияющие

глаза и длинные черные волосы, густыми волнистыми прядями обнимающие плечи.

— Она любит меня, *pendejo*^[17], - сказал ее муж, пожав плечами как ни в чем не бывало. — Хрен его знает за что.

— Я выйду за тебя, дядя Рейес.

Рейес снова рассмеялся и ласково улыбнулся девочке:

— Тогда я буду самым везучим на свете.

Эшли прыгнула ему на руки, и Бьянка в ужасе вскрикнула:

— Детка, нет!

Подмигнув Бьянке, Рейес дал ей понять, что все хорошо, и осторожно, чтобы не запачкать кровью, обнял девочку. Мне показалось, он лелеет этот момент, как будто долго-долго ждал, когда сможет ее обнять. Глаза Бьянки наполнились слезами, она наклонилась и поцеловала его в щеку. Он протянул руку и теперь обнимал их обеих.

Отвернувшись, я увидела Амадора, который стоял неподалеку. Он улыбался и смотрел на происходящее, испытывая чистую радость. Я поняла, что вмешиваюсь в долгожданное воссоединение близких. Меня не должно быть здесь. По тысяче причин.

Рейес посмотрел вниз на малыша, стоявшего возле матери, и улыбнулся:

— Ну привет, мистер Санчес.

— Привет, — робко отозвался мальчик, и на его щеках едва обозначились ямочки. — Ты теперь будешь жить с нами?

Хихикнув, Бьянка подняла его, чтобы поднести ближе к Рейесу.

— Не думаю, что твоему папе это понравится, Стивен. — Рейес очень серьезно пожал крошечную руку. — Ты вырос за нас обоих. Наверное, теперь я могу больше не расти.

Малыш рассмеялся.

— Ну все, все, — подал голос Амадор, — дайте дяде Рейесу перевести дух.

Стивен повернулся к отцу:

— Можно ему пожить с нами, пап?

— Пожалуйста-пожалуйста! — поддержала Эшли.

— Сразу видно, что вы никогда не жили с дядей Рейесом. Дядя Рейес жутко страшный.

К тому же храпит. *Vete*^[18]! — Амадор подтолкнул детей в дом и повернулся к Рейесу, тут же помрачнев. — Идти можешь?

— Думаю, да.

Положив руку Рейеса себе на плечо, Амадор медленно поднялся.

— Что-то не припомню, чтобы это входило в план.

— Это все она, — Рейес кивнул в мою сторону, как раз когда я выбралась из Развалюхи.

Бьянка рассмеялась:

— Видимо, теперь он повесит на вас всех собак, Чарли.

— Посмотрим. — Я обошла машину. — Я могу чем-то помочь?

Рейес остановился и посмотрел на меня, словно его удивил мой вопрос. От его кривоватой ухмылки у меня остановилось сердце. И я заметила благодарность в его глазах. Не пропустила я и того, как безмолвно переглянулись Амадор с Бьянкой, и как на ее красивых губах появился намек на улыбку.

— Мама, мама! — В гараж ворвалась Эшли, едва не сбив с ног Рейеса и отца.

Бьянка подхватила взволнованную девочку на руки:

— Осторожнее, крошка.

— У двери полицейские.

— Можно мне подержать ваш пистолет?

Я чуть не грохнулась в обморок, когда услышала нехитрую просьбу Стивена. Нас с Рейесом спрятали в домашней прачечной в надежде, что местные офицеры всего лишь обходят дома в честь ежегодной благотворительной раздачи продуктов. Света от ночника было маловато, а сама комната пахла весенними полевыми цветами.

— Сынок, — любящим тоном отозвался Амадор, — ты же знаешь, что нельзя играть с пистолетами.

— Я всего лишь хочу подержать. Я не буду с ним играть. Обещаю.

Послышался мягкий смех, и я отчетливо представила себе ласковую улыбку на лице Бьянки.

— Стивен, — мягко пожурела она, — офицер пытается нам что-то сказать.

Мужчина откашлялся:

— Как я уже говорил, мы проверяем всех известных нам знакомых Рейеса Фэрроу.

Ну все. Дети сдадут нас с потрохами в мгновение ока. То есть все окажется даже легче, чем забрать у ребенка конфету.

А я стою тут в окружении свежестыранного белья со сбежавшим уголовником за компанию. Если нас найдут, я буду больше смахивать на сообщницу, чем на заложницу, сжимающуюся от страха в темном углу.

Что, ради загробной жизни, я творю? Это же мой шанс выбраться из передрыги! Можно положить всему этому конец прямо здесь и сейчас!

Я нащупала дверную ручку в тот самый момент, когда длинная рука протянулась над моим плечом и уперлась в дверь. Рейес навис надо мной сзади, и я щекой ощутила его дыхание.

— Сорок восемь часов, — прошептал он, пока я купалась в тепле его тела, и добавил: — Это все, что мне нужно.

В мыслях на первый план вышла моя убежденность, что суд на Рейесом и близко не был справедливым. Может быть, он заслужил этот шанс — сбежать и пожить свободной жизнью. Никто так и не узнал, что произошло на самом деле. Смерть Эрла Уокера могла быть несчастным случаем, или, что более вероятно, Рейес просто защищался от этого монстра. Что же в его побеге не дает мне покоя?

И в этот самый момент всплыла причина моих сомнений. Меня будто окатили ледяной водой. Раз он сбежал из тюрьмы, ему придется удариться в бег. То есть уехать. Он двинет в Мексику, Канаду или Непал и будет жить там, исчезнув со всех радаров.

Я никогда его снова не увижу.

Сделав глубокий вдох, я медленно выдохнула. Рейес ждал ответа.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, прикинувшись, что не понимаю, зачем ему понадобилось время. Наверняка речь шла о поддельных документах. Получить липовое удостоверение личности не так-то просто. — Что ты можешь сделать за сорок восемь часов?

Он еще ближе наклонился ко мне, как будто не хотел, чтобы услышал кто-то еще.

— Найти отца.

Мне стало по-настоящему любопытно. Я повернулась к Рейесу так тихо, как только могла. Это было нелегко. Он стоял на том же месте, вынуждая меня смотреть ему в глаза.

— Я могу найти твоего отца за пятнадцать минут.

Приподняв брови, он с интересом склонил голову набок.

— Кладбище «Сансет». — Я указала пальцем приблизительно туда, где оно должно находиться. — Очень сомневаюсь, что он пошел куда-то прогуляться.

От намек на улыбку приподнялись уголки его губ.

— Если он на кладбище, — издевательски проговорил Рейес, — то только чтобы навестить свою усопшую тетюшку Веру. Что очень маловероятно, поскольку она никогда ему не нравилась.

Я нахмурилась, внезапно пожалев, что не получила на руки его психологический профиль.

— Не понимаю.

Опустив взгляд, он со вздохом закрыл глаза и словно с неохотой проговорил:

— Эрл Уокер жив. — После долгой паузы он открыл глаза. На лице отражалось беспокойство. — Я сел в тюрьму за убийство того, кто все еще жив, Датч.

Это невозможно. Как бы мне ни хотелось, я не могла заставить себя ему поверить. Судмедэксперт идентифицировал тело. Поскольку оно было сожжено, пришлось использовать стоматологические записи. Так или иначе, обнаружили полное совпадение. Согласно расшифровкам стенограмм, Рейес лично опознал школьное кольцо отца, найденное на безымянном пальце трупа.

Наверняка Рейес ошибся или... или что? Спятил?

Очевидно, сомнения отразились в моих глазах. Со смиренным вздохом он опустил голову и сделал шаг назад. Он собирался меня отпустить? Неужели все оказалось так просто?

А потом он поднял взгляд, всем своим видом выражая мрачную решимость, и я поняла, что ответом на мои вопросы было одно большое «нет». Если до сих пор Рейес не убедил меня в том, как далеко он может зайти, то следующая его фраза сделала это на все сто:

— Пять пять четыре семь, на северо-восток от Малагуэны.

Окаменев, я пыталась осознать смысл его слов. Сердце замерло у меня в груди от полного неверия и странного чувства, будто меня предали. Не каждый день сбежавший преступник произносит наизусть адрес моих родителей. Каждая мелочь в поведении Рейеса подтверждала искренность его угрозы. Он смотрел на меня и ждал, когда до меня дойдет, что он не оставляет мне выбора — мне придется сотрудничать.

— Уж поверь, — добавил он, слегка кивнув для убедительности, — я могу многое сделать, и не только в стенах тюрьмы.

Мысленно я представила папу, его теплую улыбку. Несмотря на то, что он пытался заставить меня бросить расследования, ради него я была готова на что угодно, включая пособничество преступнику. С яростью глядя на Рейеса, я чувствовала, как жгут глаза горячие слезы. Наши отношения только что упали на новый уровень, где царили презрение и недоверие. Как я могла так много к нему испытывать?

Долгое время я молча стояла, отказываясь говорить и давая возможность кипящему во мне гневу пустить корни, указать мне путь, ожесточить мое сердце. Я была такой дурой! Но больше это не повторится. Никогда.

— Значит, мы друг друга поняли? — спросил Рейес.

Он не пошевелился ни на миллиметр. Просто стоял и смотрел на меня, будто давал время впитать его слова, продумать все последствия любых действий, которые я могла бы предпринять против него.

Я тоже смотрела на него.

— Ты сволочь.

В его улыбке не было ни намека на юмор.

— Значит, мы друг друга поняли.

Открылась дверь, и я отступила в сторону, не сводя с него глаз. Хочет войны — получит.

Нас проводили в просторную кухню с суперской бытовой техникой и самой крутой духовкой, какую мне доводилось видеть. Бьянка укладывала детей спать. Видимо, они ждали наверху, когда смогут увидаться с дядей Рейесом. Бедные детишки. Они понятия не имели, какие ненормальные притворялись членами их семьи.

Закрыв все жалюзи, Амадор принялся срезать с Рейеса одежду. В кухню ворвалась Бьянка со всеми медикаментами, которые были у них под рукой. Я же ничего не могла с собой поделаться: снова и снова мой взгляд возвращался к ним, по мере того как по кускам испарялась спецовка, а за ней и тюремная форма. Под всем этим Рейес был абсолютно голым. Я честно пыталась не смотреть, но даже с ранами он выглядел, как греческий бог. Идеальная кожа обтягивала холмы и долины мускулов. Бьянка обернула полотенце вокруг нижней части его тела, пока Амадор осматривал рану.

— Мне нужно в душ, — сказал Рейес, глотнув три таблетки какого-то болеутоляющего, которые вручил ему Амадор.

Амадор покачал головой:

— Не знаю, дружище. Может начаться заражение.

— Все заживет задолго до того, как у инфекции будет шанс. Просто дайте мне перекур, — Рейес указал на стол, — и все будет в порядке.

Пока он говорил, я обошла стол, чтобы посмотреть поближе, и у меня закружилась голова. Весь его левый бок был истерзан. В глубоких ранах виднелись мышцы и кости. Невозможно получить такие раны без перелома одного или двух ребер, а может, и больше. Темные гематомы уже расползлись по животу и груди.

— Боже мой! — выдохнула я, надеясь не промахнуться мимо стула.

— Чарли! — Бьянка в панике бросилась ко мне и помогла сесть. — Вы в порядке?

— Да, — сказала я, обмахивая лицо. — Нет. — Я снова встала и уставилась на Рейеса, испытывая новый прилив гнева. — Зачем ты это делаешь? Зачем рискуешь жизнью?

— Датч, — с предостережением процедил он.

— Нет, это просто дикость какая-то. Зачем тебе все это? Ты ничего не добьешься.

— Спасибо за вотум доверия.

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Я шагнула ближе, заставляя себя смотреть ему в лицо. — Тебя найдут. Всегда находят.

— Датч, — снова сказал Рейес и, протянув руку, взял меня за подбородок, — у меня

есть план. — Он оглянулся на Амадора, пока я не успела сказать что-нибудь еще. — Кстати о плане. Мне нужны скотч и наручники.

Амадор ухмыльнулся. Бьянка вздохнула со счастливым выражением лица.

Что бы сделал Макгайвер^[19]?

Надпись на футболке

— Неужели это действительно необходимо? — спросила я, звеня наручниками.

Враждебность, вызванная угрозами в адрес папы, потихоньку сдувалась под натиском реальной действительности. Рейес мне и раньше угрожал, причем не один раз. Как загнанный в угол зверь, он рычал и метался, чтобы получить желаемое, однако никогда не причинял мне вреда. И моим близким тоже.

Тогда в соседней комнате находились полицейские, а Рейес просто не хотел возвращаться в тюрьму. Поэтому и воспользовался моим слабым местом, зная, что ради папы я пойду на все. И все же, несмотря на мою готовность рационально оценить ситуацию, было сложно закрыть глаза на то, что сбежавший из тюрьмы убийца знает наизусть адрес моих родителей.

— Или так, — Рейес кивком указал на наручники, — или мне пришлось бы тебя связать и запереть в подвале. Мне подходят оба варианта. — На его губах заиграла самая дьявольская на свете ухмылка. Черт бы побрал его злобного папашу.

Бьянка принесла еще полотенце и чистую одежду для Рейеса и положила все на закрытую крышку унитаза. Что и понятно, раз уж мы были в ванной, а меня приковали наручниками к батарее. Приковали наручниками! Это уже чересчур.

Бьянка тихо рассмеялась и приподняла брови, в чем не было ни намека на тактичность, а потом закрыла за собой дверь. Заговор, не иначе.

Вода еще не текла, поэтому Рейес сбросил с себя полотенце и вошел в душ. Кровотечение остановилось. Стоя ко мне спиной (что ни капельки не помогало мне устоять на подкосившихся ногах), он вылил перекись на открытую рану. Я слышала, как пузырилась жидкость вперемешку с кровью, как выдохнул Рейес, но не могла оторвать взгляда от потрясающего вида. Безупречные плечи, покрытые гладкими линиями и острыми углами татуировки, стройная талия и, очень вероятно, самая красивая на свете задница. Дальше были ноги — сильные, созданные для битв. Мой взгляд вернулся к его рукам, крепким, как сталь, и...

— Закончила?

Я подпрыгнула, громко звякнув наручниками, и посмотрела на Рейеса.:

— Что? Я рассматривала твою рану.

— Рентгеновским зрением? — усмехнулся он.

Тоже верно. С моего места видеть рану я не могла, но его спина слева и вдоль позвоночника была покрыта ушибами. Выглядели они очень и очень хреново.

— Тебе повезло, что ты выжил.

— Ну да. — Он повернулся ко мне, и я изо всех сил, как выздоравливающий алкоголик, остро нуждающийся в очередной рюмке, старалась смотреть ему в лицо, а не куда-нибудь еще. — В последнее время мне это часто говорят.

Рейес поставил коричневый пузырек с перекисью на туалетный столик и случайно прикоснулся ко мне. Меня окатило жаром, когда я поняла, что он смотрит на мой рот. Рейес нырнул обратно в душ и включил воду.

— Мне кажется, после душа тебе стоит еще раз промыть раны перекисью.

— Беспокоишься обо мне? — поинтересовался он, перед тем как закрыть дверь душевой кабины.

— Не особенно.

Смотреть на него сквозь волнистое стекло было все равно что любоваться абстрактной картиной, зная, что натурщик, позировавший художнику для шедевра, был самым совершенством. С большим трудом мне удалось отвести взгляд. Он угрожал моим родителям. И все же было трудно злиться на раненого голого человека.

Раздался тихий стук, и в дверь просунулась голова Бьянки.

— На берегу чисто?

— Ага. Доктор Ричард Кимбл^[20] в душе.

Войдя в ванную, Бьянка поставила на пол пару ботинок.

— Вы многим рискуете ради него, — пробурчала я себе под нос.

Она сочувственно улыбнулась и проговорила таким тоном, будто умоляла меня понять:

— Он дал мне все, Чарли. Если бы не он, у меня бы ничего не было. Если не считать того, что я работала бы официанткой или кассиршей, едва сводящей концы с концами, он подарил мне Амадора. Только благодаря Рейесу мой муж все еще жив. Я рискую только тем, что дал мне он. Ради кого еще стоило бы рисковать? — Улыбнувшись, Бьянка вышла и закрыла дверь.

Почувствовав лесной запах шампуня, я переместила вес на другую ногу и взялась за батарею свободной рукой. Какое-то время я рассматривала множество разных брусков мыла в мыльнице, а потом раздраженно вздохнула. Громко. Мой взгляд вернулся туда, где ему и хотелось быть, будто Рейес воплощал собой силу притяжения. Мыльные потоки ползли вниз по стеклянной двери, странным образом делая вид через стекло четче. Я подалась поближе. Рейес не двигался. Просто стоял, упершись одной рукой в стенку, а второй держась за бок. Это напомнило мне о нашей недавней встрече, заставляя почти поверить в его уязвимость.

— Рейес?

Он повернул ко мне голову, но рассмотреть его черты не получалось.

— Ты слишком легко веришь моим угрозам. — Его голос тихим эхом отражался от кафельных стен.

Я отшатнулась.

— Хочешь сказать, что не стоит?

— Нет. — Он выключил воду, открыл дверь и обернул полотенце вокруг талии, даже не вытершись насухо. Потом посмотрел на меня. — Иначе пытаться будет бессмысленно.

— Уверена, что блефуешь ты редко, — сказала я, отводя взгляд. — Твои угрозы нечасто остаются пустыми словами. Но я запомню на будущее.

— Лучше не стоит.

Помня, кому именно он угрожал, я наградила его самым лучшим из своих сердитых взглядов:

— Даже если это было несерьезно, все равно не надо было угрожать моим родителям.

Рейес всего лишь повел бровью:

— Я был в отчаянии.

— Я понимаю, что ты не хотел возвращаться в тюрьму, но...

Выражение его лица заставило меня замолчать. Мне показалось, он был разочарован.

— Нет, Датч. Не потому, что я не хотел возвращаться в тюрьму. А потому, что не собирался.

Я моргнула, не сразу поняв, что он имеет в виду.

— Знаешь, что случилось бы с офицерами, если бы они меня нашли? С Бьянкой и детьми, если бы они это увидели? Увидели, на что я способен?

Наконец-то до меня дошло:

— Ты их защищал. Полицейских.

Внезапно я почувствовала себя деревенским дурачком. Конечно, его не забрали бы обратно в тюрьму. Сначала он бы умер. Или кого-нибудь серьезно покалечил. А я стояла в прачечной и не думала ни о ком, кроме себя. Даже если посмотреть на все с другой точки зрения, что было бы с детьми, увидь они, как Рейеса заковывают в наручники и уводят? Он не причинял мне вреда. Никогда. Зато много раз спасал мне жизнь, а я благодарю его за это снова и снова сомнениями и недоверием.

Однако он приставил к моему горлу нож.

— Я хотел, чтобы ты вела себя тихо, — сказал он, медленно приближаясь ко мне.

С его лица капала вода, мокрые пряди волос свисали на лоб. Он смотрел на меня, как хищник смотрит на свою добычу, не моргая. Густые ресницы склеились от влаги. Он поднял руку и погладил меня по волосам.

— Ты бы на самом деле причинил вред моим родителям? — спросила я.

Ресницы Рейеса опустились, когда его взгляд упал на мои губы.

— Скорее всего я начал бы с сестры.

И зачем я только спросила?

— Ну ты и козел. — Я бы оттолкнула его, будь у меня свободны обе руки.

Он пожал плечами:

— Верь в эту иллюзию. Однажды ты выяснишь, на что способна, — он наклонился ко мне, — и где тогда буду я?

Сняв полотенце, он принялся вытираться. Я повернулась к стене, схватившись руками за батарею под его нахальный смех. Просушив полотенцем волосы, он надел свободные джинсы и футболку, которые оставила Бьянка.

— Можешь помочь? — поинтересовался он.

Я обернулась. Рейес придерживал задранную вверх футболку и одновременно пытался обмотаться бинтом.

— Я думала, у тебя IQ гения.

Он резко поднял голову. Все следы юмора мигом испарились.

— Где ты об этом узнала?

— Я... я... Не знаю, наверное, из твоего личного дела.

Он отвернулся от меня, как будто испытывал отвращение.

— Ну конечно, личное дело.

Надо же. Похоже, он терпеть не может эти бумажки.

— Сними наручники, и я помогу.

— Сам справлюсь.

— Рейес, не глупи.

Когда он пошел к умывальнику, я подняла ногу и уперлась в фарфор ботинком,

преградив ему путь.

Рейес остановился и несколько долгих секунд смотрел на мою ногу. А в следующий момент уже был передо мной, запустив одну руку в мои волосы, а второй прижимая к себе. Но дальше не зашел. Просто смотрел изучающим взглядом, а потом спросил:

— Ты хоть представляешь, как это опасно?

Раздался громкий стук в дверь, и от неожиданности я подскочила вверх не меньше, чем на метр.

— Pendejo, пора выдвигаться. За домом уже следят. Придется несладко. И делу не поможет, если ты будешь страдать от истощения и обезвоживания, вызванных интенсивными нагрузками, если ты понимаешь, о чем я.

Как будто на это понадобилась вся сила воли, Рейес опустил руки и отступил, раздраженно скрипнув зубами.

— Минуту, — процедил он и наклонился, чтобы надеть носки и обуться.

Выпрямившись, он вставил ключ в замок наручников и повернул одной рукой, сжав пальцами другой мою ладонь. А потом мы шли, держась за руки, по коридору, чувствуя, как с каждым вдохом крепнет поток взаимных ощущений. Проверив задний двор, Амадор позвал нас, махнув рукой, а сам побежал за угол дома.

— Дядя Рейес, ты уезжаешь?

Рейес обернулся. Из окна своей спальни, прикрытого сетчатым экраном, выглядывала Эшли.

— Ненадолго, бусинка, — ответил он, подходя к окну. — Почему ты не спишь?

— Не могу. Хочу, чтобы ты остался. — Эшли положила ладошку на сетку. Рейес сделал то же самое. У меня чуть не взорвалась голова от попыток понять, как ему удастся быть таким зверски жестоким и удивительно ласковым одновременно.

Эшли вытянула губки трубочкой и прижалась к сетке. Рейес наклонился и с обожанием чмокнул ее в нос. А я стояла и думала, почему, черт возьми, когда нужно, под рукой никогда нет фотоаппарата.

— Когда мы поженимся, — проговорила Эшли, прижавшись лбом к экрану, — мы ведь сможем целоваться без всяких сеток, правда?

Рейес тихо рассмеялся:

— Конечно, сможем. А теперь беги спать, пока мама не увидела.

— Хорошо. — Она зевнула, превратив маленький ротик в идеальную «О», и исчезла.

— Чувак, ты только что целовался с моей дочерью?

Рейес повернулся к Амадору с ухмылкой:

— У нас любовь.

— Ладно, но ты ее не получишь, пока ей не стукнет восемнадцать. — Амадор положил на землю набитую какими-то вещами сумку. — Нет, я тебя знаю. Так что пусть будет двадцать один.

На улицу выбежала Бьянка и вручила мужу еще одну сумку.

— Это в дорогу, — сказала она, уже подходя к Рейесу. Осторожно обняв его, она поцеловала его в щеку. — Береги себя, красавчик.

— Ради тебя — что угодно.

— Двадцать пять, — проворчал Амадор, не обращая внимания на то, как вопросительно приподнялись брови Рейеса.

Амадор, Рейес и я побежали по заднему двору, перелезли через забор, промчались по

двору соседей и выскочили на следующей улице, где нас ждал старенький двухдверный грузовичок «шевроле». Похоже, все это время одна я поражалась тому, как быстро выздоравливает Рейес, хотя и сама могла шлепнуть на стол сверхъестественную карту. Амадор же не казался удивленным ни капельки.

Бросив сумки в кузов, он вручил Рейесу ключи и сказал, постучав пальцем по часам:

— Две минуты. На этот раз не задерживайся. — Потом подошел к Рейесу и крепко его обнял. — *Vaya con Dios*.

«Иди с Богом». Знал бы он, как смешно это звучит.

— Будем надеяться, — отозвался Рейес. — Мне может понадобится Его помощь.

Амадор снова глянул на часы.

— Минута тридцать.

Рейес усмехнулся:

— На твоём месте я бы уже побежал.

И Амадор помчался обратно.

— Что происходит? — спросила я.

Рейес забрался в грузовик, и я заметила, как он поморщился, хотя и пытался это скрыть. Определенно, раны не затянулись до конца, но процесс шел невероятно быстро.

— Диверсия, — ответил он, когда я тоже села в машину.

Приблизительно минуту спустя в тишине окрестностей раздался вой полицейских сирен, и по переулку перед нами промчались два мощных автомобиля.

— А вот и наш сигнал, — сказал Рейес, завел двигатель и поехал к выезду на шоссе.

Ни одного копа в поле зрения не было.

— Кто за рулем второй машины?

Рейес улыбнулся:

— Кузен Амадора, который должен ему не меньше миллиона долларов. Не волнуйся, они справятся. У них есть план.

— Вы просто помешаны на планах, ребята. Когда в последний раз ты водил машину? — спросила я, вдруг вспомнив, что он провел в тюрьме немало лет.

— Нервничаешь?

Неужели он не способен просто взять и ответить на вопрос?

— Ты уклоняешься от ответов круче любого «морского котика».

Мы подъехали к убогому отелю в южной части города и вошли в здание, держась за руки. Потому что Рейес не собирался отпускать меня одну — он мне не доверял. Это порождало во мне комплексы. Или порождало бы, не будь мне до лампочки.

— Это место опасно для здоровья, — заметила я. — Хочешь остановиться здесь?

Он лишь ухмыльнулся и стал ждать, когда я заплачу портье — женщине средних лет, которая, наверное, очень любит играть в лото с друзьями.

— Ну и ладно.

Я отдала деньги, и мы, прихватив сумки, пошли по коридору к номеру 201.

— На этот раз душ можешь принять ты, если есть желание. — Рейес улыбался, как хулиган, осматривая все предметы в комнате, пока не уселся на кровать.

— Я вполне чистая, спасибо.

Он пожал плечами:

— Просто предложил.

Без предупреждения он сорвал с кровати матрас, снял пружинный блок и жестом

подозвал меня ближе. Передо мной торчал голый каркас.

— Что опять?

— Я не могу позволить тебе сбежать, когда меньше всего этого жду.

— Серьезно? Послушай, — начала я, когда он предложил мне сесть, завел мои руки за спину и приковал к чертовому каркасу, — допустим, Эрл Уокер жив.

— Ты хочешь об этом поговорить? Сейчас?

Я вздохнула, без слов выражая свое раздражение, и поерзала, чтобы усесться поудобнее.

— Я же детектив. Я могла бы его поискать. Но я веду расследования куда лучше, когда рядом постоянно не торчит сбежавший преступник, который приковывает меня наручниками ко всему металлическому, что оказывается под рукой.

Рейес застыл и уставился на меня:

— То есть ты хочешь сказать, что можешь лучше выполнять свою работу, когда меня нет рядом?

— Да. — Мне уже становилось неудобно сидеть в таком положении.

Рейес наклонился к моему уху и прошептал:

— Я на это очень рассчитываю.

— Минуточку. Ты собираешься меня отпустить?

— Разумеется. Как еще тебе удастся найти Уокера?

— Зачем тогда приковал меня к этой кровати?

Его улыбка показалась мне самой довольной на свете.

— Затем, что мне нужно преимущество. — Прежде чем я успела сказать хоть слово, он сунул мне под нос какую-то бумажку. — Это имена известных мне знакомых Эрла Уокера.

Чтобы прочитать, мне пришлось откинуть голову.

— У него было всего трое друзей?

— Он не был народным любимцем. Клянусь, кто-то из этих троих знает, где он.

Рейес сел рядом со мной. Темные глаза сияли даже в приглушенном свете. По мне снова молнией ударило осознание того, что рядом со мной — Рейес Фэрроу. Человек, которым я была одержима больше десяти лет. Сверхъестественное существо, излучающее чувственность так же легко, как другие излучают неуверенность в себе. Он засунул клочок бумаги в карман моих джинсов и задержался рукой на моем бедре.

— Рейес, сними наручники.

Он поник и отвернулся.

— Если я сниму с тебя наручники, то не смогу отвечать за свои действия.

— Я и не прошу.

— Но они будут здесь с минуты на минуту, — с сожалением проговорил он.

— Что? — удивилась я. — Кто?

Поднявшись, Рейес покопался в сумке, потом вернулся и встал на колени рядом со мной.

— Видимо, меня покажут в десятичасовых новостях. Портье узнала меня и наверняка позвонила в полицию, как только мы ушли.

У меня отвисла челюсть.

— Почему ты не сказал мне?

— Потому что никто ничего не должен заподозрить.

— Поверить не могу, что сразу не заметила. — И тут я узнала, зачем ему был нужен скотч. — погоди! — запротестовала я, глядя, как он разматывает липкую ленту. — Как ты

послал мне сообщение с номера моей сестры?

— Я этого не делал, — ухмыльнулся он и, не успела я сказать ни слова, заклеил мне пол-лица.

Взяв сумку, Рейес приподнял мою голову и поцеловал прямо в скотч. Когда он закончил, а я разучилась дышать, он посмотрел мне в глаза, будто просил прощения.

— Будет больно.

«Что?» — подумала я за полсекунды до того, как увидела звезды и мир канул во тьму.

*Полиции никогда не кажется забавным то,
что кажется забавным тебе.*

Надпись на футболке

Мир попытался взять реванш тошнотой, вернувшись через несколько минут после того, как мне врезал некто, кто очень даже мог выиграть в номинации «Почти наверняка будет трупом, когда до него доберется злая белая барышня». Штурмовая группа спецподразделения полиции ворвалась в номер с винтовками наготове. Один из спецназовцев присел рядом со мной, и я многозначительно простонала. С одной стороны, чтобы выглядеть невинно, а с другой, потому что ни на что другое не было сил.

Рейес меня ударил! По-настоящему ударил! И не важно, что, в отличие от других девушек, я исцелюсь за каких-нибудь несколько часов. Я все равно была и остаюсь девушкой, и он, черт его дери, очень хорошо это знает. Надо стукнуть его в ответ. Свинцовой трубой. Или переехать фурой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил боец, изучая мой глаз.

Черт, обожаю, когда мужчины в форме изучают мои глаза. Или задницу. Не важно. Я кивнула, давая понять, что все путем, и он стал медленно сдирать с меня скотч. Налепив его на какую-то пластиковую шутовину, он засунул все в пакет для улик как раз в тот момент, когда в номер вошли детектив и двое патрульных, чтобы побеседовать с сержантом — главным в группе. С помощью одного из патрульных спецназовец расстегнул наручники и помог мне сесть на кровать, которую успели привести в порядок.

— Хотите воды? — спросил он.

— Нет, спасибо, все хорошо.

— Думаю, мы должны ее арестовать.

Обалдев, я посмотрела на полицейского. Это был Оуэн Вон. Тот самый Оуэн Вон Парень, который в старших классах пытался переехать меня на отцовском джипе, чтобы убить или покалечить. Что ж, я в заднице. Он до потери пульса ненавидит меня с ног до головы, все мои кишки и даже то место, где кишки находятся. Как, кстати, оно называется?

— В этом нет необходимости, офицер, — сказал детектив. — Минуточку, — он подошел ближе, — вы племянница Дэвидсона?

— Да, сэр, — отозвалась я, пробуя пальцем глаз. Жгло. Не палец — глаз.

Глубоко вздохнув, детектив повернулся к Вону и заявил:

— Ладно, арестуйте ее.

— Что?!

Губы Вона растянулись в довольной ухмылке, а детектив злорадно усмехнулся и сказал:

— Шучу.

Помрачнев от разочарования, Вон отчалил. Детектив сел возле меня и поинтересовался:

— Что тут происходит?

— Меня похитили вместе с машиной. — Очевидно же, что разговор с полицией входил

в план. Иначе бы Рейес меня не ударил. По крайней мере, я на это надеялась. — И приковали наручниками к каркасу кровати.

— Ясно. — Детектив достал блокнот и сделал несколько пометок, в то время как в номер вошел федеральный маршал. — Ваша машина все еще у него?

Я мысленно вздохнула, понимая, что это займет немало времени.

Так все и было.

Два часа спустя я сидела на заднем сиденье патрульной машины Оуэна Вона и ждала, когда за мной приедет дядя Боб. Меня осмотрела бригада «скорой помощи» и до смерти достал похотливый офицер по имени Бад. Решив, что пора отсюда делать ноги, я вызвала подмогу в лице любимого дядюшки, чтобы убедить сливки общества Альбукерке отпустить меня с миром. Опухший глаз помог. Святой ежик, ну и силища у Рейеса! Причем я очень сомневаюсь, что он ударил меня со всей дури. И слава богу.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Вон сидел за рулем, и это нормально, раз уж машина его.

— Ты когда-нибудь мне скажешь, чем я тебе насолила? — спросила я, надеясь, что он не подстрелит меня в зад за вопрос.

— А ты когда-нибудь сдохнешь с воплями?

На это у меня был только один ответ — большое, жирное, громкое «нет». Господи, он и правда меня терпеть не может, а я так никогда и не узнаю почему. Я постаралась сделать все, чтобы ему было стыдно меня убивать, если вдруг представится шанс. Где-то я читала, что если постоянно повторять имя жертвы, скажем, похитителю, то постепенно похититель начнет чувствовать связь со своим заложником.

— Чарли Дэвидсон — хороший человек. Уверена, если ты скажешь Чарли, что она натворила, она очень-очень постарается все исправить.

Вон замер, а потом медленно повернулся ко мне, как будто я его задела за живое:

— Еще раз заговоришь о себе в третьем лице — тут же тебя прикончу.

Ладно, он явно чувствительно относится к предложениям повествовательного типа. Не знаю, законно ли, когда офицер полиции подобным образом угрожает гражданскому, но, поскольку у него была пушка, а у меня нет, я решила его об этом не спрашивать.

Пока мы сидели и ждали Дибби, я уяснила две вещи об Оуэне Воне: во-первых, он обладает необъяснимой способностью смотреть на человека в зеркало заднего вида не мигая не меньше пяти минут. Жаль, что у меня не было с собой глазных капель, иначе обязательно бы ему предложила. А во-вторых, у него, видимо, был какой-то дефект или деформация, из-за чего его нос тихонько посвистывал во время дыхания.

Не успела я умереть в действующем на нервы аду, известном как патрульная машина Оуэна Вона, как очень угрюмый человек по имени дядя Боб уже вез меня домой.

— Значит, Фэрроу тебя похитил? — спросил он, когда мы заехали на стоянку, даже не подозревающую о его дурном настроении.

— Да, вместе с машиной.

— И почему ты оказалась возле супермаркета посреди черт знает где ночью в дикий

ливень?

- Потому что получила эсэмэску от... Блин! Джемма!

Откопав сотовый в сумке, которую Рейес по доброте душевной оставил на прикроватной тумбочке, я позвонила Джемме. Ее телефон все еще не работал. Тогда я позвонила ей домой.

— Джемма Дэвидсон, — ответила она уставшим голосом. Вот приблизительно так же я себя и чувствовала.

— Ты где? — спросила я.

— Кто это?

— Элвис.

— Который час?

— Пора кого-нибудь размазать?

— Чарли.

— Ты писала мне эсэмэс? У тебя сломалась машина?

— Нет и нет. За что ты так со мной?

Смешная она у меня.

— Проверь сотовый.

Послышался громкий сонный вздох, шорох простыней, а потом и голос Джеммы:

— Он не включается.

— Вообще?

— Вообще. Что ты с ним сделала?

— Съела на завтрак. Проверь отсек для батареи.

— И где это, черт возьми?

— М-мм, под крышкой для батареи не пробовала?

— Опять нахулиганила?

Мне было слышно, как она возится с телефоном.

— Джем, если бы я хотела похулиганить, то не стала бы отключать твой телефон. Я бы облила тебе волосы медом, пока ты спишь, или что-то в этом духе.

— Так это была ты?! — потрясенно воскликнула Джемма.

Когда-то она купилась на мою сказочку о том, как мастерски люди умеют открывать окна снаружи, и совершенно не замечала всей картины вкуче с главным подозреваемым. Много лет она считала, что во всем виновата Синди Вердин. Конечно, я собиралась сказать ей правду, но после того, что она сделала в отместку с Синди, передумала. Ресницы Синди больше никогда не были прежними.

— Погоди, — сказала Джемма, — батареи нет. Ты ее взяла?

— Да. Сегодня вечером ты куда-нибудь ходила?

Она еще раз громко вздохнула:

— Нет. Да. Я ходила выпить по стаканчику с коллегой.

— В тебя кто-нибудь врезался? Может быть, ронял что-то прямо перед то...

— Да! Боже мой, в меня врезался мужчина, извинился, а через пять минут лично принес бутылку вина, чтобы сгладить ситуацию. Но это же ерунда. Он едва прикоснулся ко мне.

— Он взял твой телефон, написал мне сообщение, украл батарею, а когда принес вино, подложил тебе телефон.

Учитывая круг друзей Рейеса, меня совсем не удивило, что среди них мог оказаться карманник.

— У меня такое ощущение, что надо мной надругались.

— Из-за телефона или меда в волосах?

— Не мне тебе напоминать, что расплата легкой не бывает. Кстати, ты мне так и не перезвонила после встречи с Рейесом. Как все прошло?

— Супер. — Я покосилась на дядю Боба, который сидел и ждал отчета. — Знаешь, теперь мне ясно, что... — Я закрыла телефон, так и не договорив.

— Чарли, я это уже говорил, но повторяю снова. Этого человека суд признал виновным в убийстве. Если б ты только видела, что он сделал со своим отцом... — Он замолчал, качая головой.

Несмотря на состояние его волос, я решила ему довериться.

— Дядя Боб, возможно ли, что в багажнике той машины был не Эрл Уокер?

Его брови сошлись на переносице.

— Это тебе Фэрроу сказал?

— Возможно или нет? — не отступала я.

Дибби опустил голову и выключил мотор.

— Он такой же, как ты, да?

Вопрос меня удивил, и я не знала, что ответить. Хотя стоило этого ожидать. Он видел тело Рейеса после того, что с ним сделали демоны. Видел, как быстро он исцелился. Врачи называли чудом, что Рейес вообще выжил. А через две недели он расхаживал по тюрьме как ни в чем не бывало. Я бы поставила мокко фрапучино на то, что Дибби не спускает с Рейеса глаз. После увиденного я бы так и сделала.

— У тебя необъяснимая способность выживать в самых невозможных обстоятельствах, — продолжал он. — Ты исцеляешься быстрее, чем кто-либо другой. Иногда ты странно двигаешься, как будто ты не человек. — От него ничего не ускользнуло. — Я должен кое о чем тебя спросить и хочу, чтобы ты была со мной откровенна.

— Хорошо, — сказала я, немного волнуясь. Я была не в лучшей форме. К тому же часа три не заряжалась кофеином. А дядя Боб как пить дать сложил два и два.

— Ты — ангел-хранитель?

И в сумме получил двенадцать.

— Нет, — хихикнула я. — Скажем так, если я окажусь в корзинке бюро находок в аэропорту, не думаю, что Большой Парень сверху за мной придет.

— Но ты другая, — убежденно сказал Дибби.

— Да. И... и Рейес тоже.

Он глубоко вздохнул:

— И он не убивал своего отца?

— Во-первых, Эрл Уокер не его настоящий отец.

Дядя Боб кивнул, соглашаясь. Об этом упоминали на судебном процессе.

— Во-вторых, я начинаю думать, что этот человек даже не мертв.

Попялившись в окно несколько долгих секунд, он наконец сказал:

— Такое возможно. Я не говорю, что очень вероятно, потому что вряд ли, но возможно. Существуют разные способы...

— Как, например, подменить стоматологические записи? — Он кивнул, и я продолжила: — И то, что подружка Эрла Уокера работала ассистенткой стоматолога в том самом офисе, откуда были изъяты записи, никому не показалось странным?

Я знала, что дело Рейеса вел дядя Боб, поэтому прекрасно понимала, что катаюсь на

коньках по тонкому льду. А на коньках я катаюсь отстойно.

Губы под густыми усами превратились в тонкую линию.

— Ты ему помогаешь?

— Да. — Причин лгать не было. Дядя Боб не идиот.

Я почувствовала вспышку адреналина в нем и немалое удивление. Но думаю, удивился он только потому, что я ответила честно.

— Ты знаешь, где он? — спросил Дибби.

— Нет. — Когда он в сомнениях нахмурился, я добавила: — Вот почему он приковал меня к кровати. Чтобы получить фору. Он не хотел ставить меня в неудобное положение перед полицией.

— А ударил он тебя почему?

— Потому что я назвала его сестру какашкой.

Дядя Боб наградил меня раздраженным взглядом.

— Он очень чувствительный, честно.

— Чарли...

— Он хотел, чтобы у копов не возникло никаких подозрений.

— Вот оно что. Ты имеешь отношение к его побегу?

— Кроме того, что он прихватил меня с собой? Нет.

— Ты собираешься добавить подробности, о которых так удобно умолчала при сержанте?

— Нет. — Я не могла рассказать ему об Амадоре и Бьянке и о супершпионском плане, который они придумали, чтобы вытащить Рейеса.

— Как думаешь, Куки не спит?

Я воздержалась от того, чтобы закатить глаза, и заметила Развалюху. Наверное, в какой-то момент этой ночью ее сюда пригнал Амадор. Предусмотрительно.

Может быть, богомерзкий союз Куки и дяди Боба не такая уж плохая идея. Они лишь недавно опустили до флирта, но, как бы ни жгло у меня в животе от одной мысли об этом, оба были здоровыми, ответственными, взрослыми людьми, способными самостоятельно принимать дерьмовые решения, которые приводят к долгим годам семейной терапии и, в конце концов, к оплате судебных счетов.

Тем не менее, наблюдать за этим будет тревожно. Может быть, я смогу собрать все свои пожитки и жить в Развалюхе. В джипе, а не в каком-нибудь сильно запущенном эмоциональном сдвиге.

Снова посмотрев на дядю Боба, на трогательное выражение надежды на его лице, я решила вступить в переговоры.

— Ты снимешь с моей задницы хвост? — спросила я, кивком указав на припаркованный на другой стороне улицы автомобиль.

У Дибби отвисла челюсть.

— Нет. Твоей заднице это только на пользу.

— Как и ходить пешком по лестницам, но я езжу на лифте всякий раз, когда есть возможность. — Когда он только пожал плечами, я добавила: — Тогда Куки спит, — и вышла из машины.

Дров наломали. На других вину свалили.

Надпись на футболке

До открытия офиса у меня еще было несколько часов, поэтому я решила почитать кое-какую собранную информацию по делу пропавшей жены перед тем, как нанести визит душу. Дядя Боб неслабо преуспел в сборе показаний, в то время как я сосредоточилась на самой Терезе Йост. Много и часто она работала волонтером в разных местах, значилась членом нескольких советов директоров, но, кроме этого, с отличием закончила университет Нью-Мексико и получила степень в области языкознания. А это означало, что она чертовски умна. И наверняка владеет еще одним или даже несколькими языками. Много времени она проводила, работая с детьми с ограниченными возможностями, и помогла основать специализированную коневодческую ферму для детей в инвалидных креслах.

— И она не заслуживала смерти, — сказала я мистеру Вонгу, который по-прежнему пиялился в свой угол.

Через два часа я сидела с полотенцем на голове и чашкой кофе в руках, изо всех сил стараясь успокоить Куки, расстроенную тем, что я ей не позвонила.

— Он был голый?

— Он был в душе, так что... да.

— И ты не сделала фотку? — огорченно вздохнула она.

— Я была в наручниках.

— А он... а вы...

— Нет. Но видишь ли, в чем странность... Когда дело касается его, то сам акт становится как бы незначительным. Один его вид вызывает во всех моих девичьих уголках волны острого экстаза, так что это почти одно и то же.

— Это вопиющая несправедливость. Очень скоро я превращусь в серийного убийцу.

— Тебя куда-нибудь подбросить?

— Нет. Мне нужно отвезти Эмбер в школу. Дай мне хотя бы помочь с делом Рейеса.

— Нет.

— Ну почему? — помрачнела Куки. — Я могу добывать информацию из всякого дерьма. Это моя работа.

— У меня есть несколько имен. Я их проверю, пока ты будешь копать в финансах доброго доктора.

— А-а, ну ладно. А разве он не миллиардер?

Я улыбнулась:

— Это я и хочу выяснить.

Замазав синяк под глазом таким количеством тонального крема, что мной бы гордилась покойная Тэмми Фэй Беккер^[21], я поплелась через парковку, чувствуя, что ноги становятся тяжелее с каждым шагом. Похоже, недостаток сна начинал вызывать серьезные последствия, если судить по тому, что за мной попятам следовала маленькая девочка с ножом.

— Разве вчера ты не была украшением на капоте? — спросила я.

Она даже не взглянула на меня. Грубиянка. Темно-серое платье и черные кожаные лакированные туфельки вполне могли сойти за русскую школьную форму. А еще у нее были черные волосы до плеч. Из аксессуаров — только нож, который, если честно, совершенно не подходил к наряду. Видимо, подбирать аксессуары — не ее конек.

Я подошла к припаркованному через улицу «хвосту» и постучала в окно. Парень в машине подпрыгнул от неожиданности.

— Я собираюсь поработать! — заорала я через стекло, пока он, щурясь, смотрел на меня. — Не проворонь!

Он потер глаза и махнул мне. Я узнала одного из людей Гаррета Своупса. «Гаррета Своупса!» — мысленно повторила я и фыркнула. Чертов предатель. Дядя Боб говорит «Следи за Чарли», и он следит. Берет и следит! Как будто наша дружба ничего для него не значит. Разумеется, она ничего для него не значит, но все равно. Придурок.

— Вы Чарли Дэвидсон?

Я повернулась и увидела женщину в поношенном коричневом пальто и копеечных мокасинах. Практично, но едва ли привлекательно.

— Смотря кто спрашивает.

Она подошла ко мне, озираясь по сторонам. Длинные черные волосы неплохо было бы хорошенько расчесать. Половину лица скрывали огромные темные очки. Я узнала ее — это была женщина из «бьюика», который я заметила вчера утром. Те же волосы. Те же очки. Та же грусть, бурлящая внутри. Но ее аура была теплой и сияла мягким светом, словно свеча, которая стесняется сиять слишком ярко.

— Мисс Дэвидсон, — она протянула мне руку, — меня зовут Моника Дин. Я сестра Терезы Йост.

— Мисс Дин, — я ответила рукопожатием. Все чувства, которые могла испытывать женщина, чья сестра пропала без вести, были как на ладони. Она была напугана, убита горем и умирала от беспокойства. — Я вас искала.

— Прошу прощения. — Она нервно сдвинула очки на макушку. — Брат велел мне не разговаривать с вами.

— Да уж. Кажется, мой вчерашний визит его не порадовал. Вы можете войти? — я указала на заднюю часть папиного бара. Ветер умудрился пробиться сквозь куртку и вгрызся в меня, как престарелая чихуахуа.

— Конечно, — ответила мисс Дин, плотнее стягивая воротник пальто. — И мой брат не знает, что и думать о вашем визите. Вы произвели на него впечатление.

— Правда? — Я двинулась к бару. — Мне показалось, он бы с радостью засунул меня в бетономешалку и заставил непрерывно повторять «Раду». — Так-то, профессиональный рестлер! — Очень сожалею по поводу вашей сестры, — добавила я, возвращаясь мыслями к делу.

А теперь серьезно: я могла бы стать рестлером. Придется, наверное, обзавестись загаром. И мышцами с выпирающими венами.

— Спасибо.

Медицинская страховка тоже лишней будет.

Как только мы вошли в заведение, я включила свет. Хотя освещение в кухне ясно давало понять: Сэмми уже на месте и готовится к обеденному столпотворению. Папин бар — помесь ирландского паба и викторианского борделя. В главном зале потолок, как в соборе,

все отделано темным деревом, а по периметру, словно древний карниз, вьется выкованная больше века назад композиция. Она и привлекает внимание к западной стене, где возвышается величественный кованный лифт. Такой можно увидеть только в кино или очень старых гостиницах. Все детали, шестеренки и механизмы открыты для глаз любопытной публики. И на второй этаж он поднимается целую вечность. Стены зала увешаны картинами в рамах, медалями и памятными открытками с разных полицейских сборищ. Справа от нас располагалась оригинальная барная стойка красного дерева.

— Кофе хотите? — спросила я, жестом предлагая Монике сесть в одной из угловых кабинок. Сестра Терезы Йост выглядела полуголодной, ее руки тряслись от горя и изможденности. Я подумала, что если мы здесь обоснуемся, то Сэмми быстренько нам что-нибудь сварганит. — Я как раз собиралась позавтракать, так что буду рада, если вы присоединитесь.

Задняя дверь с треском распахнулась, и внутрь ворвался очень недовольный человек по имени Лютер Дин.

— Да ты, видать, шутишь, — рявкнул он, испепеляя взглядом сестру.

Она села и глубоко вздохнула, излучая такую глубокую печаль, что я едва не утонула в ней. Чтобы облегчить тяжесть этого чувства, пришлось наполнить легкие воздухом и спрятаться за стойкой под предлогом налить нам кофе.

— Я все разузнала, — сказала Моника брату. — Она хороша в своем деле.

Он взглянул на меня через мощное плечо.

— А с виду не скажешь. У нее фингал под глазом.

— Я бы попросила, — отозвалась я. Забавный он все-таки.

— Лютер, присядь. — Моника сняла очки и наградила его раздраженным взглядом, когда он даже не подумал послушаться. — Я тебе говорила, она может помочь. Так что или следи за своим поведением, или уходи. Дело твое.

Лютер выдернул стул из-под соседнего столика и сел.

— Она назвала меня сволочью.

— Ты и есть сволочь.

Усмехнувшись, я принесла за стол три чашки кофе, уже предвкушая, какая веселенькая мне предстоит беседа. Полчаса спустя мы покончили с тремя порциями умопомрачительных хуэвос ранчерос с энчиладой и чили^[22]. Господи, обожаю Сэмми. Как-то я всерьез думала о том, чтобы выйти за него замуж, но его жена не оценила, когда я попросила его руки.

— Что же заставляет людей вам доверять? — спросил Лютер. От ледяного взгляда его синих глаз хотелось поежиться. Слово «скепсис» в его исполнении приобрело новый смысл. — Вы работаете на Нейтана. Почему мы должны верить тому, что вы говорите?

— Вообще-то, я на него не работаю, — возразила я, надеясь, что они все-таки поверят тому, что я говорю. — И почему вы не доверяете мужу собственной сестры?

Мы с Лютером так и не поговорили о деле. Я решила усыпить их бдительность, внушив ложное чувство безопасности. Все прошло бы гораздо успешнее, не укради я последний кусок с тарелки Лютера. Оказалось, он очень ревностно относится к своей еде. Тем не менее, я могла с уверенностью утверждать, что в каком-то смысле достучалась до него, — они с сестрой обменялись взглядами.

Вздохнув и пожав плечами, Моника призналась:

— В общем-то, причин нет. Он идеальный. Прекрасный муж. Прекрасный шурин. Только...

— Слишком идеальный? — предположила я.

— В точку, — вставил Лютер. — И было кое-что еще — всякие случаи, ситуации. Не стыкуется это никак.

— Например?

Он глянул на сестру, чтобы получить одобрение перед тем, как объяснить:

— Как-то вечером, несколько месяцев назад, когда Нейтана не было в городе, Тереза пригласила нас перекусить. Втроем.

— Казалось, она чем-то обеспокоена, — добавила Моника, и я могла поклясться, что в тот момент ее обуяло чувство вины. — Она нам сказала, что застраховала свою жизнь и жизнь Нейтана на огромную сумму. И если что-то с ней случится, — что угодно, — мы получим все.

— Значит, идея была ее? — спросила я. — Не Нейтана?

И опять Монике понеслось чувство вины, когда она ответила:

— Ее. Мало того, я почти уверена, что Нейтан вообще не в курсе.

— Она хотела, чтобы мы знали, где находится страховой полис, — продолжил Лютер. — И сказала нам.

Моника вытащила из кармана ключ:

— Она записала нас в качестве бенефициаров к своему счету, чтобы мы могли получить доступ к ее банковской ячейке, где хранится полис.

— Действительно странно, — согласилась я, стараясь игнорировать настойчивые звончки в голове. Тереза боялась мужа? Подозревала, что ее жизнь в опасности? — На какую сумму заключен полис?

— Два миллиона, — ответил Лютер. — На каждого.

— Святая дева дерьмовложений! — Мне всегда удавались каламбуры. — Такое вообще бывает?

— Видимо, да, — сказала Моника.

Лютер скрестил на груди руки.

— Страховка была его идеей. По-другому и быть не может. Иначе зачем Терезе страховаться на такую огромную сумму? Наверняка он вынудил ее это сделать, чтобы выглядеть пай-мальчиком.

— Мы этого не знаем, — возразила Моника.

— Я тебя умоляю! — С раздраженным видом он развалился на стуле. — Все, что делает этот мужик, должно выглядеть хорошо в глазах других людей. Да это же смысл его жизни — прикидываться самой добродетелью для толп своих поклонников.

Я была вынуждена согласиться с Лютером. По крайней мере на основании того, что мне удалось выяснить к этому времени.

— Что-нибудь еще? — спросила я.

— Больше ничего особенного вспомнить не могу. — Моника промокнула салфеткой выступившие на глазах слезы, и именно тогда я заметила, что ее веки как будто припухшие, а вокруг рта залегли болезненно желтые линии. Видимо, незнание, где находится сестра, высасывало из нее все соки. Незнание и чувство вины. — Как-то Тереза упоминала, что Нейтан проводил все больше и больше времени с ней дома, отказывался участвовать в конференциях и приходил в ярость, если его вызывали в больницу по вечерам. Думаю, она чувствовала, что он ее притесняет.

— Это она вам так сказала?

— Не в таких выражениях, — покачала головой Моника. — Но она говорила, что он творит странные вещи.

— Какие еще вещи? — взвился Лютер. — Мне она ничего такого не говорила.

Моника мрачно воззрилась на него:

— Потому что не могла. Ты слетаешь с катушек по самому смехотворному поводу, поэтому мы просто не можем всем с тобой делиться.

Желваки Лютера тут же задвигались, и я ощутила, как и его охватило чувство вины. Однако его вина исходила от стыда, тогда как вина Моники была глубже и полна сожалений. И она сказала «мы». «Мы просто не можем всем с тобой делиться».

С трудом, но, кажется, Лютеру удалось взять себя в руки, после чего он спросил:

— Так что она говорила?

Задумавшись, Моника повертела на столе кофейную чашку.

— Тереза рассказывала, что Нейтан странно себя ведет. Например, будит ее посреди ночи, чтобы намеренно испугать, а потом заливается хохотом. А однажды он сообщил Терезе, что ее собаку переехал автомобиль. Она два дня проплакала. И вдруг Нейтан появляется вместе с собакой и говорит, что ее подобрал приют для бездомных животных. Но Тереза уже связывалась с сотрудниками приюта — ее собаку никогда там не видели. — Пожав плечами, Моника посмотрела на меня. — И такие странности он вытворяет постоянно.

Итак, все, что творил доктор Йост, смахивало на различные формы манипуляции. Проще говоря, он был помешанным на контроле ублюдком, что никак нельзя назвать здоровой привычкой. И все-таки мне нужно было поболтать с Моникой наедине. Очевидно же, что кое-что она попросту не может сказать в присутствии брата. Доливая кофе им в чашки, я раздумывала, сколько еще продержится мочевой пузырь Лютера. Он, конечно, тот еще громила, но я очень надеялась, что скоро ему понадобится ненадолго отлучиться.

— Нейтан никогда не был самым острым скальпелем на лотке с инструментами, — проговорил Лютер. — Медицинский он закончил в основном с «тройками». Хотелось бы вам хирурга, который едва-едва наскреб знаний на «тройку»?

— Вряд ли. — Хотя я сомневалась, законно ли требовать от врача отличных оценок, но мысль попасть на стол к заурядному троечнику, ей-богу, ужасала. Я обратилась к Монике: — Могу я поинтересоваться, почему вы были здесь вчера утром? Тогда я еще даже не успела поговорить с Нейтаном.

Она смущенно опустила глаза:

— Я и не подозревала, что вы меня видели, — и коротко вздохнула. — Я следила за ним. Он стоял перед баром и говорил по телефону, как раз когда вы прошли мимо.

— Стало быть, вы не знали, кто я такая?

— Поначалу нет. А когда он сказал мне, что нанял частного детектива, я поискала о вас информацию.

Лютер постучал указательным пальцем по столу:

— А нанял он вас, чтобы со стороны казалось, будто он ни при чем, говорю вам.

А парень определенно умнее, чем кажется на первый взгляд.

— Нейтан сказал мне, что вы оба не очень ладите с Терезой.

От потрясения у Моники отвисла челюсть:

— Он так сказал?

— Вот видите? — взорвался Лютер. — Видите, что он творит?

Я смотрела, как в глазах Моники опять заблестели слезы, но на этот раз она рассердилась. Она наклонилась ко мне, и я впервые почувствовала, какой вспыльчивой она бывает временами.

— Последние два года он постоянно пытался нас разлучить. Так ревновал к нам Терезу, что в это трудно поверить. Бога ради, мы же сестры!

Лютер кивнул:

— Добавьте это к списку тех чертовых странностей, о которых рассказала Моника. Он говорит и делает все, что может, лишь бы не подпускать нас к Терезе.

— Он невероятно деспотичный, — согласилась Моника. — Когда они стали встречаться, мы сто раз пытались указать Терезе на этот факт, но она ничего и слышать не хотела.

— Чем больше мы говорили, тем меньше она прислушивалась.

— Могу представить, — вырвалось у меня. — У меня тоже есть сестра.

— К тому же, — продолжала Моника, недоуменно склонив голову набок, — он был с ней таким внимательным! Постоянно покупал подарки, дарил цветы, следил за тем, чтобы под рукой всегда была ее любимая газировка. С цитрусовым вкусом.

— Иными словами, подавлял ее, — заключила я, возвращаясь к первоначальному выводу Моники.

— Вот именно, — кивнула она. — Мне кажется, что на самом деле все это беспокоит Терезу. Она даже перестала пить эту его газировку. Несколько месяцев назад. Но ему ничего не сказала, потому что за нее эту воду пью я. — Моника улыбнулась, и улыбка получилась ласковой и искренней. — Его ужасно бесит, что мы с Терезой проводим время вместе, поэтому нам приходится тайком видеться по будням. Мы ходим в горы, якобы чтобы тренироваться. Но на самом деле просто разговариваем, — она хихикнула, — и я пью вместо нее эту дурацкую газировку.

— То есть Тереза нигде не работает? — спросила я.

— Конечно, нет, — ответила Моника так, будто я задала самый глупый в мире вопрос. — Нейтан бы этого не допустил.

— Вот видите? — Руки Лютера сжались в кулаки. — Псих! Клянусь, если он что-нибудь с ней сделал, он труп.

Учитывая страховку и неадекватное поведение доброго доктора, меня поразило, что он все еще дышит. С таким-то шурином, как Лютер! И Йост наверняка прекрасно это осознавал, чтобы позволить себе хоть немножко замараться. Он знал: упади на него хоть капля подозрения, до суда дело никогда в жизни не дойдет. Ему пришлось бы обставить все как несчастный случай, однако машина Терезы по-прежнему стояла в гараже. Похищение сработало бы только в том случае, если бы кто-нибудь потребовал выкуп. Без выкупа исчезновение Терезы было почти таким же подозрительным, как нож в ее груди и кровь на руках Йоста.

Однако в данный момент мне было нужно, чтобы и Моника, и Лютер оставили Йоста в покое. Если он поймет, что они за ним следят, то никогда не вернется на место преступления.

— Дайте мне доллар, — сказала я Лютеру.

Он нахмурился:

— С чего вдруг?

И я передумала:

— Хороший вопрос. У вас денег куры не клюют, так что дайте мне двадцатку.

Он вздохнул, затем выудил двадцать баксов из бумажника.

— Теперь я работаю на вас.

— Дешево берете.

— Это аванс. — Я помахала у него перед носом двадцаткой, которую он только что мне вручил. — Добавьте несколько нулей и получите мою стоимость за день. Я пришлю вам счет. Мало не покажется. — В конце концов, мне же нужно что-то вложить в свою карьеру рестлера. — За Йостом уже следит мой человек, и он от него не отцепится. Зуб даю, Йост его никогда в жизни не вычислит. — Разумеется, я не собиралась посвящать их в то, что мой человек — это призрак-гангстер подросткового возраста. — Если док совершит что-то подозрительное, мне тут же доложат. А прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем, моя помощница шерстит его прошлое. Если там найдется что-то интересное, мы сразу узнаем.

— Так вы уже под него копаете? — удивился Лютер.

— Я же говорила вам, что хочу найти вашу сестру. А поскольку супруги всегда считаются главными подозреваемыми в исчезновении жен или мужей, то разумеется, я уже копаю под Нейтана. — Наклонившись к Дину, я доверительно сообщила: — Как копала бы и под тебя, будь ты на его месте.

— Копы ищут в том же направлении, что и вы? — спросила Моника. — ФБР считает его подозреваемым?

— Для ФБР все подозреваемые, — уклончиво ответила я ей.

Меня всерьез удивляло, как Йост решился на что-то подобное с родственничком вроде Лютера Дина. Может быть, док почему-то впал в отчаяние. А отчаявшиеся мужики совершают отчаянные поступки. И, судя по всему, Терезе Йост ничего хорошего это не сулило.

Искра надежды, загоревшаяся в Монике, меня доконала. Похоже, она слишком в меня верила.

— Есть тут туалет? — наконец-то спросил Лютер, осматриваясь по сторонам.

— Вон там, — показала я в сторону мужской уборной и стала смотреть, как он устремился в том направлении. Отчасти потому, что должна была убедиться, что он не услышит нас с Моникой, но в основном потому, что у него была классная задница.

Когда за ним закрылась дверь, я посмотрела на Монику:

— Итак, у нас несколько секунд. Чего вы мне не договариваете?

Ее глаза широко распахнулись.

— Не понимаю, о чем вы.

— Тик-так, — произнесла я, поглядывая на дверь мужской уборной. Если повезет, то Лютер приверженец хотя бы минимальных основ гигиены. Но с мужиками ни в чем нельзя быть уверенной. Я посмотрела на Монику с сочувствием: — Я знаю, что вы несете бремя вины. — Моргнув, она опустила голову, и я продолжила: — Я никому ничего не скажу, Моника. Но мне нужно знать все аспекты этого дела.

Ее губы сложились в печальную линию, когда она нехотя призналась:

— Лютер не знает. Я больна.

Как я и подозревала. Желтоватого оттенка кожа и такие же ногти, если не считать белых горизонтальных полосок на них. Но по-прежнему не могла понять, как это объясняет чувство вины.

— Извините, но...

Моника покачала головой:

— Нет. Лютер не знает не просто так. Есть причина. Когда умерла наша мать... — Она замолчала и, промокнув глаза салфеткой, посмотрела на меня. — Ему пришлось несладко, Чарли. Она долго болела, а когда умерла...

Она снова замолчала, и я накрыла ладонью ее руки в знак поддержки.

Моника перевернула мою ладонь, крепко сжала и, наклонившись ко мне, прошептала:

— Он пытался покончить с собой.

Сказать, что я была в шоке, было бы невероятным преуменьшением. У меня отвисла челюсть, и, как бы я ни пыталась совладать с собой, Моника это заметила:

— Понимаю. Мы все были поражены. Он очень тяжело воспринял ее смерть.

Мой взгляд вернулся к уборной. На берегу по-прежнему было чисто, поэтому я спросила:

— Он обращался за помощью?

— Да. То есть он ходил к терапевту, но сейчас ему намного лучше.

— Я очень рада. Могу я спросить, чем вы больны?

— Вы можете спрашивать о чем угодно, — печально улыбнулась Моника. — Врачи не знают. Мне ставили диагнозы от синдрома хронической усталости до болезни Хатчинсона. Но никакое лечение не привело к результатам. Мне становится все хуже, и никто не знает почему.

Лютер уже возвращался к нам, когда я задала еще один вопрос:

— Моника, почему вы думаете, что ваша болезнь виновата в том, что Тереза исчезла?

Ее губы сжались в тонкую линию, и чувство вины пошло новой волной.

— Страховка. В Швеции есть клиника. Тереза изучила сведения о ней вдоль и поперек. Мне кажется, она застраховалась из-за меня, чтобы я смогла туда поехать. — Лютер приближался к нам. Моника наклонилась ко мне и быстро проговорила: — Ему нельзя знать, что я больна.

Я быстро стиснула ее ладонь, и мы откинулись на спинки своих сидений как ни в чем не бывало.

Лютер уселся рядом с нами как раз в тот момент, когда через главный вход вошел папа. Я поспешно водрузила очки на лицо.

— Привет, пап, — поздоровалась я, широко улыбаясь. — Это мои клиенты — Моника и Лютер.

— Приятно познакомиться, — приветливо отозвался он, стараясь казаться довольным жизнью счастливчиком. Но я-то понимала, что никакой радости упоминание о клиентах у него не вызвало. Эмоции, которые он сейчас испытывал, больше подошли бы рассвирепевшему медведю, который погнался за упомянутым счастливчиком и вдруг выяснил, что этот самый счастливчик — чемпион по бегу на длинные дистанции. Папа наклонился и поцеловал меня в щеку. — Ты хоть немного думала о том, о чем мы говорили?

— А слоны искрятся в темноте?

— Можешь снять очки, — устало проговорил он. — Твой дядя обо всем мне рассказал.

Я ахнула:

— Дядя Боб сдал меня с потрохами?

— Поговорим позже, если найдешь минутку.

— Вообще-то, сегодня я по уши в делах, — сказала я с улыбкой, даже не думая снимать очки, — но, наверное, смогу выкроить немного времени.

— Я был бы очень благодарен. А теперь оставлю тебя с твоими делами. — Кивнув Лютеру и Монике, папа пошел в свой кабинет.

Поспрашивав Динов о том, о сем еще немного, я распрощалась с ними и через ступеньку понеслась в офис по лестнице, сгорая от нетерпения поделиться с Куки последними новостями. Была ли вся эта каша заварена для того, чтобы смошенничать со страховкой? Наверняка доктор Йост прознал, на какую сумму его жена получила полис. Может быть, он рассматривал это как неплохую возможность. Мне были позарез необходимы отчеты по его финансам. Но для этого нужен ордер. Нет, нужна агент Карсон!

Я прошла через балкон, откуда открывался вид на бар. Офис находился сразу за открытым кованым лифтом, но девочка с ножом преграждала мне путь. Пришлось обогнуть ее, чтобы войти в офис.

— Сделаю немного кофе, — очень-очень громко произнесла Куки, метнулась в мой кабинет, где, собственно, и находилась кофеварка, и уже оттуда помахала мне с широко открытыми глазами.

Улыбнувшись, я помахала в ответ.

Закатив глаза, она поспешила к кофеварке и кивком указала мне на свой кабинет, он же — приемная.

— Кто-нибудь из вас, федеральные маршалы, пьет кофе со сливками?

Надо же, чуть не попалась. Я попятилась туда, откуда пришла, и тихо-тихо прикрыла за собой дверь. Можно выдохнуть. «Убойной» девочки и след простыл. Наши с ней встречи были мимолетными, но очень содержательными. В этом я не сомневалась.

Настроения разговаривать с папой не было, так что я прокрадась мимо его кабинета и выскользнула на улицу через заднюю дверь. И уже подошла к Развалюхе, как на сотовый позвонил дядя Боб.

— Ты сдал меня с потрохами, — вместо приветствия сказала я.

— Ничего подобного. — Голос его звучал по-настоящему обиженно, пока Диби не заговорил снова: — Ну ладно, может, и сдал. А кому?

— Папе, само собой.

— По поводу Рейеса?

— А ты знаешь, что он хочет, чтобы я отказалась? — Я с трудом откопала в сумке ключи, потому что Развалюха не оснащена сенсорным распознаванием моей ДНК, чтобы открывать двери, как только я к ней приближаюсь.

— От чего? От членства в спортклубе?

Я вставила ключ в замок.

— А вот это было невероятно унижительно.

— Как? — посерьезнел дядя Боб. — Только не говори, что действительно являешься членом спортивного клуба.

— Конечно, не являюсь. Он хочет, чтобы я отказалась от работы. Моей работы! Хочет, чтобы я закрыла агентство.

— Иди ты!

— Да нет же, я серьезно. — Бросив сумку под пассажирское сиденье, я кое-как забралась внутрь, помогая себе одной рукой. — С него, видите ли, хватит. Он на самом деле хочет, чтобы я бросила бизнес. Поэтому сейчас я остановилась на двух вариантах: податься в профессиональные борцы или плясать танец живота.

К сожалению, кроме неспособности распознавать мою ДНК, Развалюха еще и не умела

говорить что-то вроде «Привет, Чарли. Активировать ракеты?».

— Я с ним поговорю. Кстати, доктор все-таки засветился.

— Как фейерверк?

— В базе данных. Ничего конкретного, однако его имя всплыло в расследовании по делу о фальсификации. Могу дать тебе имя детектива, который этим занимался. В прошлом году он вышел на пенсию. Я с ним знаком. Сейчас он много играет в гольф.

— Круто. Наверняка он это заслужил. У меня в офисе два федеральных маршала, — сообщила я, когда Развалюха заурчала, просыпаясь. И никакого тебе распознавания голоса или идентификации по сетчатке глаза.

— Что им нужно?

— Понятия не имею. Вчера я уже говорила с одним маршалом, поэтому сегодня улизнала через заднюю дверь.

— Как это по-дэвидсоновски.

— Слушай, а ты не мог бы проверить, как там у доктора Йоста с финансами? Куки уже копает, но мне нужна всякая официальная дребедень, которую не получить без ордера.

Я вывела Развалюху на Сентрал. Вывела. Как будто вытолкала собственными руками.

— В этом нет необходимости. Он богат. Ты дом его видела? Да у него месячные счета за воду такие, что на те же деньги целый месяц могла бы питаться небольшая страна.

— А откуда ты знаешь, что он богат, если не проверял его банковские счета?

— Ты правда хочешь, чтобы я проверил его финансы?

— А Папа Римский — католик?

— Я говорил, как ужасно опаздываю с бумажной волокитой?

— Я говорила, как сильно ты мне обязан?

— Будут тебе финансы.

Самое отвратительное — это когда во время спора ты вдруг понимаешь, что не прав.

Надпись на футболке

Припарковав Развалюху в переулке за квартал от заброшенной психлечебницы, я, согнувшись в три погибели, добежала до ближайшего мусорного контейнера, где смогла спрятаться за вечнозелеными кустарниками. Пришлось отчаянно махать руками и несколько раз сплюнуть на землю, потому что кусты оказались сплошь покрыты паутиной. Когда меня перестало трясти от отвращения, я собралась и, войдя в свой хваленый режим в духе «Миссия невыполнима», полезла по проволочному забору на крышу обветшавшего сарая. Оказавшись на месте, свернулась в позе эмбриона и хныкнула. Режим или нет, а лазать по проволочным заборам совсем не сахар. В основном потому, что это больно.

Растопыбив пульсирующие от боли пальцы, я осмотрелась. Ни единого ротвейлера в поле зрения не наблюдалось, поэтому я спрыгнула вниз и тенью помчалась к окну в подвал, которым давно пользуюсь, когда приходится вламываться в больницу. Я повернула замок, который установила тут какое-то время назад, чтобы открыть окно и, как всегда, вползти внутрь. Как правило, окно открывается, давая мне возможность изобразить крутой трюк с падением и перекатыванием. Со стороны выглядит почти так же, как «спрятать голову в песок» прямо в подвале, только приходится меньше беспокоиться об отравлении радиацией, приводящем к безвозвратной потере волос. Однако на этот раз окно застряло. Я потянула сильнее, и оно поддалось. А ровно через полсекунды опять захлопнулось. Какого черта, во имя яичек Зевса?

Не успела я предпринять очередную попытку, как появился Рокет и прижался носом к стеклу, как дитя-переросток, играющее в кошмарную версию прятков-страшилок с зубодробильными возгласами «Ку-ку!».

Он ухмыльнулся и провопил так, будто я была в тысяче миль от него:

— Мисс Шарлотта!

— Ш-ш-ш, Рокет, — прошептала я, прижав указательный палец к губам, и оглянулась, ожидая, что вот-вот услышу клацанье когтей ротвейлера. Понятия не имею, слышат ли собаки голоса призраков, но сейчас, по моему уразумению, было не самое подходящее время это выяснять. — Рокет,пусти меня.

— Мисс Шарлотта, я вижу вас через стекло! — еще громче крикнул он, опять хихикнув и снова и снова указывая на окно. Видимо, на случай, если я еще не заметила. — Вы меня слышите?!!

Да простит меня великий божественный пахучий чмок! Я распласталась на животе и капельку приоткрыла окно.

— Рокет, — процедила я в щелочку, — ты должен меня впустить.

— Вам сюда нельзя. Я не один.

— Не один? Seriously? — Рокет умер приблизительно в пятидесятых. Со сколькими же

людьми он мог водить сейчас знакомство? — Тут бродят огромные собаки. И у меня для тебя есть несколько имен.

Рокет просиял. В буквальном смысле. Смотреть на это было жутковато. Приоткрыв окно еще чуть-чуть, он просунул ко мне нос и рот и прошептал:

— Имена?

— Да, имена людей. Мне нужно знать, живы они или нет.

Он мог отвлечься в любой момент. Удерживать внимание Рокета в течение хотя бы нескольких секунд все равно что выиграть в лотерею, если, конечно, забыть о денежном вознаграждении.

Рокет опять прижался лицом к стеклу, да так сильно, что его черты исказились, и стал показывать мне рожицы:

— Приииивееет, мисс Шарлотта!

Пришлось глубоко вздохнуть, чтобы не вспылить.

— Рокет, где Слива и Незабудка?

Синяя Незабудка — сестра Рокета, которая умерла в тридцатые годы от пылевой пневмонии. Я никогда с ней не встречалась. Судя по всему, она не горела желанием знакомиться с ангелом смерти. А Сахарная Слива — умершая сестра местного офицера полиции, который работает с моим дядей. И она та еще заноза в заднице.

Лицо Рокета все еще было сплюснутым под стеклом, когда он ответил, улыбаясь:

— Они от вас прячутся.

— Потрясающе. Теперь они обе вздумали меня избегать? — Поначалу мне стало как-то не по себе, но потом я вспомнила, что не очень-то жалую детей, так что вся ситуация была мне даже на руку. Итак, у меня не было выбора. Нужно было назвать Рокету имена. Иначе он в любой момент мог скрыться в закутках больницы, и тогда мне его точно не достать. Но еще хуже было бы лишиться ноги с помощью собачьих челюстей. — Тереза Дин Йост.

Рокет отступил и вдруг замер. Его ресницы затрепетали, словно он просматривал записи в собственном мозгу. Так же внезапно он поднял голову и посмотрел на меня:

— Нет. Ее время еще не пришло.

Его ответ меня ошеломил. Неужели она до сих пор жива? Я была уверена, что Док Холлидей ее убил. Два миллиона баксов — это целая куча баксов. Но раз Тереза жива, у меня еще есть время.

— Я тебя обожаю, Рокет.

Он рассмеялся и опять захлопнул окно.

— Да подожди же ты... — Я снова надавила на раму, но безуспешно. Этот парень был сильным и непоколебимым, как скала. Камни больно вдавливались мне в ребра и локти. Определенно придется ехать домой и переодеваться, чтобы продолжать заниматься делами. Еще один титанический рывок, и окно приоткрылось совсем чуть-чуть. — Еще одно имя, милый, — прошептала я в узенький просвет.

— А волшебное слово?

— Пожалуйста, — шепнула я, громко вздохнув.

— «Пожалуйста» — это волшебное слово? А я думал, что «абракадабра».

— Ты прав, извини. Ну как, готов?

Рокет кивнул, и от предвкушения у него заблестели глаза.

Тут так просто не получится. У Эрла Уокера было несколько имен, и кто знает, какое из них настоящее? Но попробовать стоило.

— Эрл Джеймс Уокер.

— Мертв, — констатировал Рокет.

Я удивленно моргнула:

— Ты уверен?

Он захлопнул окно и, злорадно посмеиваясь, повернул замок.

— Рокет, черт возьми... — Я снова и снова открывала замок, а он снова и снова его закрывал. — Рокет! — сорвалась я.

Наконец он прекратил смеяться и посмотрел на меня.

Надеясь, что он слышит меня через стекло, я проговорила:

— Эрл Джеймс Уокер. Ты уверен, что он мертв?

Рокет снова приоткрыл окно, чтобы ему было удобно говорить, но не сдаваясь в этой игре, и пожал плечами:

— Большинство из них.

— Из кого? Из Эрлов Джеймсов Уокеров?

— Агась. — Он подсчитал на пальцах. — Семеро мертвы со времен черных бурь. Кто знает, сколько их было до того?

Понятия не имею, что такое «черные бури», но Рокет рос во времена Пыльного котла^[23], может быть, это он и имел в виду.

— Ясно, а кто-нибудь из них еще жив?

Он снова подсчитал:

— Двое.

Обалдеть. Получается, что Рейес почти наверняка ничуть не спятил. Понятное дело, что у всех этих Уокеров туго с фантазией, раз все они называли своих детей Эрлами Джеймсами.

— Можешь сказать мне, где они? — спросила я, уже зная ответ.

— Ни где. Только жив или мертв. Только это я знаю.

Вот дерьмо, так я ничего не добьюсь. Может быть, если мне удастся объяснить Рокету, о каком Эрле Уокере идет речь, мы с ним сможем достичь хоть какой-то конкретики.

— Рокет,пусти меня.

— Зачем? — спросил он, словно я совершенно сбила его с толку.

— Мне нужно с тобой поговорить, и меньше всего на свете я хочу, чтобы меня слоупал долбаный ротвейлер.

Рокет широко улыбнулся:

— Вроде этого? — и указал пальцем поверх моей головы как раз в тот момент, когда на рукаве моей куртки кляксой расползлась слюна.

А потом я щекой почувствовала горячее дыхание и изо всех сил постаралась не напрудить в штаны.

Из-за всплеска адреналина было тяжело лежать и не шевелиться, но каким-то чудом мне это удалось — я лежала, не шевелясь. Если побежать — это их только раззадорит. Словно намереваясь разминировать бомбу, я очень осторожно засунула руку в карман куртки и достала бутфорскую кость из сыромятной кожи. Но стоило мне вынуть из кармана руку, как вокруг нее сжались челюсти, вооруженные невероятным количеством огромных клыков, а их обладатель с рычанием перекатился через меня, наверняка сломав мне в процессе пару ребер.

Стиснув зубы, я покосилась на ротвейлера, растянувшегося рядом со мной с «косточкой» в пасти. То и дело он толкал меня носом, словно предлагая и мне попробовать

погрызть добычу. В тот самый момент я и влюбилась.

— Ну разве ты не прелесть? — спросила я, и он — поправочка, она — перекатилась на живот, все еще сжимая «косточку» зубами. Купированный хвост ходил туда-сюда с такой силой, что наверняка в Китае уже начался ураган. Я почесала ее по животу. — Да ты просто куколка. Да-да-да, куколка! — Она ткнулась носом мне в ладони, и только сейчас я заметила на ней ошейник. — Артемида? Тебя зовут Артемида?

Решив, что такая тренировка не мешает моей будущей карьере рестлера, я с ней немного в шутку поборолась.

— Ты богиня? — смеялась я. — Очень похожа на богиню. Какое красивое имя для такого красивого щеноч... — Сюсюканья застряли у меня в глотке, как только в поле зрения образовалась пара ботинок внушительного размера.

Мой взгляд прошелся вверх по обтянутым потертой кожей ногам, по пряжке ремня в форме черепа и по футболке в обрамлении кожаного жилета, на которой было написано «Мочи всех. Бог сам разберется, кого куда». Следующим пунктом моего зрительного путешествия значилась щетина на подбородке и скулах, широкие солнцезащитные очки и настолько темные волосы, что они не отражали, а поглощали солнечный свет.

— Тебе повезло, что горло все еще на месте. — Глубокий голос звучал успокаивающе, несмотря на жуткий смысл слов. — Артемиде люди не особенно по душе.

С ног до головы покрытая грязью, я как-то умудрилась сесть, спрятав руки за спиной, и взглянула на чувака снизу вверх:

— Она очень милая.

Подошли еще двое мужчин такой же неопрятной наружности, как и первый. Один из них оказался совсем молодым и выглядел, как греческий принц. Второй больше смахивал на итальянского мафиози, чем на байкера.

Первый повернулся к ним:

— Она говорит, Артемида очень милая.

Принц пожал плечами:

— Так и есть, — и тут же получил удар в плечо. Потерев ушибленное место, он добавил: — И я тут ни при чем.

— Еще как при чем, скотина. — С виду казалось, что первый сердится, но мне почему-то было трудно определить, какие именно эмоции он сейчас испытывает. — У этой барышни уже не должно быть половины личика.

Тони Сопрано кивком выразил согласие. Я отчаянно замотала головой, не соглашаясь всеми фибрами души.

— А теперь она еще и фиговая сторожевая псина. Что, на хрен, я должен с этим делать? — Артемида прыгнула ему на грудь, словно хотела показать свою новую игрушку. — Да-да, вижу. Тебе принесли подарок. — Он игриво почесал ей ухо, притворившись, будто собирается его откусить, затем опустил на землю и приказал сидеть. Артемида опять попыталась прыгнуть на него, но он положил на нее руку и держал до тех пор, пока она не сдалась, полностью переключившись на «косточку».

— Я, значит? — фыркнул принц. — Сам ведешь себя, как тряпка.

Последовал еще один удар, да такой, что эхом отразился от стены здания больницы, а у меня от одного только звука разболелось плечо, как будто ударили меня саму.

Я глянула на парня, который, по всей видимости, играл роль лидера этого клуба мотоциклистов:

— Вы, наверное, хотите знать, что я тут делаю.

Все трое переглянулись и рассмеялись.

— Шутишь? — поинтересовался мафиози.

— Ты же их видишь, верно?

Я снова повернулась к лидеру.

— Их? — Я все еще сидела на земле и теперь решила встать, но он поставил ногу мне на живот. Не сильно, а просто чтобы не дать мне подняться. Наверное, так он обращается и со своими женщинами. Несмотря на то, что и так была по уши в грязи, я наградила его сердитым взглядом. — Может, подвинешься?

— Ты нарушила границы, помнишь? Так что я могу сделать с тобой все, что мне вздумается.

И именно в этот миг он начал мне нравиться.

— Кто они? — спросил он.

— Понятия не имею, о чем ты.

Принц присел возле меня, наклонился так, что почти коснулся губами моего рта, сунул руку мне в задний карман и достал мое удостоверение. Причем его пальцы шарили в кармане на целых десять секунд дольше, чем было надо. Взглянув на удостоверение, он сказал:

— Она частный детектив, — встал и передал его лидеру.

— Шарлотта Дэвидсон, частный детектив, — вслух прочел Бесстрашный Лидер и убрал с меня ногу. — Толк хоть от тебя есть?

— Дай определение слову «толк». И где остальные собаки? У вас же их как минимум три.

Повисла тяжелая тишина.

— Умерли, — тихо ответил лидер. — Их отравили. Артемида едва выжила.

Ахнув, я наконец-то поднялась на ноги. Злость распирала, и я ничего не могла с собой поделать, поэтому спросила:

— Кто это сделал?

Мафиози пожал плечами:

— Выясняем, — и бросил на меня подозрительный взгляд.

Я решила проигнорировать его намек. Что еще было делать в сложившихся обстоятельствах?

— Так кто они? — спросил лидер.

Я повернулась к нему и вопросительно приподняла брови, отряхивая одежду. Артемида приняла мои действия за сигнал и прыгнула на меня, едва не превратив в орнамент на стене психушки.

— Какие еще «они»? — спросила я, обнимая собаку.

— Призраки в дурдоме.

От неожиданности я застыла. Лидер взял Артемиду за ошейник и опять усадил. И дс меня вдруг дошло, что с ней он очень ласков. Наверное, она все еще болеет.

— Не похожи вы на парней, которые верят в привидения.

— Мы и не верили. Зато сейчас верим.

— Ладненько. И с чего вы взяли, будто я знаю, кто они?

Ответил принц:

— Потому что ты единственная, кто регулярно навещается сюда с ними поболтать.

Остальные вламываются либо побухать, либо снять на видео дурдом с призраками. — Он пошевелил пальцами для пущего эффекта. — Гребаные охотники за привидениями. Само собой, время от времени парни приводят сюда девушек, чтобы попугать. Весело, когда они от страха прыгают тебе в руки, — улыбнулся он. — Сам пару раз пробовал.

Я усмехнулась — не смогла сдержаться.

— И с какой стати ты взял, что тут есть привидения?

— Мы видели стены, — вмешался мафиози. — На них имена, и каждый день добавляются новые. Призраки выцарапывают имена прямо на стенах. — Он взглянул на ветхое здание. — Когда-нибудь эта хрень обвалится.

Меня это тоже беспокоило.

— Вообще-то, там не они, а он. Рокет, если точнее. Это он вырезает на стенах имена. Его сестра тоже здесь, но я никогда с ней не встречалась.

Они замерли — потому что поверили. Подчиненные повернулись к лидеру, чтобы посмотреть, что он скажет. А он явно хотел завалить меня вопросами, но у меня не было времени вдаваться в подробности. Поэтому я решила выдать им очень сокращенную версию и, сделав глубокий вдох, начала:

— Значит, так: Рокет умер в пятидесятых. У него... не знаю, как сказать... особенные способности. Он знает имена всех, кто когда-либо родился, и знает, живы они или нет. Довольно часто я пользуюсь этим в своих расследованиях. Он гений. И он, — я улыбнулась, думая о том, какой на самом деле Рокет, — как ребенок. Большой, здоровенный ребенок. С запущенным донельзя синдромом дефицита внимания.

Они снова переглянулись.

— Можно я пойду? — осторожно спросила я, указывая большим пальцем назад и потихоньку пятясь. — Мне еще пропавшую без вести женщину искать...

— Можешь поговорить с ним от нашего имени? — поинтересовался Бесстрашный Лидер.

— Конечно, могу. В любой другой день.

Принц склонил голову, будто оценивая нижнюю половину моего организма.

— Можешь выйти через ворота, — заявил лидер, взяв Артемиду за ошейник.

Она тяжело дышала с высунутым языком — ей явно хотелось пошалить.

— Правда? Через ворота? — Это обалденно. Лазать по заборам не мой конек.

— Когда ты вернешься? — спросил кто-то из них.

— Скоро! — пообещала я, на всех парах улепетывая в сторону ворот.

Мне очень хотелось подольше поболтать с Рокетом, но сейчас точно не время заводить дружбу с байкерами. Им почему-то всегда подавай танец на коленях. Держа путь к Развалюхе, я внезапно остановилась прямо посреди улицы и оглянулась. В половине квартала от меня стоял большой черный грузовик. Окно со стороны водителя опустилось, показав мне улыбающегося во все тридцать два Гаррета, который мне отсалютовал.

Я до боли стиснула зубы. Видимо, сейчас была его смена. Опять Дибби посадил мне его на хвост. Рейес сбежал, а следить за мной — значит, пойти по пути наименьшего сопротивления, чтобы на него выйти. Я наградила Гаррета своим фирменным убийственным взглядом, надеясь, что ослеплю его на веки вечные.

Он ухмыльнулся и крикнул:

— Три: до смерти хочу это попробовать!

Боже мой, опять этот список. Я отвернулась и пошла в другую сторону, не оглянувшись,

даже когда услышала его громкий смех. Черт бы его побрал. Хотя бы раз сказал дяде Бобу нет!

Я залезла в Развалюху и уже начала набирать Куки, как на пассажирском сиденье образовался Рокет. Взял и образовался. Еще никогда мне не приходилось видеть Рокета вне стен психбольницы, поэтому понадобилась пара секунд, чтобы привыкнуть к такому новшеству. Ну и узнать его. Рокету, видимо, тоже понадобилась передышка после такого подвига. Он моргнул, осмотрелся с таким видом, будто не знал, где находится, и повернулся ко мне во всей красе своего детского лица:

— Вы ушли.

— Рокет, что ты здесь делаешь?

Он широко улыбнулся и снова стал серьезным:

— Вы ушли.

— Да. Знаю. Прости меня. Все в порядке?

— Ага. — Он подпрыгнул, внезапно вспомнив о том, что хотел мне сказать: — Тереза Дин Йост.

— А что с ней? — обалдела я. Не может быть, чтобы ее жизненный статус изменился за несколько минут.

Рокет повернулся ко мне с обеспокоенным выражением лица:

— Поторопитесь, — и испарился раньше, чем я успела еще раз произнести его имя.

Проклятье. Поторопиться, значит. Я бы поторопилась, если бы знала, где она. Что, бога ради, Айболит с ней сделал?

Я набрала Куки.

— Как думаешь, красный с розовым пойдет? — прозвучало в трубке вместо «Алло».

— Только если ты кекс. Тереза Йост жива, — сказала я, завела машину и свернула на проезжую часть.

— Что? Seriously?! Кекс?!!

Сорок минут спустя я управляла гольф-каром, колеся по полю гольф-клуба «Ислета». Звонил дядя Боб. Он связался с детективом, занимавшимся делом о фальсификации, в котором всплыло имя доктора Нейтана Йоста. И мне очень хотелось узнать, в связи с чем.

Вытащив телефон, я снова позвонила Куки:

— Слушай, нам срочно надо купить гольф-кар, чтобы ездить от дома на работу и обратно.

— Так ведь всего секунд тридцать пешком.

— Вот именно! За год наберется аж несколько минут.

— Ты так и не спала?

— Еще как спала. Шикарно вздремнула по пути сюда.

— Разве ты не ехала за рулем?

— Ага. Но другие водители постоянно меня будили. Надо законом запретить автомобильные сигналы.

Судя по голосу, Куки до сих пор дулась из-за комментария по поводу кекса, поэтому,

чтобы не дать ей шанса отругать меня на чем свет стоит, я захлопнула телефон и свернула налево к песчаной площадке возле можжевельниковых кустов. На поросшем травой холмике стояло несколько мужчин, которые пристально смотрели на длинную подъездную дорожку. А может быть, они смотрели на меня, поскольку я оттачивала свои навыки вождения в экстремальных ситуациях на случай, если кому-то взбредет в голову попытаться меня пристрелить прямо в гольф-каре. Крутая все-таки штука. Разукрасить бы ее еще языками пламени. Лифт-комплект бы тоже не помешал.

Я эффектно притормозила перед группой мужчин:

— Среди вас есть Пол Улибарри?

Вперед выступил пожилой мужчина с опасной на вид клюшкой в руке.

— Я Пол, — произнес он, и в голосе прозвучал намек на любопытство.

— Привет. — Я вылезла наружу и протянула руку: — Я Шарлотта Дэвидсон.

— Ах да. Я говорил с вашим дядей. Не ждал вас так скоро.

— Ну, у нас без вести пропала женщина, и мне нужно найти ее как можно скорее.

— Конечно. Говард, — он повернулся к стоявшему рядом мужчине и передал ему клюшку, — я скоро вернусь.

Все они любезно закивали, улыбаясь почти снисходительно, пока мы с Полом отходили подальше. Только один, казалось, был немного раздражен тем, что игру прервали. Он был самым молодым, с эспаньолкой и роскошными часами. Выражение его лица довольным назвать было трудно.

— Простите, что помешала игре.

— Не стоит. Мы никуда не торопимся. Похоже, мы, старперы, недостаточно резво играем, а у юного Калеба есть знакомые и места поинтереснее.

Я рассмеялась:

— Так он куда-то спешит?

— Ага. Он пообещал своему отцу сыграть с ним в гольф и с тех пор сто раз об этом пожалел.

Я повернулась к оставшимся позади мужчинам.

— И кто его отец?

— Я, — ухмыльнулся Пол, задорно сверкая глазами. — Итак, ваш дядя упоминал об одном деле. Я хорошо его помню, поэтому позвонил Ханне — она все еще работает в архиве управления. И попросил достать все имеющиеся записи. Они у нее, если хотите взглянуть.

— Спасибо. — Меня немного удивило, как легко люди пошли мне навстречу.

— Мне до смерти хотелось прижать того парня, — процедил Пол сквозь зубы.

— Доктора Йоста? — уточнила я.

— Кого? Да нет же, — он покачал головой и уставился на меня. — Илая Кинтеро. Он лучший чертов фальсификатор из всех, кто мне попадался. Напечатал больше бумажек, чем ксерокс.

— Бумажек? — поразила я. — Речь о поддельных документах? Вроде удостоверений личности и все такое?

— Так точно, мэм.

— Ничего себе! Такого я не ожидала. И в связи с чем всплыло имя доктора Йоста?

— Он был в списке. — Когда я лишь вопросительно приподняла брови, Пол объяснил: — Мы ворвались в жилище Кинтеро, но он уже слинял. То ли в Миннесоту, то ли в Миссисипи, в общем, куда-то на «м», как я слышал. Однако мы нашли журнал, что-то вроде

гроссбуха. Видимо, он свалился за стол, когда Кинтеро в спешке собирал вещички. В журнале были десятки имен, в том числе и имя вашего доктора.

— Да ну? — Мое удивление росло и росло.

— К сожалению, это все, что нам удалось обнаружить. Чтобы передать дело в суд, не хватило доказательств. А ведь я месяцы потратил, потев над ним.

— Хреново.

Он лениво кивнул, соглашаясь:

— Точнее не скажешь.

— Вам известно, когда доктор Йост виделся с Кинтеро?

— Если память не подводит, ваш док был одним из последних в списке. Значит, они должны были видеться незадолго до того, как мы обыскали дом Кинтеро. А это было...

— Ну сколько можно, пап? — проныл откуда-то сзади Калев. Видимо, в игре пришла очередь его отца.

Пол медленно обернулся и изобразил широченную улыбку:

— Столько, сколько нужно, Калев. — Затем вновь посмотрел на меня, и как раз в тот момент Калев бросил клюшку на землю и стал нервно расхаживать туда-сюда. — Моя жена напрочь избаловала этого мальчишку. Года три назад.

Года три назад? Такой тип поведения должен культивироваться как минимум десятки лет.

— Да, точно. Это было одно из моих последних дел, так что почти три года назад, плюс-минус.

— А-а, ну, понятно. Большое спасибо, что уделили мне время. И я бы связалась с Ханной по поводу записей о деле, если вы не против.

— Ни капельки. — Он достал свою визитку и написал номер Ханны на обратной стороне. Потом бросил взгляд на своего шагающего взад-вперед сына и снова повернулся ко мне. — Уверены, что вам больше ничего не нужно? Узнать курс акций? Получить юридическую консультацию? Послушать дословный пересказ Геттисбергской речи^[24]?

Я рассмеялась и, перед тем как отправиться к своей миленькой тачке, ответила:

— Нет. Еще раз спасибо вам огромное.

— Передайте своему дяде, что он осел! — крикнул Пол мне вслед.

— Обязательно передам.

Теперь он понравился мне еще больше. Когда я отъезжала, его сын страдал словесным поносом на тему «Время — деньги».

— Позволь мне выразить, как сильно мне насрать по шкале от одного до не пошел бы ты на хрен, — ответил ему бывший детектив.

По пути к зданию клуба я позвонила Ханне, той самой сотруднице архива, и атаковала ее вопросами. Оказалось, что в журнале напротив имени Айболита стояло еще одно имя — Кит Джейкоби. Ханна назвала мне точную дату из журнала, и я попросила ее подержать у себя документы по делу еще немного на случай, если мне понадобится лично их просмотреть. Наверное, чтобы получить больше информации, придется найти великого

фальсификатора Илая Кинтеро. Из отчета детектива следовало, что он смылся куда-то в Миссисипи и открыл магазин.

— Не вопрос, — тут же согласилась Ханна. — Для Бобби что угодно.

Бобби? Она имела в виду дядю Боба? Гадость какая!

Показав Гаррету средний палец, я вошла в Развалюху и позвонила Кук.

— Завязывай выяснять, был или нет доктор Йост на островах, — сказала я, как только она сняла трубку.

— Вот и хорошо, потому что никто не проявляет ни малейшего желания сотрудничать.

— Неужели люди больше не смотрят «Улицу Сезам»^[25]? — разочарованно спросила я, сворачивая на Сорок седьмую. Гаррет висел на хвосте.

— Вот и я о том же. Так что случилось?

— Мне нужно, чтобы ты продолжала делать то, что делала, только искала теперь Кита Джейкоби.

— Разве я не говорила о готовности людей сотрудничать?

— Говорила, и я ценю твои усилия.

— Где ты?

Я влилась в поток машин на I-40, едва не пропустив просвет в движении.

— Возвращаюсь, а что?

— Тебя как будто что-то отвлекает.

— Так и есть. Гаррет, черт его дери, наступает на пятки.

— Правда? Что на нем надето?

— Кук, это не шутки.

— погоди, чем ты занимаешься?

Наверняка она слышала, как напряженно я говорю, пока вытягиваю шею то в одну, то в другую сторону.

— Пытаюсь рассмотреть дорогу через маленькую девочку, которая сидит у меня на капоте.

— А это не опасно?

— Как правило, да. Но у нее с собой нож.

— Тогда, наверное, все в порядке.

*Жизнь монахини состоит из непорочности, бедности и смирения.
Секундочку, кто сказал «непорочность»?*

Наклейка на бампер

Едва остановившись возле бара, я пулей помчалась по лестнице в офис, торопясь поделиться с Куки невероятной новостью, которую услышала по радио. Влетев в двери, я с трудом остановилась прямо перед ее столом:

— Ты слыхала о члене Милтона Берла^[26]?

Куки округлила глаза и кивком указала на что-то у меня за спиной. Я обернулась и увидела молодую монахиню, которая поднималась с кресла. Судя по всему, меня она и ждала. Неудобно получилось.

— Прошу прощения, — улыбнулась я и протянула ей руку. На ней была темно-синяя юбка и свитер, подходящий по цвету к монашескому головному убору, под которым виднелись каштановые волосы. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон.

— Я знаю. — Она взяла мою ладонь обеими руками, и в ее зеленых глазах светилось такое благоговение, словно она встретила рок-звезду. Или наакалась в стельку. — Я слышала, он был огромный.

— Простите, что? — спросила я, сбитая с толку обожанием в ее взгляде.

— Член Милтона Берла.

— А-а, точно. Странно, да? Так чем я могу вам помочь?

— Ну... — Она перевела взгляд на Куки, потом снова посмотрела на меня. — Вы не отвечали на мои письма, поэтому я решила повидаться с вами лично.

— Письма? — нахмурилась я. — Мы знакомы?

— Нет, — мягко рассмеялась монахиня, — но я знаю, кто вы. Просто хотелось с вами познакомиться.

Я насторожилась:

— И кто же я?

Она подалась ко мне и прошептала с заговорщической улыбкой:

— Ангел смерти.

Если не считать, что меня чуть кондратий не хватил, слова ее я приняла очень даже адекватно. Я глянула на Куки, чьи глаза все еще притворялись блюдцами, но она была слишком занята тем, что тарасилась на нас, поэтому даже не заметила, как опрокинула свой кофе. Я откашлялась и показала на чашку. К счастью, к этому моменту почти все ее содержимое Куки успела приговорить. Она схватила салфетку, чтобы промокнуть несколько пролитых лужиц, а я тем временем уже сопровождала монахиню в свой кабинет.

— Кофе хотите? — спросила я, направляясь к кофеварке. Уже столько минут прошло с моей последней чашки! Моя собеседница покачала головой, а я налила себе и сказала: — Ну, видит бог, мне это необходимо.

— Может, и видит, — ответила она, и я внутренне содрогнулась, осознав, что только

что ляпнула. — Мне нравятся ваши картины.

Вошла Куки, налила и себе чашечку и села сбоку у стола. Монахиня села напротив меня.

— Спасибо, — проговорила я. — Могу я узнать, как вас зовут?

— Разумеется, — хихикнула монахиня. — Сестра Мэри Элизабет. Но вы знаете меня как мадам Мариголд.

Я застыла в процессе усаживания пятой точки в кресло, окинула сестру взглядом и наконец-то уселась.

— Вы мадам Мариголд?

Она терпеливо улыбнулась и кивнула.

— Я представляла себе вас совсем иначе. — Я сделала огромный глоток. У меня в голове стоял образ повернутой на эзотерике барышни с фенечками, картами Таро и аромамаслами. Мадам Мариголд — та самая хозяйка сайта об ангелах и демонах. Начнем с того, что меня до глубины души поражал тот факт, что она вообще в курсе, как создать веб-сайт.

— Верю. Прошу прощения за эту иллюзию. Мне не хотелось, чтобы другие знали, что я вас нашла. По крайней мере пока, — сказала сестра, разведя руками. — Прежде чем им сказать, я хотела убедиться, что это действительно вы.

— Им? — переспросила я.

Все это могло обернуться очень скверно. О том, кто я такая, знает лишь маленькая горстка людей.

— Сестрам Непорочного Креста. Мы живем чуть дальше на этой же улице.

— Ну конечно. — Несколько долгих секунд я пристально смотрела на нее. Она не возражала. — Послушайте, не то чтобы я не верила в Большую Шишку наверху, но откуда, черт возьми, вы обо мне узнали?

— Ну...

— И как вы меня нашли?

— М-мм...

— И откуда вы знаете о сыне Сатаны? — Я очень хорошо помнила, что, когда Гаррет написал ей по электронке, притворившись ангелом смерти, она ответила: «Если вы ангел смерти, то я — сын Сатаны».

Глотнув кофе, Куки кивнула, широко распахнув от любопытства глаза.

Сестра Мэри Элизабет смиренно улыбнулась, подозревая, что я еще не закончила, а потом снова заговорила:

— Пока мы не зашли слишком далеко, вам, наверное, стоит кое-что узнать обо мне.

— Справедливо. — Я откинулась на спинку кресла и сделала еще один глоток.

Сестра сидела прямо, будто палку проглотила, соединив колени и сложив на них руки.

— Я слышу ангелов.

Я моргнула, ожидая финального аккорда, но его не последовало, поэтому спросила:

— И?

— Это как бы и все. Я слышу ангелов.

— Понятно. Это все объясняет.

Она с облегчением выдохнула:

— Слава Богу, а я переживала, что...

— Вы серьезно?

— Простите?

— Ни хрена это не объясняет. — Я поставила чашку на стол и наклонилась к ней. — Это был сарказм.

— Теперь понятно, — нахмурилась сестра и покачала головой. — Иногда я его не улавливаю.

— Значит, тот сайт со всей фигней по поводу «как обнаружить демонов», — ваших рук дело?

Она кивнула с искренней улыбкой:

— Строго говоря, это не грех.

— Так вы действительно мадам Мариголд?

Еще один кивок. Я подумала, что она просто дает мне время осознать ситуацию. Время, которое мне, очевидно, было необходимо.

— Ладно. Предлагаю проехать эту часть.

Кивок.

— Куки написала вам, и вы знали, что она не та, кого вы ищете. Потом вам написал Гаррет и упомянул, что он ангел смерти, а вы опять поняли, что это ложь. А уже после него — и давайте сразу проясним этот момент, — добавила я, подняв указательный палец, — я написала вам под липовым именем, на которое Куки зарегистрировала мне почтовый ящик. В письме я спросила, что вам нужно от ангела смерти, и вы точно знали, что это я.

Кивок.

— Как?.. Откуда?..

Сжалившись надо мной, сестра наконец ответила:

— Все дело в имени, которое она выбрала, — и взглянула на Куки, которая была поражена не меньше моего. — Джейсон Вурхиз^[27].

Я закатила глаза:

— Говорила тебе не брать парня из «Пятница, 13-ое».

— Выбор стоял между ним и Майклом Майерсом^[28], — парировала Куки.

— Это я предлагала чувака из «Хэллоуина». А ты вообще поначалу собиралась обозвать меня Фредди Крюгером. — Я посмотрела на сестру Мэри Элизабет. — Представляете? Фредди! Вы видели, в каком состоянии его кожа?

— Это не важно, — отозвалась та, уверенно помотав головой. — Какое бы она ни выбрала для вас имя, ангелы узнали бы за сотни эр до этого.

— Ангелы, значит. Они действительно с вами говорят?

Сестра фыркнула и тут же прикрыла рот обеими руками:

— Прощу прощения. Порой я веду себя не так, как должно.

— Не нужно извиняться.

— Вообще-то ангелы со мной не разговаривают. Не уверена, что они вообще в курсе, что я их слышу. — Мои брови поползли вверх, и она добавила: — Скорее я их подслушиваю.

— Ангелов? — поразила я.

— Кажется, я всегда их слышала. По крайней мере, с тех пор, как себя помню.

— Обалдеть. Это ужасно интересно! А знаете, с моей подругой Пари случилось нечто подобное, когда медики объявили время ее смерти. По пути обратно на Землю она слышала разговор ангелов.

Мэри Элизабет усмехнулась:

— Бывает. Это то же самое, только я слышу их постоянно. — Она наклонилась к нам, как будто собиралась доверить сокровенную тайну. — Порой это ужасно раздражает. Они

никогда не затыкаются.

— Представляю, — ухмыльнулась я. — Итак, вы знали, каким именем я воспользуюсь, но как вы меня нашли?

— Хм, связи. — Она резко откинулась на спинку стула, и на ее лице тут же проступило виноватое выражение.

— А могут быть эти связи незаконными?

— Нет! — ахнула сестра. — То есть я не уверена. Просто у меня есть один знакомый, а у него еще один...

Так вот откуда ноги растут.

— И он...

— Отследил ваш IP-адрес.

— Ничего себе! — Я была, мягко говоря, под впечатлением. — И вы создали сайт, куда залили информацию по ангелам и демонам?

Она кивнула.

— И вы слышали липовое имя Чарли от ангелов? — спросила Куки.

— Да, я вообще всякое слышу. Вы даже не представляете, что будет на следующей неделе, если это не предотвратить. — Она закатила глаза: — И никто ничего не сделает. Потому что никто никогда даже не прислушивается.

— Так вы пророк, — пришибленно заметила я.

— Пф-ф! — фыркнула сестра, махнув рукой, словно это сотрет мои слова. — Не совсем. То есть не в традиционном понимании. Предсказывать будущее я не умею. Только слушаю тех, кто умеет. И, если подумать, это большой грех.

Я не удержалась и рассмеялась:

— Ну все, я в замешательстве.

— Я тоже, — добавила Куки. — В смысле вы совсем не такая, как мы себе представляли.

— Ага, я часто такое слышу. Однако сестрам хочется побольше узнать о вас. Ах да, и о Рейесе.

Докатились.

— Что вам известно о Рейесе?

— Дайте подумать. Он — сын Сатаны, родившийся на Земле, чтобы быть с вами, ангелом смерти. Хотя сестрам это название совсем не нравится. Они считают, оно вас ограничивает. В общем, имя ему Рейазиэль, что означает «прекрасный». И он тоже портал, как и вы. Ах да! — Она посмотрела по очереди на нас обеих. — У него достаточно сил, чтобы запустить апокалипсис.

— Вас хорошо информировали.

— Ну да, как я и говорила, трещат без умолку. — Сестра несколько раз соединила и раскрыла пальцы, жестом показывая, как много кое-кто разговаривает. И это было ужасно смешно. — Так вы в курсе, что он может положить миру конец?

— Ага, меня просветили.

— Тогда... ничего не понимаю. — Ее брови сошлись на переносице. — Вы спасли ему жизнь, когда демоны собирались его убить. И еще раз, когда он сам хотел наложить на себя руки. А потом связали его, приковав к этому измерению.

— Натворила же я дел, да?

Когда я с помощью своего внутреннего света победила демонов, пытавших Рейеса

(оказалось, у них на свет аллергия), он решил покончить с собой, чтобы стать менее уязвимым. Мне удалось остановить его, заключив внутри его же материального тела. Однако меня крайне тревожило, что сестра Мэри Элизабет в курсе событий и вообще знает все обо мне и Рейесе.

— Я к тому, — продолжала она, — что причины мне известны. И все же меня немного удивляет, что вы спасли ему жизнь, зная то, что знаете.

— Какие еще причины?

— Дело в вас обоих. Вы с Рейазиэлем как магниты. В буквально смысле. — Она подняла вверх два пальца, чтобы наглядно продемонстрировать свои слова. — Вас притягивает друг к другу одной только силой воли.

— А-а, вы об этом...

— Так было предначертано. Не то чтобы я не знала, что вы поступите именно так, как поступили. Однако если демоны до вас доберутся...

— Да-да, я слышала. Нехорошо получится, — перебила я, стараясь не обращать внимания на то, как болезненно свело живот.

— Действительно, плохо. Но не волнуйтесь: вам пошлют хранителя сразу после великих мучений.

— Мучений?

— Ага, — кивнула сестра.

— Видите ли, я не большая поклонница всяческих страданий. Очень плохо будет?

— С мучениями всегда так. Особенно, если их предрекают ангелы.

— Звучит совсем не обнадеживающе. Значит, мне пошлют хранителя? А я думала, Рейес и есть мой хранитель.

Она снова фыркнула:

— Рейазиэль? Ваш хранитель?

— Ну да, — подтвердила я, чувствуя себя немного озадаченной. — Он всегда был рядом, присматривал за мной и не раз спасал мне жизнь.

— Верно, но он вовсе не ваш хранитель. Он... Мне кажется, вы не осознаете всей ситуации.

Тут я насторожилась:

— Какой еще ситуации?

— Он... ну... он очень могущественный.

— Об этом мне тоже известно.

— И он... Я просто не знаю, как выразиться.

— Сестра Мэри Элизабет, на свете существует совсем не много вещей, которые могут меня обидеть. Если именно это вас волнует.

— Ох, хорошо. Тогда скажу как есть. Он вроде как ваша ахиллесова пята.

— Моя — что?

— Ваш криптонит^[29].

— То есть Рейес — мое слабое место? — переспросила я, скорее запутавшись, чем обидевшись.

— Именно. Вы его любите. И не можете принимать взвешенные решения, когда он поблизости.

— Есть такое дело, — вставила Куки, кивая в знак согласия.

— Пф-ф! Я вас умоляю! Я принимаю взвешенные решения каждый день с закрытыми

глазами и связанными за спиной руками.

— Вот-вот, — помрачнела Куки, — и такое случается слишком часто, когда он оказывается рядом.

То, что она это заметила, до странности меня смутило.

— Тогда кто же он, этот хранитель? — Я сделала большой глоток кофе.

Понадобится все мое мужество, раз уж придется пережить великие мучения. Потому что перед любыми мучениями, великими или нет, мужество имеет склонность покидать меня в мгновение ока.

— Его имени я не знаю, зато знаю, что он привнесет в вашу жизнь баланс. Ах да, и он еще не умер.

— Ясно. — Я откинулась на спинку кресла, задумавшись. — Значит, он будет призраком?

— Да. — Сестра взглянула на свои часы. — Он умрет через два дня, одиннадцать часов и двадцать семь минут.

— Да уж, точнее некуда. Я ведь не буду ответственной за его смерть? — нервно рассмеялась я. Не хотелось бы убивать своего собственного ангела-хранителя. Вдруг он примет это близко к сердцу.

— Конечно, нет, — ответила Мэри Элизабет, хихикнув вместе со мной. — То есть не напрямую.

— Это хорошо. — Я глотнула еще кофе, и только потом до меня дошло, что она сказала. — Погодите-ка, что это значит?

— Что именно?

— Как это не напрямую?

— Хм-м, — прогудела она, задумчиво глядя в потолок. — Точно не знаю. Правда. Я еще не пила чай. А порой без чая мне бывает сложно сосредоточиться.

— Святой ежик! — Я опустила ноги на пол и села ровнее. — На мне будет косвенно висеть вина за чью-то смерть?!

— Ага.

— Отстой.

— Точно.

— А вы можете спросить их, кто это?

— Кто — кто?

— Хранитель, которого я приговорю к смерти.

— А-а, ну конечно же, — мягко рассмеялась сестра. — А кого я должна спросить?

Наверное, даже к лучшему, что она решила вести непорочный образ жизни.

— Ангелов.

— Ах да. Нет.

— Почему? — спросила я, начиная злиться.

— Я же сказала: я не говорю с ангелами, а только подслушиваю их. — Она посмотрела на Куки: — Она до сих пор не спит?

В ответ Куки покачала головой.

— Откуда вы?.. — начала я и заставила себя замолчать. — Ангелы? Серьезно? Неужели они так много сплетничают?

— Вы себе даже не представляете!

Проводив сестру Мэри Элизабет до двери, я повернулась к Куки:

— Только мне кажется, что это было до жути странно?

— Нам обеим. — Она наградила меня подозрительным взглядом. — Значит, ты кого-то отправишь на тот свет.

— Не напрямую, — огрызнулась я. — И вообще, кто знает, в смерти скольких людей я косвенно замешана? И ты, кстати, тоже.

— Я?! — потрясенно переспросила Куки. — Короче, я попробую выяснить, был ли некто по имени Кит Джейкоби на Каймановых островах в то же время, когда умерла первая жена доктора.

— Отлично. А я поковыряюсь в деле Рейеса и проверю имена, которые он мне дал.

— Знаешь, то, что она говорила, просто дико, — заметила Куки, усаживаясь за свой стол. — Я о том, что она слышит ангелов.

И это все, что отложилось у нее в голове?

— Ты вообще слышала часть разговора о великих мучениях?

Ее лицо смягчилось.

— Не могла бы ты постараться сделать так, чтобы меня не было поблизости, когда это начнется?

— Не могла бы, — буркнула я и махнула рукой для убедительности, уже возвращаясь к себе в кабинет. — Если мне придется страдать, тогда придется и всем остальным в радиусе пятнадцати километров.

Куки состроила мне гримасу:

— А как насчет один за всех?

— Не мое кредо.

— Принести жертву во имя великого блага?

— Я не сторонница человеческих жертвоприношений.

— Страдать молча?

Я остановилась, повернулась к ней и с осуждением прищурилась:

— Если мне придется страдать, я буду орать и орать твое имя во всю глотку. И даже если ты решишь сбежать в Джерси, то будешь слышать меня всю дорогу, попомни мои слова.

— Какая же ты сегодня ворчливая!

Через пятнадцать минут я нажала кнопку интеркома:

— Помнишь ассистентку стоматолога, которая давала показания против Рейеса? Она сказала, что Эрл Уокер боялся Рейеса, и совершенно случайно оказалось, что она работала на того самого дантиста, который опознал Эрла по стоматологической карте.

— Помню, конечно, — ответила Кук. — Сара как-то там.

— Сара Хэдли. Угадай, где она сейчас.

— На Ямайке?

— С какой стати ей быть на Ямайке?

— Сама сказала «угадай».

— Ты только послушай...

— Ты же понимаешь, что я тебя и без этого противного интеркома слышу?

Мы обе наклонились вперед, глядя друг на друга через открытую дверь.

— Но так веселее, — сказала я. — И больше смахивает на «Звездный путь».

— И больше раздражает, — добавила Куки. Когда я только поджала губы, она все-таки сдалась: — Ну и где она?

— Вот, смотри, — я подняла статью и прочла: — «В понедельник утром Сару Хэдли нашли мертвой в съемной квартире. Тело обнаружила владелица жилого здания, приехавшая в ответ на жалобы других жильцов о том, что в квартире, где проживала Хэдли, слишком громко работает телевизор». — Замолчав, я многозначительно посмотрела на Куки.

— Не может быть! — обалдела она.

— Еще как может.

— В этот понедельник?

— В том-то и дело, что нет. Суд над Рейесом закончился десять лет назад. И это был четверг, верно?

— Верно.

— Сару нашли мертвой на следующий понедельник после суда.

— Наверняка это Уокер заметал следы.

— Похоже на то. К тому же он сам был на волосок от тюрьмы. Этого героя обвиняли в вымогательстве денег у старушек, и ему грозило пятнадцать лет.

— То есть убили его очень вовремя?

— Буквально за пять минут до того, как его дело передали в суд.

— Каков везунчик!

— Ага. Или коварный комбинатор.

— Итак, Сара Хэдли подменяет стоматологические записи, чтобы выдать человека, которого Эрл Уокер отправил на тот свет вместо себя, за самого Эрла Уокера...

— Что-что? Я тебя не слышу! — Я помахала и показала пальцем на ухо, потом — на интерком. — Говори в интерком!

Громко вздохнув, Куки нажала кнопку:

— ...Потом свидетельствует против Рейеса в суде, а старый добрый Эрл благодарит ее тем, что...

— ...забивает до смерти подставкой для книг.

— Думаю, у Эрла проблемы с головой.

— А я думаю, по нему плачет дохренальон лет тюрьмы. — Вскочив с места, я побежала в приемную за пальто, потому что именно там его и оставила, затем бегом вернулась в свой кабинет и нажала кнопку интеркома. — В общем, я нашла адреса тех, чьи имена дал мне Рейес. Собираюсь их проверить. И надеюсь, что никого ненароком не убью.

— У тебя еще пара дней до того, как это случится. Не переживай.

— Точно. К счастью, один из троих уже мертв. Так что убить его еще раз не получится.

— А остальные?

— Один здесь, в Альбукерке, а второй в Короне.

— В пиве?

— К сожалению, нет. Это небольшой город.

— У нас есть город Корона?

— Вот-вот, и я о том же. Кто бы знал, да? Я решила сперва пообщаться с местным парнем. Пожелай мне удачи.

— Стой! — крикнула Куки, когда я проходила мимо ее стола.

Я повернулась к ней, но ее палец все еще давил на кнопку интеркома, а взгляд был до

ужаса нетерпеливым.

Так-так. Меня — моим же оружием. Еще раз я вернулась в свой кабинет и нажала кнопку.

— Так ты говоришь, я похожа на кекс?

Пора заставить этот день прогнуться.

Надпись на футболке

Мы с Развалюхой ехали и ехали на юг, пока не доехали до ветхого жилого комплекса, располагавшегося позади другого такого же ветхого жилого комплекса, который, в свою очередь, крошился в пыль позади совершенно заброшенного на вид жилого комплекса. По сравнению с последним первые два казались отелями сети Ритц.

— Карточный домик Чарли, — сказала я в телефон, заезжая на парковку худшего из зданий.

— Первую жену Йоста кремировали, — сообщила Куки.

— Что? — Я выключила двигатель. — Но ведь она умерла при подозрительных обстоятельствах. И Йосту дали добро на кремацию?

— Как видишь. Он провернул все на островах еще до того, как забрал ее в Штаты.

— Почему люди первым делом не советуются со мной?

— По псевдониму пока ничего. Продолжаю копать.

— Ладно, дай знать, если что-то найдешь. И поскорее, потому что шансы, что я выберусь из этого райончика живой, почти равны нулю.

— Так и знала! Надо было мне ехать с тобой.

— Чтобы вместе умереть?

— И то правда. Ну, удачи.

Я прижимала телефон к уху даже после того, как мы разъединились. Отличное оправдание, чтобы игнорировать глазающий на меня народ, пока я шла к «бараку» номер три. Никакой «тройки» на двери не оказалось, но от одного до десяти я считаю сносно.

Я постучала в дверь некоего мистера Верджила Гиббса, и мне открыл тощий мужчина, сгорбленный под тяжестью возраста и злоупотребления кто знает чем. У него были темные волосы и седеющая борода.

— Привет, — сказала я, встретившись с ним взглядом. До этого он был занят тем, что рассматривал группу мужчин, которые пялились на меня. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Я частный дет...

— Лучше бы тебе зайти, ласточка. — Он отступил, не спуская глаз с зевак.

— Ладненько.

Ну все, я тут точно помру. И все-таки я зашла. С виду не скажешь, что он очень уж проворный. Наверняка получится его уделать, если что.

Дом оказался не таким плохим, как можно было ожидать. Пара пустых бутылок из-под пива на журнальном столике. Телек с антенной, обмотанной фольгой. Но что меня особенно удивило — никаких грязных пепельниц. И трусов на диване.

— Пива хочешь? — спросил хозяин, и сразу стало заметно, что зубы на месте не все.

— Нет, спасибо.

Он подошел к холодильнику, чтобы достать себе бутылку.

— Как, говоришь, тебя звать?

— Шарлотта Дэвидсон. Я частный дет...

— Дэвидсон? — перебил он, откручивая крышку и пристально глядя на меня чуть косящими голубыми глазами.

— Да. Я ча...

— Раз уж пива ты не хочешь, тогда чего тебе надо?

Если бы он, черт возьми, дал мне закончить предложение, мы добрались бы до сути куда быстрее.

— Минуточку, — вдруг спохватилась я и бросилась к окну, — мой джип там не тронут?

— Зайчик, даже если бы я оставил в нем горшок с золотом, никто бы его не тронул. Тут все знают: на то, что принадлежит мне, варежку разевать не надо.

— Как-то сильно вы обо мне беспокоитесь, — поддела я.

Он улыбнулся, продемонстрировав катастрофическую нехватку зубов:

— К сожалению, ты мне не принадлежишь. Но ты у меня в гостях, поэтому твой джип останется на месте, пока ты отсюда не выйдешь. Желательно засветло.

Стемнеет буквально через пару часов, поэтому первым пунктом в моем несуществующем плане на сейчас было свалить отсюда именно до того, как день превратится в вечер.

— Так как? Хочешь впарить мне что-то ненужное?

— Нет. Я частный детектив. Ищу одного вашего знакомого.

— Да ладно? — Уровень его любопытства взлетел на порядок. Но любопытство было какое-то неясное. — Не похожа ты на ту, у кого нет трахаря.

— Как я сказала, я кое-кого ищу. — Я помолчала, листая блокнот, чтобы дать ему время привести в порядок свои чувства. Мне нужен был чистый опыт. — Мистера Эрла Уокера.

Он тут же сдал назад — ментально и физически:

— Опоздала ты лет на десять, милая моя. Да к тому же такие, как ты, были не в его вкусе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ну еще бы. Мне хорошо известно, что ни мой пол, ни мой возраст в список предпочтений Эрла Уокера не попадают.

И Гиббс не лгал. Он действительно верил, что Уокер мертв. Черт возьми, может, так и есть.

Тогда уже два имени из трех можно вычеркнуть. А значит, надо ехать в Корону.

— Спасибо, что уделили мне время, мистер Гиббс.

— Без проблем. Если найдешь его, передай привет от Верджила, — он рассмеялся прямо в бутылку, пока глотал из нее.

— Передам.

Залезая в Развалюху, я видела, как за мной следят несколько пар глаз. В том числе и Верджил. Что ж, он и близко не был таким монстром, как его дружок Эрл, но я всерьез сомневалась, что в ближайшее время мне захочется с ним позависать.

Я позвонила Куки, чтобы дать ей знать, куда направляюсь.

— Привет, босс.

— Я в полете.

— Ох. Симпатичный был?

— Нет. А какая разница?

— Ну, если ты его куда-нибудь пригласила, а он отказал...

— Не в том смысле. Чувак из списка Рейеса оказался бесполезен.

— Хреново. Дальше что?

— Я собиралась поехать в Корону, но теперь думаю, что надо бы поговорить с Ким Миллар.

— С сестрой Рейеса?

— Ага.

У Рейеса была псевдосестра — девочка, с которой он вырос и которую оберегал всеми возможными способами. Рейес был совсем маленьким, когда его похитили у родителей и продали Эрлу Уокеру, Ким же отдала этому козлу добровольно. Ей было два года, когда мать-наркоманка подбросила ее на порог Эрла Уокера, считая, что он и есть ее отец. А через пару дней умерла. У меня теплилась надежда, что мать Ким никогда бы не оставила ее с Эрлом Уокером, если бы знала, что он за монстр. Уокер не подвергал Ким сексуальному насилию, как я опасалась. Но творил дела почище, используя ее, чтобы контролировать Рейеса. Морил Ким голодом, чтобы получить от него то, чего хотел. И хотя мы с Рейесом никогда не обсуждали, чего именно хотел от него Уокер, и без того было ясно, что сексуальное насилие было не последним в списке.

— Поговорю с ней, а потом махну в Корону, — добавила я.

— Уже поздно, а дорога туда займет пару часов.

— Ага, но мне нужно это сделать. А раз уж ничего по делу Айболита без дополнительной информации я сделать не могу, то займусь хотя бы этим.

Я услышала, как Куки жмет на кнопки факса, а потом и шорох листа бумаги. Или даже двух.

— Святой ежик, он там был! — воскликнула она секунду спустя.

— Кто был? Где был? Айболит?

— Ну да. Только что получила копию квитанции из отеля «Песок и солнце» на Каймановых островах. Некий мистер Кит Джейкоби зарегистрировался в тот самый день, когда нашли мертвой Ингрид Йост. Заплатил наличными за одну ночь и больше не возвращался.

— О боже, Кук, мы его поймали.

— Позвони своему агенту ФБР.

— Хорошо, попробую дозвониться ей чуть позже. Продолжай копать.

— Будет сделано. И не натвори там глупостей, — добавила Куки.

— Меня до глубины души возмущают твои слова.

— Ничего подобного.

— А могли бы. Откуда тебе знать?

— Поверь мне, я знаю.

— Я позвоню тебе, когда двинусь в Корону.

— О'кей. И расскажи, что скажет агент Карсон. И как там сестра Рейеса. Сколько кофе ты выпила?

— Семнадцать тысяч чашек.

— Не усни за рулем.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что мой ручной хвостик делает свою работу. Ага, пристроился прямо к моей, черт бы его побрал, заднице. Терпеть не могу, когда за мной следят. А если мне приспичит побегать голышом по пшеничному полю? Или

снять мужика-проститутку?

— Этот чувак не шевелится.

Подпрыгнув, я повернулась к Ангелу, который нарисовался на пассажирском сиденье.

— Ангел, мелкий ты кусок какашки! Какой еще чувак?

Он пожал плечами:

— Доктор, к которому ты меня приставила. Он только и делает, что ноет по жене. Ты уверена, что это его рук дело? С виду он ужасно расстроен.

Ничего себе! Да этот мужик крепкий орешек.

— Еще как уверена. Когда он пришел, то просто тонул в океане вины.

— А вдруг он виноват в чем-то другом? Скажем, не платит налоги.

— Чувак, я уверена на все сто. Чувство вины из-за налогов совсем другое. А еще, если только я чудовищно не ошибаюсь, он убил и свою первую жену.

— Ладно-ладно, хотя я б лучше потусовался с тобой.

— Хорошо, но только пару минут. Он не дал совсем никаких зацепок? Не делал подозрительных звонков? Не ходил в сарай? Или в подвал? Не встречался с какой-нибудь дамочкой в темной аллее ради развратного животного секса? Может, у него интрижка на стороне.

Ангел наградил меня раздраженным взглядом:

— Я бы заметил.

— Просто проверяю варианты. — На этом я думала закончить разговор и сделала характерный жест рукой, чтобы он прекратил донимать меня своим поганым настроением.

— Там еще и федералы в каждом углу. Если бы ему припекло, он мог бы, конечно, заняться развратным животным сексом, но только со зрителями.

— Ты проверял его владения? Может быть, там где-нибудь свежеразрытая земля. Или недавно посаженный сад. Среди серийных убийц это пользуется популярностью.

— Ничего. Мужик чист. А что за крендель едет за тобой?

— Дядя Боб приставил ко мне хвост.

Ангел улыбнулся:

— Мне нравится дядя Боб. Напоминает об отце.

— Правда? Как это мило.

— Ага, да не очень. Но если бы я знал, кто мой отец, то, думаю, он был бы похож на дядю Боба.

Я не могла не улыбнуться в ответ:

— Зуб даю, ты прав.

Несколько миль мы проехали в тишине, а потом Ангел бросил «Свидимся» и опять исчез.

Я остановилась в круглосуточном супермаркете, чтобы выпить кофе и заказать еще чашку в дорогу. Подъехав в жилому комплексу, где жила Ким Миллар, я показала охраннику на воротах удостоверение и предложила десятку, если он не впустит черный пикап, следующий за мной, а потом припарковалась у самой двери Ким. Во мне и близко не было

уверенности, что я поступаю правильно. Откровенно говоря, мной руководило любопытство, а вовсе не необходимость честно выполнять свои рабочие обязанности. Верила ли она, как и Рейес, что Эрл Уокер жив? Знала ли что-то, чего не знал он? По ее словам, у них с Рейесом была договоренность свести к нулю всяческие контакты. Ради безопасности Ким о ее существовании не упоминалось ни в одном из документов с судебного процесса. Из-за другой фамилии ей не составило труда исчезнуть из его прошлого. По настоянию самого Рейеса.

Из того, что мне известно, Ким работала на дому, предоставляя услуги медицинской расшифровки^[30]. Понятия не имею, что это значит, но звучит как что-то очень важное. В общем, я виделась с ней уже дважды. Одного взгляда на безупречную чистоту ее жилища и опрятную, но явно подразумевающую жизнь без свиданий одежду хватило, чтобы задуматься: неплохо было бы Ким почаще выходить из дома. Она же настоящая красавица — стройная, с великолепными темно-рыжими волосами и светло-зелеными глазами.

Пару секунд я шла к ее бирюзовой двери. Весь жилой комплекс был построен в стиле пуэбло: закругленные к углам стены из адобы, плоские крыши, ступенчатые этажи с деревянными балочными перекрытиями, которые выступают за пределы стен. Входные двери покрашены в цвета юго-запада: от ярких синих, красных и желтых тонов до природных терракотовых и богатых коричневых оттенков.

Когда мы с Ким виделись в последний раз, Рейес, мягко говоря, немного расстроился. Я старалась не думать об этом, чтобы не так сильно волноваться. Сейчас он связан, а значит, никогда не узнает. И все же я колебалась, перед тем как постучать. Но постучала. Спустя несколько секунд дверь открылась, я увидела Ким с карандашом в руках. И содрогнулась. Вовсе не потому, что она держала карандаш так же, как держат финку. Хотя на меня когда-то пыталась напасть сестра, держа точно так же... карандаш, не нож, конечно. Со стороны казалось очень похоже. Содрогнулась я потому, что если раньше Ким казалась мне хрупкой, то сейчас это впечатление усилилось десятикратно. Я тут же пожалела о том, что приехала.

Огромные зеленые глаза остановились на мне. Воздух наполнился беспокойством и отчаянием.

— Мисс Дэвидсон, — поздоровалась Ким. Ее голос звучал мягко, но удивленно.

Она выглянула на улицу и осмотрелась. Я тут же ощутила в ней проблеск надежды и проговорила:

— Его со мной нет. Мне очень жаль.

— Но вы с ним виделись.

Она сильнее сжала карандаш, и я с трудом заставила себя не сбежать сию же секунду. Пришла моя очередь осмотреться, потом я снова перевела взгляд на нее и едва заметно кивнула. Глаза Ким расширились, она втащила меня внутрь и захлопнула дверь.

— Они уже были здесь, — сообщила она, проводив меня в маленькую гостиную и задерживая занавески.

— Я подозревала, что так и будет. — Эти федеральные маршалы на редкость дотошные.

Задернув последнюю пару штор, Ким повернулась ко мне и спросила, присаживаясь рядом на диван:

— Как вы считаете, они прослушивают дом?

Несмотря на хрупкость, которая окружала Ким, словно тонкий слой стекла, у нее был здоровый румянец и вообще прекрасный цвет кожи. Более того, она казалась по-настоящему взволнованной.

Я не могла не улыбнуться:

— Не знаю, но не хотелось бы озвучивать лишнее.

— Я видела, как по новостям показывали, что он сбежал. — Ким выглядела чересчур счастливой, когда произнесла это.

— Ага, — хихикнула я. — Думаете, он сюда придет?

— Боже мой, конечно же, нет! Никаких контактов, помните? Как будто теперь это имеет какое-то значение. Власти уже все обо мне знают.

Когда-то меня поражало, как могли маршалы прознать о Ким. Официально ничто ее с Рейесом не связывало. Однако пару недель назад на одном из сайтов, посвященных поклонникам заключенных, я обнаружила упоминание о том, что у Рейеса, возможно, есть сестра. Наверное, так маршалы и вышли на ее след. Само собой, сам факт существования сетевых фан-клубов заключенных потряс меня до глубины души. А когда я обнаружила, что Рейесу Александру Фэрроу посвящен не один, а целый десяток сайтов... Ну, сказать, что меня это ошеломило, было бы преуменьшением тысячелетия.

С тех пор никакого другого объяснения, каким образом федеральные маршалы узнали о связи Ким и Рейеса, найти мне не удалось. Как я и говорила, они на редкость дотошные.

Я решила, что мне стоит предупредить Ким о том, как относится Рейес к нашей с ней дружбе:

— Ким, когда мы виделись с вами в последний раз, Рейес не очень обрадовался.

Она встревожилась:

— Он... он вам угрожал?

— Нет-нет. Ну, может, немножечко. — На самом деле он угрожал перерубить меня пополам, если я еще когда-нибудь к ней приеду, но я сомневалась, что он это всерьез.

Ким закатила глаза:

— Ничего он не сделает. Он только так говорит.

Совершенно неожиданная с ее стороны храбрость сразила меня наповал. Сегодня она казалась мне, как никогда, оживленной и открытой.

— Похоже, вы счастливы.

— Так и есть, — подтвердила она и, опустив взгляд на руки, сложенные на коленях, добавила: — Теперь он сможет уехать в Мексику или Канаду. И жить. — Она посмотрела на меня глазами, полными надежды. — Впервые в жизни он сможет по-настоящему жить. Но мне нужно вам кое-что отдать. — Ким снова осмотрелась и взяла карандаш. Понадобилась вся моя сила воли, чтобы усидеть на месте, но Ким достала откуда-то еще и клочок бумаги. Ну слава богу. Нацарапав какую-то записку, она вручила ее мне. — Не могли бы вы передать это Рейесу? Это номер счета и пароль. Там все, до копейки.

— Номер счета? — переспросила я, глядя на цифры.

— Это его деньги. — Когда я вопросительно сдвинула брови, она объяснила: — То есть мои, но дал их мне он. Я живу на проценты, но и из них беру совсем не много, потому что мне и так хватает. Все это принадлежит ему. Все. В Мексике с этим у него может быть сказочная жизнь. — И уже через секунду Ким передумала: — С этим он где угодно сможет жить, ни в чем не нуждаясь.

Я свернула бумажку, не выпуская из рук.

— Откуда, черт возьми, это взялось? То есть как... — И тут я покачала головой, вдруг осознав, что никогда не пойму, как именно Рейес делает то, что делает. Поэтому сменила тему: — Насколько я понимаю, это банковский счет?

Ким кивнула, широко улыбаясь.

— И сколько там?

Прикусив губу, она посмотрела в потолок:

— Когда я проверяла в последний раз, было чуть больше пятидесяти миллионов.

Я застыла.

Она рассмеялась.

Я перешла в среднюю стадию шока.

Она погладила меня по плечу и сказала что-то о счете в Швейцарии.

Мне показалось, я брежу.

Она помахала рукой перед моим лицом и предложила мне бумажный пакет.

Я знала, что Рейес компьютерный гений. Он взломал базу данных системы образования Нью-Мексико и выдал себе свидетельство об окончании средней школы, чтобы учиться по интернету в колледже, сидя за решеткой. И умудрился получить магистерскую степень в области компьютерных информационных систем. Когда я впервые встретила с Амадором и Бьянкой Санчесами, сообщниками и подельниками Рейеса, они рассказали мне, как он помог им получить дом, в котором они жили, как изучал фондовый рынок и говорил им, когда покупать и продавать акции. Но пятьдесят миллионов?!!

Я сунула бумажку обратно в руку Ким и придавила к ее ладони.

— Ким, если он сделал это для вас, то эти деньги ваши. Я его знаю: он ничего у вас не возьмет. Но что более важно — вы не должны доверять эту информацию никому. Даже мне.

Она настойчиво сунула мне бумажку обратно:

— Только вам я и могу доверить эту информацию. Вы единственный на свете человек, кому он передал бы все это, случись что-нибудь со мной.

Нехотя я затолкала бумажку в карман.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — уверенно улыбнулась Ким. — На всякий случай.

Мои брови сдвинулись от беспокойства. Она не врала, но и не договаривала.

— Солнце, все в порядке?

Ким удивленно моргнула:

— Конечно. А что?

Ладно, тут она тоже не лгала.

— Ничего. Просто спросила. Похоже, вы много времени проводите взаперти.

— Иногда я выхожу. — Ким осмотрелась по сторонам. — Может быть, не так часто, как следовало бы. Но я брожу по окрестностям каждый день. У нас тут даже бассейн есть.

Я чуть не ляпнула о том, сколько бассейнов у нее могло бы быть за полсотни лимонов. Но ей, похоже, и здесь было неплохо. Кто я такая, чтобы предлагать ей дом с пляжем на Гавайях?

В этих условиях она чувствовала себя так хорошо, комфортно и спокойно, что я чуть не забыла, зачем приехала. Но мне нужно было знать ее мнение. Потому что я немного сомневалась, что Рейес в здравом уме.

— Можно задать вам вопрос? — спросила я, снова привлекая к себе внимание Ким.

— Разумеется. — На ее красивом лице появилась отрепетированная улыбка.

Я придвинулась к ней и приготовилась к любой реакции.

— Как по-вашему, возможно ли, что Эрл Уокер жив?

Улыбка Ким не дрогнула ни на миллиметр. Но ее глаза, истинный индикатор чувств,

улыбаться перестали. И вдруг, словно гейзер, прямо изнутри нее взорвалась паника, ударив меня под дых. Однако Ким продолжала сидеть совершенно неподвижно, словно замороженная собственным страхом.

Я тут же накрыла ладонью ее руки и наклонилась к ней:

— Ким, простите, я не хотела вас напугать.

Она моргнула, а через секунду ее лицо превратилось в преувеличенную эмоциональную маску — такими бывают лица манекенов.

— Вы меня не напугали. — Ложь сгустила воздух. — То, о чем вы спросили, совершенно невозможно.

Я мгновенно отступила и покачала головой:

— Вы правы. Извините, что заговорила об этом. Просто я подумала, а вдруг Рейес невиновен?

Тут и улыбка померкла.

— Невиновен? Это он сказал?

— Нет! — солгала я и буквально подскочила к ней. — Нет, не говорил, я просто подумала, зачем ему устраивать побег, если...

— Но ведь вы были с ним, — перебила меня Ким, явно сложив два и два. — Я видела в новостях, что, сбежав из тюрьмы, он похитил вас вместе с машиной.

— Похитил, да, но... я не это имела в виду. Он никогда не говорил, что...

Сокрушительная печаль, которая ощущалась в Ким в наши первые две встречи, всплыла на поверхность, и мне стало страшно, что ее кости превратятся в пыль прямо у меня на глазах.

Она отпрянула, и по ее взгляду стало ясно, что мысленно она сейчас в другом месте и в другом времени.

— Он жив, да?

— Да нет же...

— Я должна была догадаться, что Рейес так поступит. — В глазах Ким заблестели непролитые слезы. — Ну конечно же! Ведь он всегда так делал.

Мои мысли тут же переключились с «Ну и как теперь из этого выпутываться?» на «Минуточку, что?!».

— О чем вы, Ким? Что именно он сделал?

Улыбка вернулась к ней, когда Ким перевела взгляд на меня.

— Он сказал мне, что убил его.

Вот дерьмо. Что тут, черт возьми, творится? Жив долбаный Эрл Уокер или нет?

— И он солгал.

Я видела, как переливаются всеми цветами радуги слезы, дрожащие на ресницах Ким, пока сама она с трудом боролась за каждый новый вдох.

— Зачем ему лгать о чем-то подобном? — спросила я, изо всех сил пытаюсь разобраться, что к чему.

Взглянув на мою руку, все еще лежащую поверх ее, она сжала мою ладонь и посмотрела на меня таким взглядом, будто ей было жаль, что до меня так туго доходит:

— Потому что в этом весь Рейес. Он меня защищает. И ради этого готов на все. Так было всегда. Вам известно о снимках?

— О снимках? — переспросила я, пробиваясь сквозь толщу всеобъемлющего горя.

Едва заметно кивнув, Ким объяснила:

— Он везде хранил фотографии. Как доказательства. Для шантажа.

— Рейес?

— Эрл. — Она дрожала, пока воспоминания, одно за другим, атаковали ее память. — В стенах.

Я подалась вперед, пытаюсь пробиться к ней:

— Солнышко, какие фотографии?

Ким молча поднялась, подошла к двери и открыла ее.

Мне пришлось пойти за ней.

— Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю, — пообещала я.

У Ким сбилось дыхание, больно сдавливая ей грудь, и внезапно мне стало ясно, сколько сил ей понадобилось, чтобы не расклеиться передо мной. Самое лучшее, что я могла для нее сделать, — это уйти. И я ушла. Ким тихонько закрыла за мной дверь. По пути к Развалюхе я вспомнила все, что рассказывала мне Ким о себе и Рейесе. Как Эрл Уокер использовал ее, чтобы добиться от Рейеса того, чего хотел. Как бессчетное количество раз надругался над ним самым худшим из всех возможных способов. Но действительно ли он делал фотографии? Разве они не оказались бы уликами против него самого?

Внезапно меня осенило, что имела в виду Ким, сказав, что Рейес ее защищает. Он сел в тюрьму отчасти из-за нее. Очевидно, ей было необходимо каждой клеточкой верить, что Эрла Уокера больше нет в живых. А я только что посеяла в ней сомнения.

Рейес меня убьет.

*Если с первого раза не получилось,
то прыжки с парашютом явно не для тебя.*

Наклейка на бампер

Из-за визита к Ким все еще болело в груди, когда я подъехала к давно отжившему свой срок дому на колесах и постучала в ржавую дверь. Корона оказалась крошечной деревушкой, уютно примостившейся в живописных горах на юго-востоке Нью-Мексико. Население составляло меньше двухсот человек, но Корона обладала очарованием, присущим маленьким городкам. Дорога от Альбукерке занимала добрых два часа, поэтому мне пришлось протрястись в машине чуть больше часа.

Дверь открыл мрачный мужчина. По моим подсчетам, он был последним в списке Рейеса. И звали его Фарли Скэнлон.

Хорошо сложенный, пара седых прядей в каштановых волосах до плеч, длинные усы и эспаньолка, на шее — кожаный шнурок с серебряным кулоном. Фарли был одним из тех мужчин, которым уже стукнуло за пятьдесят, но выглядят они на свой возраст только вблизи.

— Привет, — поздоровалась я, когда он уставился на меня вопросительным взглядом, хотя выражение его лица ни на йоту не изменилось. Я заметила охотничьи принадлежности на задней стене затрапезного трейлера. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. — Пришлось вытащить удостоверение, потому что он не был похож на того, кто верит на слово. — Я частный детектив. Разыскиваю без вести пропавших людей.

Несколько долгих секунд Фарли изучал удостоверение, а затем наградил меня уже знакомым тяжелым взглядом.

— Ну, я никого не убивал, если речь об этом. — На небритом лице появился намек на улыбку.

— Приятно слышать, — улыбнулась я и секунду помолчала, чтобы дать ему время привыкнуть к ситуации. — К сожалению, есть множество других причин, по которым человек с вашей репутацией может загреметь за решетку.

Он по-прежнему спокойно дышал, взгляд оставался таким же тяжелым. Однако эмоции, ураганом налетевшие на меня, представляли собой зловещую смесь ярости и страха, и мне стало интересно, что из этой пары было вызвано мной. Наверное, было бы слишком самонадеянно считать, что он меня боится.

Вытащив блокнот, я начала якобы делать пометки в списке его преступлений, которые буквально высосала из пальца.

— Итак, у нас тут несколько месяцев за учинение препятствий правосудию. Три года за хранение и сбыт наркотических средств. Десять лет за укрывательство преступника, признанного виновным в убийстве. — Я подалась вперед и широко улыбнулась: — И это если у судьи будет хорошее настроение.

Фарли показался мне вполне способным на укрывательство, так что я рискнула и пальнула наугад. И он, кстати, не возражал.

— Какого хрена тебе надо? — рявкнул он, отодвигаясь от меня.

— Минуточку, — сказала я, подняв палец, и продолжила читать: — Еще девять месяцев за пособничество, но хороший адвокат, наверное, сумеет добиться внесения в этот срок того времени, что вы проведете в КПЗ от начала суда, если вы понимаете, о чем я. — Я фыркнула для убедительности.

Ярость взяла верх над страхом.

Закрыв блокнот, я смотрела ему в глаза не меньше двадцати секунд. Он молчал, с силой стиснув челюсти.

— Вот что я вам предлагаю, — начала я, и он еще немного отодвинулся, явно горя желанием оказаться от меня подальше. — Перед тем, как позвонить в полицию и вас арестуют по всем упомянутым обвинениям, не отходя от кассы, я дам вам единственный шанс сказать мне, где находится Эрл Уокер. — На самом деле я не могла организовать арест, но надеялась, что он об этом не догадывается.

Меня обдало таким мощным, таким ощутимым шоком, как будто я только что саданула по физиономии Фарли левым хуком. Было ясно как божий день: он никак не ожидал, что в разговоре всплывет имя Эрла Уокера. Однако его реакция диктовалась вовсе не тем, что он счел меня спятившей маразматичкой. Его поразило, что я в курсе. И я с легкостью почувствовала, что он виновен. Все равно что увидеть красное пятно в океане желтого цвета.

— У меня нет времени на это дерьмо, — процедил он и приготовился пройти мимо меня.

Я уперлась руками с обеих сторон от двери, преграждая ему путь.

Фарли насмешливо уставился на меня:

— Серьезно, дорогуша? Хочешь со мной потягаться? — Когда я только пожала плечами, он вздохнул и сказал: — Эрл Уокер умер десять лет назад. Сама проверь.

— Ладно, два шанса, но это мое последнее предложение. — Я погрозила ему пальцем. Пусть знает, с кем связался.

— Барышня, он мертв. Спроси его сына, — добавил он со всезнающей ухмылкой. — Пацан уже десять лет сидит за то, что уколошил его. И ни ты, ни закон ничего с этим поделать не можете.

— Послушайте, я здесь не для того, чтобы создавать вам проблемы. — Я подняла руки ладонями вверх в знак мира, любви и доброй воли. — Мы с вами оба знаем, что Эрл Уокер не мертвее тараканов, которые еженощно прогуливаются по вашей кухне. — Брови Фарли сошлись на переносице, и я продолжила, беззаботно пожав плечами: — В этом нет вашей вины. Никто и никогда не узнает вашего имени. Скажите мне, где он, и больше никогда меня не увидите. — За ложь меня однозначно сошлют в ад, потому что всеми фибрами души я желала видеть, как этот человек сгниет в тюрьме.

Рот Фарли превратился в мрачную линию, когда он вытащил охотничий нож, которым гордился бы даже Рэмбо, и принялся чистить ногти концом лезвия. Можно подумать, Рэмбо нуждался в маникюре. Однако маневр произвел впечатление. Первым делом я подумала о том, как будет больно, когда этот нож вонзится мне в живот, легко разрежет мышечную ткань и проткнет яичники, которыми я вряд ли когда-нибудь воспользуюсь для продолжения рода. Фарли посмотрел мимо меня и замер. Затем с неохотой человека, забывшего принять «Виагру» перед еженедельным визитом к любимой проститутке, засунул нож обратно в ножны.

Должно быть, он заметил Гаррета, припарковавшегося неподалеку, но я не осмелилась

отвести взгляд, чтобы узнать наверняка. Фарли протянул руку и схватил куртку.

— Мне больше нечего сказать.

— Потому что вы большой и толстый лжец? — спросила я. Вопрос был справедливым, потому что я только что выяснила без тени сомнения: ублюдок вселенских масштабов по имени Эрл Уокер жив.

Фарли чуть не задохнулся от злости. Наверное, ему не нравится, когда его называют толстым. Я рассмеялась, но только мысленно, потому что не была законченной идиоткой. Внешне же только подняла брови и ждала ответа.

— Нет. Потому что Эрл Уокер мертв.

— Может быть, — понимающе кивнула я. — А может быть, вы все-таки большой и толстый лжец.

Свободная рука Фарли сжалась в кулак с такой силой, что побелели суставы, однако его лицо оставалось бесстрастным. Учитывая обстоятельства, держался он молодцом. Наверное, часто играет в покер.

— У меня встреча, — сказал он и прошел мимо меня, невзирая на то, что я преграждала ему путь. В отчаянной попытке продемонстрировать свою мужественность он больно ударил меня плечом и пошел к своему грузовику.

Я крикнула ему вслед:

— Еженедельное собрание «Анонимных больших и толстых лжецов»? — Тишина. Забравшись в машину, Фарли громко захлопнул дверь, но стекло было опущено, и я попробовала достать его еще раз. Просто потому, что была такая возможность. — Или едете сыграть в бридж в Клубе больших и толстых лжецов? — Когда двигатель с ревом завелся, Фарли бросил на меня яростный взгляд. — А может, это чайная церемония в узком кругу больших и толстых лжецов? — Грузовик медленно двинулся, и я проорала напоследок: — Не забудьте оттопырить мизинец! — На чаепитиях всегда ужасно нудно.

Когда Фарли исчез из поля зрения, я взглянула на Гаррета. Он стоял, прислонившись спиной к своей машине и скрестив ноги. В этот раз я была рада, что он поблизости, но ни за что не собиралась ему об этом сообщать. Забравшись в Развалюху, я позвонила Куки.

— Ты еще жива? — спросила она.

— Еле-еле. Этому парню по душе большие ножи.

Я услышала, как она громко ахнула в трубку.

— Как у Рэмбо?

— Именно. — Или у Куки все лучше получается, или между нами и правда экстра-что-то-там. — Но несмотря на то, что он прошел бы мимо, даже если бы я умирала у него под ногами, кое-что он знал наверняка.

— Что большие ножи нагоняют страх?

— Что Эрл Уокер жив.

На мгновение в телефоне повисла тишина, а потом Куки проговорила:

— Надо же... не знаю даже, что сказать. То есть Рейес говорил, что он жив, но...

— Понимаю. Сама не знаю, что и думать.

— Значит, подружка Эрла, ассистентка стоматолога, подтасовывает записи, — размышляла она вслух, — и копы думают, что труп принадлежит Уокеру.

— Ага, а Эрл выбирает кого-то, кто внешне и телосложением смахивает на него, убивает, засовывает в багажник своей машины и поджигает.

— Затем убеждается, что Рейеса арестовали за его убийство, — продолжила Куки.

— А меньше чем через неделю после вынесения Рейесу приговора убивает свою подружку.

— И этот Фарли Скэнлон с большим ножом ему помогал?

— Это мне еще не ясно, — ответила я, вставляя ключ в замок зажигания, — но, вне всяких сомнений, он знает, что Эрл Уокер все еще жив.

— Тогда мы должны его найти. Надо вытащить Рейеса из тюрьмы. В смысле, по-настоящему, а не через побег.

— Согласна. Я собираюсь перекусить в маленьком кафе...

— О да, ты любишь кафешки в маленьких городках.

— Люблю. В общем, вернусь через пару часов.

— А знаешь, я ведь только что об этом подумала, — дрогнувшим голосом проговорила Куки.

— Правда? — Я выехала с грязной подъездной дорожки Фарли, развернулась и чуть не раскатала в блин Гаррета, который мигом прыгнул в свой грузовик. В зеркале заднего вида я увидела его злобный взгляд и улыбнулась.

— Правда. Почему бы тебе не поехать с Гарретом? А завтра мы с тобой вернулись бы за Развалюхой.

— С какой стати мне так поступать? — потрясенно спросила я.

— С той, что ты не спала четырнадцать дней.

— Со мной все путем, Кук. Нужно всего лишь немножечко кофе.

— Тогда не теряй Гаррета из виду. И убедись, что Рэмбо не начнет на тебя охоту. На тебя вечно кто-нибудь охотится.

Я попыталась оскорбиться, но на это ушло бы много сил.

— Ладно.

— Как прошла встреча с Ким?

Я глубоко вздохнула:

— Она была счастлива, когда я приехала. И, держу пари, собиралась наложить на себя руки, когда я уезжала.

— Иногда ты так действуешь на людей.

Я въехала на парковку маленького кафе, в котором находилось не больше пары посетителей. Гаррет припарковался с другой стороны, выключил фары и стал ждать. Наверняка он проголодался, но я ни за какие коврижки не собиралась приглашать его перекусить со мной за компанию. А если ему что-то не нравится, пусть поцелует меня в мой сексапильный хвостатый зад.

Как только я оказалась внутри, ко мне сразу подошла круглолицая официантка в джинсах и клетчатой рубашке:

— Садись, где понравится, милочка.

Когда я закрыла дверь, у меня над головой звякнул колокольчик. Кафе было сплошь пропитано провинциальным очарованием, которое я так люблю. Без единого намека на меркантильность больших городов. Стены и амбарные деревянные полки вдоль них

украшали старые сельскохозяйственные инструменты и устаревшая кухонная утварь. Допотопные жестяные банки из-под соленых крекеров и масла для швейных машинок вносили в декор винтажный акцент. Обуявшая меня ностальгия вернула воспоминания о детстве. То есть вернула бы, родился я в тридцатых годах.

Однако воспоминания действительно были, только не мои. Они принадлежали мужчине, который прошел через меня, когда я была маленькой. Он выращивал овец в Шотландии. Оказалось, что кастрация барашков являлась неотъемлемой частью его профессии. К сожалению, нельзя нарочно заставить себя забыть то, что когда-то видели глаза.

Несколько минут спустя колокольчик прозвенел снова, и в дверях появился высокий и статный легальный «охотник за головами», страдающий пристрастием к порнухе с лилипутами. Он вошел с таким видом, будто кафе принадлежало ему.

— Привет, красавчик, — сказала все та же женщина, заставив меня ухмыльнуться. — Садись, где на тебя посмотрит.

Гаррет кивнул, решительно направился к угловому столику у противоположной стены зала и уселся лицом ко мне.

— Что тебе принести, лапочка? — спросила у меня официантка с блокнотом и ручкой в руках, готовясь записывать.

— Я бы убила за чизбургер с зеленым чили и чай со льдом.

— Зеленый бургер и чаек. Картошку фри?

— С двойным кетчупом.

— Мне то же самое, только с чипсами, — крикнул Гаррет. Видимо, не хотел, чтобы я получила свой заказ быстрее и закончила раньше него.

Официантка оглянулась и хихикнула:

— Проголадался, наверное.

— Не могу же я повсюду таскать его за собой, — покачала головой я и, когда она ушла, чтобы принести нам чай, спросила у Гаррета: — Почему ты не примчался на помощь, когда чувак из трейлера тыкал в меня ножом?

Его улыбка была яркой даже в тусклом свете.

— Я должен только следить, а тебе нельзя об этом знать. Если бы я вмешался, то ты бы узнала.

По пути ко мне с чаем официантка на мгновение остановилась.

— А он прав, — сказала я ей. Она неуверенно улыбнулась, словно не зная, что и думать обо всем происходящем. — Вы не могли бы принести мне бургер первой?

— Тебя оттуда прекрасно слышно, — сказал Гаррет, и его было слышно не хуже.

Я прищурилась:

— Умолкни, хвостик. Это только между мной и, — я посмотрела на бейджик официантки, — Пегги.

Он пожал плечами:

— Рано или поздно я бы пришел на помощь.

— Неужели? Когда? Сразу после того, как меня бы выпотрошили и бросили истекать кровью в какой-нибудь канаве?

— Естественно, — ответил он, закинув руки за голову. — Конечно, прыгать в канаву и пытаться остановить кровотечение я бы не стал, но зато вызвал бы подмогу, например.

Я изобразила самую сладкую на свете улыбку:

— Да ты святой, Своупс.

— Вот и мама мне так говорит.

То, что у Гаррета, оказывается, есть мать, меня немного взволновало. Но только на двенадцать секунд. У меня в голове мысли редко задерживаются дольше, чем на двенадцать секунд. Все мой чертов синдром дефицита внимания.

Какое-то время мы сидели в тишине, пока я делала для себя кое-какие пометки в блокноте. Несколько раз я украдкой поглядывала на Гаррета. Похоже, он очень серьезно относился к своим обязанностям соглядатая, потому что не сводил с меня глаз. От запаха чизбургеров с чили на гриле у меня неприлично громко урчало в животе. К тому времени, как Пегги появилась с нашими заказами, я была в шаге от того, чтобы неудержимо пускать слюни. То ли от аромата, то ли от недостатка сна.

— Так что мы тут делаем? — спросил Гаррет с набитым ртом. Этот козел подкинул Пегги пятерку, чтобы та принесла ему заказ вперед меня. Нельзя доверять мужику с членом.

— Человек, за убийство которого посадили Рейеса, жив, — сказала я и посолила чизбургер, даже не попробовав.

— Ты серьезно?

Разговор привлек внимание Пегги, и она покосилась на меня, вытирая соседний столик.

— Можно мне кофе на вынос? — спросила я у нее.

— Можно, конечно.

Она направилась к кофеварке, а я откусила кусок самого лучшего чизбургера, который мне доводилось пробовать в жизни. Или я всерьез проголодалась. Трудно сказать.

— И ты собираешься его найти? — поинтересовался Гаррет, когда Пегги отошла подальше.

Мне очень не понравился его тон, пропитанный сарказмом и сомнениями.

— Благодарю за мнение. — Я с трудом проглотила кусок и была вынуждена отправить его дальше большим глотком чая со льдом.

Гаррет покачал головой:

— Внушать веру в себя не мой профиль.

— Не может быть! — поразила я.

— Ты закончила?

— Святой ежик, ты уже все? — Я удивленно моргнула, потому что успела откусить всего дважды.

— Ага. Так могут только мужчины.

— Не думаю, что твоему пищеварению это понравится.

— Запомню на будущее, — широко улыбнулся Гаррет. Это показалось бы привлекательным, если бы я считала привлекательными симпатичных мужиков с удивительным обаянием. Хорошо, что это не так.

Через десять минут мы одновременно расплатились и одновременно же вышли на улицу.

Тогда я это и увидела. Сердце забилося у меня в горле. Испытав небывалый шок, я прикрыла рот руками и побежала вперед, спотыкаясь и крича в лучших традициях мелодрамы:

— Развалюха!

— Черт возьми, — выругался Гаррет, подходя к нам Развалюхой. Я уже обнимала ее брызговик. Кажется, так называется эта штука сбоку. — Временами из тебя так и прут

шекспировские страсти.

Кто-то погромсал колеса Развалюхи. Все четыре. И наверняка запаску сзади. Жестоко. Бессердечно. И это зверски меня взбесило.

— Сколько ставишь на то, — начал Гаррет, опускаясь на колено, чтобы оценить последствия безобразного акта вандализма, — что это сделал хмырь с охотничьим ножом?

— Я на все сто уверена, что это он. Фарли Скэнлон — большой и толстый лжец! — проорала я в темноту. А потом достала телефон, чтобы вызвать полицию.

Если искать во всем этом светлую сторону, то через два часа у Развалюхи были новенькие радиальные шины. Смотрелась она в них замечательно. Вместе с полицией мы составили протокол, в котором объяснялось, кто я такая и как познакомилась с Фарли Скэнлоном. Большим и толстым лжецом. Может, ему и правда не нравилось, когда его называют толстым, но, раз уж его здесь не было, я решила, что вреда не будет.

— Вести можешь?

Я мрачно воззрилась на Гаррета:

— Почему все постоянно об этом спрашивают?

— Может быть, потому, что ты не спала две недели?

— Может быть. Со мной все в порядке. Только... ну, не знаю... оставайся поблизости.

— Принято.

Он пошел к своему грузовику, завел его и стал ждать, пока я расплачусь за новую резину для Развалюхи. Она давно этого заслуживала.

*Порой наступает момент, когда понимаешь,
что больше ничего полезного до конца дня сделать не получится.*

Надпись на футболке

Оказавшись наконец в своей квартире, размером чуть больше хлебницы, я поняла, что слишком мало внимания уделяю чистоте и уборке. Когда мы с Гарретом подъехали к моему дому, там уже ждал кто-то из его людей, чтобы заступить на смену, в то время как сам Гаррет свалил восвояси поспать. Слабак.

Однако, едва переступив порог своей скромной обители, я обрадовалась, что он уехал. Или Марди Гра в этом году решили отметить намного раньше и прямо у меня в квартире, или кто-то тщательно обшарил каждый закуток, не забыв перевернуть вверх дном все, что попало под руку. Судя по всему, художественная нарезка колес оказалась только началом реакции на комментарий о большом и толстом лжеце. Это должно было отвлечь меня, чтобы кто-то успел примчаться в Альбукерке и обыскать мою берлогу, попутно превращая ее в склад обломков и ошметков. Как по мне, ужасно не вовремя.

— Мистер Вонг, разве я не велела не впускать незнакомцев? — Я наградила гневным взглядом его костлявые плечи, затем повернулась к девочке с ножом и покачала головой: — Он никогда меня не слушает.

Я обвела глазами гостиную. На полу валялись книги и бумажки. Все ящики выдвинуты, некоторые из них — пустые, а в некоторых еще отчасти оставалось содержимое, перевернутое как попало. Дверцы шкафчиков распахнуты, словно до моего прихода пытались научиться летать.

Вооружившись кофейником и готовая ко всему, я заглянула в шифоньеры, которых у меня было всего два. Я бы взяла пистолет, но он был в одном из них, так что мысль оказалась неактуальной. Их тоже вниманием не обделили: вещи были разбросаны по полу вперемежку с нижним бельем, обувью и резинками для волос. Журналы «People» перепутались с изданиями «Нью-Йоркера». Хрустальные шахматы валялись в беспорядочной кипе карточек из «Монополии» с картинками из мультика «Губка Боб Квадратные Штаны». Короче говоря, полнейший хаос.

И все же это не был вандализм ради вандализма. Здесь явно пытались что-то найти, а не просто учинили беспорядок, как могло показаться на первый взгляд. Шкафы и ящики обыскали, выбрасывая все, что не имело значения, в том числе мой шоколадный запас на черный день. Сразу ясно, что у того, кто ко мне вломился, плохой вкус.

Компьютер был включен, а это значит, что если мистер Вонг не открыл для себя прелести сетевого порно, то кто-то пытался выяснить, над чем я работаю. И мои дела крайне беспокоили этого кого-то.

В ту же секунду меня охватил ужас — мыши на месте не было. Куда она запропастилась? Кому понадобилась бедная, незащитная мышка? Взглянув на беспроводной USB-коннектор, который так ей нравился, я погрузилась в океан скорби по мыши. Слишком

долго я воспринимала ее как должное. Потом взяла телефон и позвонила почти другу — копу по фамилии Тафт, чтобы быстренько предоставить ему отчет о произошедшем. Без отчетов у копов связаны руки, так что еще один точно не помешает.

— Если хочешь, могу заскочить, — предложил Тафт.

— Нет. Кто бы это ни сотворил — а у меня есть серьезная догадка, кто именно это был, — он давно ушел. — Тафт принял у меня заявление прямо по телефону.

— Ты видела мою сестру? — Его сестра умерла, когда они оба были детьми, и всю его жизнь по пятам следовала за ним.

— Думаю, она весело проводит время в психушке с младшей сестрой Рокета.

Недавно я познакомилась с девочкой. Не то чтобы лично, но все же. С тех пор они не разлей вода. И это хорошо, потому что сестра Тафта наконец-то отвязалась от меня. Однако у меня имелись подозрения, что он по ней скучает, хотя не видит и даже не знал, что она поблизости, пока несколько недель назад я лично не сказала ему об этом.

— Хорошо, — отозвался он, притворяясь довольным. — Я рад, что у нее есть подруга.

— Я тоже. Я быстро сгоняю в офис проверить, все ли там в порядке, и перезвоню тебе, если что-то не так.

— Одна?

— Я умею самостоятельно набирать номера по телефону, Тафт.

— Нет, ты пойдешь одна? Мне кажется, тебе стоит позвонить отцу и попросить его заглянуть в офис.

Я покосилась на девочку с ножом.

— Я не буду одна. То есть не совсем. Прямо сейчас рядом со мной крошечная мертвая девочка с ножом.

— Не перегружай меня информацией.

— К тому же бар открыт. Сомневаюсь, что тот, кто вломился ко мне в квартиру, пойдет в офис, когда под ним околачиваются десятки копов.

— Ладно. Мне позвонить твоему дяде, чтобы ввести его в курс дела?

— Нет. Он уже в курсе, что это полицейский притон. К тому же наверняка уже храпит, как циркулярная пила. Завтра сама ему позвоню.

Чтобы избежать очередной лекции от папы, я не пошла через бар, а поднялась в офис по внешней лестнице. Хорошенько оглядевшись, я убедилась, что большого и толстого лжеца не видно, открыла дверь и заглянула внутрь. На вид все было в порядке. Значит, мне ничего не оставалось, как прибраться у себя в квартире.

Я шагала по тротуару, отчаянно жалея, что так и не купила гольф-кар, как вдруг поняла, что у меня появилась компания. Слева, глубоко в тени, я почувствовала чье-то присутствие, но не успела присмотреться, как позади меня притормозил автомобиль. Он не остановился, а продолжал ехать, держась рядом. Я замедлила шаг. Машина кого-то из людей Гаррета была припаркована на другой стороне улицы, но я не знала наверняка, спит ее хозяин или нет. Хорошо бы, если нет. Завернув за угол, я пропустила через парковку, и именно сейчас следовавший за мной автомобиль решил остановиться в шаге от меня.

Мягкий свет фонаря отражался от тонированных стекол голубого хэтчбэка «ниссан». Я остановилась, глядя, как опускается стекло. Наверное, не стоило надеяться, что водитель просто хочет спросить дорогу.

— Чарли? — спросила женщина, сидевшая за рулем. — Чарли Дэвидсон? — В пятне света появилась голова с кудрявыми каштановыми волосами и улыбкой супермодели.

— Иоланда? — спросила я в ответ.

Мы не виделись с ней со школьных времен, но и тогда не были подругами. Она кивнула, и я шагнула чуточку ближе. Иоланда ни капельки не изменилась. В школе она была типичной черлидершей, поэтому тусовалась с компанией моей сестры. Я же находилась по другую сторону баррикад и высмеивала сестру и ее друзей с безопасного расстояния, зависая, как правило, с местными лузерами, потому что сама была одной из них. И мне ни капельки не стыдно в этом признаваться.

— Я получила сообщение от твоей помощницы и решила заехать к тебе в офис, но тебя уже не было. А потом увидела, как ты поднимаешься вверх и подумала, что перехвачу тебя здесь.

Мне в голову одновременно пришли две мысли. Во-первых, уже поздно ехать ко мне в офис. Да и в любой другой. А во-вторых, почему бы просто не позвонить? Зачем ехать сюда в такой час? На долю секунды улыбка Иоланды поблекла, и ко мне поплыл слабый намек на беспокойство.

Я изобразила улыбку:

— Спасибо, что заехала. Как жизнь? — Из окна машины ко мне потянулись руки, поэтому пришлось неловко изогнуться в маленьком пространстве, чтобы обнять Иоланду в ответ. — Я бы пригласила тебя к себе, но там сейчас страшный беспорядок, — проговорила я и указала на здание у меня за спиной.

— Ничего страшного. И все отлично. Трое детей, две собаки, один муж. — Она рассмеялась, и я вместе с ней. На вид она казалась вполне счастливой.

— Похоже, дел у тебя невпроворот. Я хотела задать тебе пару вопросов о деле, над которым сейчас работаю.

— Твоя помощница упоминала об этом в сообщении. — Иоланда осмотрелась по сторонам, и я почувствовала очередную волну ее беспокойства. — Запрыгивай. Поговорим в машине.

— Не вопрос. — Я оглянулась. Кто бы ни прятался в тених, за нашей встречей с Иоландой он наблюдал с растущим интересом. Я отчетливо это ощущала. Может быть, это человек Гаррета. В машине, стоящей через улицу, отсюда никого видно не было. Иоланда подняла стекло и открыла замки, а я обошла «ниссан», залезла внутрь и поинтересовалась: — Значит, у тебя все путем?

— Все чудесно, — отозвалась она, приглушая радио. Двигатель все еще был включен, и работавший в салоне обогреватель меня радовал. — Ты работаешь над делом, в котором фигурирует Нейтан Йост?

Сразу к делу. Так обычно и бывает со старыми знакомыми, и мне это нравится.

— Да. Его жена пропала без вести. Может быть, ты видела, как об этом говорили в новостях.

— И о других событиях тоже, — печально улыбнулась она, и до меня дошло, что Иоланда видела репортаж о моем похищении. — С тобой все в порядке?

— А-а, ты об этом? — Я махнула рукой. — Ерунда. Я знакома с этим парнем давным-давно. Он был настоящим джентльменом, пока тыкал в меня ножом.

В ее глазах неожиданно заискрилось любопытство.

— Расскажешь, что произошло? Тебе было страшно? Он тебе угрожал?

Я мягко рассмеялась:

— Часто смотришь полицейские сериалы?

— Прости, — виновато кивнула она. — Я почти все время сижу дома.

— Не извиняйся. Лучше расскажи, что произошло между тобой и доктором Йостом в колледже.

Глубоко вздохнув, Иоланда начала свой рассказ:

— Мы встречались около года. Мы были молоды, поэтому все очень быстро стало серьезным. Однако мои родители запрещали нам пожениться, пока я не получу диплом. Это взбесило Нейтана. — Она потрясла головой, словно освежая воспоминания. — То есть его взбесил тот факт, что они лезли, по его мнению, не в свое дело. Его реакция была настолько... странной, что вывела меня из транса. Я наконец начала замечать, что происходило на самом деле. За тот год, что мы с ним встречались, я растеряла почти всех друзей, едва виделась с семьей и редко ходила куда-то без него. То, что поначалу казалось мне очаровательным, — она помолчала, подбирая правильное слово, — в общем, стало меня напрягать.

— Как ни противно, но ты не первый человек, который так говорит о Нейтане Йосте. Почему ты выдвинула против него обвинения?

— Он любил поддразнивать меня, рассказывая, что меня ждет, если я когда-нибудь от него уйду. Как правило, превращал все в шутку, а я смеялась.

— Можешь привести пример? — Я никак не могла представить, что в таких угрозах могло казаться забавным.

— Ну, однажды он сказал: «Если ты когда-нибудь меня бросишь, твое безжизненное тело найдут на дне каньона Отеро».

Я вымучила свою самую лучшую обалдевшую улыбку, честно стараясь найти хоть намек на юмор в подобном заявлении.

— Понимаю, — кивнула Иоланда, — понимаю, звучит ужасно, но надо было слышать, каким тоном он это произносил. Было действительно смешно. В общем, когда мои родители запретили нам пожениться, все изменилось. Он стал давить на меня, требуя сбежать и пожениться тайно, снова и снова спрашивал, почему я позволяю родителям вмешиваться в нашу жизнь. А потом шутки превратились в открытые угрозы. Его настроение менялось в мгновение ока. Мне пришлось следить за тем, что можно, а что нельзя говорить в его присутствии.

— Он причинял тебе вред?

— Мне? — удивилась Иоланда. — Нет. Не мне. Это не в его духе. — Я вопросительно сдвинула брови, и она принялась объяснять: — Понадобились не одна и не две консультации у специалиста, чтобы я могла произнести подобное вслух. И вообще прийти к такому заключению. Он манипулировал мной, контролируя мое окружение. Куда я хожу, с кем и когда. Что мне можно говорить, а что нельзя. Даже проверял мои телефонные звонки. — Классическая тирания. — Напрямую он никогда не причинял мне вреда. Он контролировал меня, причиняя вред моим близким.

Я не могла не задаться вопросом, как у Йоста это получалось. Как ему удавалось строить из себя законченного деспота, учитывая, сколько времени ему требовалось на собственную карьеру?

— Значит, в конечном счете, он стал угрожать лично тебе?

От печальной улыбки Иоланды мне стало ясно, что и тут я ошиблась.

Опустив голову, она продолжила рассказ:

— После того как мои родители категорически отменили наши свадебные планы, Нейтан

день ото дня становился все враждебнее. А когда я отказывалась выполнять его требования, злился на чем свет стоит. И вдруг однажды все закончилось. словно щелкнули выключателем. Он стал... снова счастливым, что ли.

— Звучит подозрительно. И пахнет наркотиками.

— Меня это тоже ошеломило, но в то время я испытывала невероятное облегчение. Тогда он пригласил моих родителей к нам ужин, но мне даже в голову не пришло, что он что-то замышляет.

— Дай угадаю: ужин готовил он.

— Да. И все было чудесно, пока моей маме прямо за столом не стало ужасно плохо. В итоге она попала в реанимацию.

— Мама? — поразила я.

— Мама, — понимающе кивнула Иоланда. — Пока мы ждали новостей в приемном покое, Нейтан наклонился ко мне и сказал: «Удивительно, как легко сломить человеческий организм». Потом посмотрел на меня, и у него был такой довольный вид! Сразу стало ясно, что все случилось по его вине. — Во взгляде Иоланды плескалось отчаяние. — Мне было ужасно страшно, Чарли.

Я хорошо представляла себе лицо Йоста и холодный, расчетливый взгляд его голубых глаз.

— Иоланда, на твоём месте любой бы испугался.

Она покачала головой:

— Нет, я была в ужасе. Едва дышала. Когда я поднялась, чтобы уйти, он велел мне сесть на место. Я отказалась, тогда он схватил меня за руку, посмотрел прямо в глаза и сказал: «Она пробудет в больнице всю ночь. Понадобится всего один укол. Её сердце остановится за какие-то секунды, и никто никогда не свяжет это со мной».

То же самое говорила мне по телефону агент Карсон, и тогда я решила, что Йост имел в виду Иоланду. Но он угрожал её матери.

— Иоланда, мне очень жаль.

Нейтан начинал напоминать Эрла Уокера, и мне стало интересно, не родственники ли они. Эрл контролировал Рейеса, причиняя вред его сестре Ким. Нейтан контролировал своих подружек и жен, причиняя боль их близким. Однако ни Лютер, ни Моника не упоминали, что он угрожал лично им. Они говорили, что он деспотичный манипулятор, но никому из их семьи он не причинил никакого вреда. И все-таки все указывало в этом направлении. Социальная жизнь Терезы практически свелась к нулю. Ей приходилось тайком видеться с сестрой. Может быть, он угрожал им, но Тереза ни за что бы не призналась, учитывая, что мог натворить Лютер.

Пытаясь взять себя в руки, Иоланда прижала пальцы ко рту. Каждую молекулу в салоне автомобиля пропитывала печаль.

— Я села и всю ночь просидела рядом с ним, до смерти боясь оставить его одного хоть на минуту. А когда маму выписали, я дождалась, пока он уйдет на работу, собрала вещи, переехала обратно к родителям и написала заявление в полицию. — Она снова посмотрела на меня. — Мне кажется, чтобы отомстить, он пытался навредить моей племяннице.

Удивленно моргнув, я развернулась к ней.

— Почему? Что случилось?

Иоланда покачала головой, словно ругая себя:

— Это глупо. Не стоило об этом упоминать.

Я решила не давить, но всем нутром чуяла, что она недалеко от истины.

— Он чудовище, Чарли, — почти прошипела Иоланда и помрачнела. — Держу пари на собственную жизнь, что он виновен в исчезновении своей жены. Если бы он не смог манипулировать ею одним способом, то нашел бы другой.

Может быть, он узнал, что Тереза видится с сестрой, и понял, что не контролирует ее так, как думал. Каким был бы его ответ на это? Наверняка убийство.

— Короче говоря, — произнесла Иоланда, пытаясь сбросить тяжелый груз печали, — я должна была увидаться с тобой, чтобы предупредить о Нейтане.

— Я тебе очень благодарна, Иоланда.

— То, чем ты занимаешься, просто потрясающе! — Она подарила мне взволнованную улыбку. Очевидно, она обладала уникальной способностью запираť боль на замок и переключаться с одной эмоции на другую в мгновение ока. Оказывается, у нас больше общего, чем я думала. — Частный детектив — это же обалдеть как круто!

И это было ужасно мило. Наверное, не стоило выливать соус для спагетти ей на волосы, когда она ходила на какую-то вечеринку с моей сестрой и их общими друзьями.

— Спасибо, — сказала я, улыбаясь каждой порой.

— Кстати, не ты ли пролила соус для спагетти мне на волосы, когда мы с твоей сестрой и другими ребятами собирались на вечеринку?

— Что? Не-е-ет! — протянула я, разыгрывая оскорбленную невинность.

Иоланда фыркнула:

— Ты никогда не умела врать.

— Да уж. Извини за тот случай. Соус был для Джеммы — она стащила мой свитер.

— Тогда она заслужила, чтобы ее золотистые локоны немножко приправили маринарой^[31], — хихикнула Иоланда.

— Вот и я о том же.

Обняв Иоланду на прощание, я пообещала, что сделаю все возможное, чтобы привлечь доктора Йоста к суду. Но сначала было необходимо найти Терезу. Что бы он с ней ни сделал, ничего хорошего в этом не было.

Подходя к дому, я снова покосилась влево, пытаясь понять, кто прячется в тенях. Это не мог быть взломщик, потому что я не ощущала ни гнева, ни желания перерезать мне глотку большущим охотничьим ножом. Как правило, я бы попыталась обнаружить шпиона, но к этому моменту совсем вымоталась, и меня не особенно заботило, кто бы это мог быть.

Войдя в квартиру, я увидела Куки, с широко раскрытыми от изумления глазами стоявшую посреди гостиной. Наверное, она зашла обсудить случившееся в Короне и попала прямиком в зону военных действий. Мне ничего не оставалось, как воспользоваться плывущим в руки шансом подколоть ее.

— Серьезно, Куки, — сказала я, подходя к ней сзади. Она подпрыгнула и повернулась ко мне. — Неужели ты так обиделась на комментарий о кексе?

— Я даже не слышала, как к тебе вламывались, — отозвалась она, в ужасе озираясь. — Как я могла не заметить? А что, если бы Эмбер зашла к тебе посмотреть телевизор?

Она права.

— Мне очень жаль, Куки. — Я стала собирать бумажки с пола. — Быть рядом со мной иногда очень опасно.

— Что? — не поняла она, но вскоре до нее дошло. — Не говори ерунды.

Я поднялась с охапкой распечаток и журналов в руках.

— Ладно, но ты мне портишь всю малину. Нести всякую чушь — практически смысл моей жизни.

Она присела, чтобы помочь мне.

— О нет, даже не смей, — нахмурилась я, забрала то, что она успела поднять, и потащила ее к двери. — Я сама справлюсь. А ты иди и поспи.

— Я? — сопротивляясь, переспросила Куки. — Это ты принимаешь бессонницу за забавное хобби.

Поскольку у меня были заняты руки, я вытолкала ее за дверь плечом.

— Это не столько хобби, сколько горячее желание не растерять последние оставшиеся у меня крохи чувства собственного достоинства. — Когда она нахмурилась, я добавила: — К тому же рассказывать особенно не о чем. Кстати, мне нужно, чтобы завтра ты накопала все, что сможешь, о Ксандере Поупе.

— Ксандер Поуп, поняла, — сказала Куки, не сводя глаз с царившего у меня хаоса. — А зачем?

— Мне кажется, с его дочерью случилось что-то очень нехорошее, и я должна знать, что именно. — У Иоланды был только один брат, поэтому племянница, о которой она говорила, должна была быть его дочерью. И мне нужно было знать, что тогда произошло.

— А-а, — кивнула Куки. — Думаешь, Йост и тут замешан?

— Так думает Иоланда, а мне этого достаточно.

Успешно прикидываюсь ответственным гражданином.

Надпись на футболке

Убедив Куки, что со мной все в порядке и первым пунктом в плане на сейчас стоит немножко поспать (точно нет), остаток ночи я приводила в порядок свою квартиру. В процессе даже нашла книгу, которую долго искала и, отчаявшись найти, в конце концов, купила новый экземпляр. Потом нашла упомянутый второй экземпляр, который тоже потеряла, поэтому когда-то пришлось купить третий. Однако третий так и не нашла. Видимо, он пропал навеки.

Мистер Вонг тоже казался каким-то потрепанным. Он по-прежнему парил над полом в своем углу и, как всегда, ни словом не обмолвился, но выглядел особенно неопрятно. Хотя, возможно, мне просто так казалось на фоне общего хаоса.

На первый взгляд, у меня ничего не украли, если не считать третьего экземпляра «Любовь сладка, любовь безумна»^[32], но, как ни странно, мне все равно казалось, что надо мной надругались. Словно моя квартира больше не была безопасным местом, каким я считала ее до сих пор. Нечто подобное я переживала, когда узнала, что Санта не настоящий, а сладости откладываются в жир сразу после того, как стукнет девятнадцать.

Девочка с ножом наблюдала, как я прибираюсь. До сих пор мне и в голову не приходило, что она могла порезать мои колеса. Вероятно, мне стоит извиниться перед мистером Большим и Толстым Лжецом. Но может ли призрак порезать покрышки? Я снова попыталась поговорить с ней, но она, как всегда, никак не отреагировала. Следила за тем, что я делаю, но ни разу не посмотрела прямо на меня. Я даже подумывала испытать удачу, узнать, кто она такая, и заставить ее перейти, но инстинкт самосохранения вопил, что колотая рана мне ни к чему.

Где-то между половиной четвертого и «а ну-ка марш в постель!» я залезла в душ, ломая голову, где сейчас Рейес. Что он делает? Где спит? Трудно, наверное, быть заключенным в бегах, когда твое фото в каждом телевизоре в трех штатах.

Зазвонил сотовый, и я отодвинула шторку, чтобы ответить.

— Мисс Дэвидсон? — спросил мужчина.

Голос я не узнала. Номер тоже.

— Ага.

— Это помощник шерифа Мичем, из департамента Короны. Мы с вами встречались несколько часов назад.

— Ах да, порезанные колеса.

— Простите, что разбудил, но не могли бы вы подъехать сегодня к нам?

Мысленно я сделала шаг назад.

— Только если очень нужно. У меня уже новые покрышки, так что не велика была потеря.

— Человек, с которым у вас вышла размолвка, Фарли Скэнлон, был найден мертвым

сегодня ночью в собственном доме.

Вот гадство.

— Серьезно? — Может быть, Эрл Уокер опять замечает следы. А значит, мои разножизнения стоили человеку жизни.

— Я редко шучу такими вещами.

— Понятно. Я, конечно, приеду, но даже не знаю, чем могу помочь.

— Нам нужно задать вам несколько вопросов, — резким тоном отозвался Мичем.

— Прекрасно. Так я под подозрением?

— Просто приезжайте, мэм. Как можно скорее.

Я глубоко вздохнула:

— Хорошо. Ладно. Минуточку! — вдруг осенило меня. — Время смерти определили?

— Как я и сказал, приезжайте.

— Офицер, — проговорила я, вложив в голос все испытываемое в эту секунду раздражение, — вечером, пока я была в Короне и разбиралась со всей этой кутерьмой по поводу колес, в мою квартиру вломились. Я думала, это был Фарли Скэнлон, но теперь сомневаюсь.

Мичем колебался не дольше двух секунд:

— По предварительному заключению, смерть наступила между восемью и десятью вечера. Сегодня к обеду судмедэксперт установит время смерти точнее.

Не может быть.

— Вы уверены? — спросила я. — Потому что, если так, то он не мог ко мне вломиться.

— Сопровождавшему вас джентльмену тоже нужно приехать.

— Хорошо. Я смогу подъехать через пару часов. — Само собой, сначала позвоню дяде Бобу и на всякий случай введу его в курс дела. Он всегда очень кстати, когда дело касается обвинений в убийстве. — А Фарли случайно не забили до смерти подставкой для книг?

Именно так Эрл Уокер разделался со своей подружкой Сарой Хэдли, но поскольку считался мертвым, вряд ли его сочли бы подозреваемым.

— Нет, мэм.

— Может быть, бейсбольной битой?

— Нет.

— Газонокосилкой? — Я пыталась выдавить из этого парня все, что можно. Знание — сила, как ни крути. — Ну, знаете, между нами, сыщиками.

Помощник шерифа откашлялся, и я не могла не заметить, что его голос стал тише:

— Ему перерезали горло.

— Ох ты ж... В общем, скоро буду.

Мы разъединились, и я продолжила смывать с волос шампунь. Фарли Скэнлону перерезали горло. По-моему, парню из багажника Эрла Уокера, которого за Эрла Уокера и приняли, горло не перерезали. Но он был сожжен до неузнаваемости, так что определить наверняка не могли. Как правило, убийцы придерживаются одного и того же почерка. Эрл убил того беднягу бейсбольной битой, а через несколько месяцев после начала суда над Рейесом забил свою подружку до смерти подставкой для книг. Ни одного упоминания о перерезанных глотках. Хотя, возможно, нож просто оказался под рукой.

Погодите-ка. Человека убили, а я оказалась причастной к его смерти. Может быть, Фарли Скэнлон и есть мой хранитель, о котором говорила сестра Мэри Элизабет. Я очень надеялась, что это не так, потому что и ежу ясно: ему я не понравилась. Но опять же, два дня

одиннадцать часов и двадцать семь минут еще не истекли. Значит, у меня еще было время спровоцировать чью-то смерть. Слава олимпийским богам!

— Нравится мне твоя квартира, — послышался глубокий голос.

Опешив, я смахнула с лица воду и выглянула из-за шторы. Рейес Фэрроу стоял, прислонившись к туалетному столику и скрестив руки на широкой груди. Нечесанные волосы, небритая щетина... Короче говоря, самая сексуальная картина на свете. Ленивая улыбка тронула его губы, и мои ноги решили превратиться в желе.

Прищурившись, он посмотрел на штору:

— Разве я от этого не избавился?

Говорил он о предыдущей шторке, которую растерзал, когда еще мог по собственной воле покидать физическое тело и сеять по миру хаос. Растерзал невероятно огромным мечом, и я не образно выражаюсь. Тогда я напрочь отказалась выходить из-за шторы, и она немедленно расплатилась жизнью за мою дерзость.

— Она новая, — предупредила я. — И мне нравится длина.

Рейес улыбнулся:

— Благодарю.

— Я говорила о шторке, — осадил я его, хотя от напоминания мое сердце пропустило следующий удар.

Несколько долгих секунд он молчал, изучая взглядом ту часть меня, которая была ему видна.

— Ну конечно.

На нем была зеленая армейская куртка и комфляжный комбинезон — наверное, заскочил в магазин Армии спасения. Сам Рейес выглядел уставшим. Под глазами залегли едва заметные тени, и мне снова стало интересно, где он остановился.

Выключив воду, я потянулась за полотенцем. Он перехватил мою руку и шагнул ближе. Темные глаза заинтересованно блестели.

— Тебе идет быть мокрой.

Я попробовала вырваться, чтобы прикрыться, попутно стараясь унять сорвавшийся с цепи пульс. Исходивший от Рейеса жар пополз вверх по моей руке, когда он перевернул ее и поцеловал в ладонь, пощекотав щетиной кожу.

— Как твои раны? — оступело спросила я, загипнотизированная его ртом и теми невероятными вещами, что он творил с одной лишь ладонью.

Он посмотрел мне в глаза. В его взгляде было столько силы, что я перестала дышать.

— Лучше, чем остальное. — Богатый, глубокий голос казался приятнее теплой воды, которой я наслаждалась всего пару минут назад.

Поскольку одна рука, бывшая в плену у Рейеса, отказалась подчиняться моему мозгу, пришлось отодвинуть занавеску и взяться за полотенце другой. Он склонил голову набок, чтобы получше меня рассмотреть.

— Одного человека из твоего списка сегодня ночью нашли мертвым. Его убили.

Секунду он размышлял над сказанным, затем просто взял меня и за вторую руку и опустил взгляд.

— Фарли Скэнлон, — продолжала я. — Тебе стоило меня предупредить, что старина Фарли психопат.

— Он был другом Эрла Уокера, — пожал плечами Рейес. — Я считал, это очевидно. К тому же твой верный пес всю дорогу сидел у тебя на хвосте.

— Откуда ты знаешь? — поразила я, а потом уставилась на него, ушам своим не веря. — Ты за мной следил?

Он шагнул обратно к столику и опять скрестил на мощной груди руки.

— Мне казалось, это он за тобой следит.

— Так и есть, но не по своей вине. Гаррет следует приказам.

— Он следует за тобой, — возразил Рейес, пристально глядя на меня из-под темных ресниц. Я только поджала губы, поэтому ему пришлось согласиться. — Чудесно, и кто же тогда виноват?

— Вообще-то, ты. Почему, по-твоему, его приклеили к моей заднице? А ты так запросто тут появляешься! Да тебе просто повезло, что тебя еще не арестовали.

— Твоего бойфренда там нет, — кивнул в сторону улицы Рейес. — А от другого парня вряд ли будут проблемы. Он спит в машине.

Я закатила глаза. Гаррету определенно стоит больше внимания уделять профпригодности своих сотрудников.

— И каким местом ты думала, когда садилась в ту машину?

— Так это ты был в тених? — Могла и догадаться. Могла же, ей-богу. — Неужто тебе прямо горит, чтобы тебя поймали? А то ведь я могу позвонить дяде прямо сейчас, и мы устроим это в считанные секунды.

— У меня нет ни малейшего желания попадаться копам. Как его убили? — спросил Рейес, меняя тему.

— Трагически. — Я взяла другое полотенце, чтобы вытереть лицо.

— Ему перерезали горло?

Я застыла. Как он узнал?

— Да.

— Чем? — снова спросил он.

— Наверное, чем-то очень острым. — Рейес не ответил, и я решила, что пришла пора и мне задать вопрос. — Значит, так он и действует?

Я вышла из-под душа, и пристальный взгляд опустился к нижней части моего тела.

— Так он и действует, — повторил Рейес, не поднимая глаз.

— Я думала, Эрл любит дубасить людей по голове.

— Только если у него скрытые мотивы.

— Как, например, замести следы?

— Не возвращайся туда, — сказал Рейес, приподнимая уголок полотенца.

Я хлопнула его по руке и спросила:

— Куда? В Корону?

Он усмехнулся, но руку убрал.

— Да.

Я попыталась промокнуть полотенцем капающую с волос воду.

— Придется. Со мной хочет поговорить шериф.

Рейес отобрал у меня второе полотенце, обернул вокруг моих волос и стал аккуратно тереть, массируя голову. В процессе придвинулся ближе, и мне пришлось взяться за его куртку. Только чтобы устоять на ногах.

— Не езд, — опять сказал он, только на этот раз слова прозвучали почти как приказ.

— Приму к сведению.

— Это не совет.

Что, черт побери, происходит с мужчинами? С какой радости они решили, что могут мной помыкать? Я отобрала полотенце и наградила Рейеса тяжелым взглядом, пытаюсь решить, могу ли его треснуть. Тем более что задолжала ему один хороший удар. Жаль, что под рукой не всегда оказывается кусок трубы. Или фура.

— Не смей мне указывать, что делать, — процедила я, ткнув ему пальцем в грудь для убедительности.

Рейес замер, на челюстях заходили желваки, но, к его чести, промолчал. Знает, видимо, что расплата легкой не бывает, даже если запаздывает.

— Ты выглядишь усталым, — заметила я, сминая в руках полотенце, — и тебе не помешал бы душ.

Я развернулась и бросила его в ванной, чувствуя, как разочарованы мои самые сокровенные места. А пять минут спустя услышала, как включился душ.

Надев симпатичные джинсы, я отыскала карамельного цвета рубашку на пуговицах и добавила пару потрясных лакированных балеток от Dolce&Gabbana на едва заметном каблучке, которые любую женщину сделают похожей на отвязную школьницу или такую же библиотечаршу. Мне доставляло нездоровое удовольствие, что при виде их Куки всякий раз исходит слюной. Есть у меня в характере такая недобрая черта.

Из ванной вышел Рейес в помятой, но чистой одежде. Ни намек на щетину. Волосы влажными прядями свисали вокруг лица.

— Так лучше? — поинтересовался он, запихивая грязные шмотки в тканевую сумку.

— Да, но все равно выглядишь усталым.

Он насмешливо приподнял брови:

— В зеркало давно смотрелась?

И был прав. Выглядела я ужасно. Вряд ли самопроизвольная бессонница добавляет привлекательности.

Рейес рассмеялся и вдруг не мигая уставился на меня, изучая с ног до головы. Потом выпрямился, отбросил сумку и опустил руки.

— Подойди. — Бархатный голос звучал мягко и маняще.

Приглашение эхом отозвалось у меня в животе. Он просто стоял, такой благородный, величественный, потусторонний, что, не успев подумать, я сделала крошечный шаг к нему.

— Обалдеть!

Мы оба повернулись к Куки, застывшей в дверях.

— Мам! — воскликнула наткнувшаяся на нее сзади Эмбер, обошла Куки и тоже замерла. — Офигеть...

Я была согласна с обеими, но в сложившихся обстоятельствах не лучшей идеей было знакомить их со сбежавшим из тюрьмы преступником, скрывающимся у меня в квартире.

— Куки, мы можем вернуться к тебе на пару слов?

Она прикладывала заметные усилия, чтобы перестать глазеть на Рейеса, но безуспешно. Взгляд по-прежнему был прикован к нему, как система слежения с лазерным наведением.

— Куки, — снова сказала я и, подойдя к ней, стала подталкивать к двери.

Она моргнула и, осознав, что творит, милейшим образом зарделась.

— Извините, — кивнула она Рейесу и понеслась в свою квартиру, таща за руку Эмбер.

— Мам, ну подожди же! — протестовала Эмбер, не готовая так просто оставить местную достопримечательность.

— Бери рюкзак, солнышко, я отвезу тебя в школу.

— А можно я останусь? — спросила Эмбер, которая то и дело оглядывалась, едва не сворачивая шею.

Оказавшись у себя, Куки отослала дочь за рюкзаком и изумленно уставилась на меня.

— Черт возьми, Чарли, — дрожащим шепотом проговорила она, — это был Рейес Фэрроу!

— Понимаю. Извини. Он свалился как снег на голову.

— Кажется, у меня был оргазм.

Я не удержалась и хихикнула:

— Ты же просто на него смотрела.

— Знаю. Ты видела его плечи? — спросила она, и я опять засмеялась.

— Видела. Не переживай, скоро к ногам вернется чувствительность.

— А предплечья? Ради любви к Всевышнему, кто мог знать, что предплечья могут быть такими сексуальными?!

— Это случается с лучшими из нас.

— Просто он такой...

— Знаю.

— И такой...

— И это тоже знаю. Может быть, все дело в том, что он сын Сатаны и все такое.

— Ага, наверное.

Я помогла ей присесть на диван.

В комнату бегом вернулась Эмбер.

— Можно я сфоткаю его на телефон перед школой?

— Школа. — Куки взволнованно взглянула на меня: — Я поговорю с ней по дороге.

Чувствовала я себя хуже некуда. Они ни в чем не виноваты, но я не могла позволить Эмбер сплетничать о Рейесе с подружками. Как знать, кто может их услышать? А вдруг кто-то сумеет увидеть связь?

— Я ужасно сожалею.

— Нет. — Куки поднялась. — Ты ни в чем не виновата. Я все улажу.

Я благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Кук.

Поцеловав на прощанье Эмбер, я вернулась к себе. Рейеса не было, зато он оставил свою сумку. Конечно, это ведь ни разу не улика. На ходу набросив черную кожаную куртку, я поспешила к Развалюхе. На противоположной стороне улицы был припаркован черный грузовик. Гаррет вернулся. Притормозив, я огляделась в поисках Рейеса, затем открыла дверцу и залезла в машину. Как только Развалюха завелась, зазвонил сотовый.

— Мне нужно поговорить с Шарлоттой.

Мужской голос показался мне незнакомым.

— Слушаю.

— Это Донован.

Имя мне тоже ни о чем не сказало.

— Донован? — переспросила я, сдавая задом и выезжая на шоссе.

Само собой, Гаррет двинулся следом. Как он мог не заметить Рейеса?

— Из психлечебницы.

Я лежала в психушке? Когда, черт меня дери?

— Из заброшенной психлечебницы, куда ты постоянно вламываешься, — когда я не

ответила, добавил звонивший.

— А-а, точно. Байкеры.

— Да. Хотел с тобой поговорить.

— Не сомневаюсь. — Неужели из-за Рокета здание все-таки рухнуло?

— Артемида... — начал Донован, но сразу умолк.

В его голосе я отчетливо слышала боль, и мое сердце зашлось от сочувствия.

— Как она?

— Плохо. Видимо, яд причинил больше вреда, чем мы думали. А когда она играла с тобой вчера, у нее отказала почка.

Моя рука метнулась ко рту раньше, чем я смогла понять, что делаю.

— Боже мой, мне очень жаль.

— Я тебя не виню. — Голос Донована сорвался, и ему понадобилось время, чтобы взять себя в руки. — Я хочу тебя нанять.

— Что?

— Хочу знать, кто за это в ответе. — Теперь тон был жестким от сквозившей в нем холодной решимости. — Или ты это выяснишь, или я.

Меня обуревали серьезные подозрения, что его методы окажутся куда безжалостнее моих.

— Не обижайся, но я тебе не по карману. — Я собиралась добавить, что займусь этим бесплатно, но не успела.

— Мне по карману десять таких, как ты.

— Я все сделаю. Разгребу дела и через пару дней займусь основательно. Без меня не начинай.

— Слишком долго.

Черт.

— Ладно, дай подумать. — Мне нужно съездить в Корону на допрос по подозрению в убийстве. Если не считать этого «нюанса», день свободен. — Если меня не арестуют, я смогу приехать после обеда. Ты будешь дома?

— Я могу приехать к тебе, — сказал он, — прямо сейчас.

— Я уезжаю из города по делу. Но я приеду. Мне все равно нужно осмотреть окрестности и расспросить тебя о соседях.

Вздыхнув, Донован неохотно согласился:

— Хорошо. Но если после обеда тебя здесь не будет, я начну копать сам. И позвонил я только потому, что так хотел Эрик. Он считает, что тебе повезет больше.

Видимо, Эрик был одним из членов его банды. И, судя по всему, не обделенный умом.

— Я буду, обещаю. Дашь мне знать, если с ней что-нибудь случится?

— Не вопрос, — и он повесил трубку без дальнейших разглагольствований.

Зачем кому-то совершать такие ужасные поступки? Сердце ныло от боли. От моей собственной и от той, что я чувствовала в голосе по телефону. А чувствовать через телефон чьи-то эмоции раньше я не умела.

Остановившись купить мокко латте, я направила Развалюху на юг, когда позвонил Гаррет. Я бы не ответила, но он бы названивал снова и снова.

— Куда мы едем, Чарльз? — насмешливо поинтересовался он.

— В Новую Шотландию [\[33\]](#).

— А ощущение такое, будто возвращаемся в Корону. Понравился тебе тот бургер, да?

— Сегодня ночью убили Фарли Скэнлона.

— Проклятье. Ты времени зря не теряешь.

— Департамент шерифа хочет с нами поговорить.

— Неужели департамент шерифа умеет говорить? — съязвил Гаррет, вступая в игру.

Иначе никак, если ему хотелось не отставать от таких, как я.

— До свидания, Своупс.

— Подожди. На чем мы остановились?

Я вздохнула так демонстративно, что и ребенок понял бы, как я раздражена.

— Вопрос с подвохом?

— А то. Номер два. Готова?

Ах да, пресловутый список фраз, которые нельзя говорить ангелу смерти. Для проформы я тяжело вздохнула еще разок:

— Порази меня.

— «Эти отношения меня погубят».

— Ясненько, — отозвалась я и повесила трубку. Придурок.

Я позвонила дяде Бобу, чтобы ввести его в курс дела.

— Буду честной, — сказала я, когда он ответил, — с твоей смехотворной прической шансы найти женщину стремятся к нулю.

— Ты поэтому звонишь? — спросил он слегка раздраженно.

— Почти. А еще меня, кажется, обвиняют в убийстве. Просто хотела, чтоб ты знал.

— Ты кого-то убила?

Почему люди всегда предполагают худшее?

— Нет. Мне могут выдвинуть обвинения в убийстве. Чувствуешь разницу?

— Как продвигается дело с пропавшей женой?

— Воз и ныне там. Чувак не выходит из своего треклятого дома.

— Чем могу помочь?

— Позвони Куки. Она надрывается в поисках информации. Нам нужно знать, какой недвижимостью владеет Йост и где она расположена. Он может держать Терезу в заложниках. И еще. Мне бы выяснить, что случилось с дочерью Ксандера Поупа. Узнай, все ли с ней в порядке.

— Ксандера Поупа?

— Да. Йост мог ей навредить.

— Каким образом?

— Понятия не имею. Потому и попросила Куки поискать.

— Посмотрю, что смогу сделать, и позвоню Куки. Это обвинение в убийстве как-то связано со сбежавшим преступником по имени Рейес Фэрроу?

— Связано, — ответила я и сделала большой глоток мокко латте. — Думаю, это дело рук Эрла Уокера. Он все еще жив, дядя Боб, и замечает следы. Он убил свою подружку, как только завершился суд над Рейесом, а теперь убивает каждого, кто в курсе, что он жив. Можешь послать кого-нибудь к дому Верджила Гиббса? — Гиббс был в списке Рейеса. К нему я ездила до того, как отправиться в Корону к Фарли Скэнлону. — Он может быть следующим. И хотя он не самый полезный член общества, все равно не заслужил, чтобы ему перерезали горло.

— Уокер расхаживает по округе и перерезает людям глотки? — встревожился Дибби. — Своупс все еще с тобой?

Я глянула в зеркало заднего вида на здоровый черный грузовик позади меня (Гаррет явно старался на всю катушку) и рявкнула так бодро, как только могла, учитывая недосып:

— Да!

— Хорошо. Держись к нему поближе. Я пошлю кого-нибудь присмотреть за Гиббсом. Ты же понимаешь, что все это значит?

Мое внимание было занято тем, чтобы не врезаться в стаю птиц с суицидальными наклонностями. Вильнув на дороге, я спряталась за руль, потому что это, само собой, должно было помочь.

— Не совсем. И что же?

— Это значит, что десять лет назад я засадил за решетку невиновного. — Теперь голос Дибби звучал подавленно.

— Дядя Боб, ты считал его виновным. Я читала отчеты и расшифровки стенограмм с заседаний. На твоём месте любой поступил бы так же.

— Он не... Я его не слушал. Не слушал, что он пытался мне сказать. Он ведь был совсем еще пацан.

В воображении тут же нарисовалась картинка, от которой разболелось сердце. Рейесу двадцать. Его обвиняют в убийстве. Он совсем один. Ни друзей, ни родственников, никого, к кому можно обратиться за помощью. Единственному человеку в своей жизни он запретил себя навещать. Своей сестре Ким. И он сидел за решеткой, ожидая, когда его начнут судить за убийство, которого он не совершал. Где черти носят машину времени, когда она так нужна? Но теперь мы могли все исправить. Должны исправить.

— У нас есть шанс исправить ту ошибку, дядя Боб.

Повисла долгая пауза, после чего он спросил:

— Как можно вернуть кому-то десять лет, Чарли?

В его голосе звучало столько вины, что мне стало больно. Но в то же время я удивилась. Он делал свою работу. Никто и никогда не подверг бы это сомнению. Разве что он знает больше, чем делает вид. Но ведь это чушь!

— Эрл Уокер наверняка поднаторел в искусстве выходить сухим из воды. Никто не станет тебя за это винить.

Дибби фыркнул:

— Рейес Фэрроу станет.

Да, скорее всего так и будет. Я легко могла представить, как дядя Боб в комнате для допросов третирует его, закованного в наручники, тонущего в ярости и замешательстве.

— Каким он был? — спросила я у Дибби, не подумав о том, как этот вопрос на нем отразится.

— Не знаю, милая. Он был почти ребенком. Грязный, запущенный, жил на улицах.

От всплывшего в мыслях образа моя рука взлетела ко рту раньше, чем я успела об этом подумать. Инстинктивно я подняла левое колено, чтобы придержать руль, пока не заставлю руку опуститься. Срочно надо купить гарнитуру.

— Он сказал, что не делал этого. Один раз. И больше ни единого слова не произнес.

Глаза защипало от слез. Это так похоже на Рейеса! Упрямый. Непокорный. А может быть, тут крылось нечто большее. Может быть, он сдался, как зверь, над которым так сильно поиздевались, что он подумал: «Зачем утруждаться? Ради чего теперь бороться?»

— Ты бы слышала, как он это сказал, — продолжал Дибби, затерявшись в воспоминаниях. — Посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд был такой... сильный, такой

пристальный, как будто мне под дых саданули. И сказал просто: «Это был не я». И все. Ни единого больше слова. Не спросил ни об адвокатах, ни о своих правах, ни о еде... Словно закрылся, и все.

Глядя на дорогу, я поджала губы и только через несколько секунд проговорила срывающимся голосом:

— Мы можем все исправить, дядя Боб.

— Нет, не можем. — Казалось, он смирился с тем фактом, что Рейес будет ненавидеть его до самой смерти. А потом вдруг добавил: — Я его схватил.

— Что ты сделал?! — обалдела я.

— За воротник. В какой-то момент на допросе я вспылil, сорвал его со стула и бросил об стену.

— Дядя Боб! — воскликнула я, не зная, что еще сказать, и внезапно осознав, как ему повезло, что он остался жив.

— А он ничего не сделал, — продолжил Диби, словно не слышал меня. — Только смотрел на меня безучастно, но я все равно чувствовал, как он меня ненавидит. Столько лет прошло, а я до сих пор помню тот взгляд. И никогда не забывал ни его, ни того дела.

— Он могущественное создание, дядя Боб.

— Нет, ты не понимаешь.

Я нахмурилась, поворачивая к проезду через горную цепь.

Спустя несколько долгих мгновений, когда мне уже показалось, что потерялась связь, он сказал:

— Я знал, милая.

Мне представилось, как Диби уткнулся лбом в ладонь. В его голосе звучало столько болезненного сожаления, что мою грудь словно сдавило тисками.

— Что знал?

— Что он этого не делал.

Затаив дыхание, я ждала объяснений.

— Я не идиот. Знал, что он этого не делал, но ничего не предпринял. Все улики указывали на него, а я не хотел выставить себя на посмеище, вот и не подверг их сомнению. Ни на секунду. Так что мы ничего не можем исправить, — сказал дядя Боб, будто смирившись с судьбой. — Он придет за мной.

Я удивленно моргнула:

— Ничего подобного. Он совсем не такой.

— Все они такие. — Казалось, он даже рад этой мысли, словно заслуживал наказания.

Я ошеломленно молчала, не зная, что сказать.

— Можно мне посмотреть запись допроса? — наконец спросила я, понятия не имея, зачем мне это нужно.

— Моей выходки ты там не найдешь. — Тон Диби изменился, стал жестче. — У меня есть друзья наверху. Та часть пленки удивительным образом стерлась.

— Не это я хочу увидеть. А его. Я видела его, когда училась в школе, помнишь? Я знаю, насколько он могуществен и опасен. Но он не придет за тобой. Обещаю, — твердо сказала я, мысленно добавив свое имя в список членов Клуба больших и толстых лжецов.

Никоим образом я не могла знать, как поступит Рейес. И на что он способен. Может быть, сейчас я помогала тому, кто хотел смерти дяди Боба. Глубоко в душе мне стало интересно, делает ли меня этот факт плохой племянницей.

*Существует не так уж много личных проблем,
которые нельзя решить с помощью
правильно установленной взрывчатки.*

Надпись на футболке

Добравшись до департамента шерифа, я выскочила из Развалюхи и бегом понеслась к зданию. План сработал: я оказалась в комнате для допросов раньше Гаррета и успела выложить шерифу все, что знала. Фарли Скэнлон был плохим парнем, который практически угрожал мне ножом и сдымил, заметив Гаррета. А потом, пока мы со Своупсом ели в кафешке, порезал мне колеса. Для допрашивающих меня проглотить такую историю было несложно, однако мне пришлось едва ли не поминутно вспоминать события, а им все равно хотелось побеседовать с Гарретом, чтобы подтвердить мои слова.

Пока его допрашивали, у меня было время вернуться к дому Фарли Скэнлона. Рассказ дяди Боба по-прежнему тяжким грузом лежал на моих плечах. А может быть, все дело в том, что Эрл Уокер мог еще оставаться в доме Фарли или вернуться на место преступления, а я только что собственноручно избавилась от единственного на данный момент защитника. Хреново бы получилось.

Зазвонил сотовый. Я ответила:

— Привет, Кук. Я только что бросила Гаррета.

— Молодец. Все равно вы друг другу не подходите. — Я ухмыльнулась, и она добавила:

— Я тут целый букет собрала.

— Люблю, когда ты бросаешься грязными словечками.

— Племянница Иоланды Поуп едва не умерла после самого обыкновенного удаления миндалин.

— Не может быть!

— Еще как может. Через пару минут после того, как Айболит появился в отделении.

— И это подозрительно, потому что?..

— В тот день у него не было пациентов. Никаких операций и никого, кого ему нужно было проверить. И все же он явился в отделение. Проведал племянницу Иоланды, а через несколько минут у нее случилась остановка сердца.

— Боже мой! Сколько ей было?

— Двенадцать. Списали на реакцию на анестезию, но операция прошла успешно, а потом вдруг реакция? Через час?

— Вряд ли. Теперь понимаю, почему Иоланда его подозревает.

— Думаешь, он знал, что она ее племянница?

— Уверена. Бедный Ксандер! — ужаснулась я. О старшем брате Иоланды у меня были самые хорошие воспоминания. Представить не могу, через что ему пришлось пройти по вине Йоста. — Как тебе удалось так быстро достать информацию? — спросила я у Куки.

— Оказалось, что я знакома со старшей медсестрой, а она как раз дежурила в то утро.

— Чудненько.

— Ага. Вот только доказать ничего нельзя. Медсестры сочли случай странным, но это были просто догадки, нигде в письменном виде не зафиксированные. Они считают, что Иоланда просто слышала их разговоры, вот и стала подозревать Йоста.

— По-моему, все ведет к одному заключению: Нейтан Йост агрессивнее, чем мне казалось. Никогда не встречала людей, которые бы воплощали свои злые умыслы с такой сноровкой. Этот мужик чертовски злобный.

— И все же не понимаю, чего он надеялся этим добиться, — заметила Куки.

— Мсть. Он оппортунист. И тут увидел шанс. Иоланда его бросила, он ей отплатил. Кстати о злобных личностях. Я собираюсь осмотреться в трейлере Фарли Скэнлона. И дураку понятно, что Эрл ошивался поблизости. Может быть, даже скрывался у него.

Того единственного раза, когда я видела Уокера, выбивающего из Рейеса дух, хватило на всю жизнь. От одной только мысли об этом человеке земля уходила из-под ног. Ну или недосып меня все-таки доконал.

— И ты едешь туда, потому что уже целых несколько дней никто не пытался тебя убить?

— Разумеется, — устало улыбнулась я. — А то как-то повседневная рутина поднадоела.

— Ты можешь хотя бы Гаррета дожидаться?

— Нет.

— Почему?

— Он мне не нравится.

— Неправда.

— И после обеда у меня свиданка с бандой байкеров.

— Давали бы мне пяточок каждый раз, когда ты это говоришь...

Мы разъединились как раз тогда, когда я подъехала к дому Фарли. Трейлер бы чуть больше консервной банки. И хотя, как правило, дома на колесах мне нравятся, этот определенно оставлял желать лучшего. Как бесполезная таблетка. Я бы назвала его конфеткой, но было не за что.

Взломав замок, я нырнула под полицейскую ленту. Перед домом притормозила машина, но, кто бы в ней ни сидел, останавливаться они, слава богу, не стали. Зато, очень вероятно, уже звонили в полицию или как-то иначе выполняли свой гражданский долг. А может быть, им просто понравилась моя задница. Разве можно их за это винить?

Огромное бесформенное пятно крови растеклось по деревянным панелям и оливково-зеленому ковру, красноречиво заявлявших об отвратительном вкусе у того, кто выбрал декор интерьера в стиле семидесятых. Взять с собой перчатки я, конечно же, забыла, зато нашла пару прихваток. Быстренько просмотрела стопки бумаг и покопалась в грязных мусорных ведрах. Заниматься этим в огромных варежках было ужасно неудобно. Меня внезапно осенило, что Эрл Уокер скорее всего уже не пользуется этим именем. Среди бумажек обнаружилось несколько с именем некоего Гарольда Рейнольдса. Как по мне, очень даже похоже на вымышленное имя. Засунув бумажки в свою сумку, я продолжила рыться в окружающем безумии.

Я присела, изучая фото, на котором был запечатлен мужчина в шапке с ветвистыми рогами, и вдруг задергалась дверная ручка. Выругавшись, я бросилась по узкому коридору и спряталась в спальне в конце трейлера. Дверь открылась, и мое сердце забилося так быстро, будто я была готова вот-вот впасть в настоящую панику. Если копы обнаружат меня здесь, ничего хорошего из этого не выйдет.

Надеясь, что ни на что не наткнусь и не наделаю шума, я подалась вперед и заглянула в щель между стеной и дверью. Там стоял мужчина с пистолетом в руках, но мне была видна только часть его спины. Через грязное окно едва пробивался солнечный свет, поэтому понять, во что мужик одет, было практически невозможно, и все же казалось, что не в полицейскую форму. Через секунду кто-то сзади накрыл мой рот рукой, и мне с большим трудом удалось удержать внутри последнюю выпитую чашку кофе.

— Ш-ш-ш, — прошипели мне в ухо, и вторая рука прошлась по моему животу и опустилась к пуговице на джинсах.

Жар его тела оставлял на мне горячие следы повсюду, где мы соприкасались, и я закатила глаза, испытывая облегчение и раздражение одновременно.

Я его убью. Рейеса Фэрроу. Как, черт возьми, он тут оказался? Он перестал так сильно прижимать меня к себе. Жар впитывался в мою одежду и волосы. В тот момент я могла сделать только одно — откинуть голову ему на плечо и вдохнуть его запах. Он принялся расстегивать пуговицу на моих штанах, и ко мне вернулась способность думать — я стала вырываться, помогая себе обеими руками в варежках. Он поймал мои руки одной своей и прижал к моей груди. Хватка у него, конечно, стальная.

— Это твой бойфренд, — шепнул Рейес мне на ухо.

Когда я снова попыталась вырваться, неловко схватившись обеими руками за его крепкое запястье, в то время как его пальцы очень даже ловко расстегнули пуговицу, он опять шикнул на меня и игриво укусил за ухо.

— Рейес! — прошептала я так тихо, как только могла, учитывая, что он уже успел расстегнуть и молнию. Вряд ли сейчас было подходящее для этого время.

— Это прихватки? — спросил он, осыпая горячими поцелуями мою шею.

А потом его рука скользнула мне в трусики. Я не сумела сдержать громкого вздоха, когда пальцы Рейеса коснулись меня между ног, а спустя мгновение в коридоре послышались шаги.

— Не принимай близко к сердцу, — разочарованно вздохнул он и в тот же миг приставил к моему горлу нож.

Моя внезапно проснувшаяся ненасытность резко сдулась и заскользила по земле, как неудачно приземлившийся воздушный шар. Опять нож? Seriously?

Сжимая меня руками получше любой смирительной рубашки, Рейес попятился со мной к дальней стене. В комнату вошел Гаррет. Ему хватило одного взгляда, и он тут же поднял пистолет, целясь в нас.

Я почувствовала, как Рейес склонил голову набок, будто не верил, что Своупс способен выстрелить. Серебристые глаза Гаррета смотрели то на Рейеса, то на меня. Он колебался, стиснув зубы от злости, затем опустил пистолет, понимая, что сейчас от него никакого толку.

Краем глаза я заметила ухмылку Рейеса. Он поднял руки в знак взаимной капитуляции, опустил нож и бросил его на пол. А потом мягко оттолкнул меня в сторону. Я поняла, что он собирается делать, как только Гаррет снова поднял пушку.

— Гаррет, нет! — выдохнула я, но было слишком поздно.

Через короткое мгновение, которое понадобилось бы кобре, чтобы совершить бросок, Рейес разоружил Гаррета и теперь, улыбаясь, целился ему в голову.

Осознав, что произошло, Гаррет моргнул и с поднятыми руками отступил на шаг.

— Рейес, погоди, — резким тоном предупредила я.

— Назад, — велел он Гаррету, качнув пистолетом.

Тот попятился обратно в темный коридор, а Рейес подтащил меня к порогу и посмотрел в глаза, в то же время прекрасно видя Гаррета боковым зрением.

— Я не убиваю людей, Датч, — сказал он, явно разочарованный тем, что я волновалась. И добавил, изучающее глядя на Гаррета: — Если не придется.

Затем, не сводя с него глаз, приподнял пальцами мой подбородок, запечатлел самый нежный на свете поцелуй на моих губах и... исчез. В мгновение ока он оказался за окном размером с почтовую марку. Словно животное. Только размытое пятно гладкого меха и мышц.

Гаррет пронесся мимо меня к окну.

— Сукин сын! — рявкнул он, с трудом сдерживая пожирающий его гнев. Затем повернулся ко мне: — Миленко.

— Кто бы говорил! — огрызнулась я в адрес его спины, поскольку он уже шел по коридору к выходу. — Я не знала, что он здесь. А ты не обязан был приезжать.

— Я беспокоился о тебе, — обернувшись, с ледяным презрением процедил Гаррет и посмотрел на мои джинсы.

Я сбросила варежки и быстро застегнула пуговицу, но он лишь насмешливо ухмыльнулся, покачал головой и снова пошел к двери, продолжая на ходу:

— Мне позвонила Куки. Поверить не могу, что тебе хватило ума вернуться сюда одной.

— Да пошел ты! — Я не обязана объяснять ему свои поступки.

Он повернулся ко мне, кипя от злости:

— И что я вижу? Ты на месте преступления. Трахаешься со сбежавшим из тюрьмы убийцей.

— Мы не трахались, — заявила я, выходя из себя, — и Рейес не убивал своего отца.

— Не отца. Фарли Скэнлона.

Я недоуменно заморгала:

— Чего? Ты думаешь, он убил Фарли Скэнлона?

Гаррет рассмеялся, и резкий смех глухим эхом отразился от дешевых деревянных панелей:

— Если лезвие ножа подойдет.

— Да подожди же! — крикнула я, бросившись за ним, когда он направился к своему грузовику.

— Надо вызвать копов, пока он не успел далеко уйти. — Гаррет вытащил телефон и набрал 911.

— Нет. — Я отобрала сотовый раньше, чем он успел отреагировать, и захлопнула его, надеясь, что это оборвет вызов.

— Какого хрена ты творишь? — гаркнул Гаррет, потянувшись за телефоном.

Я отдернула руку, крепко сжимая сотовый.

— Оставлю на время у себя.

Со всех ног бросившись к Развалюхе, я запрыгнула внутрь и завела мотор. Гаррет побежал за мной и распахнул водительскую дверь, которую я не успела запереть.

— Отдай телефон, — процедил он сквозь зубы. Это и близко не было просьбой. Бурлящий в Гаррете гнев превратил его ауру в черный дым. Никогда раньше таким сердитым я его не видела.

Я пыталась не дать ему дотянуться до телефона, держа руку над пассажирским

сиденьем. Глупо, конечно, если учесть, что его рука длиннее моей в два раза.

— Чарльз, ей-богу...

Поскольку дотянуться до телефона через меня и руль не вышло, он схватил меня за вторую руку и буквально выволок наружу. Выбора у меня не было. Пнув его в колено, чтобы отвлечь, я как можно дальше швырнула сотовый. Гаррет выругался и поднял ушибленную ногу, но внезапно послышался плеск воды. Мы оба застыли, а потом повернулись туда, откуда шел звук. У меня по спине поползли ледяные мурашки.

Совершенно ошеломленная, я стояла не шевелясь и гадала, откуда здесь, за высокой травой и сорняками, взялся какому-то водоему. Несколько долгих секунд мы смотрели в том направлении, а потом Гаррет угрожающе медленно повернулся ко мне. В выражении его лица читалось нечто среднее между шоком и бешеной яростью. Пока он не сделал того, о чем мы оба пожалеем, я уже сидела в Развалюхе с запертыми дверьми. Через микросекунду Гаррет так потянул за ручку, что джип тряхнуло. Вспомнив, что окна из пластика, я завела двигатель и рванула с подъездной дорожки Фарли Скэнлона, будто спасала свою жизнь. В зеркале заднего вида виднелся застывший Гаррет, чьи глаза метали молнии добрых десять секунд перед тем, как он помчался к своему грузовику.

Вне всяких сомнений, мне крышка.

Я позвонила Куки и, когда она взяла трубку, произнесла едва слышно:

— Привет, Кук.

— Что случилось? — спросила она.

Наверное, с «едва слышно» я переборщила.

— Ну, Рейес приставил ко мне нож, но это была всего лишь уловка, чтобы отобрать у Гаррета пушку, что Рейес и сделал, а потом целился Гаррету в голову, прямо перед тем как поцеловать меня и выскочить через чертово окно.

Повисла долгая пауза, после чего Куки поинтересовалась:

— То есть все прошло неплохо?

— Чертовски верно. Правда, сейчас Гаррет слегка не в себе. А я даю ему время поостыть. Ах да, я отобрала у него телефон и выбросила в какой-то пруд, так что можешь не утруждаться и не звонить ему снова. — Под конец тирады мой голос звучал обиженно.

— Прости меня, — проговорила Куки, — но я ужасно беспокоилась о тебе. Как, черт возьми, там оказался Рейес?

— Кто его знает. Всю дорогу бежал, наверное. Кошмар, он просто ужасно быстрый!

— Боже мой! С одной стороны, Гаррет, с другой — Рейес. Похоже на самый сладкий в мире бисквит с начинкой.

— Я упоминала, что Гаррет в бешенстве?

— Кстати, я только что узнала, что мать Ингрид Йост умерла за месяц до смерти самой Ингрид.

— Не может быть! А кто такая Ингрид?

— Первая жена Йоста.

— Точно. Я же знала. Минуточку, как умерла ее мать?

— Так же. Сердечный приступ.

— Какое совпадение!

Нейтан Йост все больше и больше становился похожим на серийного убийцу.

— А еще я разговаривала с твоим дядей. Готова?

— Вопрос с подвохом?

— У Нейтана Йоста есть частная собственность в Пекосе^[34].

— Правда? — Наконец-то. — Это лучшая новость за весь день.

Поскольку ехать было не близко, я решила позвонить своей лучшей подруге из ФБР.

— Агент Карсон, — коротко и профессионально ответила та.

— Обалдеть, у вас классно получается.

— Спасибо, — ответила она уже повеселее.

— Вы знали, что доктор Йост в попытке отомстить Иоланде Поуп мог покушаться на жизнь ее племянницы?

— Нет, — призналась Карсон.

— А что он убил мать Ингрид Йост за месяц до того, как слетать на Каймановы острова и убить ее саму?

Поразмыслив секунду, она спросила:

— Доказать можете?

— Не совсем, но количество мертвых людей вокруг Йоста растет и растет. Его нужно остановить. Вы нашли какие-нибудь свидетельства того, что Тереза Йост намеревалась бросить его накануне своего исчезновения?

— Нет. Все на свете твердят, что они были идеальной парой.

— Ну еще бы. Разве не то же самое думали все вокруг о нем и его первой жене, пока та не сбежала из страны, заполнив документы на развод?

— Можно и так сказать.

— Она знала, что ей грозит опасность, — уверенно сказала я. — Поэтому и подалась на Каймановы острова. Лишь бы оказаться подальше от него. Видимо, ему не нравится, когда его бросают.

Я рассказала ей все, что поведала мне Иоланда, включая подозрения по поводу племянницы и то, что нам с тех пор удалось разузнать. Потом упомянула о псевдониме, которым пользовался Йост — Кит Джейкоби, — и добавила:

— Опять же, никаких доказательств. Нам бы добраться до того фальсификатора. По последним сводкам, он занимается каким-то бизнесом в Джексоне, штат Миссисипи.

— То есть некий Кит Джейкоби пребывал на Каймановых островах одновременно с покойной миссис Йост?

— Ага.

— О'кей. Постараюсь отправить кого-нибудь из отдела в Джексоне потолковать с вашим фальсификатором.

— А еще у Йоста есть земля в Пекосе.

— Да-да, — рассеянно отозвалась Карсон, стуча по клавиатуре. — Наши ребята уже проверяли. У него там хижина, но найти ничего не удалось.

— Сейчас я еду пообщаться с бандой байкеров. На всякий случай хочу осмотреться на земле Йоста, но добраться туда смогу, наверное, только завтра.

— Валяйте, — сказала она и вдруг спросила: — Погодите-ка, вы собираетесь вступить в банду байкеров?

Мной пользуется Бог, чтобы бесить людей.

Надпись на футболке

С крайне взбешенным Гарретом на хвосте я выехала с Коул-стрит и погнала Развалюху напрямик к пристанищу «Бандитов». Готовясь хорошенько отдохнуть ночью, солнце уже висело над самым горизонтом, когда я остановилась перед их домом. Отдельное здание стояло совсем рядом с самой психушкой, и это классно. Мне всегда было невдомек, как байкеры приобретают частную собственность. Чье имя указывают в договорах купли-продажи? Несколько затянутых в кожу байкеров празднично сидели на крыльце. Еще парочка ковырялась в нутре своих мотоциклов в угасающем свете дня. Из множества трещин в стенах здания лилась громкая музыка. Надо думать, байкеры в самом деле непритязательно относятся к жилищным условиям. Или так, или это всего лишь их притон.

Еще никогда мне не доводилось видеть здесь так много байкеров одновременно. Наверное, их созвал Донован к началу своей охоты на ведьм.

— Ты опоздала, — сказал один из них с затененного крыльца.

Я не могла определить, кто говорил, но все побросали свои дела и повернулись ко мне. Потуже стянув воротник куртки, я шагнула ближе и заметила Донована. Он развалился в шезлонге на крыльце, закинув одну ногу на перила и держа в руке пиво.

— Как она? — спросила я, проходя мимо парней сомнительного типа. Моего любимого типа парней. Наверняка где-то очень глубоко все они душки.

Был там и принц. Пока я шла, собираясь пройти мимо него, он положил руку на перила и несколько долгих секунд пялился на моих девочек. Не желая выглядеть напуганной, я столкнулась с ним лоб в лоб, хотя волну беспокойства, кусающую меня за кожу, можно было остановить с тем же успехом, что и завтрашний рассвет. Мафиози хлопнул его по плечу и отодвинул, чтобы я могла пройти.

— Пива? — предложил мне Донован.

— Нет, спасибо. Как она? Что-то случилось?

— Нет, — ответил он и сделал большой глоток. — Она все еще в ветлечебнице. Там хотели, чтобы я ее усыпил. Я отказался.

Я присела на расшатанный стул рядом с ним.

— Мне очень жаль, Донован.

— Кто на хвосте?

Я взглянула на черный грузовик, припаркованный кварталом дальше.

— Один из кучи моих поклонников. Совершенно безобидный.

Нога Донована с громким стуком опустилась с перил.

— Что ж, мы как раз собирались узнать, кто виноват. Хочешь с нами?

Он начал подниматься, и я положила ладонь на рукав его куртки.

— Я думала, ты дашь мне с этим разобраться.

— Так и было, но ты опоздала. — Он вырвал у меня свою руку и встал.

Я тоже поднялась.

— Но теперь-то я здесь.

Он замер и смерил меня злым взглядом:

— Я согласился встретиться с тобой после обеда.

— Так обед и прошел, — огрызнулась я.

— Уже вечер.

— И это определенно «после обеда». Точного времени ты не назначал.

Не ответив, Донован прошел мимо меня. Я снова схватила его за куртку, подвергая свою бренную жизнь большой опасности, если учесть, какая ярость отразилась на его лице. Он опустил взгляд на мою руку, будто поверить не мог, что я к нему прикоснулась, а потом решительно посмотрел мне в глаза:

— Теперь мы сделаем это по-моему.

Опять освободившись от меня, он спустился с крыльца и пошел по тротуару с верной армией за спиной. Коснувшись невидимой шляпы, принц последовал за товарищами.

Что они собираются делать? Стучать в каждую дверь в окрестностях? Нарушать покой граждан, пока не понаедут копы? Так и вижу, как группа спецназа полиции рассыпается, блокируя улицы. Кто-то пострадает. Или не кто-то, а много людей.

— Я знаю, кто это сделал! — в отчаянии выпалила я, и все остановились.

Терпеть не могу выкладывать на стол свою ангелосмертскую карту, но Донован не оставил мне выбора. Если позвоню в полицию, то путь к Рокету мне заказан. А информацию, которую он мне даст, переоценить сложно.

Нет, этого нельзя допустить. А значит, нужно все решить сейчас же. Вину я почувствовала, как только ступила на крыльцо. Это был один из них, их брат. И если они до него доберутся, то вряд ли он переживет эту ночь. Оставалось только как-то вывести парня отсюда, подальше от этой компании и поближе к полиции, пока его не прикончили.

Живое море черной кожи обернулось ко мне.

Ни секунды не колеблясь, Донован прошел обратно мимо своих братьев и остановился прямо передо мной. Я все еще стояла на ступеньках, поэтому видела по лицу Гаррета вдалеке, как он насторожился. Он уже открыл дверь и собирался выйти из грузовика, но я едва заметно покачала головой.

Вслед за Донованом ко мне подошли принц с мафиози, и оба выглядели слегка обеспокоенными. То есть принц — да, мафиози казался скорее удивленным.

Отступать было поздно. Только что нас разделяло полшага, а в следующую секунду Донован едва не уперся носом в мой собственный и угрожающе процедил:

— Даже не думай меня провести.

— И в мыслях не было. Сегодня днем я успела кое-что выяснить. Мне известно, кто это сделал, но пообещай, что не вспылишь.

В тот же миг он схватил меня за грудки и притянул ближе. У меня перехватило дыхание. Встревожившись, принц шагнул к нам.

— У тебя три секунды, — просветил меня Донован.

— погоди, я все скажу, но ты должен пообещать мне, что никому не причинишь вреда.

— Ладно, не причиню, — соврал он сквозь зубы.

К нам уже приближался Гаррет, поэтому пришлось ему махнуть, чтобы остановился. Когда все обернулись на него посмотреть, я сделала еще один жест: подняла указательный палец и описала им круг. Для Гаррета это должно было означать «Смываемся отсюда». Если

правильно поймет, то вернется в грузовик и заведет двигатель.

К сожалению, Донован тоже увидел мой блестящий жест и тряхнул меня, снова привлекая к себе внимание. В это самое время парочка «Бандитов» отделилась от общей массы и направилась к Гаррету.

— Это всего лишь мера предосторожности, — попыталась объясниться я. — Мне не хочется сегодня умирать. Идет?

Все поголовно тут же повернулись ко мне, а Гаррет, каждым движением демонстрируя неохоту, залез за руль и завел грузовик.

— Дай мне подойти ближе к Гаррету, — осторожно попросила я. — Я все тебе расскажу и уеду.

Донован сощурился:

— Я похож на того, кому нравятся дурацкие игры?

— Вовсе нет, Донован. Мне ужасно жаль, что тебе приходится через все это проходить, но сейчас ты слишком зол и можешь переступить черту. Девушка имеет право на попытку обеспечить собственную безопасность.

Когда он обернулся еще раз посмотреть на Гаррета, я взглянула налево поверх плеча Донована и тяжелым, холодным взглядом смерила виновного. У него были нечесанные каштановые волосы, курчавая борода и столько лишнего веса, что предстоявшая ему пробежка станет весьма напряженной и скорее всего болезненной. Впрочем, наверняка угроза неминуемой смерти поможет ему справиться с неудобствами.

Мне хотелось, чтобы он понял: я знаю, что это он. И он действительно понял и занервничал. От удивления его глаза распахнулись шире, и я кивнула, не оставляя ему никаких сомнений. Донован уже поворачивался обратно ко мне, и я указала глазами на грузовик Гаррета, давая байкеру понять, что делать.

— Хорошо, — проговорил Донован и отпустил мою куртку, мягко оттолкнув меня от себя.

Сойдя со ступенек, я прошла мимо убийцы собак, даже не пытаюсь понять, почему он так поступил, и, наградив его яростным взглядом, еще раз указала на грузовик. Медленно, чтобы никто не заметил, он попятился к дороге.

Оказавшись у края толпы, я повернулась к байкерам, чтобы отвлечь их внимание на себя. Убийца собак потихоньку двигался к машине Гаррета, но я не знала наверняка, надолго ли удастся задержать Донована, шедшего за мной попятам, поэтому решила импровизировать.

Я поднялась на цыпочки, обняла его за шею и поцеловала. Его губы тут же открылись мне навстречу. Несмотря на всю свою злость, он не собирался упускать шанс на истинную любовь. Или на ни к чему не обязывающий перепихон. На вкус он был свежим и чистым, с легким привкусом пива. Позади я услышала быстрые шаги через улицу.

— Эй! — крикнул кто-то из парней.

Прервав поцелуй, я увидела, как убийца собак грузно пересекает проезжую часть и на удивление резво запрыгивает в кузов грузовика, но Гаррет не двигался с места, ожидая меня.

— Езжай! — проорала я.

Он покачал головой, и вся армия бросилась к нему.

— Газуй! — опять завопила я, закатив глаза, и Гаррет наконец понял, что выбора у него нет.

Он сдал назад, увильнул от хлынувшей толпы, круто развернулся и, оставив черный

дымящийся след метров на пятнадцать, умчался по улице.

Все ринулись за ним. Море черной кожи метнулось вперед, а Гаррет уже исчезал вдали. Кто-то оседлал байки, кто-то вернулся за указаниями. Но все, кто остался, глядели на меня сердито и недоверчиво.

— Взять его, — приказал Донован, опять схватил меня за куртку и буквально втащил в дом. Конечно же, принц и мафиози были тут как тут.

Меня протащили мимо сломанной мебели в комнатку в задней части здания. Донован пинком захлопнул дверь, но принц с мафиози вошли беспрепятственно. Всей душой я надеялась, что не ошиблась по поводу Донована. Он хороший человек, но даже хорошие с виду люди иногда не могут держать себя в руках. Чертов тестостерон.

Донован толкнул меня на стул и принялся ходить взад-вперед.

— Блейк? — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Это был Блейк? — Я догадалась, что вопрос задан скорее не мне, а его, по всей видимости, заместителям. Затем он повернулся ко мне. С проворством, которого я никак не ожидала, он оказался прямо передо мной, положив руки на подлокотники по обе стороны от меня. Его лицо застыло в паре сантиметров от моего. — Как ты узнала?

— Трудно объяснить, — еле слышно пролепетала я.

— У тебя один шанс. Вы с ним знакомы?

— Нет. Сядь, пожалуйста.

Чтобы привлечь мое внимание, Донован сильно тряхнул стул.

— Ты имеешь хоть малейшее представление о том, какие у тебя сейчас проблемы?

Трясаясь в своих Dolce&Gabbana, я тяжело сглотнула и посмотрела на принца. Казалось, он за меня переживает, но вряд ли пойдет против своего лидера. А вот мафиози мог бы. По крайней мере в нем, похоже, почтительность по отношению к боссу не цвела буйным цветом.

— Донован, если ты сядешь, я все объясню.

Он присел на корточки, согнувшись, чтобы не отпускать подлокотники. Что ж, на большее мне рассчитывать не приходилось.

— Я умею кое-что чувствовать, — начала я, стараясь делать глубокие вдохи, чтобы успокоиться. — Могу определять исходящие от людей эмоции и анализировать ауры.

— Не задвигай мне это эзотерическое дерьмо.

— К эзотерике это не имеет ровным счетом никакого отношения. То, о чем я говорю, старо как мир. Очень, очень древняя фигня.

Донован нахмурился, что заставило меня задуматься: многому ли он поверит?

— Вы же знаете, что я говорю с Рокетом. — Я посмотрела на каждого из них по очереди в поисках подтверждения. Мафиози пожал плечами. — Такая же штука и здесь. Я ощущаю то, что другим не под силу. Вот как сейчас. — Я снова взглянула на Донована. Мучительное горе тяжким грузом легло мне на сердце. — Я чувствую боль, которая тебя пожирает. Эти собаки много для тебя значили, а тот парень, Блейк, отобрал их у тебя. — Я коснулась его щеки. — И боль твоя так сильна, что я едва дышу под ее тяжестью.

Пристально глядя на меня, Донован чуть-чуть отстранился, и я опустила руку.

— Ты практически тонешь в ней. И я знала: если ты поймаешь того, кто причинил тебе такую боль, то наверняка его убьешь.

Он сел на пятки и уронил одну руку.

— И тебя бы надолго посадили в тюрьму. Но ты хороший человек, Донован. Это я тоже

чувствую, ощущаю. Так же, как присутствие Рокета.

Зазвонил мой телефон, и я дождалась, пока Донован кивком разрешит мне ответить. Я выудила сотовый из кармана куртки, но номер оказался незнакомым.

— Чарли слушает, — сказала я в трубку. Донован встал на ноги и снова стал мерить шагами комнату.

— Что, твою мать, происходит?!

— Гаррет? Ты где?

— В супермаркете. Где тебя черти носят? — крайне недовольным тоном спросил он. — Какого хрена тут вообще творится?

— Тот парень все еще с тобой? — спросила я, искоса глядя на Донована.

— Нет, черт возьми.

Я остолбенела:

— А где он?

Донован застыл.

— Выпрыгнул на гребаном знаке «стоп». Что мне, черт побери, было делать?

Гаррет явно нервничал. Крайне редко он употреблял ругательства. Как правило, четко и экономно их дозировал. И наверняка знал, что использовать их в речи так густо — значит, аннулировать саму их эффективность.

— Хорошо-хорошо, извини. Оставайся на месте. Со мной все в порядке.

— Ты все еще с той компашкой?

— М-мм, да.

— Твою мать! Буду через пару минут.

— Своупс, у меня все под контролем.

— Особенно тогда, когда тебя за шкуру тащили в дом? — возмутился он. — Тогда у тебя было все под контролем?!

— Говорю тебе, все в порядке, — твердо сказала я.

— Черт тебя дери, Чарльз!

— Гаррет, хватит уже! — Не дожидаясь ответа, я захлопнула телефон.

— Где он? — спросил Донован.

— Едет обратно. — Я прекрасно знала, что мои слова для Своупса — пустой звук.

— С Блейком?

— Нет. Блейк выпрыгнул на знаке «стоп», — неохотно ответила я, ожидая чего угодно: вспышки ярости, проклятий, летающих стульев.

Но увидела лишь довольную улыбку. Донован оглянулся на своих людей.

— Теперь он наш.

Видимо, единственная польза от меня заключалась в том, что я отсрочила агонию Блейка. Сейчас все они были на грани и готовы вершить собственное правосудие. Чудесно. Наверное, я буду не напрямую ответственна за его смерть. Может быть, Блейк, убийца собак, станет моим хранителем. Оставалось только надеяться, что это не так. Не очень-то хотелось получить хранителя, который при жизни убивал собак. Зачем вообще кому-то так поступать?

Вдруг я заметила, что Донован все еще мне улыбается, а его глаза сияют терпеливо и соблазнительно.

— А теперь насчет поцелуя.

— Ох, — выдохнула я, вскочив на ноги, и попятилась, глупо хихикая, но наткнулась на принца. Предатель.

Быстро покрыв расстояние между нами, Донован приподнял мое лицо за подбородок.

— Храбрый был поступок. Стоил всем нам потраченного времени и сил, но храбрый. — Он провел пальцем по моей нижней губе, вниз по подбородку и снова вверх. — Как это у тебя получается?

Я решила шокировать их голой правдой:

— Обычно я не рассказываю об этом людям. Я ангел смерти.

По их лицам расползлись улыбки. Даже принц, заглянув мне в лицо из-за спины, улыбнулся и подмигнул.

Донована затопило новое чувство, поразительно похожее на уважение, даже восхищение. Я ощутила, как он напрягся, словно борясь с этим откровением, пока молча смотрел на меня несколько долгих секунд.

— Я охрененно в тебя влюблен, — проговорил он, опустив взгляд на Угрозу и Уилл. — Лучше иди, пока я не передумал.

Мне дважды повторять не надо. Увернувшись от ухмыляющегося принца, я со всех ног бросилась из дома, как кошка из комнаты, полной питбулей. Мне хотелось поболтать с Рокетом, но сейчас было отнюдь не подходящее время. Эти люди хотят крови. Мне оставалось только надеяться, что ботинки Блейка не сотрутся до дыр раньше времени.

*Иногда надо прикинуться кошкой,
а иногда — новеньким замшевым креслом.*

Надпись на футболке

Дома рядом с кофеваркой лежали бумаги с информацией о собственности Йоста в Пекосе, оставленные Куки. Поздоровавшись с мистером Вонгом и поставив вариться целый тазик кофе, я принялась за них. Согласно отчету окружной налоговой службы, у Йоста имелся охотничий домик в лесистой части гор Санта-Фе недалеко от реки Пекос. Наверное, за день найти эту хижину можно. Поскольку было уже темно, придется подождать и отправиться на поиски с первыми петухами.

Тем временем я поковырялась в своей сумке, представлявшей собой помесь клатча и чемодана, и нашла бумажки, присвоенные на месте преступления, которым отныне считался трейлер Фарли Скэнлона. За мной с намеком на любопытство уже наблюдала девочка с ножом. Итак, моей добычей оказались три конверта. Два из них были адресованы Гарольду Рейнольдсу, третий — Гарольду Зейну Рейнольдсу. К сожалению, там нашлось только два банковских предложения открыть счет с кредиткой и один буклет, убеждающий Гарольда инвестировать в золото.

Налив себе огромную чашку кофе, я уселась перед компьютером, чтобы узнать, сколько удастся накопать на этого Гарольда. Загипнотизированная монитором, девочка стояла рядом, но продолжала крепко сжимать в руке нож.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: Гарольда Зейна Рейнольдса положительно не существует.

— Что ж, это хреново, — поделилась я с девочкой, но та не обратила на меня ни малейшего внимания.

Поискав еще немного, я чудом сумела найти предыдущий адрес Гарольда З. Рейнольдса, что само по себе выглядело многообещающе. Вдруг кто-нибудь из соседей знал Гарольда и сможет сказать, куда он делся? Если, конечно, он не поубивал их всех.

Я пересмотрела содержимое сумки, налила себе кофе в дорожную чашку и пошла на выход, оставляя девочку в недееспособных руках мистера Вонга. В любом случае, она была слишком занята изучением заставки на мониторе, чтобы заметить мое отсутствие.

Судя по всему, Гаррета сняли с задания — ни его самого, ни кого-то из его коллег снаружи не было. Меня это порадовало, но лишь до того момента, как я направилась в Развалюхе по найденному адресу. Что-то казалось знакомым. Чем ближе я подъезжала, прокладывая путь по южной части Альбукерке, тем холоднее становились мурашки, бегущие по спине.

Но только когда я остановилась перед замшелым, списанным под снос жилым зданием, осознание накатило оглушающей волной. В последний раз я видела этот дом, стоя бок о бок с сестрой и наблюдая, как мужик выбивает дух из совсем юного парнишки. Если до сих пор я сомневалась, что Гарольд Рейнольдс — один из псевдонимов Эрла Уокера, то теперь точно

нет.

Я смотрела на заколоченное досками окно. То самое, которое разбила кирпичом, чтобы отвлечь мужика. Смотрела на узкий проулок между зданиями, где мы с Джеммой искали выход, когда мужик бросился за нами. Смотрела на ступеньки, по которым поднялась, вернувшись через день. Тогда я и узнала от разъяренной хозяйки, что семья из квартиры 2С съехала среди ночи, не заплатив за два месяца и оставив разбитое окно.

Выйдя из Развалюхи, я закрыла дверь и долго-долго смотрела прямо перед собой. Воспоминания одно за другим затапливали меня, сдавливая грудь. Ночной холод помогал держаться начеку, пока несколько пар глаз неотрывно наблюдали за мной. Большинство из этих людей были бездомными. Они прятались в тенях здания и заброшенной школы позади меня. Парочка из них смахивала на членов уличной банды, и им явно было любопытно, с чем я сюда пожаловала. Никого из них я не удостоила вниманием, продолжая смотреть на окно. В ту ночь, когда Эрл Уокер избивал мальчика по имени Рейес, из этого окна лился яркий, болезненно желтый свет. Тогда Рейесу было около восемнадцати. Мне — пятнадцать. Слишком юная. Впечатлительная. Полная энтузиазма спасти мир с помощью своих суперсил ангела смерти. А все, что я смогла тогда сделать, чтобы спасти его одного, — только бросить в окно кирпич, некогда бывший частью стены заброшенной школы.

Это сработало. Эрл прекратил бить Рейеса и погнался за нами.

Если бы той ночью я вызвала полицию, если бы Рейес позволил мне это сделать, сомневаюсь, что сейчас стояла бы здесь. И может быть, он не сел бы в тюрьму за убийство Уокера. Какая-нибудь организация вроде «Детство, юность и семья» вытащила бы Рейеса с Ким из этого кошмара и обеспечила им безопасную жизнь без Эрла.

Терять было нечего, а до рассвета оставалось еще несколько долгих часов, поэтому я, прихватив фонарик и монтировку (чтобы взламывать двери и ради самозащиты), направилась к ступенькам. Чтобы открыть металлическую дверь, явно знававшую лучшие времена, много времени и усилий не потребовалось. Я не сомневалась, что здешние бездомные входили в здание тем же способом месяцами, если не годами. Дверь вела сразу на второй этаж — первый находился в полуподвале. Квартира 2С была слева от меня. Я двинулась по мусору и каким-то обломкам мимо нескольких пар ног, стараясь не светить фонариком в лица сидевших под стенами людей, пока не дошла до двери с прибитой к ней половинкой «двойки» и остатками «С» с облупившейся краской.

— На твоём месте я б туда не заходила, дорогуша.

Я повернулась на голос, отдавшийся эхом по коридору, подняла фонарик и увидела женщину, на которой было сто одежек. Рядом с ней (наверное, чтобы защитить скудные пожитки) лежала перевернутая тележка из магазина. А может, ей бы не помешала парочка уроков по управлению тележками. Она подняла руку, чтобы прикрыться от света, и я тут же опустила фонарик. Все равно в нем не было необходимости. С ней уж точно.

— Извините, — сказала я, указав на фонарик, который теперь светил в сторону.

— Передо мной извиняться не надо, — отозвалась она. — Но имей в виду: там живет мисс Фэй, а она не очень-то гостей жалуёт.

— Мне постучать? — полусерьёзно спросила я.

Едкий запах, который я ощутила, едва войдя сюда, клубился вокруг меня, как ядовитый газ. Я не знала, что хуже — дышать носом или ртом.

Женщина усмехнулась:

— А то! Постучи, конечно. Толку не будет, но мало ли.

— Вы когда-нибудь слышали о Гарольде Рейнольдсе? — спросила я, опять всерьез лишь наполовину.

— Не-а. Я чего спрашиваешь?

— Я его ищу. Когда-то он здесь жил. — Я подняла к лицу воротник кожаной куртки, надеясь, что это поможет. Напрасно.

— Вот как! Тогда лучше спроси у мисс Фэй. В свое время она всем тут заправляла. Думает, оно так до сих пор.

Так вот кто такая мисс Фэй! Я наконец вспомнила, что хозяйку дома звали именно так.

— Кажется, я ее помню.

— Да ну?

— Обесцвеченные волосы. Смахивает на живую смерть.

— Она самая, — снова усмехнулась моя собеседница. — А ты стучи давай. Вот будет мне потеха!

Ничего хорошего это явно не сулило, но от возможности еще раз поговорить с хозяйкой пульс у меня зачастил. Вдруг ей известно, куда подался Эрл Уокер, когда съехал отсюда. В мои пятнадцать пользы от нее было негусто, но попробовать стоило. Я подняла руку, чтобы постучать, и женщина, с которой я разговаривала, взволнованно захихикала, видимо, готовясь к развлечению. Насколько ужасной могла оказаться мисс Фэй? Когда я увидела ее впервые, она уже была одной ногой в могиле, а это было больше десяти лет назад. С мизерной долей везения я наверняка с ней справлюсь.

Едва костяшки моих пальцев коснулись двери, об нее что-то разбилось, да так громко, что меня чуть кондратий не хватил. Пригнувшись и отшатнувшись, я посветила фонариком на дверь, потом на женщину у стены.

— Что, черт возьми, это было?

Та рассмеялась, схватившись за бока, и еле выдавила сквозь смех:

— По звуку смахивает на суп.

Я мрачно глянула на дверь:

— Как по мне, вовсе не суп. Разве что ему уже несколько недель.

— В банке. Ну, знаешь, типа на потом.

— Надо же! Консервы, значит, — ворчливо отозвалась я. — Да уж, тут явно не заскучаешь.

Смеясь, женщина перекатилась набок. Вообще-то мне нравится смешить людей, но сейчас я, по-видимому, была способна только изобразить на лице озабоченность, когда подошла к двери и подергала круглую ручку.

— Все-таки хочешь туда? — удивленно поинтересовалась женщина, перестав наконец насмехаться надо мной.

— Такой план. — Я обернулась к ней. — Какие у меня, по-вашему, шансы?

Она махнула рукой:

— Ей просто нравится бросаться вещами, зато с прицелом беда. Скорее всего она в тебя не попадет, если быстро ворвешься.

— Отсюда кажется, что с прицелом у нее все в порядке.

— Ну, иногда ей везет.

— Чудненько.

К моему удивлению, было не заперто. Подняв руку, чтобы прикрыть лицо, я распахнула дверь.

— Мисс Фэй? — позвала я, встав в проеме, но не шагнул через порог.

Еще одна банка врезалась в дверь, с грохотом захлопнув ее, и я услышала очередной взрыв хохота. Наверное, надо было вломиться, а потом нестись зигзагами, пока не найду укрытие внутри. Вместо этого я повернулась к собеседнице и сочувственно улыбнулась:

— Как вас зовут?

— Теннесси, — ответила она с гордостью, от которой засияла ее аура.

— Ясно. — Странное имя для женщины. — Что ж, Теннесси, можете перейти через меня, если хотите.

Ее лицо озарилось беззубой улыбкой.

— Наверно, я чуток задержусь. Я жду мисс Фэй. Думаю, ей недолго осталось.

— Понимаю, — отозвалась я. — Пожелайте мне удачи.

Теннесси подавилась смехом:

— Она тебе понадобится. Я соврала про прицел.

— Спасибо. — Я махнула ей напоследок и ворвалась в квартиру.

Над головой что-то пролетело. Споткнувшись о стопку какого-то барахла, я нырнула за допотопный диван как раз вовремя, чтобы увидеть, как по воздуху летит очередная банка консервов. Пробив панельную стену, она упала где-то в соседней комнате.

— Черт возьми, мисс Фэй! — заорала я, скрючившись за диваном и прикрывая руками голову. — Не заставляйте меня вызывать полицию. Я друг. Мы виделись с вами несколько лет назад.

Воздушная атака прекратилась. Я выглянула из-под локтей. А потом услышала, как скрипит под ногами мисс Фэй пол, пока она подходит ближе. Мне показалось, что я угодила в ужасик и жду, когда меня забьют до смерти банками с супом.

— Я тебя не знаю.

Я подскочила и, защищаясь, подняла фонарик и монтировку. Учítывая, что у нее в руках была только мухобойка, свои шансы я оценила как чертовски высокие.

— Откуда тебе известно мое имя? — Голос мисс Фэй был чем-то средним между лаяньем бульдога и шумом бетономешалки. Наверняка жизнь ее не жалела.

— Мне сказала Теннесси.

Нахмурившись, мисс Фэй смерила меня изучающим взглядом. Я светила фонариком как можно ближе к ее лицу, при этом не ослепляя. В отличие от Теннесси, мисс Фэй была жива, и мне нужно было хоть какое-то освещение, чтобы различать ее черты.

— Как тебя зовут? — спросила она, отвернулась и зажгла керосиновую лампу.

Когда мягкий свет залил комнату, пахнувшую немýтыми пепельницами и плесенью, я погасила фонарик.

— Чарли, — ответила я, озираясь на стопки старых журналов, газет, книг и кто знает чего еще. Этому месту как нельзя кстати подошел бы предостерегающий знак: «Будьте осторожны, прикуривая сигарету».

— Она никогда о тебе не упоминала, — заметила Фэй, подходя к ветхому креслу, на которое и уселась, сгорбившись.

— Я помню ваши волосы. — Я осмотрелась в поисках места, куда бы присесть, и выбрала устойчивую на вид стопку газет. Хорошо, что не надела белого. Затем повернулась к Фэй во всей ее гидроперитно-блондинистой красе. — Несколько лет назад мы с вами встречались.

— Я тебя не узнаю, — сказала она, прикуривая сигарету.

Я поежилась. Странно было даже то, что этот дом до сих пор стоял.

— Я была здесь десять лет назад. Спрашивала о семье, которая съехала однажды ночью, задолжав вам плату за два месяца и оставив разбитое окно.

Я посмотрела на него — на то самое окно. Теперь от него остались только зафиксированные скотчем осколки и забитые гвоздями доски.

— Так это была ты? — спросила Фэй.

Я потрясенно уставилась на нее:

— Вы меня помните?

— Я помню ту семью. Тебя не так чтобы, но помню девчонку, которая пришла через день. У меня была мигрень, а ты прилипла, как пиявка.

Вот даже как.

— Простите меня. Мне тогда показалось, у вас похмелье.

— Похмелье и было, от него и мигрень. — Ее голос смягчился от воспоминаний. — Ты их нашла?

— Нет. Не сразу.

Фэй кивнула и повернулась к окну.

— Я надеялась, что найдешь. Что хоть кто-то найдет.

Я положила фонарик и монтровку на другую стопку газет и спросила:

— Вы знаете, что с ними случилось? Куда они уехали? — Когда она затянулась в очередной раз и покачала головой, я добавила: — Мне нужно найти того человека, Эрла Уокера. Это очень важно.

Наверное, мой умоляющий тон подстегнул ее хотя бы попытаться мне помочь.

— Не знаю, куда они уехали, но детей помню. Будто это вчера было. Девочка, тоненькая, как тростинка. Я все переживала, что ее сломает малейший ветерок. И мальчик. Вечно избитый. Замкнутый. Нелюдимый.

У меня заболело в груди, и я закрыла глаза, представляя то, что ее слова нарисовали у меня в голове. Снова открыв глаза, я увидела пристальный и горящий взгляд Фэй, направленный на меня.

— Это был не человек. Монстр. Чудовище.

По сантиметру, медленно-медленно, я приближалась к ней и остановилась на стопке журналов в метре от Фэй. От тусклого света на ее лицо ложились тяжелые тени, но даже так было невозможно не увидеть, как заблестели от слез ее глаза. Ее сочувствие поразило меня больше, чем хотелось бы признаться. Я уже настроилась на привычный стереотип, но не тут-то было.

— Мисс Фэй...

— Никто, кроме Теннесси, не зовет меня мисс Фэй, — перебила она, — значит, тебя послала она. И только поэтому ты сейчас не истекаешь кровью с проломленным черепом.

— Справедливо. — Я вытерла о штаны вспотевшие ладони, гадая, знает ли она, что Теннесси умерла, и как далеко можно зайти. — Мэм, есть ли у вас что-нибудь, что поможет мне найти Эрла Уокера? Знаю, что о многом прошу, но, может быть, после них что-то осталось? Какой-нибудь чемодан или...

— Он оставил кое-что в стенах.

Я удивленно моргнула:

— Кто оставил? Эрл Уокер?

Я едва заметила, как она кивнула, а потом услышала:

— Гарольд, Эрл, Джон... Выбирай сама.

У Эрла было несколько псевдонимов. Очевидно, Фэй некоторые из них были известны.

— Что он оставил в стенах?

Ее рот превратился в жесткую линию. Дыхание сбилось.

— Фотографии.

Я застыла. Ким говорила о том же. Эрл оставлял фотографии в стенах.

— Какие фотографии?

Она покачала головой, отказываясь отвечать.

— Там Рейес? В руках Уокера?

Голова Фэй приподнялась, и я поняла, что нащупала правду. Зачем это Эрлу? Какая ему с того польза? Сама мысль никак не укладывалась у меня в голове, и я воззвала к тем огромным порциям знаний, которые получила в колледже. Или скорее к тем скудным, что отложились у меня в голове. Преступникам частенько нравится хранить трофеи. Были ли фотографии трофеями для Эрла? И если так, то разве не захотел бы он держать их при себе?

Он был помешан на контроле. Может быть, снимки были одним из способов держать Рейеса под ногтем. И все равно я не понимала, зачем Эрлу оставлять снимки. Ким сказала, что фотографии «везде». Имела ли она в виду все места, где они жили? Они переезжали с места на место по всему Нью-Мексико, Техасу и Оклахоме, если верить полицейским сводкам.

Хоть меня и мутило, я все равно задала этот вопрос:

— Фэй, они у вас?

Она стерла влагу с глаз пальцами одной руки.

— В них может быть подсказка. Что угодно. Я должна его найти.

В голове вертелась мысль, что я могу увидеть нечто на заднем плане, что помогло бы решить загадку. Будто удача повернется ко мне лицом.

Я почувствовала горе, овладевшее Фэй, пока она раздумывала над моей просьбой, и поняла, что снимки у нее есть. Тяжело вздохнув, она поднялась и подошла к серванту, который с трудом можно было заметить в общем беспорядке.

— Я сохранила только одну, — сказала она пропитанным печалью тоном. — Остальные сожгла. Оставила только ту, от которой не выворачивало наизнанку. — Выдвинув покосившийся ящик, она достала поляроидный снимок, отводя взгляд. — Смотреть на это тоже не в радость. Но остальные были настолько хуже, что я не могла держать их дома. А эту сохранила на случай, если вдруг полиции понадобятся доказательства того, что этот человек творил с мальчиком.

Из-за ее слов мое сердце сжималось от страха и плохих предчувствий. Фэй протянула мне снимок. Я взяла его дрожащей рукой, повернула к свету, собралась с духом и посмотрела.

Может быть, дело в злоупотреблении кофеиновой диетой. Может быть, в пятнадцати сутках без сна. А может, в запахе, который висел вокруг меня густым туманом и мешал свободно дышать. Как бы то ни было, я взглянула на фото, и земля ушла из-под ног. А потом пропал и весь мир.

Я выбрала нехоженую дорожку. Вот и заблудилась.

Надпись на футболке

Только в полчетвертого мы с Развалюхой оказались на парковке у моего дома. У меня так опухли глаза, что я с трудом видела дорогу. Из обморока меня вывела Фэй и предложила стакан воды. Я упала в обморок! Стыдно признаться, но я на самом деле потеряла сознание, едва взглянув на фото, которое сейчас прижимала к груди. Смотреть на него снова не было сил. И вряд ли они когда-нибудь появятся. Впрочем, это не имело значения. Изображение выжгло у меня на роговицах, и я прекрасно понимала, что с этим ничего нельзя поделать.

Спотыкаясь, я поднялась наверх и сразу бросилась к ящику с нижним бельем, куда и засунула снимок лицом вниз, боясь еще раз его увидеть.

Веревки. Порезы и гематомы. Стыд. Кажется, это и было худшим из всего. Я чувствовала: Эрл намеренно сделал этот снимок, чтобы утопить Рейеса в стыде. Он связал его так крепко, что веревки впились в плоть, открывая раны, которые, казалось, только-только начали заживать. Несмотря на повязку, скрывающую глаза, я сразу узнала Рейеса по спутанным темным волосам, по гладким, текучим и четким линиям татуировок на плечах и руках, по чувственным губам. На фото ему было около шестнадцати. Лицо отвернуто в сторону, губы плотно сжаты от унижения. На шее и ребрах — огромные черные синяки. Руки и торс покрыты длинными глубокими порезами. Заживающими и свежими.

Всего лишь мысль об этой фотографии вырывала из меня рыдания. Этим я и занималась у Фэй. Прорыдала больше часа. Потом мы поговорили. Я порыдала еще немного. Что же было на сожженных Фэй снимках, если, по ее словам, они были еще хуже, чем тот, что теперь лежал у меня в ящике? Тяжело сглотнув, я с трудом заставила себя переключиться на Терезу Йост, стараясь думать только о том, как поскорее ее найти.

До рассвета оставалось добрых три часа, поэтому я решила принять душ и переодеться в чистую одежду и туристические ботинки, раз уж мне в некотором смысле и предстояло побыть туристом. До Пекоса я доберусь за полтора часа и, если правильно рассчитаю время, смогу отправиться на поиски Терезы с первыми лучами.

— Налево?

— Направо.

— Направо?

— Ой, нет. Ты права. Сворачивай налево.

— Куки, сосредоточься! — рывкнула я в трубку.

Найти домик Йоста оказалось труднее, чем я думала. Даже несмотря на то, что Куки у

себя дома не отрывалась от компьютера, глазами прочесывая карты в Гугле, потому что сигнал GPS в моем телефоне приказал долго жить.

Выйдя из квартиры, я заметила одного из людей Гаррета, который для разнообразия не спал. Пришлось прокрасться к серебристому «таурису» Куки и поехать на нем, о чем я сообщила ей по телефону, разбудив в половине шестого. К тому же в Развалюхе закончился бензин.

До меня вдруг дошло, что можно было подождать, пока я не доберусь до Пекоса, а оттуда уже позвонить и признаться, что я преступила закон в целях торжества правосудия. Тем более что мне не понадобилась ее помощь до самого Пекоса, куда я добралась аж через час с лишним. Но будить ее было весело. И мне кровь из носа нужно было занять мысли чем-то еще, кроме выжженной в памяти фотографии.

— Ну извини, — огрызнулась Куки. Она все еще ворчала, хотя уже приняла душ. — Направо не надо, только налево.

— Тогда я уже должна быть на месте, но никакой хижины не вижу. — К этому моменту я так устала, что в глазах двоилось. Все, кроме хижины, которой тут в помине не было. Чтобы собрать глаза в кучу, я несколько раз усиленно моргнула. — Тут все деревья одинаковые. Наверное, они двойняшки. Или четверняшки. Или даже больше.

— Какую-нибудь тропу видишь? — спросила она.

Я остановила ее машину на небольшой полянке, потерла глаза и осмотрелась:

— Ну, типа того, но она очень узенькая. Не знаю, пройдет ли твоя тачка сквозь подлесок.

Куки ахнула:

— Не смей тащиться в моей машине по горной тропе!

— Серьезно? А ведь она хорошо справилась в первый раз. Ну, кроме той штуки, которая задний мост, или как ее там.

— Чарли Дэвидсон!

— Бога ради, шучу я, шучу. — Кошмар, надо же так трястись над машиной!

Я задумалась, говорить ли ей о фотографии, и решила, что скажу, гори все синим пламенем. Если мне не будет покоя до конца дней моих, то и ей пусть не будет. Уж не знаю, почему это вообще пришло мне в голову. Наверное, превращаться в развалюху лучше в компании. И я не о джипе. Конечно, я виновата, что сегодня бросила Развалюху, но сейчас не было времени сокрушаться по этому поводу.

— Может быть, тебе стоит дождаться Гаррета, — предложила Куки. — Где его, кстати, носит?

— Когда я уезжала, его не было, помнишь? К тому же я выбросила его телефон, а мне неизвестно, как еще с ним можно связаться.

— Как насчет Ангела?

— Я велела ему прилипнуть к доктору, как банный лист к заднице. Так что появится он нескоро.

— Проклятье. Тебе нужно найти способ вызывать этого парнишку.

— Знаю. — Я вылезла из «тауруса», чуть не скатившись на землю с жесткого винилового сиденья. Мне все еще не удалось избавиться от окутавшего меня плотным коконом горя, как только я увидела связанного Рейеса с повязкой на глазах. — Наверное, не стоило бросать телефон Гаррета в пруд.

— Думаешь?

Я вздохнула. С этим все равно уже ничего не поделаешь.

— Ладно, я иду пешком. Перезвоню, если сломаю ногу или меня слопают медведь.

— Прикинься камнем.

— Прямо сейчас?

— Нет, когда медведь начнет тебя жевать.

Я немного помолчала, а потом ответила:

— А на свете существуют воюющие и рыдающие камни? Потому что именно так, наверное, я и буду себя вести, если мне откусят руку.

— Трудновато будет спокойно лежать и позволить медведю пожить с тобой?

— Думаешь?

Спотыкаясь и едва не падая, я шла по тропе, пока не набрела на простенький домик с табличкой, на которой было вырезано «ЙОСТ».

Дверь, разумеется, была заперта, и я «нечаянно» разбила окно. Взламывать замок не было ни времени, ни желания — на кону стояла жизнь женщины. А доктор Йост пусть пришлет потом мне счет за причиненный ущерб.

Не найдя ничего особенного внутри, я обошла вокруг дома в поисках подвала или какого-то другого подземного сооружения. Девочка с кухонным ножом не отставала ни на шаг. Мне не давала покоя мысль, зачем она здесь. Я повернулась к ней и присела, надеясь, что мне не проткнут ненароком глаз.

— Среда, — ударила я в робинзонаду. — Ты не против, если я буду звать тебя Среда? — Не получив ответа, я спросила: — Ты видишь что-нибудь под землей?

Ее руки висели вдоль тела, в одной из них она по-прежнему крепко сжимала нож, будто от него зависела ее жизнь. Она смотрела сквозь меня, и на пепельном лице отразился испуг. Я решила коснуться ее, но едва подняла руку к ее плечу, как она испарилась. Кто бы сомневался. А затем появилась на капоте квадроцикла, прямая, как струна, и глядела куда-то в неизвестность.

Я шагнула к агрегату, чтобы посмотреть поближе, но тут зазвонил мой сотовый. Это был Нейтан Йост.

— Алло! Мисс Дэвидсон? — спросил он, когда я ответила.

— Это Чарли, да.

Квадроцикл выглядел серьезно потрепанным, но так выглядят большинство вездеходов. Этот был оснащен электролебедкой с тросом в задней части.

— Это Нейтан Йост. Простите за беспокойство, я только хотел узнать, просмотрели ли вы дело моей жены.

Сама лебедка выглядела относительно новой, зато та часть квадроцикла, к которой она крепилась, треснула, как будто Айболит использовал ее для чего-то очень тяжелого. Если только он не пытался выкорчевывать деревья с корнями, представить не могу, зачем ему вообще понадобилась лебедка. Сделаем скидку на то, что я не мужчина. Очевидно, изъятие чего-то наружу исключительно мужская фишка. Как и погружение внутрь.

— Прямо сейчас этим и занимаюсь, доктор. — Я еще раз осмотрелась по сторонам.

— Значит, вы все-таки берете дело? — спросил он, едва пупок не надрывая от стараний казаться взволнованным.

— Однозначно.

Ничего особенного на принадлежащей ему земле я так и не обнаружила. Ничем не примечательная хижина, которая, несмотря на электричество и водопровод, выглядела куда

скромнее, чем можно было ожидать от врача-миллиардера. Внутри находились всевозможные туристические принадлежности, фонарики, спальные мешки, оборудование для альпинизма, мотки веревки.

— Спасибо, — проговорил Йост, выдавливая облегчение. — Спасибо вам огромное.

— Рада помочь. Позвоню вам, как только что-нибудь выясню.

— Еще раз благодарю вас.

Повесив трубку, я протаскалась по окрестностям не меньше часа и пришла к выводу, что вся поездка оказалась пустой тратой времени. Возвращаясь к машине, я почувствовала, что последняя чашка кофе выветрилась из меня безвозвратно. Напоследок я еще раз осмотрелась и вдалеке заметила Среду. Она стояла спиной ко мне и смотрела на подножие горы. Если повезет, она тут задержится.

Выудив из кармана телефон, я набрала Куки.

— Результаты есть? — спросила она.

— Нулевые считаются?

— Черт возьми. Я ведь и правда надеялась, что у нас появилась зацепка.

— Медведь! — завопила я, увидев самого настоящего живого медведя, пробирающегося между деревьями.

— Тормози, падай и катись!

— Чего? — спросила я, не сводя глаз с животного. Никогда в жизни не видела медведей за пределами зоопарков и внезапно почувствовала себя сладкой и соленой одновременно. И, может быть, хрустящей.

— Делай, что говорят! — крикнула Куки.

— Тормозить, падать и катиться? Это, по-твоему, и надо делать при нападении медведя? — спросила я, открыв «таурус» и залезая внутрь.

— Нет, погоди. Так надо вести себя, если вдруг загорись, верно?

Пока медведь не развернулся на сто восемьдесят и не решил потрапезничать моими кишками, я уже закрывала за собой дверь, когда это почувствовала. Сердцебиение. Слабое, едва заметное. И страх. Капельку отчетливее. Заставив себя собраться, я снова вышла из машины.

— Куки, я что-то чувствую.

— Он до тебя добрался?! — едва не визжала она от страха.

Нам надо чаще вместе выходить из дома.

— Нет, солнце. Подожди секундочку. — Я шагнула ближе к деревьям и всмотрелась в чащу в поисках Терезы, не выпуская из вида медведя.

— Что там? Это она? — спросила Куки.

— Не знаю. Чувствую пульс и страх.

— Кричи! — заорала Кук так, что меня чуть удар не хватил.

Я едва не выронила телефон и снова прижала его к уху.

— Куки, твою дивизию!

— Извини, переволновалась. Кричи, вдруг она тебя услышит.

— А медведь нет?

— Услышит, но медведи не понимают по-английски.

— Ну конечно. Так я и сделаю, — сказала я, пятясь обратно к машине. — Перезвоню, если что-нибудь найду.

— Подожди, я уже еду.

— Что?! — Она застала меня врасплах. — Ты едешь сюда?

— Ага.

— На чем? На космическом шаттле?

— Я стащила запасные ключи из твоего холодильника.

— А стрелочка, указывающая на ноль, тебе случайно не попадалась?

— Я заправилась, перед тем как выехать. — Один-ноль в ее пользу. — К тому же ты опять оставила Гаррета не у дел. И благодаря тебе у него нет телефона. А мне очень не хочется, чтобы тебя опять чуть не убили, когда ты одна. Когда ты одна, тебя все время чуть не убивают. Хотя медведь — это что-то новенькое.

— Неправда. Меня чуть не убил медведь, когда мне было двенадцать. Его звали дядя Боб. В истории фигурировало осиное гнездо. Он запаниковал. И ты забыла о том, как нас в переулке преследовал липовый агент ФБР с пушкой. Тогда нас чуть не убили. Нас обеих. Я не была одна.

— И то правда. До сих пор не пойму, зачем он стрелял в здание напротив нас.

— Хреновый он был стрелок, — сказала я, не спуская глаз с огромного комка меха. Было бы вполне в моем духе оказаться пережеванной в медвежьей пасти.

— Хорошо, что он не умел стрелять. С другой стороны, ты в этом тоже не блещешь. Никогда не думала походить на занятия?

— Еще как думала, — ответила я, проверяя бардачок Куки. — Никак не могла выбрать между гончарным делом и плетением корзин. Только не говори, что у тебя тут нет фонарика.

— У меня там нет фонарика.

— А аптечка есть?

— Нет. Дождись меня, — сказала Куки. — Моргнуть не успеешь, как я уже буду на месте. А в Развалюхе есть все. Она вообще как магазин спорттоваров.

— Я не хочу потерять Терезу. Она наверняка где-то поблизости. Я никогда не умела чувствовать эмоции других людей на большом расстоянии. Позвони, как доберешься.

— Хорошо, но если кто-то попытается напасть на тебя и убить, включая медведя, попроси их дождаться меня.

— Заметано. — Я захлопнула телефон, закрыла бардачок и... крикнула: — Тереза!

В ответ — тишина. Я снова пошла пешком по тропе, время от времени останавливаясь, чтобы позвать Терезу. Надо признать, звала я ее, наверное, недостаточно громко. Медведь, шатающийся где-то рядом, выбивал меня из колен.

Среда по-прежнему смотрела на подножие горы. Я решила, что направление, куда она «указывала», ничем не хуже других. И опять это почувствовала. Шепот страха, прошедший по коже, как слабая струйка воды.

— Тереза! — на этот раз от души крикнула я. И получила в ответ мощный удар страха вперемешку с надеждой.

Я опять позвонила Куки и побежала туда, откуда шли ощущения.

— Кажется, это она, — задыхаясь от волнения, сказала я в трубку.

— Боже мой, Чарли, с ней все в порядке?

— Понятия не имею. Я ее еще не нашла, но кого-то чувствую. Звони дяде Бобу и агенту Карсон. Пусть едут сюда как можно скорее. Ты была права. К хижине можно добраться по тропе. Я на пути к холмистой местности на востоке от нее. Осмотрюсь, как буду на месте.

— Будет сделано. Я вызову подкрепление, только найди ее.

Я закрыла телефон и снова позвала Терезу. Вспышка страха мгновенно испарилась,

вытесненная надеждой, которую я ощутила, словно прохладный бриз. А потом вспомнила, что у меня нет с собой аварийно-спасательного снаряжения. Надеюсь, оно мне не понадобится.

Пробегая мимо Среды, я на выдохе гаркнула:

— А просто сказать не могла?

Она не ответила, зато я наконец увидела, на что она смотрит. Шахта. Самая настоящая давно отработанная шахта. Я и понятия не имела, что в этой местности есть шахты. Разумеется, долбаного фонарика у меня не оказалось. Меня всерьез озадачила моя непредусмотрительность, когда я выходила сегодня утром из дома. Я же знала, что придется карабкаться по горным тропам!

Не тратя времени даром, я написала Куки сообщение с описанием, где располагается вход в шахту, и понеслась туда через чащу. Внутри было хоть глаз выколи, поэтому я открыла телефон. Света от него хватало, чтобы видеть неровный пол, на котором я оказалась, протиснувшись сквозь частично заколоченный вход. Мне он показался маленьким. Я думала, что в шахты ведут проемы пошире. Вдоль стен виднелись старые опорные балки, а остатки рельсов, похожие на куски скелетов, вели меня вглубь узкого тоннеля. Лучше места, чтобы избавиться от тела, не придумаешь. Так ли поступил Йост? Попытался убить жену, а потом, подумав, что она умерла, бросил ее тело здесь? Конечно, нет. Он же врач. Он бы знал наверняка, мертва она или нет.

Минут пять я шла вдоль рельсов, пока они вдруг не оборвались. Тоннель упирался в тупик. Путь преграждала стена камней и грязи. У меня упало сердце. Я крутилась туда-сюда в поисках другого прохода. Ничего. Я ошиблась. Терезы здесь нет. А потом заметила, что завал свежий. Камни с землей еще не утрамбовались, как если бы прошло много времени.

— Тереза, — позвала я, и сверху посыпалась струйка пыли. Место такое же устойчивое, как эквилибрист на канате.

Зато теперь я почувствовала, что она ближе, и полезла вверх по завалу, срываясь и обдирая ладони и колени.

На самом верху оказалось крошечное сквозное отверстие. Я заглянула в него, но напрасно.

— Тереза, я знаю, что ты там, — проговорила я так громко, как только осмелилась. — Я приведу помощь.

Ее страх затмил все остальное, и я поняла: она не хочет, чтобы я ее бросала.

— Не волнуйся, я тебя не брошу. — Я попробовала позвонить, но мы были слишком глубоко — сигнал потух. — И где только носит твоего братца Лютера, когда он нам так нужен? Крепкий он парень.

Я едва расслышала слабый смехок. Она была так чертовски близко — рукой подать. Прямо тут, на той стороне просвета. Как будто тоже взобралась по завалу и пыталась прокопать себе путь наружу.

— Ты ранена? — спросила я, но в ответ получила только стон. — Значит, да.

Наверняка скоро придет Куки с подкреплением. Надо было бы позвонить ей и напомнить, чтобы не забыла взять из Развалюхи фонарик, но бросать Терезу не хотелось. Раз уж ничего другого сделать было нельзя, я решила передвинуть несколько камней и попробовать до нее добраться. С образцовой осторожностью я начала снимать камни с вершины и откладывать их в сторону. Несколько раз теряла опору и сползала вниз, царапая об острые камни руки и ноги даже через джинсы. И всякий раз задерживала дыхание, боясь,

что шахта обрушится на нас.

Минут через пятнадцать я расчистила зазор настолько, чтобы просунуть туда руку. Осторожно подвигала ею и нащупала волосы. А потом моих пальцев коснулась рука, и я ее сжала.

— Меня зовут Шарлотта, — сказала я, чувствуя, как меня затапливает облегчение. — Я уже это говорила?

У Терезы вырвался болезненный стон. Держа ее за руку, я лежала на острых камнях завала в ожидании помощи. Казалось, прошли часы. Я шептала ей что-то ободряющее, рассказывала, как впервые встретилась с ее братом. Она едва слышно смеялась, когда я упомянула о том, как назвала его сволочью.

Наконец, когда шутки кончились, я задала вопрос на миллион:

— Тереза, ты знаешь, как это случилось?

Ее пронзило чувство, прямо противоположное тому, чего я ожидала, и заставившее меня усомниться во всем, что я знала, во всем, что успела выяснить насчет Айболита. И оно было таким сильным, что я едва не задохнулась. Это был не страх. Не беспокойство. А вина. Приправленная сожалениями и горем вина.

Мне понадобилось время, чтобы осознать ее эмоции, и тут я услышала робкий голос:

— Нет, я не знаю, как это случилось.

Ее пожирал стыд, а меня — шок. Я не знала, что сказать. Если верить тому, что я «считывала», Тереза все сделала сама. Каким-то образом все это случилось по ее вине. Но это невозможно. Зачем ей подвергать себя такой опасности?

К тому же от ее мужа шло такое чувство вины, что он практически пах им.

Вопросов я больше не задавала — Терезе был нужен отдых. А я тем временем обдумывала новую цепочку, высветившуюся в мыслях. Была ли это неумелая попытка суицида? Какая ей польза от того, чтобы умереть именно так? Почему бы просто не глотнуть пузырек каких-нибудь пилюль? Ради бога, ее муж врач. Но даже если она все это подстроила, как можно было предусмотреть обвал в шахте? Может быть, Тереза чувствовала себя виноватой потому, что обвал случился по ее вине, но случайно. Однако было там что-то еще. Стыд. Сильнее вины.

— Чарли?

Я моргнула, возвращаясь к реальности, и увидела Куки, которая, спотыкаясь, пробиралась по тоннелю, подсвечивая себе телефоном. Она явно пренебрегла начинкой Развалюхи.

— Я тут. Здесь обвал.

Куки остановилась и огляделась:

— Господи, она под ним?

— Думаю, она на нем. Но она ранена. До дяди Боба дозвонилась?

— Да, и до агента Карсон тоже. — Тяжело дыша от усталости, Куки прислонилась к стене шахты.

— Бога ради, во что ты вырядилась? — взвилась я, увидев на ней гетры.

— Не начинай. Как это произошло?

— Точно не знаю.

— Шахта обрушилась?

— С Терезой внутри. — Я ожидала эмоционального отклика от Терезы, но ничего не почувствовала и вдруг поняла, что ее рука в моей обмякла. — Кажется, она потеряла

сознание. Нужно добыть ей воды, а мне не помешал бы фонарик. — Мои глаза уже привыкли к темноте, и теперь я разглядела, к чему прислонилась Куки. Это была опорная балка, державшаяся на честном слове. — Куки, тебе это не понравится, — сказала я, балка соскользнула, и мир вокруг нас рухнул.

Если разверзлись пучины ада, вините гремлинов.

Надпись на футболке

От приглушенного грохота затряслись подземные стены, и с потолка посыпались камни с землей. Инстинктивно прикрыв рукой голову, я наблюдала за обвалом из-под локтя, удивляясь количеству рухнувшей земли. Такое ощущение, что все это время она парила в вакууме, пока судьба не дала пинка уснувшей гравитации. От увиденного у меня свело живот, и в тот же миг время начало замедляться, пока его скорость не сравнялась со скоростью черепахи, пробирающейся вперед во время урагана пятой категории.

Осколки камней зависли в воздухе, почти поблескивая в пещерной темноте. Я потянулась руками к застывшему потоку сухой грязи и просеяла ее между пальцами.

Я могла бы пробежать под каскадами земли и камней и выбраться наружу невредимой. Могла бы позвать на помощь. Но вместо этого рискнула осмотреться. Куки застыла на полушаге. Над ее головой завис огромный валун, медленно пробивающийся сквозь пространство, угрожая раздавить ее, как спичечный коробок. После такого она не выживет.

Я бросилась сквозь плотный воздух, пригнулась и навалилась на нее всем телом, пытаясь прижать к земле в тот самый момент, когда время с ревом, будто стараясь отомстить за непредвиденную остановку, пошло своим чередом. Пока все вокруг нас взрывалось, я отталкивала Куки с пути больших камней, но одного не заметила: срикошетив от моего затылка, он свалился на землю. Сокрушительный удар отдался огнем по всему позвоночнику, и я стиснула зубы, готовясь к вспышке боли и прикрывая руками голову Куки. Еще несколько секунд все грохотало, а потом наступила тишина. Все закончилось так же внезапно, как началось. Потоки земли превратились в тонкие струйки, а затем и вовсе исчезли. Осели клубы пыли. И тогда Куки издала самый чудовищный вопль, какой мне доводилось слышать. От него завибрировали мои кости и, разумеется, неустойчивый потолок.

— Серьезно? — ехидно поинтересовалась я едва слышным голосом, пытаясь с нее сползти. — Другого времени поорать не нашлось?

Она тут же умолкла и огляделась, смаргивая пыль с ресниц.

Я сплюнула тягучий налет во рту и спросила:

— Ты ранена?

— Нет, нет. О боже, а ты?

Я задумалась:

— Кажется, нет. По крайней мере жить буду. — Спина горела, но двигаться я могла. А это всегда хороший знак. — Больше так не ори. Мы вроде как в дышащей на ладан пещере.

— Извини.

Вспомнив о Терезе, я пробралась сквозь хаос и опять полезла вверх по обвалу. Я все еще ее чувствовала.

— Тереза, ты там как? — Не получив ответа, я оглянулась на Куки. — Сможешь

вернуться к Развалюхе и принести фонарик, воду и одеяло?

— Конечно, — ответила она, медленно поднимаясь на ноги.

— Точно ничего не болит?

— Точно. Но ты... — Несколько долгих мгновений она смотрела на меня не мигая. —

Ты спасла мне жизнь.

— Ничего подобного. Честное слово. — Не время для таких разговоров.

— Я никогда такого не видела.

— Вся жизнь пронеслась перед глазами? Тебя посетило легкое разочарование? Знаешь, когда такое случается со мной, то...

— Нет. Ты. То есть как ты двигалась. Твой отец говорил об этом, но... я никогда не видела. — Куки пребывала в полном замешательстве.

— Давай отложим самое вкусное на потом. Фонарик, помнишь?

— Да, точно. Фонарик. Иду.

И она пошла. Ко мне. Я изо всех сил старалась не рассмеяться, но, видимо, плохо старалась. Пришлось пальцем показывать ей, куда идти. Куки развернулась, открыла телефон, чтобы подсветить себе, и направилась вдоль рельсов на выход, пройдя мимо призрака шахтера. Глядя на него, я затаила дыхание. Он проводил Куки взглядом и только потом посмотрел на меня. Из-за света фонаря на каске его лицо оставалось в тени. Все имеющиеся в моей голове знания говорили о том, что смерть настигла его приблизительно в тридцатые годы.

Я не сводила с него глаз, а он отсалютовал мне, коснувшись козырька каски. Мертвых шахтеров я раньше не видела. Всяких призраков повидала, но шахтеров среди них не было. Учитывая местность, здесь, наверное, добывали медь. А может, и серебро.

Он подошел ко мне, остановился и попытался сквозь меня увидеть, на что я смотрела все это время. Призраки — жутко любопытные ребята.

— Меня зовут Чарли, — сказала я ему.

Он снова взглянул на меня, и, поскольку был уже совсем близко, мне удалось рассмотреть его лицо. На вид ему было под сорок, но работа шахтера наверняка не сахар, поэтому ручаться я бы не стала. Из-за грязи, покрывавшей его лицо, с трудом можно было различить лучики морщинок вокруг глаз.

— Харди. — Жесткая линия его рта стала тоньше. — Она там уже давно, — сказал он твердым, сильным голосом и кивком указал на завал.

Я кивнула:

— Ее разыскивают уже несколько дней. Ты не знаешь, она ранена? Мне кажется, у нее обезвоживание.

— Сейчас проверю. — Он шагнул в кучу камней, на которой я лежала, явно собираясь пройти сквозь меня, но не вышло.

Призраки могут проходить через меня, когда решают перейти. В иных обстоятельствах я для них такое же материальное препятствие, как для любого живого человека.

Колено Харди уткнулось мне в ребра, и он удивленно взглянул на меня.

— Извини, — сказала я, — но придется обойти.

Несколько мгновений он изучал меня взглядом, а потом спросил:

— Кто вы?

— Ангел смерти, но в хорошем смысле.

— Как скажете, мэм. — Он снова коснулся козырька каски, обошел меня и исчез в

завале. А буквально через несколько секунд появился снова — прямо из этой кучи камней и земли. — Похоже, она сломала ногу. Пыталась наложить шину, но выглядит все не очень.

— Вот черт. Будет чудом, если у нее до сих пор не началась гангрена. — Я огляделась в поисках хоть чего-нибудь, что могло помочь в этой катастрофически непродуманной спасательной операции. Свет от фонаря на каске Харди облегчал задачу, но под рукой была только грязь. И камни. — Как думаешь, я смогу пробраться через обвал? — спросила я у него. — Нужно вытащить ее оттуда. Кто знает, сколько еще продержится потолок.

— Думаю, вам стоит попробовать, мэм. — Он оглянулся. — Может быть, вам удастся подпереть обвал балкой?

— Боюсь, что спровоцирую еще один.

— Тоже верно.

Я опять начала откапывать камни и складывать их в сторону.

— Как обстоят дела с той стороны?

— Потолок держится. — Он исчез и появился снова. — И балки там на месте.

Тереза слабела. Теперь я едва ее чувствовала. Два дня назад в Развалюхе Рокет сказал мне поторопиться. Этим я и занялась. Поспешно выкапывала и выцарапывала камни, пока не расчистила зазор настолько, что смогла бы пролезть. Держа в руке телефон, я поползла на животе по острым камням. С потолка непрерывно сыпалась грязная пыль, от которой волосы у меня уже давно превратились в спутанный жесткий комок.

Сейчас бы Гаррет оказался очень кстати. Не надо было от него избавляться. И бросать его телефон в воду. Забравшись на вершину горы обломков, я наклонилась и взяла Терезу за руку. Застонав, она попыталась сжать мою ладонь.

— Привет, солнце. Помощь уже в пути, но нам нужно вытащить тебя отсюда, если, конечно, получится.

От света экрана сотового Тереза сощурилась, зато я успела проверить ее зрачки. На свет они реагировали, как положено. Как у брата и сестры, у нее тоже были темные волосы и поразительно яркие голубые глаза. Сама Тереза была худой и бледной, но это могло объясняться как генетикой, так и сложившимися обстоятельствами.

Я протиснулась через зазор и осторожно перебралась по Терезе, чтобы развернуться. Когда я сползла вниз, появился Харди, и свет фонаря на его каске выхватил из темноты открытый рюкзак, в котором, кроме спелеологической каски и остального снаряжения, наверняка нашлись бы еда, вода и аптечка. Тереза наложила на ногу шину с помощью веревки и алюминиевой скобы от рюкзака. Умница. Наверное, исследовала пещеру, когда произошел обвал.

Теперь я уже совершенно запуталась. Доктор Йост был виноват, я это чувствовала. Но в чем? Мог ли он организовать обвал в шахте? И если да, то какого черта Тереза утопает в угрызениях совести?

— Тереза, тебя рвало?

С трудом покачав головой, она ответила хриплым, едва слышным голосом:

— Сотрясения нет. Только перелом.

Я потрогала ее лоб. Теплый, но не горячий. Надеюсь, перелом не заблокировал доступ крови к ноге, и гангрена ей не грозит.

— Не знаю, сколько еще продержится потолок. Как думаешь, сможешь с моей помощью перелезть на другую сторону? — Тереза кивнула, а я на всякий случай добавила: — К нам на помощь уже едут. Можем подождать.

— Нет. Сама я не могла пролезть в просвет, потому что он был слишком маленьким. Как вы меня нашли? Мой муж сказал вам, где искать? — Наверное, одна только мысль о том, что можно спастись, придавала ей сил. Я чувствовала, как струится по ее венам адреналин, учащая сердцебиение.

— Я тебя слышала, — соврала я, копаясь в рюкзаке. — Тут еще одна бутылка воды. — Схватив находку, я полезла обратно наверх к Терезе.

— Я хотела ее сохранить.

— Для особого случая? — поинтересовалась я, откручивая крышку. — Могу потрясти и разбрызгать воду на тебя, если так будет веселее.

На ее губах появилась тень улыбки. Сделав глоток, Тереза вернула мне бутылку.

— Твой муж знал, что ты здесь?

Она тщетно попыталась пожать плечами:

— Я занимаюсь исследованием этой местности, но ему не рассказывала, что снова изучаю шахту. Хотя частенько сюда прихожу.

— Значит, его с тобой здесь не было?

Пытаясь понять, к чему я клоню, она прищурилась, затем покачала головой:

— Нет. Я ушла в субботу рано утром. Он еще спал.

Выходит, кто-то что-то сделал, чтобы устроить в шахте обвал. До того, как Тереза приехала, или пока она была глубоко под землей. Но что именно? Балки не подрезаны, а выглядят так, будто на самом деле каким-то образом просто обвалились или сдвинулись сами по себе.

Харди опустил на колено возле меня. Вид у него был угрюмый, словно он точно знал, над чем я ломаю голову.

— Это она сделала, — проговорил он, качая головой.

Обалдев, я сдвинула брови.

Харди кивнул:

— Она ослабила балки, — и осмотрел стены. — Не сразу. Ей понадобилось время.

У меня упало сердце.

— Но зачем? — шепнула я.

Он пожал плечами:

— Точно не знаю, мэм. Но думаю, она не собиралась оставаться внутри, когда шахта обрушится.

Глубоко вздохнув, я на время выбросила из головы все вопросы.

— Готова, солнце? — спросила я Терезу.

— Думаю, да.

— Спешить не будем.

С бесконечной осторожностью я закинула руку Терезы себе на шею и стала медленно подниматься с ней вверх по склону. Шахтер помогал, сантиметр за сантиметром подталкивая меня наверх. Прошло около двух минут, а мы преодолели не больше полуметра.

— Ладно, лучше все-таки немного поспешить.

Тереза тихо рассмеялась и вдруг схватилась за бок.

— Еще что-то сломано? — спросила я, кивком указав на ее ребра.

— Нет, кажется, просто ушиблась.

Еще немного усилий, и нам удалось добраться до зазора и протолкнуть в него Терезу. Ей пришлось нелегко. Она стонала сквозь стиснутые зубы, проползая на ту сторону. Ну, не на ту

самую сторону, а на другую сторону завала. Острые обломки камней не жалели ни одежду, ни кожу.

— Возвращается ваша подруга, — сообщил Харди.

Зная, что рискую вызвать еще один обвал, я, не колеблясь ни секунды, крикнула:

— Куки, не подходи!

— Что? Еще чего. А как же мой груз?

— Тереза уже почти на твоей стороне. А пока мы говорим, потолок осыпается. —

Выглянув из зазора, я увидела подпрыгивающий на земле луч фонарика. — Куки, елки-палки!

— Не елки-палкай мне! — запыхавшись, отозвалась она. — Зря я, что ли, столько пешком туда-сюда носилась?

Положив фонарик у подножия завала, Куки потянулась вверх, чтобы помочь Терезе. В паре метров от нас с потолка сыпался непрекращающийся поток пыли и земли. Куки посмотрела на меня округлившимися глазами:

— Давай скорее.

Как только Тереза оказалась на другой стороне, я спустилась обратно за каской и снова поднялась по камням наверх с помощью Харди. Оттуда так быстро, как только могла, скатилась вниз, чтобы помочь Куки. Вместе мы подняли Терезу, и она сразу повисла на мне, охая от боли. Я всерьез беспокоилась, что она вот-вот потеряет сознание.

— Помощь будет с минуты на минуту, — сообщила Куки.

Надев на Терезу каску, я обняла ее обеими руками, чтобы не дать упасть. Она съежилась от новой волны боли, пронзившей ее с головы до ног, и всхлипнула, когда мы с Куки двинулись вперед.

— Извини, пожалуйста, — сказала я Терезе.

В ответ она только покачала головой, полная решимости добраться до выхода. Мы с Куки пошли медленнее, подстраиваясь под хромающую Терезу, которую всю дорогу поддерживал разгулявшийся адреналин. Нам на головы сыпался очередной поток земли, чуть не сбив с Терезы каску. Я поправила ее, и мы снова пошли вперед.

И в этот самый момент меня буквально осенило.

— Полоски! — громко выпалила я.

Тут же начал рушиться потолок, и я поняла, как сильно облажалась.

А поначалу идея казалась удачной.

Надпись на футболке

— Обязательно было так орать? — прошипела Куки, сердясь на мою глупость.

Все мы были покрыты густым слоем грязи и кусочками корней неизвестных растений.

— Давай потом меня отчитаешь, — выдавила я, пока мы тащили Терезу к выходу из шахты.

— Отсюда вы уже как-нибудь сами, мэм, — мягко сказал на прощание Харди и, не успевшая я возразить, исчез.

А потом появился дядя Боб, и меня затопила волна облегчения. По одному его виду было ясно: или ни капли веры в меня нет и он удивлен, что я таки нашла Терезу Йост, или выгляжу я гораздо хуже, чем думала.

Была тут и агент Карсон. Я никогда ее не видела, но узнала сразу. Голос соответствовал внешности идеально. Темные волосы подстрижены в короткое каре, крепкое телосложение, умные глаза. Она бросилась вперед и вместе с Диби забрала у нас Терезу. Не успели они пройти и метра, как в пасти шахты нарисовался Лютер Дин и оттеснил агента Карсон.

— Лютер, — удивленно пробормотала Тереза.

Улыбка, смягчившая его лицо, была по-настоящему очаровательной.

— Ты все не звонишь и не пишешь.

Несмотря ни на что, она сумела тихонько рассмеяться.

Ко мне повернулась Карсон, и я честно попыталась пожать ей руку, но мышцы отказались подчиниться мозгу. Хотя и сокращались сами по себе. Полицейский помог Куки выбраться, в то время как агент Карсон потянула меня за руку и вытащила наружу, стараясь не оказаться слишком близко ко мне — вместе со мной на свет божий явилось густое облако пыли после последнего обвала.

— Поверить не могу, что вам удалось, — сказала она, пока я купалась в свете дня.

— Мне так часто говорят. — Волосы у меня так заскорузли от грязи, что было больно. Плюс на мне все-таки попрыгал валун размером с Лонг-Айленд.

— Я забыла там фонарик, — вдруг всполошилась Куки и оглянулась на меня.

— Срочно иди обратно и забери. Я ведь не смогу купить новый ни в одном из магазинов отсюда до Альбукерке.

Она фыркнула — вероятность того, что я не найду новый фонарик по пути домой, равнялась нулю. Я же не могла дожидаться, когда расскажу ей о Харди. Надо как-нибудь вернуться, чтобы узнать о нем побольше. Если получится, потому что прогрохотал очередной обвал, подняв над шахтой столб пыли.

К нам уже мчалась бригада спасателей с носилками и сумками с медикаментами. У одного из них был фонарик, и я уже начала раздумывать, как уговорить молодца отдать его мне. Надо признать, бригада производила впечатление. Все трое высокие, статные, действовали слаженно, как единый организм.

— Кто их вызвал? — спросила я у Карсон.

— Ваш дядя.

— Чудненько.

— Ага. — Пару секунд мы с ней молча наслаждались зрелищем. — Кстати, — сказала она, — мне не удалось добыть запись, оставленную первой женой Йоста на автоответчике, перед тем как она умерла при загадочных обстоятельствах на Каймановых островах. Похоже, следователь, который вел дело, и сам не слышал этого сообщения. Просто поверил Йосту на слово, поскольку смерть объявили естественной. Без каких-либо подозрений.

— Все равно странно, — проговорила я, не сводя глаз с тройки спасателей, которых окрестила Сыщик, Спасатель и Просто Клевый Чувак. — Не думаю, что он намеревался собственноручно порешить свою жену. И она догадалась, что к чему. Наверняка он пытался убить кого-то еще.

— Кого?

— Дадите мне полчаса, чтобы я могла подтвердить свои догадки?

Карсон посмотрела мне в глаза:

— Тридцати минут хватит?

— Хватит, — широко улыбнулась я.

Лютер хлопотал вокруг Терезы, когда в поле зрения появилась вторая сестра. Сердце мое сжалось от сочувствия. Мне хотелось остановить Монику и все ей объяснить, но момент был неподходящий.

— Тереза! — крикнула она, подбегая к ним и заливаясь слезами. — Боже мой... — Она быстро обняла Лютера и взяла Терезу за руку, как раз когда Спасатель зафиксировал вторую руку Терезы и ввел капельницу. Чувства Моники омывали меня прохладными, освежающими и чистыми волнами.

Лютер подошел ко мне. На лице его ясно читалось удивление. Моему это это понравилось.

— Вам удалось, — проговорил он.

Я усмехнулась, глядя на агента Карсон, которая кивнула и отошла.

— Сегодня мне это уже говорили.

Он покачал головой:

— Я вам должен.

— Пришлю вам счет.

Он громко рассмеялся, потому что ничто сейчас не имело для него значения, кроме сестры.

Я повернулась к Куки и подняла вверх большие пальцы:

— Сегодня на завтрак мы точно поедем.

— Ура! — отозвалась она, влезая на валун с помощью Дибби. — Я тут присмотрела низкокалорийную диету. Тебе понравится.

— Я сказала «поедем». И ни слова о здоровой пище.

Ко мне подошел дядя Боб:

— Ну?

— Что «ну»?

— Это был Йост?

— Можно и так сказать.

Может, Йост и не использовал квадроцикл и лебедку, чтобы устроить в шахте обвал, как

я подозревала поначалу. Но он довел Терезу до отчаяния, всю степень которого она скорее всего даже сама не осознавала. Вокруг все были заняты делом, поэтому я незаметно потащила Дибби за деревья и уже там тихонько предупредила:

— К тому, что я скажу, ты должен отнестись совершенно непредвзято.

— Я всегда ко всему отношусь непредвзято, — слегка обиделся он. — Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. — Когда я наградила его своим лучшим скептическим взглядом, он стушевался. — Ну ладно, шесть часов в сутки, пять дней в неделю, но никак не меньше. Так что стряслось?

Я подалась к нему:

— Пока это всего лишь догадка, но я считаю, что Нейтан Йост времени даром не теряет. Он пытается манипулировать Терезой, держа под контролем ее окружение. — Безмолвно умоляя Дибби поверить мне хоть капельку, я положила ладонь ему на плечо. — Я думаю, он пытался убить сестру Терезы, Монику.

Нахмурившись, дядя Боб оглянулся на суетящихся людей, потом снова посмотрел на меня.

— Доказать это будет непросто.

Я выдохнула, до сих пор не понимая, что затаила дыхание, и с трудом переборола порыв броситься ему на шею. Дибби всегда становилось неловко от публичной демонстрации чувств. Вот почему я демонстрировала их при любом случае. Однако сейчас мне было нужно привлечь его на свою сторону.

— У меня есть план, но действовать придется быстро, — заявила я, глядя, как к шахте на всех парах несется доктор Йост в рабочем халате.

Ангел не отставал ни на шаг. Увидев меня, он отсалютовал и испарился, посчитав, видимо, что его задание подошло к концу. Разве могла я его винить? Как-никак, он подросток. Сидеть сиднем на одном месте для таких, как он, сродни пытке.

Я опять взглянула на Йоста. Весь его отрепетированный вид кричал об облегчении, но эмоции, наполнявшие его сердце, не были похожи ни на счастье, ни на разочарование, чего можно было бы ожидать, будь он действительно ответственен за обвал. Не было там ни зла, ни неприязни, ни страха. А только... полное ничто. По крайней мере, он не испытывал ничего такого, что я могла бы уловить. Но тут он заметил Лютера и Монику, и эмоции в нем вспыхнули жарким пламенем. Это была настолько явная неприязнь, что мне стало плохо. В тот самый миг, когда Йост увидел Лютера с Моникой, я поняла, как он к ним относится. Для него они были врагами. Препятствиями, от которых следовало избавиться.

И все-таки, если мои подозрения верны, Тереза устроила все это для того, чтобы сбежать от Йоста. А значит, сейчас ей грозила смертельная опасность. В моем покрытом грязью мозге всплыла фраза, которую Йост сказал Иоланде много лет назад, когда они учились в колледже: «Понадобится всего один укол».

— Она все еще в опасности, — сказала я дяде Бобу. — Пусть кто-нибудь за ней присмотрит.

— Разумеется. — Он смотрел на Айболита тяжелым взглядом, который я так хорошо знала и любила. Если, конечно, взгляд этот не был адресован мне самой.

— Вот еще что. Мне нужно, чтобы ты встретился со мной в больнице и принес туда кое-какие вещи, включая бутылку цитрусовой газировки.

Дибби повернулся ко мне:

— Неужто начинаешь вести здоровый образ жизни?

— Как бы не так, — проворчала я. — Как только все закончится, я первым же делом отправлюсь в Маргаритавиль.

Дорога до Альбукерке заняла у меня больше часа. Еще полчаса ушло на то, чтобы принять душ и переодеться в чистую одежду. Чтобы добыть ордер на обыск дома Йостов, дядя Боб угрожал еще сорок пять минут. Вот почему мне пришлось позвонить агенту Карсон с плохими новостями — на доказательство виновности Айболита у меня уйдет куда больше тридцати минут, на которых мы с ней сошлись. Однако, учитывая время на дорогу и тот факт, что чистота — лучшая красота, она заверила меня, что все в порядке. И это было супер.

Ноге Терезы Йост операция не потребовалась. Зафиксировав перелом, ее перевезли на каталке в отдельную комнату, потому что срочно понадобилось сделать еще несколько анализов, спасибо дяде Бобу и его изворотливости с женщинами. В данном случае — с одной конкретной медсестрой, которая глазела на него так, будто он лакомый кусочек, покрытый толстым слоем шоколада.

Двое копов, изображающих санитаров, провезли Терезу до родильного отделения, а затем вкатили прямо в родильную палату, где находилась целая куча любопытного оборудования. Здесь мне было еще более неловко, чем в тот раз, когда я сидела на самом настоящем электрическом стуле. Так, просто забавы ради. Когда ушли мужчины, я кивнула им напоследок и вошла в тускло освещенную палату, закрыв за собой дверь. Тереза лежала на каталке в полусонном состоянии. На ней была бледно-голубая больничная сорочка, укрывали ее такого же цвета простыни. Поврежденную ногу поддерживали несколько подушек, а сама нога была зафиксирована временными скобами, пока не спадет отек, чтобы можно было наложить гипс.

— Тереза, — позвала я, медленно приближаясь.

Она открыла глаза, моргнула и сдвинула брови.

— Я Шарлотта Дэвидсон. Помнишь меня? Я была с тобой в шахте.

В ее глазах отразилось узнавание.

— Да. Вы меня нашли.

Кивнув, я подошла еще ближе.

— Не знаю, сколько из всего этого ты помнишь. Я частный детектив. Меня вроде как наняли Моника и Лютер.

Услышав их имена, Тереза сонно улыбнулась.

Однако у меня было мало времени. Йосту хорошо известно, что держать Терезу в родильной палате никаких причин нет, если только она не скрывала от него что-то очень-очень важное. Слава богу, ему пришлось отлучиться на обход.

— У нас совсем не много времени, Тереза, поэтому я просто расскажу, что мне известно и о чем я пока только догадываюсь. А ты мне скажешь, где я ошибаюсь. Идет?

От беспокойства ее губы превратились в тонкую линию, но Тереза кивнула.

— Во-первых, я знаю, что обвал в шахте устроила ты. — Без всяких возражений она лишь отвела взгляд, и я продолжила: — С помощью квадроцикла и лебедки ты ослабила опорные балки. Но мне кажется, ты не планировала оказаться внутри, когда шахта рухнет.

— Я забыла оставить там сотовый, — вяло проговорила она. На меня волнами накатывало исходящее от нее стыдливое замешательство. — Я вернулась, чтобы подбросить телефон к остальным вещам. Так бы все подумали, что я была внутри.

— И тогда произошел обвал.

Секунду поколебавшись, Тереза кивнула, подтверждая слова шахтера.

— Тоннели тянутся очень глубоко под землей. Рано или поздно меня бы перестали искать.

— Перед тем, как все это организовать, ты застраховала свою жизнь в пользу сестры, чтобы она получила необходимое лечение. — Она потрясенно уставилась на меня, но я не отступала. — Каким-то образом ты узнала о том, что случилось с первой женой Нейтана. Что он ее убил, когда она пыталась его бросить. — Выражение лица Тереза оставалось прежним. — Он тебя притесняет. Пытается контролировать каждый твой шаг. — На ее лице мелькнул намек на стыд. — И ты задумалась наконец, как докатилась до такой жизни. И почему все зашло так далеко.

— Да, — прошептала она. Ее подбородок подрагивал. Теперь Терезе было невыносимо стыдно.

— Тереза, твой муж большой профи в этих делах. Он опытный хирург не только в физическом, но и в эмоциональном смысле. Он знал, что делает. Знал, как держать тебя на коротком поводке. Знал, что ты не станешь рассказывать брату о том, как обстоят дела, потому что боишься, как бы он не натворил непоправимого.

Тереза тихо ахнула, подтверждая каждое мое слово.

— С какой стати брату платить за твои ошибки, да? Он бы покалечил Нейтана, а может, даже убил бы, а потом всю жизнь бы за это расплачивался. — Тереза так слабо кивнула, что я едва заметила. — Поэтому ты оформила страховой полис, спланировала побег и попыталась исчезнуть. Но ты бы ни за что не смогла навсегда бросить родных. Ты бы нашла способ дать им восточку, что с тобой все порядке, и Нейтан бы об этом узнал, солнышко. А потом отправился бы за тобой. Или Лютер убил бы его, выяснив, почему ты сбежала. В любом случае конец был бы не радужным.

Тереза поджала губы и крепко зажмурилась, пытаясь сдержать подступившие слезы.

— Но все равно ты поступила очень храбро, Тереза. Я безмерно тобой восхищаюсь.

— Глупый был поступок.

— Нет. — Я накрыла ладонью ее руки. — Самоотверженный.

Прикрыв рот простыней, она рыдала не меньше минуты. От нее исходила такая печаль, что меня будто оттесняло назад какое-то силовое поле. Глубоко дыша, я придвинулась обратно, сиюсь оставаться рядом с ней.

— Я была беременна, — задыхаясь, проговорила Тереза. — Думаю... думаю, он мне что-то дал. Однажды вечером мне стало плохо, и я... потеряла ребенка.

Я скрипнула зубами. Об этом я не знала, и мое сердце зашлось от боли в ответ на ее утрату.

— Не удивлюсь, если так оно и было. — Я взяла ее за руку. — Тереза, мне нужно кое-что тебе сказать, но ты должна быть очень сильной. И не забывай: я работаю с полицией и ФБР, чтобы положить этому конец.

Не глядя на меня, она кивнула, все еще затерянная в пучине своей скорби.

Меня выбивал из колеи тот факт, что приходится говорить ей это прямо сейчас, но Тереза имела право знать.

— Мне кажется, Нейтан травил твою сестру ядом.

Тереза подняла на меня ошеломленный взгляд.

— Газировка, которую ты ей приносила. Он наверняка понял, что ты ее не пила, потому что не заболела. Зато заболела твоя сестра. — В диком ужасе она закрыла руками лицо, и я поспешила ее заверить, что мы уже приняли меры: — У нас есть ордер на обыск вашего дома. Воду уже проверяют в лаборатории.

— Но как вы...

— Ее ногти. На них полосы. Они называются лейконихия. — Тереза явно пыталась вспомнить, о чем я говорю, затем рассеянно кивнула, и я продолжила: — Эти полосы — один из симптомов отравления тяжелыми металлами. Это мог быть таллий. Или даже мышьяк.

Не успела Тереза отреагировать, как мы услышали удивленный голос медсестры снаружи:

— Здравствуйте, доктор Йост.

Я бросилась к двери и приоткрыла ее на пару сантиметров.

— Вы видели мою жену? — спросил он, в замешательстве озираясь по сторонам, а увидев двух «санитаров», которые стояли поблизости и ни черта не делали, нахмурился.

Один из «санитаров», будто испугавшись нагоняя, откашлялся и неловко огладил форму.

— Нет, — ответила медсестра, снова привлекая к себе внимание Йоста. — Разве она не в своей палате?

— Была, но... не важно. Я проверю еще раз.

— Рада была повидаться, — улыбнулась ему медсестра, потом повернулась к двери и, увидев меня, многозначительно закатила глаза.

Я помахала ей и помчалась обратно к Терезе.

— Надо вернуть тебя в палату.

— Как я могла быть такой душой? — сокрушалась она, пока медсестра разблокировала фиксаторы, чтобы мужчины могли вывезти каталку.

— Выше нос, солнце, — отозвалась я, оглядывая коридор, перед тем как провезти Терезу через вестибюль родильного отделения. — Больше он никому не причинит вреда.

Картинка у меня в голове полностью сложилась, когда я поняла: после истории с Иоландой Айболит оставил ее семью в покое. Что он только ни делал, чтобы держать Иоланду под ногтем. То же самое он творил со своей первой женой, Ингрид. Меня так и разъедало подозрение, что он убил ее мать, а когда Ингрид об этом узнала, то попыталась сбежать. И Йост сделал единственное, что позволило ему выйти сухим из воды. Убил Ингрид. Наверняка он поступил бы так же и с Иоландой, не будь она в то время изолирована и защищена в кругу любящей семьи.

Тереза как-то узнала, что он сделал со своей первой женой из мести за попытку от него уйти. Но Терезе и не снилось, за какую именно ниточку он потянет, чтобы иметь возможность манипулировать ею. Судя по всему, он знал, что Тереза видится с сестрой и отдает ей газировку, вот и напичкал минеральную воду мышьяком или еще чем-то в достаточном количестве, чтобы Моника заболела. Так он убивал двух зайцев одним выстрелом: наказывал Терезу за непослушание и устранял препятствие в лице ее сестры. Вот почему врачи не могли поставить диагноз — Моника медленно, но методично травил.

Я оставила Терезу на поруки копам в форме санитаров и пошла проверить, все ли готово для спектакля. Благодаря дяде Бобу все было в лучшем виде. Прикрывая журналом пол-лица,

я стояла в тихом углу пресвитерианской больницы, стараясь как можно заметнее притворяться незаметной. Только через полчаса на меня наконец-то обратил внимание светловолосый голубоглазый дьявол и пошел ко мне. На сестринском посту он остановился, подписал какое-то назначение и опять двинулся в мою сторону.

— Мисс Дэвидсон, передать не могу, как много вы для меня сделали, — подойдя ко мне, пустился в благодарности Йост.

Ленивая расчетливая улыбка расплылась на моем лице.

— Еще бы. Мы можем поговорить?

Он нахмурился, огляделся по сторонам.

— Что-то не...

— Послушай, Кит... — перебила я, но не договорила. Вытащила спрятанный между страницами журнала желтый конверт, помахала им перед его носом и стала ждать, вопросительно приподняв брови.

Недоумение на его лице сменилось чем-то, что мне лично напомнило о продавцах подержанных машин, уже готовых заключить сделку. Кивнув на ближайшую подсобку, я пошла туда и бросила через плечо:

— Идешь?

Он пошел.

Как только мы оказались в подсобке, он запер дверь на замок и заглянул за полки удостовериться, что, кроме нас, тут никого нет. Потом шагнул ко мне, и все его очаровательные манеры вместе с маской добропорядочности разом испарились.

— И к чему это все? — поинтересовался Йост, явно надеясь, что мне известно далеко не все. Дохлая попытка, учитывая очень даже живенькие факты, которыми я располагала.

— У меня целый список, Кит. Не возражаешь, если я буду звать тебя Кит?

— Вообще-то, возражаю. Так чего тебе надо?

Я изобразила еще одну ленивую улыбку.

— Денег.

Он смерил меня долгим взглядом и только потом сказал:

— Ну конечно. Все вы, сучки, одинаковые.

Схватив за грудки, он впечатал меня в металлическую конструкцию. Я не сопротивлялась. Даже положила локти на полку, пока он меня облапывал.

Никаким интересом ко мне тут и не пахло — Йост просто пытался убедиться, что ему ничего не угрожает. Распахнув на мне куртку, он стал расстегивать пуговицы блузки, по-прежнему глядя мне в глаза. Добравшись до нижней, он выдернул блузку из джинсов и запустил руки мне за спину, ощупывая ремень и застежку лифчика. Его рука прошла по чувствительному месту спины, и я сумела сдержать абсолютно неуместный сейчас вздох. Он ничего не заметил. Хорошо, что он врач и постоянно имеет дело с полуголыми девицами. Иначе вся эта ситуация оказалась бы крайне щекотливой.

Убедившись, что на мне нет жучков, Йост забрал конверт и открыл. Там было все, что нам удалось на него накопать. Копии отчетов о расследовании, где был упомянут журнал того, кто сдал ему документы на имя Кита Джейкоби; квитанция из отеля на то же имя, ясно доказывающая, что Йост был там в то же время, когда умерла его первая жена; копия полицейского рапорта из этой самой больницы, где черным по белому было написано, что в тот день, когда едва не умерла племянница Иоланды Поуп, из реестра пропали несколько ампул миорелаксанта^[35], название которого я никогда в жизни не смогу произнести вслух; и

т. д. и т. д.

Пока Йост просматривал бумаги, я застегнула блузку. Сказать, что он ошеломлен, было бы оскорблением для этого слова. Он был совершенно ошарашен тем, что я сложила два и два. Заслуга сомнительная, учитывая, сколько людей мне помогало, но все же.

Он засунул бумаги обратно в конверт. Его лицо не выражало абсолютно ничего, не считая микроскопических реакций, избавиться от которых мечтает любой игрок в покер. За любые деньги.

— Все это никак не связано с исчезновением Терезы.

— А я думаю, очень даже связано. Это показывает, как далеко готов зайти помешанный на контроле ублюдок, которого мы все знаем и любим.

Йост вытащил одну из распечаток. Это была копия страхового полиса Терезы.

— Я уже говорил агенту Карсон, что не подписывал этот дурацкий полис на жизнь Терезы. Она сама это сделала. Застраховала свою и мою жизнь. Я к этому не имею никакого отношения.

— Может, нет, может, да, — безразлично пожала плечами я, готовая на все, чтобы защитить Терезу. — Но на мой взгляд, все это выглядит хреново. — Знал бы он, что Тереза собиралась его бросить, кто скажет, что бы он сделал?

— Сколько ты хочешь? — спросил он.

Я сдвинулась так, чтобы, глядя на меня, Йост попал в объектив скрытой в настенных часах камеры. Уловка не новая, зато эффективная. Подойдя к стене, я прислонилась к ней спиной прямо под часами.

— Ну, Кит, — (ничего не могла с собой поделаться!), — похоже, денег у тебя предостаточно. Как насчет старого доброго миллиона?

Он насмешливо растянул губы и злобно зыркнул на меня:

— Да ты шутишь.

Сложив конверт, Йост засунул его себе сзади за пояс. От кипящих эмоций относительно бледная физиономия ярко покраснела.

— Не переживай, у меня есть еще один экземплярчик.

По нему прошла волна из смеси ярости и страха.

— И как же мне заполучить и его?

— Говорю ж тебе, — широко улыбнулась я, — дай мне уйму денег, и второй комплект твой.

Йост отвернулся, борясь с неудержимой вспышкой гнева. Надо же, у очаровашки есть характер.

— У меня нет таких денег, — процедил он, отбрасывая притворство. — И вообще, с какого х... — Он умолк, пока не скомпрометировал себя еще больше.

Надо было дать ему стимул посolidнее. Может быть, угроза неминуемой смерти оказалась бы кстати.

— Уверю тебя, — пришла моя очередь блефовать, — у меня в наличии одна-единственная копия того, что ты получил. Других делать не стану. Поэтому достанется она тому, кто даст за нее больше всех.

Удивившись, он отступил на шаг, задумчиво глядя себе под ноги. Потом снова посмотрел на меня.

— Блефуешь. Копы за сведения не платят. — Йост просиял торжествующей улыбкой. — Тебя арестуют за сокрытие улик. А в суде твои показания окажутся бесполезными.

Меня так и подмывало многозначительно фыркнуть. Бесплезными? Помечтай, скотина. Он со мной играл. Что ж, тогда я поиграю с ним.

— Я вовсе не собираюсь передавать эту информацию полиции. Я сказала, она достанется тому, кто больше заплатит, а не тому, кто в ней отчаянно нуждается. — Прибьет меня дядя Боб за такие слова.

Йост подозрительно нахмурился:

— И кого же ты имеешь в виду?

— Есть у меня на уме кое-кто, кто отвалит солидный куш за такую инфу, — я кивнула на спрятанный им конверт. — И этот кое-кто лично заинтересован в добром здравии твоей жены.

Медленно, но уверенно до Йоста дошло, о ком речь. Дикая паника обожгла его синапсы и подчинила себе всю нервную систему. Я чувствовала, как Айболит тонет в ужасе, как будто его ноги залиты затвердевшим цементом, а его самого выбросили в море. Но он продолжал ерепениться:

— Понятия не имею, о ком речь.

— Ладненько, — пожала плечами я и направилась к выходу.

Он совсем не ласково схватил меня за руку и дернул на себя.

— Кто? — рывкнул Йост, явно заинтересовавшись, кто же готов заплатить немалую сумму за его жизнь.

Я закатила глаза:

— Лютер, доктор Йост. Лютер Дин.

Его целиком поглотили эмоции, которые я затрудняюсь описать словами. Но если бы спросили, я бы ответила, что на одну треть они состояли из офонарения и на две трети из парализующего страха. В тот самый миг до меня дошло, что у Йоста уже была стычка с Лютером. Иначе он бы так не испугался. Ох, как бы хотелось понаблюдать за этим лично! Стало ясно, что Лютер сказал мне далеко не все.

Осознав, что выбора нет, Йост вернулся к тому, что умел лучше всего. Итак, конец второго акта. Занавес. Начинается третий.

Поджав губы, Йост напустил на себя расстроенный и пристыженный вид. В его глазах отчетливо читался успешно работавший долгие годы взгляд потерянного щенка. Мне с трудом удалось не расхохотаться ему прямо в лицо.

— Шарлотта, — проговорил он мягко и трепетно, — знаю, у вас нет причин мне верить. Но если вы дадите мне шанс, я все объясню.

— Правда, что ли? — Я невинно захлопала ресницами и шагнула к нему. Мое дыхание участилось. Отчасти потому, что я с трудом сдержала рвотный позыв, и отчасти потому, что до боли прикусила губу, давя в зародыше неуверенность. — Знаешь, Кит, учитывая ситуацию, нужно быть круглой душой, чтобы тебе поверить. — Он скрипнул зубами и отвернулся, но я не отступила. — Скольких ты убил? Давай посчитаем. — Я загнула один палец: — Ингрид, но это и ежу ясно.

— Заткнись! — гаркнул он.

— Я только начала. Мать Ингрид, — я загнула второй палец. — Племянница Иоланды. — Он в ужасе застыл. — Ой, она не считается, потому что, слава богу, выжила. Не твоими заботами, конечно. Вот интересно, сколько заплатит Ксандер Поуп, отец той девочки, за наводку на тебя? Может быть, они с Лютером вскладчину скинутся. — Йост угрожающе шагнул ко мне, и я рванула единственную бомбу, которая могла сейчас заставить

его бежать с поля боя: — Ах да, не будем забывать о сестре Терезы, Монике.

Йост замер. Лишь на долю секунды его глаза расширились, прежде чем он взял себя в руки.

— Мышьяк в газировке? И это все, на что ты способен, Нейтан?

У него отвисла челюсть, пока он не мигая смотрел на меня.

— Да-да. Мне все известно. А вместе с отчетами, квитанциями и остальной фигней, которую ты затолкал в штаны — к чему я, само собой, никогда в жизни больше не притронусь, — тебя ждет очень долгий и очень нудный срок. Если, конечно, Лютер не доберется до тебя раньше.

Йост не шелохнулся, но на лице его явно отражался мыслительный процесс, поспеть за которым не каждому под силу.

— Теперь такая получается петрушка: ты умудрился навредить обеим сестрам Лютера. Сильно сомневаюсь, что он найдет в этом что-то хорошее.

— Я... я смогу кое-что наскрести, — выдавил он наконец.

— Хорошенько придется скрести, Кит, потому что я тебе не какая-нибудь дешевка.

Он огляделся по сторонам, как загнанный в угол зверь, потом снова посмотрел на меня.

— Мы можем встретиться сегодня вечером? Обсудим все, договоримся.

На этот раз я фыркнула не таясь:

— Чтоб ты меня убил и похоронил мое безжизненное тело на ближайшей лужайке?

Закрыв глаза, Йост покачал головой:

— Я бы никогда так с тобой не поступил.

Помилуй меня великий шоколад! Оставалось только бросить в этот идиотский микс часовую бомбочку:

— Сегодня вечером я ужинаю с Лютером Дином. Похоже, я произвела на него впечатление. Если верить его сестре.

В расстройстве Йост вздохнул и почесал лицо. Я хорошо себе представляла, как сдвигаются вокруг него стены, превращая его шансы в полный ноль.

— Я могу дать тебе сейчас сто кусков, — сказал он.

— Наличными? Мелкими купюрами с разными номерами?

Он кивнул:

— Позже отдам остальное.

— А мне, видимо, полагается просто поверить, что ты отдашь остальное? Поверить тебе, чувак, который из прихоти мочит своих жен?

Голова Йоста поникла.

— Знала бы ты мою первую жену. Она была озлобленной и меркантильной тварью.

— Как ты?

Ярость вспыхнула в нем, но внешне он оставался спокойным как танк.

— Ты понятия не имеешь, какой она была.

— До тебя она была живой.

Он опять от меня отвернулся. В который раз? Если в этом и была какая-то драматичность, то с десятым повтором эффект определенно износился. Хотя задница у него что надо.

— Она хотела забрать у меня все. Все, над чем я работал. Я не мог этого допустить.

Уже лучше. Мы явно подбирались к главному.

— И ты ее убил? — Йост промолчал, и я добавила: — А хорошего адвоката нанять не

мог?

С его губ сорвался высокомерный смешок.

— Чтобы она солгала в суде? Сказала, что я ее бил или еще что похуже?

— А ты ее бил? — Он оскалился, и я, глубоко вздохнув, решила сменить тему. — Ладно, представим на секундочку, что я тебе верю и у тебя на самом деле не было выбора. Но как насчет Моники? Она-то чем тебе насолила?

Я прямо видела, скольких усилий ему стоит мне ответить.

— Она пыталась украсть у меня Терезу. Вечно твердила, что я недостаточно хорош, что не подхожу ей.

У меня отвисла челюсть.

— Значит, во что бы то ни стало давай ее травить, пока не откажут почки?

На физиономии Йоста прорезалась улыбка.

— Непросто это будет доказать, не находишь?

С этим не поспоришь. Доказать подобное действительно трудно.

Я поникла, признавая поражение:

— Скорее всего ты прав. — А потом приободрилась. — Или я просто пошлю копам пару бутылок газировки, которые нашла у тебя в гараже, и буду наблюдать, как всю твою жизнь спустят в унитаз.

Он даже не пытался отбрехаться:

— Когда-нибудь слышала термин «цепь поставок»?

— Когда-нибудь слышал термин «Лютеру Дину насрать»?

Несколько долгих секунд Йост сверлил меня изучающим взглядом. Наверняка пытался прикинуть, как меня убить, не вызывая очередных подозрений. Значит, пора поднимать ставки.

— По-моему, все это сводится к трем вариантам.

— Я же сказал, я могу заплатить. Только дай мне время.

— Первый: я продаю всю эту лабуду Лютеру Дину.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Слушаю, — раздраженно кивнула я. — Ты и есть второй вариант.

— А третий тогда какой? — нахмурился он.

— Я презентую все это агенту Карсон, а там посмотрим, что она скажет.

Йост решил мою ставку уравнивать:

— Валяй. Неси все ей. Все равно ничего не докажешь.

Гадство. Любой мало-мальски стоящий адвокат сумеет объяснить все, что до сих пор наговорил тут Айболит. Мне было нужно нечто весомое. Нечто неопровержимое. А вдруг я с самого начала вела себя неправильно? Может, надо было воспользоваться женскими хитростями.

— Давай так, — я обошла Йоста, чтобы выйти из подсобки, — я узнаю, сколько даст мне Лютер, а потом вернусь к тебе.

Не успела я сделать и пары шагов, как он опять схватил меня за руку.

— Сколько будешь требовать?

— Я же сказала, — рассердилась я, — лям баксов. — Изнутри меня окатила волна неподдельной радости. Всегда хотела использовать в разговоре слово «лям». — Но сначала узнаю, сколько даст Лютер.

Кипя от ярости, Йост подтащил меня ближе.

— Ты всерьез думаешь, что так запросто отсюда выйдешь?

— Такой был план, ага. — Поздно уже, наверное, призывать на помощь женские хитрости. Или нет?

— Тогда ты тупее, чем кажешься, — процедил он, положив руку мне на шею.

Да уж. Поздно.

Приподняв, он впечатал меня в полки, не забыв стукнуть головой об острый угол. Надеялся, видимо, что металл раскроит мне череп и я истеку кровью. Ну правда, этот мужик просто олух. Несколько человек видели, как мы входили сюда вместе. Что он собирался им сказать? Что я поскользнулась, упала и напоролась на угол полки, выше, чем я сама?

Ничему его жизнь не учит. Но перед тем, как мне выпал шанс продемонстрировать, чему я научилась на двухнедельных прикладных курсах боевых искусств, моя голова взорвалась огнем тысячи солнц. Мучительная агония пронзила меня до мозга костей. На глаза набежали слезы, и я прикусила губу, чтобы пережить накатывающую волнами боль. Йост дал мне упасть на пол, но горло не отпустил, а только сдавил сильнее. Ведь синяки под стать его пальцам совсем никому подозрительными не покажутся.

Именно этот момент показался дяде Бобу удачным, чтобы ворваться в подсобку. Удивившись, Йост отшатнулся от меня. Я перекатилась набок и обеими руками взялась за голову, пытаясь превратиться в головку сыра, чтобы перевести дух.

— Дядя Боб, — прохрипела я очень раздраженным тоном с примесью интонаций в духе «Ну все, сейчас помру от головной боли», — ты слишком рано.

Краем глаза я видела Йоста. За выражение его лица я была готова отдать полцарства и коня в придачу. С открытым ртом он снова и снова вертел головой, глядя то на Дибби, то на меня, пока офицер заводил ему руки за спину и надевал наручники, попутно зачитывая его права.

— Я, конечно, мог бы подождать, пока он окончательно тебя убьет, — отозвался Дибби, помогая мне подняться, — но вместе со всем остальным у нас на него уже целая куча, милая.

Он осторожно меня обнял, и, чтобы не грохнуться, я схватилась за полку.

Дядя Боб смахнул с моего лица волосы.

— Ты как?

Потрогав затылок, я уже приготовилась всю себя жалеть за пролитую кровь.

— Ни капельки, — обалдев, проговорила я и перевернула ладонь, чтобы убедиться. — Вообще ни капли. Почему я не умираю от потери крови? Болит же зверски. — Последнее я сказала сквозь стиснутые зубы, наградив Йоста гневным взглядом.

В приступе ярости — или эпилепсии, трудно сказать — Йост вырвал у офицера еще не закованную в наручники руку и рванул ко мне. Понятия не имею, на что он рассчитывал. За полсекунды до того, как его вдавили в бетонный пол, он успел схватить меня за блузку. Бывалые офицеры быстро с ним справились, но от резкого движения я тоже подалась вниз, слыша, как рвется блузка. Я взмолилась, чтобы видео со скрытой камеры никогда не вышло за пределы хранилища улик. Уже во второй раз Дибби помог мне встать, а я попыталась хоть как-то прикрыть своих девочек. Учítывая, что на мне оставалась только половина блузки, задача была не из легких.

Изо всех сил я взяла себя в руки и посмотрела на Йоста сверху вниз:

— Это я тоже внесу в счет.

Он вырывался и брызгал слюной под весом офицеров, пока они надевали на него наручники, перед тем как поднять на ноги и повести на выход из больницы. Если бы не

раскалывался от боли череп, меня бы повеселило количество упавших челюстей, пока головы одна за другой ошеломленно поворачивались вслед за Йостом.

Дядя Боб шел сзади вместе со мной.

— Ну, — сказал он, глядя на Йоста и сопровождавших его полицейских, — сама сообщишь агенту Карсон хорошие новости, или мне позвонить?

— Позвони, — сказала я, внезапно испытав прилив уныния. Йост просто издевался, или я действительно вела себя глупо? — Только, когда будешь ей звонить, убедись, что Лютера Дина нет поблизости.

— С чего вдруг?

— Ну, во-первых, он здоровенный.

— А во-вторых?

— Его зовут Лютер. Тебе это о чем-то говорит?

— Понял.

Если жизнь преподносит тебе лимоны, бери.

В конце концов, лимоны-то халявные.

Надпись на футболке

Когда мы закончили со всем, что касалось Йоста, было уже поздно, я ужасно устала, а голова немилосердно пульсировала от боли. Учитывая обстоятельства, Лютер воспринял вести о том, что едва не потерял обеих сестер, весьма неплохо. То ли это его собственная заслуга, то ли сестрам удалось накачать его успокоительным. Тащась вверх по лестнице к своей квартирке, я ему завидовала. Рейес, не Рейес, а мне просто кровь из носа надо было хоть немножко поспать. И точка. Любой бы понял, почему я чуть не потеряла сознание, когда открыла дверь и увидела, что телевизор включен, на диване спит Эмбер, а на спинке дивана сидит здоровый мужик, целясь из пистолета ей в голову и глядя на меня с, казалось бы, бесконечным терпением.

Я пыталась осознать увиденное, когда мужик поднял мясистую лапу и прижал палец к губам, призывая меня молчать. Затем кивком указал на Эмбер. Дуло касалось ее виска, и мне оставалось только молиться, чтобы холод металла ее не разбудил. Осторожно положив сумку и ключи на стойку, я подняла руки, показывая, что готова слушаться. Он улыбнулся и еще одним кивком подозвал меня ближе.

С тех пор, как я видела его в последний раз, он постарел. Но телосложение, жирные седые волосы и короткие толстые пальцы не изменились ни капельки с того дня, как я бросила кирпич в окно его кухни, пытаясь помешать ему забить до смерти молодого парнишку. Образ этого человека навсегда врезался в мою память.

— Слышал, ты меня ищешь, — сказал он шепотом, и я посмотрела на спящую Эмбер. — Она крепко спит, — заверил он меня. — Я тут уже несколько часов, а она даже не шелохнулась.

На следующем выдохе я едва слышно спросила:

— Ты с ней что-то сделал?

— Нет. — Уокер наградил меня мрачным пронзительным взглядом. — Маленькие девочки не в моем вкусе.

Еще бы. Я очень хорошо знала, что именно в его вкусе. Доказательство лежало у меня в ящике с нижним бельем в соседней комнате. Едва подумав, что он делал с Рейесом, я могла как на духу признаться, что никогда в жизни ни к кому другому не испытывала такой ненависти.

— Дай мне отвести ее домой, — прошептала я, — потом я в твоём распоряжении.

— Я похож на идиота? — спросил он.

— Вряд ли, — поспешила я его успокоить. — Потому я и попросила. Для всех ты мертв. И наверняка не горишь желанием, чтобы кто-нибудь тебя здесь увидел. Если найдут твои отпечатки, то игра, которую ты успешно ведешь десять с лишним лет, быстренько закончится. И веселью конец, верно?

Он смерил меня с ног до головы изучающим взглядом.

— Мне не нужно беспокоиться об отпечатках, когда я сжигаю место дотла.

— Значит, ты далеко не идиот.

— Не заговаривай мне зубы! — прошипел Уокер, и только глухой не услышал бы в этом угрозы. А потом наклонился, обжигая мне лицо горячим дыханием. — Вот как мы поступим: ты ее разбудишь и проводишь до двери. Если она или ее мать вернется, им обеим конец. Я убью первую, кто появится в дверях, потом пойду за второй. Поняла?

Я тяжело сглотнула:

— Да.

Пистолет сдвинулся ровно настолько, чтобы я могла поднять Эмбер. Будь на прицеле только моя задница, я бы попыталась спастись, как только увидела Уокера. Но там была Эмбер. Я бы ни за что не стала рисковать ее жизнью.

— Эмбер, солнышко, — позвала я, тихонько трясая ее за плечо. — Тебе пора в постель, зайка.

Она моргнула и попыталась сфокусировать на мне сонные глаза.

— Мама будет переживать, куда ты запропастилась.

— Хорошо, — сиплым спросонок голосом ответила она. — Извини. Я нечаянно уснула.

Я улыбнулась:

— Все в порядке, солнце. Просто не хочу, чтобы твоя мама беспокоилась.

Я помогла ей подняться и поддерживала, пока она ковыляла к двери. По пути я благодарила всех святых, что Эмбер не заметила прячущегося в комнате чудовища с короткоствольным револьвером тридцать восьмого калибра в руке. Ткнувшись по очереди в шкаф и кладовку, она наконец нашла нужную дверь. Уокер схватил меня за руку, не дав переступить порог. Слава богу, дверь в квартиру Куки была не заперта. Эмбер открыла ее и без задней мысли вошла внутрь.

На долю секунды я задумалась о том, чтобы сбежать. Пойдет ли он за Эмбер и Куки? Конечно, нет. Он пришел за мной. Но если он меня сцапает и я не выживу, тогда, несомненно, он вернется и выполнит свое обещание. А я буду валяться на парковке или в переулке мертвая, без единого шанса ему помешать.

Через полторы секунды после того, как за Эмбер закрылась дверь, в голове взорвалась вспышка боли. Кажется, уже в третий раз за день. Стало ясно: все решили без меня.

— Датч.

Голос Рейеса донесся откуда-то издалека. Я попыталась дотянуться, чтобы взять его за руку, но увидела, что моя собственная — как клубящийся белый пар.

— Рейес.

— Ш-шш, — шикнул Эрл Уокер, выдернув меня в действительность. Физически он не пытался заткнуть мне рот — не заклеил скотчем, не затолкал кляп. Просто предупредил.

И только когда он поднял мое обмякшее тело, усадил на стул и начал кабелями привязывать руки и ноги, до меня дошло: похоже, я вляпалась в большие неприятности.

— Я не говорила, как ненавижу пытки? — спросила я, с трудом проговаривая

согласные.

Отложив пистолет на журнальный столик слева от себя, он смял мое лицо здоровенной лапой. Не совсем пытка, конечно, но бесило сильно.

— Вот как все будет, — мягко, не спеша протянул Уокер, чтобы я уж точно его поняла. — Я режу, ты истекаешь кровью. Можешь кричать, если, по-твоему, это поможет, но имей в виду: любой, кто войдет в эту дверь, труп. Я вскрою симпатичное горлышко твоей секретарши раньше, чем она поймет, что я здесь. — Он наклонился, обжигая мне лицо горячим дыханием, будто кислотой. — И кто же пожалует вслед за ней?

Эмбер. Ему не нужно было произносить это вслух.

— Эмбер. — А может, и нужно. — И давай сразу проясним одну вещь. — Он нагнулся еще ближе и прошептал мне на ухо: — Мне очень нравится причинять детям боль.

Наверное, у него было просто ужасное детство.

За следующие двадцать минут он неоднократно доказал, как мастерски управляет скальпелем. По одному кусочку за раз. Меня просто поражало, почему он не стал хирургом.

Острая жгучая боль пробрала меня до костей, когда Уокер сделал очередной разрез. Этот был на внутренней поверхности бедра. Наличие на мне джинсов его явно не беспокоило. Почувствовав каждый миллиметр надреза вдоль сухожилия, я стиснула зубы, глаза закатились. Рана была глубокой, в опасной близости от бедренной артерии. А может, даже задела ее. Я уже ничего не видела. Кровь из раны на голове заливала глаза и склеивала ресницы.

— Еще раз, — сказал Уокер. Кажется, он был немного раздражен.

Что ж, приятель, вступай в клуб.

— Зачем ты меня искала? Как узнала, что я жив?

Я хотела ответить — честно, хотела, но не смогла заставить себя говорить в пучине сокрушительной боли. Я знала: если открою рот, то закричу. Примчится Куки. За ней Эмбер. И мой мир рухнет.

Опять я подвергла смертельной опасности людей, которых люблю больше всего на свете. Может быть, папа был прав. Может, надо было все бросить и стать бухгалтером или выгуливать собак. Сколько бед навлекла бы я тогда на себя и остальных?

Раньше рядом всегда оказывался Рейес, но я его связала. Не дала ему убить себя, и вот теперь убивают меня. Это было печальное подтверждение моей никудышности — и двух недель я не могла прожить, чтобы не нуждаться в его помощи по спасению моей ни на что не годной задницы.

— Тебе решать, — процедил Уокер, и через долю секунды длинный порез полыхнул огнем изнутри левого предплечья.

Я почувствовала, как рассеклось пополам сухожилие, и запрокинула голову, прикусив язык, чтобы не заорать. Я посмотрела вверх, падая обратно в черноту, к Рейесу.

— Датч, — позвал он откуда-то из темноты, — где ты?

— Дома, — промямлила я, изо всех сил пытаюсь остаться с ним.

— Освободи меня, — велел Рейес, и у меня возникло отчетливое ощущение, что он бежит. — Я не успею к тебе вовремя. Черт побери, Чарли!

— Я не знаю к...

— Скажи это! — приказал он сквозь стиснутые зубы. — Просто произнеси слова.

— Прости...

Меня придавило беспомощностью, когда я поняла, что отдаляюсь от него. Впервые в

жизни я знала, что умру, и ни он, ни я ничего не могли с этим поделать.

Скальпель послал еще одну убийственную волну по нервным окончаниям. Когда невообразимая боль, какой я в жизни не испытывала, выдернула меня опять на поверхность, я попыталась сморгнуть стекающую на ресницы кровь и глубоко вдохнула, словно выплыла на воздух из глубин океана.

Уокер разрезал кожу до ребер и теперь елозил скальпелем по костям, как ребенок — палкой по белому шпакетнику. Меня так сильно трясло, что казалось, будто я задыхаюсь. Вцепившись пальцами в стул, я из последних сил старалась не расцепить сжатые до хруста зубы. Но отчаянные попытки не потерять контроль над одними функциями организма привели к тому, что я перестала контролировать другие. Между ног возникло влажное тепло, и под стул, смешиваясь с лужами крови на полу, потекла моча.

Склонившись надо мной, Уокер увлеченно тыкал концом скальпеля в рану на бедре. Потом вдруг поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Я не могла нормально сосредоточиться, но все равно заметила, как он задумчиво нахмурился.

— Рейес, — сказал он, и я моргнула, глядя на него в ответ. — Вы одинаковые. Ты исцеляешься так же, как исцелялся он. — Уокер прижал скальпель к моей щеке и приготовился нанести очередной порез. — Кто ты?

Долго ждать ответа он не стал. Мой рот наполнился кровью, и она потекла по пищеводу вниз. Мне хотелось ее сплюнуть, но для этого нужно было разжать зубы, а идти на такой риск я точно не собиралась.

— Интересно, что произойдет, — проворковал он, отрывая мою руку от стула, — если отрезать палец.

И начал делать именно то, о чем только что сказал. Острый металл легко разрезал плоть, и я чуть не сошла с ума от боли, когда скальпель с нажимом уперся в кость. Но в этот самый миг мы оба услышали, как кто-то бежит по лестнице в коридоре.

— Наконец-то, — сказал монстр, улыбнулся и повернулся ко мне. — Это ведь наш сбежавший преступничек?

Спустя пол-удара сердца распахнулась дверь, и в проеме появился силуэт рослого мужчины.

Рейес. Нет!

Я ничего не успела сказать, ничего не успела подумать, как вдруг раздался выстрел. Уокер его ждал, знал, что он придет. Я закрыла глаза и остановила вращение Земли.

Когда я снова их открыла, пуля зависла на полпути между Уокером и Рейесом, медленно пробиваясь вперед. Из всех оставшихся сил я старалась удержать время, но оно ускользало от меня, как песок сквозь пальцы.

Мне оставалось только наблюдать, как пуля движется к своей цели, которая даже не подозревает о существовании этой угрозы. И внезапно ослепительной вспышкой на ум пришли слова.

— Рейазиэль, — произнесла я, с трудом расцепив зубы, — *te libero*.

В то же мгновение рядом материализовался Рейес, а время, словно с удвоенной силой, сокрушило мои барьеры. Почти одновременно я услышала еще один выстрел и сразу за ним свист меча Рейеса.

Плотный и клубящийся, как волны океана, плащ поглотил полкомнаты, когда лезвие меча прошло поперек Уокера так же изящно, как опытный гольфист выигрывает турнир.

Уокер застыл, в неверии выкатив глаза и глядя вниз, пытаясь понять, что не так. Потому

что Рейес режет изнутри. Никаких внешних повреждений. Ничего омерзительного, вроде зияющих ран и фонтанов крови. И Уокера до чертиков испугало, что он тонет в океане боли и не может пошевелиться. Жаль, что он не видел подавляющего присутствия Рейеса в этом живом плаще. Вот почему он понятия не имел, что подняло его в воздух и швырнуло через комнату. Стены трянуло, когда Уокера расплющило от удара, и я вдруг поняла, что больше не вижу физического воплощения Рейеса. Оставалось лишь надеяться, что пули были не так точны, как его меч. Чтобы расправиться с ним, пары пуль маловато будет.

Рейес повернулся ко мне и опустил капюшон, открыв самое прекрасное лицо на свете. Потом присел передо мной и взял мою ладонь обеими руками.

— Датч, мне очень жаль.

— Жаль? — попыталась переспросить я, но во рту и в горле оказалось слишком много крови, чтобы суметь произнести хоть слово.

Тогда забвение поглотило меня, и я наконец уснула.

Неотъемлемая часть работы лучшего друга состоит в том, чтобы в случае твоей смерти как можно скорее удалить историю с твоего компьютера.

Надпись на футболке

— Ты права. Как думаешь, нам позвать доктора?

Я пыталась сосредоточиться на голосе. Он был мужским и сильно напоминал голос дяди Боба. Но никак не получалось определить, откуда я его слышу. Затем раздался второй, и я попробовала сосредоточиться на нем.

— Да, конечно. Надо кого-нибудь позвать.

Слева от меня была Куки. Она держала меня за руку, и это было ужасно глупо — мы редко держимся за руки на людях. Мне хотелось прокомментировать это хотя бы взглядом, но веки будто склеили суперклеем. Проклятье. Я попробовала озвучить хоть что-нибудь из миллиона мыслей, но рот, похоже, постигла та же участь. Сразу после того, как туда напихали ваты.

Я нахмурилась и испустила совсем невнятный стон.

— Солнышко, это Куки. Ты в больнице.

— М-мм, — промычала я абсолютно серьезно.

Это просто нелепо. Я никогда в жизни не лежала в больнице, не плевала в потолок палаты с чудесным видом из окна или без него, но, насколько мне удавалось ощущать окружающее, подо мной, кажется, была кровать.

— Она очнулась? — услышала я голос моей сестры под аккомпанемент суетливого шума от вошедших в палату людей. — Чарли? — позвала она, и я еще сто раз попыталась открыть глаза или хоть что-нибудь сказать. Черт бы побрал изобретателя суперклея. — Что скажете? — снова спросила Джемма.

Меня так и подмывало высказать ей, что я думаю по поводу всей этой треклятой ситуации, но меня опередила медсестра:

— Швы выглядят хорошо. Операция прошла успешно. После курса физиотерапии она сможет пользоваться рукой не хуже, чем раньше.

Рукой? Что, черт бы их всех побрал, у меня с рукой?

Кто-то вышел, а вслед за ним и Джемма, сыпля вопросами.

— Привет, милая, — послышался голос дяди Боба, который я уже сегодня слышала. — Ты меня слышишь?

— М-мм.

Раздался смешок:

— Приму за положительный ответ.

Я подняла свободную руку и попыталась нащупать лицо. Его не было!

Куки направила мою руку левее и сказала:

— Вот тут.

Ох, слава богу. На мне было около килограмма бинта, и я слегка почувствовала себя идиоткой. Разве подобные штуковины не вышли из употребления еще в восьмидесятых? К тому же половина лица была заклеена. Наверняка не очень привлекательно.

Что, черт возьми, произошло? И тут я вспомнила.

— Боже мой! — пробормотала я и попыталась сесть.

— Нет, даже не думай, — произнес тот же голос, и я начала всерьез подозревать, что это и есть на самом деле дядя Боб.

— Уокер, — глухо просипела я.

— Ты расслышала? — спросил Дибби. Наверное, у Куки. — Я тоже нет. — Затем наклонился ближе ко мне и спросил очень-очень громко, акцентируя каждый слог: — Ты хочешь попить?

Я подняла руку и на ощупь поискала его лицо.

— Я тут, рядом, — едва не проорал он.

Отыскав его физиономию, я накрыла ему рот рукой и прошипела:

— Ш-шш.

Куки хихикнула.

— Извини, — сказал Дибби, беря меня за руку.

— Я ничего не вижу.

— Сейчас, у меня тут теплая вода. — Куки промокнула теплой влажной тряпкой мне веки и вытерла лицо. По крайней мере там, где не было повязки.

И мне наконец удалось открыть глаза.

Я поморгала и попыталась сфокусировать зрение. Справа был дядя Боб. Я подняла руку и снова потрогала его лицо. Темные усы кололись. Куки стояла слева и держала меня за руку, но я не смогла сжать ее ладонь.

— Рейес, — выдохнула я и посмотрела на дядю Боба.

— С ним все в порядке, милая, не переживай.

Раз так, то я и не стала. Несколько часов подряд я то засыпала, то просыпалась снова. Каждый раз, открывая глаза, я видела разных людей, сменяющих друг друга. Когда в конце концов я проснулась, не чувствуя себя так, будто на меня упал дом (ну ладно, я все еще чувствовала себя так, будто на меня упал дом, но на этот раз сумела продержаться дольше десяти секунд), в палате царил мрак, нарушаемый лишь мягким свечением мониторов рядом с кроватью. И никаких посетителей не было. Кроме Рейеса.

Я узнала его жар и силу. А открыв глаза, сразу его заметила. Он легко сидел на корточках на спинке стула в углу. Волны плаща скользили по полу, словно черный туман, наползали на стены, окружали приборы. Лицо скрывал капюшон, пока Рейес наблюдал за мной твердым пристальным взглядом.

— Ты как? — спросила я, борясь с никуда не девшейся ватой во рту.

Он спрыгнул на пол. Плащ словно поглощал сам себя, пока не успокоился ровными волнами у его ног. Рейес повернулся к окну и посмотрел на огни города. А может, на мусорные баки в переулке. Кто знает, что там было?

— Это моя вина.

Я сдвинула брови:

— Ничего подобного.

Он глянул на меня через плечо:

— Тебе нужно как можно скорее выяснить, на что ты способна. — Проницательный

взгляд изучал меня с головы до ног.

Мне вдруг стало неловко. У меня на лице огромная дыра, а рука остро нуждается в какой-то там терапии. Судя по всему, Уокер разрезал сухожилия в руке и частично повредил их в ноге. Кстати об Уокере...

— Где он? — спросила я.

— Уокер?

Я кивнула.

— В этой же больнице.

Я чуть не подскочила от тревоги. Никогда в жизни я никого так не боялась — разве что самого Рейеса. Но от одного упоминания имени Уокера я готова была выскочить из кожи. Меня поедало чувство, будто он забрал у меня что-то очень ценное. Невинность. А может, заносчивость. Не важно.

— Больше он никому вреда не причинит.

Я не сомневалась: Рейес прав, но почему-то легче не становилось. Он подошел ко мне и провел пальцами по руке, которая, как я чувствовала, уже начинала исцеляться. Теперь я могла слегка пошевелить пальцами.

— Мне очень жаль.

— Рейес...

— Я и допустить не мог, что он зайдет так далеко, когда до тебя доберется.

Даже мысли застыли у меня в голове, и я осторожно отступила на шаг, образно выражаясь. Странно звучит, знаю.

— О чем ты говоришь?

— Я знал, что он что-нибудь предпримет, — ответил Рейес, с сожалением закрыв глаза. — Но чтобы такое? И я был связан...

— Что значит «когда до тебя доберется»? — Он посмотрел в пол, и, как битой по затылку, меня осенило. — Господи, иногда до меня так туго доходит, что сама себе поражаюсь.

— Датч, если бы я только знал...

— Ты меня подставил.

Опустив голову, он отошел от меня.

— Я была приманкой. Как же можно быть таким тормозом? — Я попыталась сесть, но боль пронзила руку. И ребра. И ногу. И, что странно, лицо. Еще слишком рано даже для меня.

— Я понятия не имел, где он и как его найти. Ты меня связала, помнишь? Зато я знал: если мы хорошенько потрясем кое-какие клетки, он обязательно откуда-то выползет. Я намеревался быть рядом, когда это случится. Повсюду ходил за тобой попятам, а потом потерял твой след.

— Рейес, он угрожал Куки и Эмбер. Он мог их убить.

— Датч...

— Дело не только во мне. И не в тебе, если это хоть что-нибудь для тебя значит.

— Если б я знал... если бы только подумал...

— В том-то и беда — ты не подумал.

Внутри него вскипел гнев.

— Ты меня связала.

— Я тебя связала две недели назад, — огрызнулась я, чувствуя, как дергает щеку с

каждым движением губ. — Почему ты раньше не пытался его найти?

— Я не знал. — Он расстроенно запустил пальцы в волосы. — Как и все остальные, я считал, что он мертв.

— И как же ты выяснил, что это не так?

Мне показалось, он смутился.

— Тот факт, что я отсидел за решеткой десять лет своей человеческой жизни за то, чего не совершал, был прекрасным источником веселья для демонов, когда они меня пытали. Я и не догадывался, что он жив, пока они мне об этом не сказали. А потом ты меня связала, и отправиться на его поиски я уже не мог.

— И поэтому ты меня подставил?

— Я подставил нас, Датч. Я должен был быть рядом с тобой на каждом шагу, но твой бойфренд висел у тебя на хвосте, куда бы ты ни пошла. Покажись я в открытую с тобой на людях, меня бы сразу арестовали.

От меня не ускользнула ироничность ситуации. Сначала папа, теперь Рейес. Когда уже жизнь меня хоть чему-нибудь научит? Что мне нужно сделать, чтобы научиться видеть истинную природу людей? Мне — той, кто видит человеческие души насквозь? Кто чувствует их самые глубокие страхи и видит, какого цвета у них честь?

— У меня только один вопрос.

— Задавай.

— Почему ты просто не рассказал обо всем мне? Честное слово, ты такой же гад, как мой отец. Что не так с мужиками и их способностью быть открытыми и говорить чертову правду?

Перед тем, как Рейес ответил, его рот превратился в жесткую линию.

— Я тебе не доверял.

— Что?!

— Ты меня связала, Датч. Откровенно говоря, имей ты хоть малейшее подозрение о том, на что действительно способна, то могла бы сделать намного больше. Что тебе, кстати, надо выяснить как можно скорее. — Меня пронзил холодный взгляд. — Потому что этой войне конца и края не видно.

— Какой еще войне? — обалдела я. — Твоей войне? Той, которую развязали твои старые приятели из преисподней? — Я покачала головой так сильно, как только осмелилась. — Я не желаю иметь с этим ничего общего. С меня хватит. Тебя и вообще всего.

— Датч, им нужна только ты. Им нужен портал, а ты и есть портал. Они уже нашли способ выследить тебя. Слышишь? Они знают, как тебя найти. — Рейес навис надо мной. Его брови сдвинулись от гнева или боли. А может, от того и другого сразу. — Ты должна выяснить, на что способна, и должна сделать это сейчас. Хватит распыхляться на всех этих людей. Тебе нужно сосредоточиться на своей настоящей работе.

— Все эти люди и есть моя настоящая работа.

— Ненадолго, — возразил он, посмотрел на дверь и через полсекунды испарился.

Да уж, мужик есть мужик. Как только на горизонте замаячит ссора, надо сразу пускаться наутек.

Я тоже глянула на дверь и увидела на пороге полицейского. Настроения давать показания не было, поэтому я закрыла глаза и притворилась, будто сплю.

— Ты не спишь, — сказал офицер.

— Еще как сплю.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Льющийся из коридора свет будто еще больше затенял черты лица, так что узнать его было невозможно. Он вошел в палату, и свечение приборов услужливо показало мне лицо Оуэна Вона, моего заклятого врага. Скорее всего он здесь, потому что отпинать ногами лежащую девушку — это на редкость весело.

Он поднял мою историю болезни.

— Что ж ты никак копыта не откинешь? — Только глухой не услышал бы в его голосе удивления. — Тебя калечат и бьют, бьют и калечат, а ты все выкарабкиваешься и выкарабкиваешься.

— Пришел меня добить?

Вон ошеломленно уставился на меня, затем на его лице отразилась решительность.

— Кажется, я понимаю, почему ты так подумала.

После всего, что со мной случилось за этот день, меньше всего на свете мне хотелось любезничать с чуваком, который в старших классах пытался меня убить или как минимум ужасно покалечить. Этот пункт в списке «Чего бы мне хотелось» стоял сразу после вбивания зубочисток мне под ногти и перед предательством близкого человека. Очередного предательства. Само собой, список не коротенький.

Несколько секунд я изучала его взглядом и чувствовала, как меня сжигает любопытство, плевать хотевшее на номер Вона в моем списке.

— Что такого я тебе сделала в старших классах? — спросила я, еле-еле двигая губами.

Он покачал головой:

— Ничего. Это было сто лет назад. Теперь уже не важно.

И тут дамбу прорвало. Из меня полились эмоции всех мастей и размеров.

— Скажи мне, — едва не умоляла я. — Скажи мне, что я сделала не так, чтобы я никогда в жизни больше так не поступала. Чтобы я поняла, что я делаю не так снова, снова и снова.

— Чарли...

— Оуэн, — я накрыла лицо рукой, которую могла поднять, и сильно прикусила губу, чтобы не разреветься, — просто скажи мне, пожалуйста.

Он вздохнул и медленно выдохнул.

— Ты стащила мои штаны.

Совсем чуть-чуть я опустила руку и посмотрела на него.

— Чего?

— Примерно за месяц до того, как я пытался раскатать тебя по асфальту, чтобы ты померла долгой и мучительной смертью, я пролил на штаны апельсиновый сок. Пошел в туалет, снял их, чтобы сполоснуть, но кто-то из ребят решил подшутить надо мной, забрал их, убежал и швырнул в женский туалет. А ты их взяла.

— Я даже... Погоди, все верно. Дверь открыл Ларри Виджил и бросил штаны. Ну и я... — я посмотрела на Вона извиняющимся взглядом, — взяла их. Я думала, они из раздевалки. А на следующий день, — добавила я, с трудом произнося слова вслух, — пришла в них в школу. Просто забавы ради. Оуэн, я понятия не имела, что они твои. Я думала, их достали из чьего-то шкафчика, а у хозяина есть шорты или еще что надеть вместо них.

— Их взяли не из шкафчика, и мне не во что было переодеться. А когда ты в них заявила, я подумал, ты в курсе, что они мои. — Смутившись, он опустил глаза. — В тот день ты проходила мимо, посмотрела прямо на меня и громко рассмеялась.

Я провела рукой по волосам и дернулась, когда пальцы прошли по швам под бинтом.

— Оуэн, я не над тобой тогда смеялась. Я, ну не знаю, просто смеялась. Может быть, над чем-то, что сказала Джессика. — Джессика была моей лучшей подругой, пока я не допустила ошибку, рассказав о себе слишком много.

— Что ж, теперь я это знаю. — Он подошел к окну, которое, как выяснилось, выходило на кампус одного из колледжей.

— Есть в этой истории что-то еще, верно?

Вон кивнул и отвернулся.

— Я не мог оттуда выйти. Был конец дня, и все разошлись по домам, а я без штанов торчал в туалете. В общем, я дождался, когда разъедутся все автобусы, завязал на поясе куртку и пошел домой.

Я съежилась. Наверное, ему было ужасно стыдно.

— Господи, — прошептала я, вспомнив. — Ты же был совсем еще ребенком! Тебя избили братки из Южной Девятки.

Выдержав долгую паузу, Оуэн кивнул:

— Они поймали меня в переулке и надрали задницу за то, что я был без штанов.

— Но на следующий день ты пришел в школу.

Он пожал плечами:

— Я никому ничего не сказал. Маме соврал, что разбил велосипед. Вряд ли в Девятке кто-нибудь стал бы распускать язык, а значит, никто никогда ни о чем бы не узнал. А когда я увидел тебя в школе в моих штанах и все вокруг смеялись...

Я закрыла глаза рукой.

— Вот что значит насыпать соль на рану.

— Я никак не мог тебя простить. Чуваки из Девятки с тех пор не оставляли меня в покое. Каждый день меня доставали.

— Оуэн, мне очень, очень жаль. Видимо, поэтому ты так странно себя вел. Нил Госсет говорил, что ты вроде как отдалился от них.

— Ежедневные унижения накладывают отпечаток. Но это не меняет того факта, что ты стерва.

— Твоя правда.

Он повернулся ко мне:

— И ты снова и снова вляпываешься в дерьмо, потом выкарабкиваешься и вляпываешься в еще более вонючее. Парни у меня в участке не могут понять, молодец ты или непроходимая тупица.

Я глянула на него, раздвинув пальцы.

— Между этими понятиями очень тонкая грань.

Вон посмотрел себе под ноги.

— Я хотел, чтобы ты умерла.

— Ага, до меня дошло, когда ты гнался за мной на отцовском джипе.

— Я хотел протащить твой труп по улицам. И чтобы конечности отрывались и оставались валяться на дороге.

— Понятно, но теперь ты перевернул страницу, верно?

— Не совсем. Просто сейчас тебя неслабо пожевали, и как-то не с руки осложнять тебе жизнь в такой момент. Мы к этому вернемся, когда тебе полегчает.

— Похоже на план.

На следующий день я проснулась после полудня. Сквозь окно сочился мягкий солнечный свет. Со мной сидели дядя Боб и Куки. Глаза у нее покраснели, чего я не заметила днем раньше.

— Ты высыпaeшьcя? — спросила я у нее.

— Кто бы говорил, — печально усмехнулась она. — Тут уже все побывали. По новостям только и трубят о человеке, отсидевшем в тюрьме за убийство, которого не совершал. Думаю, Рейес станет знаменитостью.

— То есть ему не придется возвращаться в тюрьму?

— Я говорил с твоим другом, Нилом Госсетом, — подал голос дядя Боб. — Его будут держать под минимальной охраной, пока не закончат с бумажной кутерьмой.

— Но почему его просто не отпустят? — встревожилась я. — Человек, за убийство которого его посадили, даже не мертв.

— Сначала нужно доказать, что это действительно Эрл Уокер. Потом заполнить соответствующие документы. И только после этого судья пересмотрит дело. В жизни не так, как в фильмах, милая.

— Так как он? — спросила я.

— С Фэрроу все в полном порядке, — ответил Диби. — Он вызвал полицию еще до того, как добрался до твоего дома. Появился, кстати, одновременно с нами и сдался без лишних проблем. — Главный вопрос дядя Боб припас напоследок: — Это и правда был тот мужик, которого он якобы убил?

Я знала, что ему нелегко будет это принять. Засадить человека за убийство, которого тот не совершал, — такое пошатнет моральный кодекс любого хорошего копа.

— Ты никак не мог этого знать, дядя Боб. Минуточку, — нахмурилась я. — Что значит сдался? Разве у него был выбор?

— Вообще-то, офицеры, прибывшие туда первыми, были немного заняты. И понятия не имели, кто он такой. Он сам себя назвал и сказал им, что куча сломанных конечностей — это Эрл Уокер.

— Сказал им? С пулевыми ранениями?

Диби с Куки обменялись взглядами.

— В него никто не стрелял, солнышко, — сказала Куки.

— Черт возьми, а он быстрее, чем я думала. Я могла поклясться, что его подстрелили. То есть я видела, как Уокер нажал на спусковой крючок. Видела пули, которые летели прямо ему в сердце.

И снова эти переглядывания. Куки взяла меня за руку.

— Солнце, это был не Рейес. — Она прикусила губу. — Это был Гаррет Своупс.

Ничего не понимая, я моргнула, закрыла глаза и проиграла в памяти то, что видела. В дверь ворвался высокий мужчина, а Рейес как раз бежал ко мне. Картинка сложилась.

— Гаррет? — наконец прошептала я. — Дверь выбил Гаррет?

— Да, — подтвердил дядя Боб.

— Гаррета Своупса подстрелили? — Просто в голове не укладывалось. — Нет, это был Рейес. Он ворвался в дверь и... раздался выстрел.

— Солнце, тебе нужно отдохнуть.

— Вы ошибаетесь. — Шок и отрицание спорили, кто займет место впереди в моем кабриолете, мчащемся в страну грез. Они ошибаются. Гаррета подстрелили? Из-за меня? Я изо всех сил попыталась слезть с койки. — Он здесь? Я должна его увидеть.

Дядя Боб уложил меня обратно на гору подушек.

— Чарли...

— Поверить не могу, что его опять из-за меня подстрелили. Мне нужно его увидеть. Он наверняка рвет и мечет.

— Не получится, милая. — Голова дяди Боба поникла, и ко мне раскаленными добела волнами поплыли печаль и горе.

Я повернулась к Куки, заглянула в ее покрасневшие глаза, и ужас, который полз у меня по позвоночнику, стал таким тяжелым и холодным, словно меня прямо в этой кровати ломала с хрустом огромная глыба льда. Я заставила себя перевести взгляд на дядю Боба. И стала ждать.

Я видела, с каким трудом он ищет подходящие слова. Потом посмотрел на меня и прошептал:

— Он не выжил, милая.

И все вокруг потеряло очертания.

Иногда свет в конце туннеля — это огни приближающегося поезда.

Надпись на футболке

Острая боль эхом отражалась от пустых стенок моего сердца, пока я медленно осознавала, что по моей вине убили человека. Не просто человека — друга. В жизни каждой женщины наступает момент переоценки ценностей. Неужели мне действительно хочется, чтобы всех моих друзей по очереди убили?

За этой мыслью пришла следующая: о том, что все мужчины в моей жизни считали меня неспособной ходить и одновременно жевать жвачку. Согласна, мой послужной список особого доверия не внушает, но все же я раскрываю дела одно за другим и, даже вляпываясь во всякие передраги, весьма неплохо справляюсь.

На короткое мгновение меня охватила гордость за саму себя, пока я в который раз не вспомнила, что из-за меня убили человека. Нет, не просто человека, а Гаррета Своупса. Моего Гаррета Своупса. Сыщика, в одном мизинце которого таланта было больше, чем у меня с головы до ног. Снова и снова я проигрывала в уме ту сцену: в него летят пули, и все происходит слишком быстро, чтобы он успел отреагировать. Тогда я думала, что это Рейес, думала, что он сможет себя защитить несмотря ни на что. Знай я, что это был Гаррет, сделала бы я больше? Старалась бы усерднее? Сумела бы?

Если бы только Рейес мне доверился... Это была еще одна мысль, заикленной мелодией звучащая в мозгу. Если бы только он мне доверился... Если бы только рассказал мне о своем гребаном плане... Откровенно говоря, теперь пусть Рейес Фэрроу поцелует меня в зад.

Когда я принялась вытаскивать иглы и трубки из всех доступных мест моего тела, со стула из угла вскочил дядя Боб.

— Ты что удумала? — спросил он, пытаясь меня остановить. И преуспел без малейших усилий.

— Мне нужно домой.

— Тебе нужно отлежаться.

— Дядя Боб, ты же знаешь, как быстро я исцеляюсь. А дома будет еще быстрее. Мне нужно отсюда выбраться. Я здесь уже недели две торчу.

— Милая, ты здесь всего два дня.

— Серьезно? — опешила я. — А как будто целую вечность и еще немножко.

— Чарли, давай сначала поговорим с врачом. У него очередной обход где-то через час.

Тяжело вздохнув, я легла на подушку. Рот приоткрылся в безмолвном крике боли, которая пронзала каждую молекулу во мне. Я крепко стиснула зубы, потому что кричать молча тоже больно. Черт возьми, меня бесят пытки. Бесит недоверие Рейеса. Но больше всего меня бесит, что из-за меня убивают моих друзей.

— Дядя Боб, я его убила. — Я закрыла лицо рукой, чтобы дядя Боб не видел, какая я жалкая.

— Чарли, — отозвался он, и его голос звучал незаслуженно мягко, — в этом нет твоей вины.

— Еще как есть. Одна я и виновата. Может быть, папа был прав, и мне нужно было стать сантехником.

— Твой папа хотел, чтобы ты стала сантехником?

— Нет, — ответила я, успев вдохнуть между рыданиями, — он хотел, чтобы я бросила свое дело.

— Знаю. Но, вообще-то, он сам тебя в это втянул, так что мне сложно с ним согласиться. — В голос Дибби просочились жесткие нотки, и я заморгала сквозь слезы, чтобы он не расплывался у меня перед глазами.

— Я не хочу, чтобы ты на него злился.

Он улыбнулся:

— Я и не злюсь, милая. Однако он встраивает тебя во все это, ты помогаешь ему раскрывать дело за делом, а когда приходит пора повесить значок на стену, он вдруг решает, что для тебя это слишком опасно? И вот я думаю, не потому ли он ушел на пенсию.

Я икнула от слез.

— Ты о чем?

— Он ушел на пенсию раньше, чем все ожидали. Думаю, он пожалел, что так тебя использовал. Но в чем бы ни было дело, я с ним поговорю. Не волнуйся об этом.

Чуть позже пришел доктор и спорил с нами добрых полчаса, но мы с дядей Бобом победили. Меня отпустили на свой страх и риск.

— Куда это ты собралась?

Я глянула на вошедшего папу. Дядя Боб помогал мне обуть шлепанцы, а Куки вытаскивала из шкафа халат.

— Привет, пап. Мне уже разрешили подниматься и ходить. Спалили, наверно. Явно понятия не имеют, как я опасна для общества. — Уже посреди этого словесного излияния я заметила, что папа выглядит расстроенным. — Что случилось? — спросила я, глядя, как он хмурится на меня и Дибби.

Дядя Боб выпрямился:

— Лиланд, она хочет домой.

— Ты постоянно ее поощряешь, и что в итоге? Один человек погиб, а она в больнице, после того как ее чуть не запытали до смерти. Опять.

— Сейчас не время это обсуждать.

— Как раз сейчас самое время. Она никого не слушает, даже собственного врача. — От гнева папина аура потрескивала. — Вот, — сказал он, жестом показывая на оборудование вокруг койки, а я сидела на краю, борясь с пульсирующей в ноге и руке болью, — вот о чем я говорю.

Спорить с ним не было сил. Боль высасывала из меня энергию быстрее, чем организм ее накапливал. Пришла Джемма с огромными от беспокойства глазами. Стало ясно: одним папиным гневом мы точно не обойдемся.

— Я пыталась его отговорить, Чарли.

— А зачем? — Он повернулся к ней, сердито стиснув челюсти. Никогда я таким папу не видела. Он всегда был само спокойствие. — Чтобы каждую неделю она попадала в больницу? Этого ты хочешь для нее?

— Пап, я хочу, чтобы она была счастлива. Она любит свою работу. И отлично с ней

справляется. Мы не вправе лезть в ее жизнь.

Папа отвернулся от Джеммы, как будто испытывал отвращение. Только я задалась вопросом, куда делась Дениз, моя мачеха родом из ада, как увидела ее в коридоре. У нее на лице так и читалась озабоченность. Она подняла глаза, когда мимо прошагали два офицера и вошли в палату. Только подумайте! Одним из них, конечно же, оказался Оуэн Вон, и я сразу вспомнила, что беда не приходит одна.

— Шарлотта Дэвидсон? — спросил у меня офицер, которого я не знала, и который никогда не пытался меня убить.

— Папа, — настаивала Джемма, — подумай, что ты делаешь.

— Это она, — сказал Вон как будто нехотя.

— Ты что творишь, Лиланд? — вмешался дядя Боб, и голос его был грубым от подозрительности.

— То, что должен был сделать давным-давно.

— Мисс Дэвидсон, — начал офицер, — вы арестованы за пособничество сбежавшему заключенному и препятствие правосудию в деле его поимки и взятия под стражу.

У меня отвисла челюсть до самого пола. Я переводила взгляд с папы на копов и обратно.

— Папа, прошу тебя, — не унималась Джемма.

— Учитывая состояние вашего здоровья, мы просим вас явиться в участок в течение следующей недели для совершения официального ареста. Ваша лицензия частного детектива временно отозвана вместе с правами и полномочиями, которые она дает, пока следствие не выяснит степень вашей причастности к побегу Рейеса Фэрроу и его дальнейшему укрывательству от закона.

Он договорил, и во мне не осталось воздуха. Я сидела в ошеломленной, опустошенной тишине. Это сделал мой отец. Единственный человек, на которого я могла положиться, пока не повзрослела. Моя скала.

Под перезвон капель воды из проржавевшего крана я впала в некое подобие транса, отчего все вокруг казалось нереальным. Я слышала, как яростно ругаются папа и дядя Боб, как туда-сюда снуют медсестры, слышала тихие успокаивающие голоса Джеммы и Куки, которые пытались со мной поговорить. Но мой мир тонул в красной мути. Папа. Рейес. Нейтан Йост. Эрл Уокер. Вполне достаточно, чтобы разозлить девушку.

Должно быть, вспышка раздражения, миг достигшая апогея, каким-то образом вызвала Рейеса. Закутанный в развевающийся плащ, он стоял и переводил взгляд с ругающихся на меня и обратно. Кого-кого, а его мне видеть совсем не хотелось. Мне хотелось его наказать. Потому что я уже насмотрелась на предательства, обманы и убийства.

— Рейазиэль, — прошептала я себе под нос, намереваясь отослать его к чертям собачьим в его же тело, но в ту же секунду он оказался передо мной.

— Не смей, — раздалось его низкое рычание.

Я зло посмотрела на него:

— А ты не смей мной командовать.

Он опустил капюшон, и поразительно красивое лицо оказалось в каких-то сантиметрах от меня.

— Значит, придумала мне наказание? Будешь освобождать меня, когда я тебе нужен, и снова связывать, когда нет? — Он наклонился так близко, что я чувствовала запах молний и грозы, бушующей в нем, сырой аромат земли, с которой от солнечного тепла испаряется

роса. — Раз так, то иди ты на хрен.

Меня всю трясло. Искры ярости вспыхнули диким пламенем, затопившим меня изнутри и рождавшим такую энергию, что она полилась через край. Короче говоря, я пришла в бешенство.

— Что это? — спросил кто-то рядом.

Я посмотрела на людей и сама почувствовала, как во взгляде у меня сквозит любопытство. Все вокруг похваталось за мебель, за дверные ручки, друг за друга... лишь бы не упасть. Дядя Боб бросился ко мне, но споткнулся по пути. Он знал. Каким-то образом он... догадался.

Оказавшись рядом, он взял меня за подбородок:

— Чарли...

Над головой мигали лампы. Каскадом сыпались искры. Из коридора слышались крики.

— Чарли, милая, остановись.

В поле зрения появилась Куки. С огромными от страха глазами она схватилась за тележку с оборудованием.

— Чарли, — снова сказал дядя Боб. Его голос был таким мягким, таким успокаивающим, что в мгновение ока вернул меня к реальности. Он был прямо передо мной, а я снова ощущала собственные плоть и кости.

С трудом я заставила себя успокоиться и стала делать глубокие вдохи и медленные выдохи, стараясь контролировать рвущиеся из меня потоки энергии.

По коридору носилось эхо криков и воплей. Люди пытались прийти в себя. Мониторы и приборы попадали на пол. С потолка на проводах свисали лампы и светильники.

На меня смотрел папа. Он тоже все понял.

Снова появился Рейес. Прекрасные и предательские черты светились гневом и удовлетворением.

— Наконец-то, — сказал он и тут же исчез.

А потом наступила тишина. Дядя Боб вывел меня из больницы. Помог подняться по лестнице в квартиру. Уложил на диван, который Куки превратила в королевскую кровать с кучей простыней и подушек, не забыв притащить и мое одеяло с кроликами Багз Банни. На столике, который она придвинула, чтобы я могла легко дотянуться, стояла минеральная вода. Я вернулась к себе домой. Заштопанная, с рукой на перевязи и забинтованной ногой.

— Говорят, это было землетрясение, — с явным облегчением вздохнула Куки. Как будто кто-то бы заподозрил, что такая сила могла исходить от человека. Тем более от того, кто не в состоянии ходить и одновременно жевать жвачку. Не стоило ей волноваться. — А еще из тюрьмы звонил Нил Госсет. У него есть информация о статусе Рейеса, и он хотел узнать, как ты. — Странно, наверное, но мне было абсолютно наплевать. — Я сказала ему то же, что и всем остальным. Но если захочешь ему потом перезвонить, то телефон вот здесь. — Она положила телефон на столик рядом с минералкой.

— Я обо всем позабочусь, милая, — заверил меня дядя Боб, так же, как и Куки, не зная, что еще можно сделать. — Не переживай о том, что натворил твой отец. Я все улажу.

Он ушел взволнованный и сердитый. Мне хотелось предупредить его, что в таком состоянии опасно садиться за руль, но меня окутывало такое плотное оцепенение, что даже мысль сострить появилась и сразу исчезла.

В общем, так я и сидела в немом шоке, предаваясь жалости к себе, пока наконец не задремала. Куки все время оставалась со мной. Теперь, по крайней мере, я могла спать. А

больше ничего мне и не хотелось.

В дверь кто-то стучал. Пригласить визитера войти мне не хватало сил. Все они ушли на то, чтобы добраться до барной стойки и влезть на нее с помощью здоровой ноги. Подняв второе колено, я уселась на жесткой керамической поверхности и прислонилась спиной к стене. Холод вгрызался в кожу, прокладывая путь прямиком к кишкам. Я не заслуживала с комфортом валяться на диване и днями напролет смотреть сериалы. Не заслуживала, даже если бы прошел не один десяток лет.

На противоположном конце стойки по-турецки сидела Среда. Нож лежал у нее на коленях. Интересно, для того ли он, чтобы защищать ее от предательств мужчин, которые когда-то были в ее жизни? Вряд ли.

Лекарства справлялись, отчасти приглушая пульсирующую в ноге и руке боль. Очевидно, голова у меня под таблетками не работала, когда я решила пуститься в рискованное путешествие до барной стойки и покорить ее, как новичок — Эверест. Потому что теперь я понятия не имела, как спуститься.

Я ощущала присутствие Рейеса. Он не появлялся, оставаясь в тени, но присматривался, наблюдал, выжидал. Я уже собиралась сказать ему, чтобы проваливал, но тут открылась дверь, и в квартиру, как к себе домой, вошел знакомый байкер. Донован. Следом за ним — мафиози и принц. Смутившись, я отвела взгляд. Вряд ли швы на лице хоть кого-то украшают. Хорошо, что их прикрывал здоровенный кусок бинта. Может, Донован и не заметит. Я же не переживу, если он меня разлюбит, только-только влюбившись.

Глянув на меня, он с шипением втянул носом воздух.

Я прикрыла лицо одной рукой. Вторую до сих пор не могла поднять без крика.

— Какого хрена с тобой произошло? — спросил Донован и отодвинул табурет, чтобы подойти ближе. — Это Блейк?

— Кто? — Я выглянула из-за растопыренных пальцев.

Принц изучал глазами перебинтованную ногу. Куки помогла мне переодеться в шорты и вернула на место манжету с фиксатором, чтобы я не сгибала ногу в колене. Похоже, первым делом должны были срастись сухожилия. Сквозь ремни фиксатора отчетливо виднелся бинт, скрывающий ножевую рану. Донован положил туда руку и взглянул на меня с беспокойством.

У противоположной стены стоял мафиози, засунув руки в карманы. По его лицу было очевидно, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Блейк. Ты спасла ему жизнь, когда приезжала к нам.

— А-а, нет. — Я снова соединила пальцы. — Это мои личные достижения.

— Совсем себя не жалеешь, да?

— Как там Артемида? — спросила я и в ту же секунду узнала ответ. Воздух пропитался той же печалью и болью, как в тот момент, когда Куки рассказала мне про Гаррета.

— Умерла.

Я поджала губы. Мне уже по горло хватило смертей.

— Мне очень жаль, — глубоко вздохнув, сказала я.

- Мне тоже, родная.
- Ты нашел его?
- Кого? Блейка? Он внезапно поумнел и сдался полиции.
- Я бы тоже так поступила, если бы ты меня искал.
- Очень сомневаюсь.

Я почувствовала, как его пальцы проšliсь по моей руке и остановились на запястье. С невероятной осторожностью он убрал мою руку от лица. Я сидела на стойке, а оказалось, что он всего на чуточку ниже меня. Я посмотрела на него. Для неряшливого байкера он был очень даже ничего. Само собой, неряшливые байкеры — целиком и полностью мой типаж.

— Зачем ты пришел? — поинтересовалась я.

Донован переплел наши пальцы, а второй рукой выудил что-то из кармана.

— Я принес тебе ключ.

Когда он положил его мне на ладонь, я удивленно моргнула:

— Ключ от чего?

Ответил принц, и в его голосе безошибочно звучало разочарование:

— От лечебницы.

— В любой момент, когда тебе нужно будет повидаться с Рокетом, — Донован сердито глянул на свой эскорт, — ты сможешь пройти через ворота и главный вход. Больше не придется лазать по заборам и протискиваться в окна.

— Вечно тебе надо все испортить, — досадливо поморщился принц.

Ясно: ему не нравились мои визиты. А я-то думала, мы с ним друзья.

— Извините. Я бы не приходила, если бы информация Рокета не была так необходима.

— Ты не так поняла. Он не потому расстроен, — заметил Донован.

— Мы расстроены, — возмущенно поправил мафиози.

Донован ухмыльнулся:

— Они не хотят, чтобы у тебя был ключ, потому что нам доставляет большое удовольствие смотреть, как ты ползаешь на животе и пропихиваешься в крошечное окошко. — Он поднял руку в перчатке и указательным и большим пальцами показал размеры окна.

— Особенно люблю, — улыбнулся принц, — когда окно закрывается на полпути и твоя задница торчит наружу.

Мафиози дал ему «пять».

— Я в шоке, — сказала я в абсолютном шоке. — То есть вы, ребята, все это время знали? И наблюдали за мной?

— Скорее за твой задницей, — подмигнул мне принц. Обаяшка чертов.

— Так что случилось, родная?

Я снова взглянула на Донована. В его взгляде я прочла искренне сочувствие, и все случившееся разом навалилось с силой урагана. В горле застрял огромный ком, а в глазах помутнело от набежавших слез.

— Одного из моих лучших друзей убили.

Тяжелые слезы протолкнулись сквозь ресницы и побежали по щекам. Я все еще смотрела на Донована. Что бы там ни было, с байкером ты всегда знаешь свое место. И место это — в трех метрах от его мотоцикла. Никаких иллюзий по поводу того, что тебе отведут главную роль. Никаких обещаний, гарантий и нашептанной на ушко ерунды.

Дышать стало трудно, и он придвинулся, только руку протянуть.

Так я и сделала.

Зарывшись пальцами в его футболку, я подтащила его ближе. Наверное, стоило вспомнить, как фигово я выгляжу. Мне едва не срезали лицо, но сейчас хотелось только одного — почувствовать на языке его вкус. Я наклонилась и прижалась к нему губами. Донован подался вперед, отвечая на поцелуй, который получился нежным, терпеливым и немножко голодным.

Я запустила руку ему под куртку и потянула к себе. По его инициативе поцелуй стал глубже, совсем чуть-чуть, потому что Донован отчаянно не хотел причинить мне боль.

— Для меня спектакль, Датч? — прорычал Рейес так близко, что я ощутила, как его жар обволакивает меня плотным слоем, будто согретое одеяло.

Я мысленно послала его на хрен, и он испарился. Но за долю секунды до этого меня окатило его болью. Такой сильной, что я задохнулась.

Донован тут же прервал поцелуй.

Открыв глаза, я увидела руку принца у него на плече. Как будто принц уговаривал его остановиться. Донован кивнул, соглашаясь, и принц убрал руку.

— Родная, — начал Донован, и я разглядела признательность в его глазах, — я не знаю, как к тебе прикоснуться, чтобы не сделать больно. А это последнее, что тебе сейчас нужно. — Он погладил меня по здоровой щеке. — Но я бы соврал, сказав, что не испытываю искушения, несмотря ни на что.

— Прости. Я не должна была этого делать, — внезапно смутилась я. Девочка с ножом сидела, широко распахнув глаза. На киношку с таким рейтингом она явно не подписывалась. Надо срочно найти способ от нее избавиться.

Осторожно, с помощью двух своих телохранителей, Донован снял меня со стойки и поднял на руки.

— Имена у вас есть? — спросила я у мафиози и принца, пока они втроем тащили меня в кровать, как фарфоровую вазу. Что было совершенно бессмысленно, поскольку вся постель была на диване. Однако они умудрились постелить несколько одеял и перетащить все со столика на прикроватную тумбочку.

Первым отозвался принц, подмигнув:

— Я Эрик, а вон тот примат — Майкл.

— Примат? — переспросил Майкл. — И это все, на что ты способен?

Надо признать, Майкл так и лучился крутизной в духе Брандо, что — ставлю все свои швы — делало его неотразимым в глазах барышень.

Принц Эрик рассмеялся:

— Мне приходится иметь дело с недостатком образования.

— Посмотрим еще.

Меня укрыли и подоткнули одеяло, будто я какой-то ребенок. Когда Майкл с Эриком вышли из спальни, Донован присел рядом со мной.

— Меня зовут Донован.

Я улыбнулась, не обращая внимания на боль в щеке:

— Знаю.

— Ты мне нравишься.

Я положила руку на грудь, притворяясь уязвленной до глубины души.

— А мне говорили, что ты охрененно в меня влюблен.

— Ага. Так и рождаются слухи, — застенчиво пожал плечами он. — Никому не хочется

иметь в лидерах влюбленного дурака. Сразу пойдут волнения и хаос под стать надписям на байкерских футболках. — Он запечатлел поцелуй на тыльной стороне моей ладони. — Отдохни.

Едва за ним закрылась дверь, вернулась боль, вихрями завивая оставшуюся от предательства пустоту в душе. Пусть идет на все четыре стороны Рейес. Пусть идет на все четыре стороны папа. А дядя Боб... ну, он-то по-прежнему у меня в фаворитах. Я снова превращалась в лужу, пока не сомкнулись веки. Оказывается, в депрессии постоянно хочется спать. Кто бы знал?

Пардон за последствия.

Надпись на футболке

Девушка с повязкой на глазу настойчиво твердила, что я должна ей двенадцать долларов. Она, видите ли, собрала мои зубы с тротуара и сложила их в стаканчик для анализов. Внезапно в эту, мягко говоря, сбивающую с толку сцену вторгся еще один голос. Такой знакомый, такой близкий моему сердцу, что оно в ответ как будто раздулось.

— Собираешься весь день продрыхнуть?

Меня выдернуло из глубин сна на поверхность, и я в знак протеста поспешила прикрыть глаза рукой. Может быть, на этот раз сработает. Может быть, на этот раз реальность не сможет до меня добраться, и мне не придется встретиться с ней лицом к лицу. Потому что, честное слово, в последнее время реальность — просто помойка.

— Приму за положительный ответ.

Глубоко и протяжно вздохнув, я открыла глаза. То есть один глаз. Второй опять кто-то смазал суперклеем. Я решила потереть второй глаз и, забывшись, попробовала поднять левую руку. В ней кипятком разлилась боль. Видимо, болеутоляющие сильно переоценивают. Однако пальцы двигались уже лучше. У того, чтобы быть ангелом смерти, есть определенные преимущества.

Я наполнила легкие воздухом, крепко стиснула зубы и посмотрела в открытую дверь. На барной стойке, где чуть раньше сидела я, вальяжно развалился мужчина. На нем была та же футболка, что и несколько дней назад. Еще свободные джинсы и рабочие ботинки. Одна его нога была согнута, рука покоилась на колене. Он внимательно изучал меня серебристыми глазами и, казалось, был обеспокоен тем, что видел.

— Что, видок подкачал? — спросила я, так и не дождавшись от него больше ни слова.

— А ты не шутила, — сказал он. — Ты яркая, как маяк, мерцающий и теплый. Как пламя, заманивающее мотыльков.

Пока он говорил, у меня в груди давило все сильнее. Я отобрала у него все. Ему еще столько предстояло сделать, столько жизни прожить!

— Прости меня, Гаррет, — выдохнула я, чувствуя, как жжет от слез глаза.

Эта моя новообретенная тонкослезость уже становилась попросту нелепой, но я ничего не могла с собой поделать. Все равно что пытаться остановить льющий с небес дождь.

Я закрыла глаза рукой и попыталась справиться с эмоциями.

— Чарльз, каким боком ты тут виновата? Я делал свою работу.

— Твоей работой была я. — Я снова посмотрела на Гаррета. — Я это сделала. Я тебя убила.

— Чушь. А вот мне надо было увернуться.

Я с удивлением расслышала собственный короткий смешок. Тогда в комнате находились два человека, которые могли бы избежать пуль, всего лишь увернувшись. Гаррет не был одним из них.

— Тебе надо было вызвать подмогу. Мне всегда казалось, что в армии тебя должны были натаскать получше.

— Там не натаскивают иметь дело с такими, как ты. — Он отвернулся от меня. — Должен сказать, что теперь, когда я на самом деле вижу мистера Вонга, он кажется еще страшнее.

— Ты себе просто не представляешь, как я счастлива это слышать. Хреново, кстати, что тебе придется провести вечность небритым.

Гаррет улыбнулся:

— Вообще-то, не придется, а вот что действительно хреново — что тебе придется провести целую жизнь на этих тоненьких курьих ножках, — и жестом указал на мои ноги.

Я оскорбленно ахнула:

— Прошу прощения, но это — великолепные ноги. — Я попробовала приподнять здоровую, но от этого болела забинтованная. Может быть, она завидовала тому вниманию, которое оказывали ее здоровой близняшке. — Я бы даже сказала легендарные. Не веришь — спроси у школьной команды по шахматам. И не дай словам «команда по шахматам» себя одурачить.

В этот самый миг меня осенило, и я ошеломленно уставилась на Гаррета:

— Я не напрямую ответственна за твою смерть. Ты — мой хранитель. Тот самый, о котором говорила сестра Мэри Элизабет. Это же потрясающе! Мне ужасно не хотелось в хранители ни убийцу собак, ни большого толстого лжеца.

На губах Своупса заиграла ленивая ухмылка.

— Никакой я тебе не хранитель.

— Точно?

— Чертовски точно.

— Проклятье. Сколько же людей за эту неделю я должна подвести под монастырь?

— Понятия не имею, но я в их число не вхожу.

В этот момент мой телефон решил зазвонить, а я в этот же момент решила не обращать на него внимания. Играл рингтон Куки. Она поймет.

— Лучше бы тебе ответить, — заявил Гаррет.

Наградив его подозрительным взглядом, я протянула руку и взяла с тумбочки телефон. Как такое простое движение может быть таким болезненным?

— Больно же, — сказала я в телефон.

— Чарли, Чарли, боже мой!

— Мужчины в прошлом не раз мне это говорили, но я и не подозревала, что ты испытываешь ко мне схожие чувства.

— Он вернулся! То есть его вернули.

— Отлично, а то я уже волноваться начала. О ком мы говорим?

— Я в больнице. Гаррет. Его реанимировали. Он умер прямо на столе, но его реанимировали, и никто нам не сказал. Они все до сих пор в операционной.

Я резко села и, с трудом преодолевая боль, заставила себя медленно опуститься на подушки. Затем посмотрела на Гаррета. Он ухмылялся.

— Но... он здесь.

— Именно, он здесь. Он не ушел! О господи, врач идет. Я перезвоню.

Я закрыла телефон и во все глаза уставилась на Гаррета.

Его улыбка стала шире.

— Я не... Как ты?.. Как вообще такое?..

Он хмыкнул и пожал плечами:

— Они сказали, мне еще рано.

— Они? Ты имеешь в виду... — Не веря собственным глазам и ушам, я закрыла рот, чтобы перевести дыхание. В последние дни до меня все как-то туго доходит. Наверняка здесь есть какая-то уловка. Нет. Не может быть. Это хорошо. Просто хорошо, и точка. У меня не было ни сил, ни желания в этом сомневаться. Я снова посмотрела на Гаррета. — Но если ты жив, то как оказался здесь?

— Это твой мир, Чарльз. А я просто в нем живу.

— Может, ты зайдешь сюда, чтобы мы не орали через всю квартиру?

— Во-первых, твоя квартира размером с колесо, в котором развлекаются хомяки.

— Ничего подобного.

— Во-вторых, я не могу. Твоя хранительница очень серьезно относится к своей работе.

— Что? Где? — Я завертела головой. — Хранитель — это хранительница?

После безуспешной попытки снова сесть мне кое-как удалось подтянуться и опереться спиной об изголовье кровати, как вдруг в комнате раздался приглушенный гул. Воздух остыл, мое дыхание превратилось в пар. Я уже все глаза просмотрела, пялясь в каждый угол, но ничегошеньки не видела. Я протянула руку ладонью вверх в качестве приглашения тому, кто теперь, очевидно, будет постоянно при мне. Рядом раздался громкий басистый лай, эхом сотрясший стены. Кровать прогнулась, когда на нее прыгнула Артемида.

— Артемида! — воскликнула я и притянула ее в крепкие объятия. Она хотела поиграть, но, похоже, чувствовала, что я пока не могу. Поэтому просто растянулась рядышком со мной и ткнула меня носом. Короткий хвост двигался туда-сюда со скоростью километр в минуту.

— Я уже пытался зайти в комнату, — поделился Гаррет. — Предупреждаю: она метит прямо в глотку.

— Артемида? Собака? О господи, все верно! Я стала причиной ее смерти, когда мы в шутку боролись позади психушки. Но я и подумать не могла, что это будет собака. Никогда не видела собак-призраков. В том мультике правду говорили, что все псы попадают в рай. — Я почесала ее по ушам и прижала к себе. Боль вдруг как будто утихла. — Интересно, рассказать ли Доновану?

— Твоему новому бойфренду?

Господи, увольте меня от этого дерьма!

— Послушай, меня уже до печенок достали подобные комментарии Рейеса в твой адрес.

— Он думает, я твой бойфренд?

— Так он тебя называет.

Гаррет нахмурился:

— И кто же я, по-твоему?

— Заноза в заднице — сойдет?

— Кто бы говорил. Так нам с тобой когда-нибудь такое светит?

— Фу-у. Нет, даже если бы ты был последним «охотником за головами» в известной миру вселенной.

— Какого, блин, хрена? — обиженно рявкнул Гаррет. — Из-за тебя меня чуть не убили.

— Ключевые слова здесь «чуть не».

— А того байкера ты едва не изнасиловала. Кстати, что, черт тебя дерит, это было? Бросаясь на первого встречного, Чарльз?

— Первый встречный, между прочим, очень даже секси. — Я взглянула на Артемиду. — К тому же Донован со мной честен. Он бы продал меня за новенький карбюратор, и мы оба это знаем. А когда это произойдет, когда он начнет врать и использовать меня как приманку, я не окажусь застигнутой врасплох, как это получается со всеми мужиками в моей жизни, когда им приходит в голову врать и использовать меня как приманку. Это инстинкт самосохранения.

— Это самоуничтожение.

— Да плевать. — Я вдруг вспомнила, что у нас с ним незаконченное дело. — Ты так и не озвучил до конца свой список.

— А-а, точно. — Гаррет оперся затылком о стену. — На чем я остановился?

— Ты меня спрашиваешь? Я и внимания-то не особо обращала.

— Ну ладно, дай подумать. — Он стал считать на пальцах. — Итак, первая пятерка фраз, которые нельзя говорить ангелу смерти. «Я до смерти устал»; «Ты меня убиваешь»; «До смерти хочу это попробовать»; «Эти отношения меня погубят».

— Значит, мы подошли к номеру один, — подытожила я, подавляя желание рассмеяться.

Он ухмыльнулся и пристально посмотрел на меня.

— На первом месте в списке фраз, которые нельзя говорить ангелу смерти, находится фраза... Готова?

— Говори уже.

— Ты будешь в восторге.

— Своупс!

— «Пока смерть не разлучит нас».

Я застыла. Реальность отвесила мне оплеуху почище хука справа. Хорошо, что до этого не дошло.

— Я думал, тебе понравится, — жизнерадостно проговорил Гаррет, — раз уж ты не напрямую ответственна за мою смерть и все такое.

— А я думала, ты сказал, что никакой ответственности за твою смерть я не несу.

— Я солгал.

— Вот видишь? О том я и говорила. Застал врасплох.

— Это входило в мои планы, но позже. Может, со временем я бы даже использовал тебя как приманку. — Он улыбнулся и сложил руки за головой, откровенно наслаждаясь ситуацией.

— Знаешь, мне уже намного лучше от мысли, что из-за меня тебя чуть не убили.

— Я рад. А что это за мертвая девчонка?

Я посмотрела на Среду, стоящую у моей кровати. Она стала совсем другой с тех пор, как появилась Артемида. В руке она до сих пор крепко сжимала нож, словно от него зависела ее жизнь, но сама Среда улыбалась, поглаживая Артемиду по гладкой спине. А потом посмотрела на меня. И не просто на меня, а прямо мне в глаза. Это было так неожиданно, что я едва успела осознать. Как и ее переход. Мне даже не хватило времени спросить, как ее зовут, когда она сделала шаг ко мне и перешла.

— Ни фиги себе! — услышала я Гаррета, но мне было не до него.

Закрыв глаза, я листала ее воспоминания в поисках ответов. Ее звали Мэри. Она умерла от лихорадки, когда ей было шесть лет. Сама она понятия не имела, в каком году это случилось, но по одеждам и интерьерам из ее воспоминаний я предположила, что в конце

девятнадцатого столетия. На день рождения она мечтала получить в подарок пони, но ее семья не могла себе такого позволить. Отец сделал ей куклу, и Мэри, разозлившись, бросила ее в реку позади их дома. Тут же об этом пожалев, она прыгнула за куклой в ледяную воду и в итоге умерла три дня спустя.

Родные положили куклу с ней в гроб, так никогда и не узнав о ее поступке. Услышав, как обо мне говорят ангелы, она обменяла куклу на нож, чтобы стать моим хранителем, пока не появится настоящий. Мне бы никогда не хватило духу сказать ей, что справлялась она не очень. В конце концов, главное — намерения.

— Это самое удивительно, что я когда-либо видел, — пришибленно пробормотал Гаррет. Когда мне удалось на нем сосредоточиться, я заметила, какое благоговение отражается у него на лице. — Будто тысячи брюликов сияют в солнечных лучах. Красота неопиcуемая.

Я сделала глубокий вдох, прочищая мысли, уткнулась лицом в шею Артемиде и поинтересовалась:

— Не пора бы тебе вернуться в тело?

Гаррет не ответил, и я подняла голову, чтобы взглянуть на него.

Он смотрел на меня, пытаюсь понять, что я чувствую.

— Ты этого хочешь?

— Тебе там нужно быть.

Он склонил голову и оказался у двери в спальню раньше, чем я успела моргнуть.

— Тебе нужно выяснить, на что ты способна.

— Достала меня уже эта фразочка, — помрачнела я.

— Я слышал Фэрроу. Он хочет, чтобы ты разобралась с этим дерьмом из-за какой-то там войны. Мне казалось, он преувеличивает. Но я слышал кое-что еще, и я был не прав.

— Я над этим работаю, — устало отозвалась я. Мне хотелось только зарыться в Артемиду и уснуть.

— Знаешь, если эта война будет хоть вполовину такой страшной, как думает Фэрроу, тебе и правда надо поскорее все выяснить.

Чудесно. Еще один любитель загадки позагадывать. То, что доктор прописал.

— Ты-то что об этом знаешь?

— Я знаю, что они на подходе, Чарльз. — Взгляд Гаррета стал предупреждающим. — И адски злы.

Не успела я расспросить о деталях, как он испарился. Надеюсь, отправился в собственное тело и там и останется.

Я придвинулась к Артемиде. Исходящий от нее холод приятно успокаивал. Повилив коротким хвостом, она уткнулась носом мне в шею. Перед тем как уснуть, я еще раз посмотрела на дверной проем, в котором только что стоял Гаррет.

Мужики. Что с них взять?

21 марта 2012 года, 19:18

Проблема с Чарли

Без решеток и монотонной рутины жизнь снаружи чуждая и незнакомая. Я словно очутился в другом мире, попал в другую галактику. Мне говорили, что так будет. В первую очередь, те, по чьей милости я оказался за решеткой. Через десять лет до них дошло, что они допустили ошибку, и меня освободили. Но пошли они все к черту. Десять лет — слишком большая плата за то, чего я не совершал. Перед тем как я вышел, меня предупредили: поскольку я сел слишком молодым, на воле мне придется трудно. Ежедневные мелочи вроде оплаты счетов и покупки продуктов станут проблемой. Однако мне ничего не нужно. В том, чтобы быть сыном врага номер один всего человечества, есть свои плюсы. Месяцами я могу жить на одной воде. Могу даже двинуть в Антарктиду и обойтись без пальто.

Но в Антарктиде нет ее.

И все же жить в реальном мире — испытание похлеще, чем казалось поначалу.

Я в душе затхлого номера в отстойном отеле. Вытираюсь полотенцем и ловлю свое отражение в разбитом зеркале над раковиной. От правого плеча до левого бедра тянутся темно-красные полосы — подарок от сбежавшего из ада демона. Здесь, на Земле, он нашел лишь свою смерть, но боролся отчаяннее, чем я ожидал. Через пару дней раны заживут, но я не хочу, чтобы она их видела. Ни эти, ни другие. Я и без уродливых следов — чудовище.

В битом отражении мелькают обрывки татуировок, и я опускаю глаза, глядя на них. По отдельности — это всего лишь черные отметины на коже, но вместе они составляют карту, ключ к воротам ада. Дар моего отца. Если слишком долго смотреть, я провалюсь в этот лабиринт. Меня только что выпустили из тюрьмы на Земле, и последнее, чего я хочу, — попасть в тюрьму преисподней. Не уверен, что мне хватит сил сбежать оттуда снова, поэтому отвожу взгляд и смотрю вверх. Изучаю свое лицо. У меня карие глаза. Никогда ничего особенного в них не видел, но, кажется, людям, и мужчинам, и женщинам, они нравятся. Вот почему, выходя на улицу, я стараюсь ни с кем не встречаться взглядом. Но они все равно смотрят, и их неспособность отвести глаза лишает меня самообладания, поэтому я ослепляю их. Ненадолго, ровно на столько, чтобы пройти мимо. И тогда я чувствую их взгляды спиной. Горячие. Жаждающие. Умоляющие меня остановиться. Обернуться.

Я никогда не останавливаюсь и никогда не оборачиваюсь.

Мне надоедает смотреть на свое человеческое обличье, так похожее на истинное, и я покидаю физическое тело, обманывая себя, будто просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Сейчас где-то там слишком много моих бывших братьев, которые хотят только одного — добраться до нее. До того, что есть только у нее одной. До самой ее сути — до портала в рай. В сам рай.

Я несусь по улицам Альбукерке, радуясь, что никто меня не видит. Что никто не хочет

меня больше, чем сделать следующий вдох. Потому что в иных обстоятельствах их голод иссушает, а когда я не обращаю на них внимания, их разочарование становится почти осязаемым.

Просачиваясь сквозь стены ее квартиры, я чувствую, как ускоряется ее пульс. Она знает, что я здесь. Но не видит меня, потому что я не материализовался. И это хорошо, учитывая, как я сейчас выгляжу. Она стоит перед раковиной в ванной, закутанная в полотенце. Из него водопадом греха льются длинные ноги. Влажная ткань так плотно ее облепила, что я вижу все изгибы ее фигуры, похожей на песочные часы. Длинные волосы темными мокрыми прядями ласкают ее спину. Она смотрит вниз, поднимает голову и бросает взгляд золотистых глаз через плечо, прямо на меня. Но она не знает наверняка, где я, поэтому осматривается дальше.

Не могу удержаться. Подаюсь к ней и легко касаюсь поцелуем ее губ. Впитываю ее надрывный вздох, а она облизывает нижнюю губу, прикасается к ней кончиками пальцев, будто изучая, исследуя. Потом прикусывает ее белыми зубами и скрещивает руки на груди, давая мне понять, что не уступит. И так всегда, когда я оказываюсь рядом.

— Ты же знаешь, что можешь показаться. — Ее голос дуновением свежего ветерка проходит по моей горячей коже.

Изогнув одну бровь, она продолжает оглядываться. Ждет. Притворяется, будто не надеется. Но я слышу, как шумит под ее кожей кровь, чую, как разливается тепло у нее между ног. Пусть лицо ее выражает раздражение, но тело не врет. Предательство в греческих масштабах.

— И ты все еще меня бесишь, — добавляет она и прислоняется к раковине.

Не могу сдержаться — окутываю ее собой, прижимаюсь к ней. У нее вырывается тихий стон, она пытается меня оттолкнуть, но сейчас я для нее — просто мощный поток обжигающего воздуха. Я мог бы материализоваться, но не стану. Не сейчас. Вот когда исцелюсь... Если исцелюсь. Если мне представится еще один шанс. Вокруг и везде демоны, которым нужна она — это прекрасное создание, стоящее передо мной. Она изо всех сил цепляется за разум и тает в тепле, которым я ее окружил. Откидывает голову, и я склоняюсь, чтобы поцеловать ее в шею. С ее губ срывается едва слышный стон, поощряя меня действовать, стать материальным, чтобы войти в нее и увидеть звездопад.

Нет. Не сейчас. Не так. Скрипя зубами, я отступаю. Она тут же покрывается мурашками, но теперь от холода. Обнимает себя, трет руками и хмурится.

Она говорит изменившимся голосом. Интонации мягче, не такие решительные. И боль, которую я ощущаю в ее груди, заставляет меня пожалеть о том, что я сегодня пришел.

— Ну как? Получил, что хотел? Такой реакции ты ждал?

Поскольку она не кричала и не билась в оргастических судорогах у меня в руках, то нет. Ничего я не получил. Может быть, в другой раз.

Проблема с Чарли состоит в том, что я отдал ей свое сердце с самого первого взгляда — много столетий назад. Одна ее улыбка озарила черный шелк вечности. И к ней потянулась вселенная, словно все планеты, звезды и луны стремились лишь к одному — оказаться рядом с ней. Мне точно известно, каково это. Мне посчастливилось узнать ее задолго до того, как она была рождена на Земле. В этом мире, который не заслуживает ее так же, как и я.

Но вот сейчас она передо мной. С высоко поднятой головой. Глаза мерцают золотом.

— А теперь, раз уж ты выполнил свою миссию, не пошел бы ты на хрен? Мне еще над делом работать.

Она отворачивается и начинает расчесываться. Узнает ли она когда-нибудь, кто ее настоящий отец? И какая удивительная у нее родословная? У всех ангелов смерти есть семьи, но ее семья — королевских кровей. Она принцесса среди воров.

Нет, она определенно заслуживает кого-то лучше, чем я.

Я ухожу. Возвращаюсь в свое тело. Делаю глубокий вдох, представляя себе демонов, которые пришли за ней в этот мир. И с новыми силами выхожу на охоту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

Намек на песню «Charlotte the Harlot» британской группы «Iron Maiden». Вольный перевод названия от ваших покорных слуг.

В 1978 году вышел фильм «Дебби покоряет Даллас» (англ. «Debbie Does Dallas») — комедия для взрослых о девушках из группы поддержки. Фильм имел такой успех, что породил огромное количество сиквелов и спин-оффов вроде «Дебби покоряет Новый Орлеан», «Дебби покоряет Уолл-стрит», «Дебби покоряет Даллас снова» и под.

Мотрин — нестероидный противовоспалительный препарат. Оказывает противовоспалительное, анальгетическое и жаропонижающее действие. Международное название — ибупрофен (Ibuprofen).

Чикита — (исп. chiquita) малышка, крошка, детка.

Алекс Требек (англ. George Alexander «Alex» Trebek) — американский тележурналист, ведущий популярных развлекательных телепрограмм. С 1984 года и по сей день бессменно ведет телевикторину «Jeopardy!».

«Своя игра» — российская версия телевизионной игры-викторины «Jeopardy!», популярной во многих странах мира. Автор игры — Мерв Гриффин.

Национальная стрелковая ассоциация (англ. National Rifle Association of America, or NRA) — некоммерческая ассоциация в США, которая объединяет сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия.

Проклятье, Джим! (англ. Damn it, Jim!) — начало одной из коронных фраз Леонарда Маккоя, персонажа телесериала «Звездный путь». Целиком фраза звучит так: «Проклятье, Джим! Я врач, а не... (вариации)». Например: «Проклятье, Джим! Я врач, а не чудотворец/каменщик и т. д.».

«Da Ya Think I'm Sexy?» — песня Рода Стюарта, вышедшая в 1978 году в составе альбома «Blondes Have More Fun» и синглом.

Архитектурный стиль, отражающий влияние оседлых североамериканских индейцев пуэбло. Изначально они вырубали многоуровневые жилища в скалах, а переселяясь на равнины, заменяли их аналогичного вида постройками из адобы или песчаника. Здания, имитирующие аскетичный облик индейских поселений, особенно популярны в штате Нью-Мексико (из сносок к первой книге).

Город Отличий (англ. the City Different) — социально-политическая программа властей штата Нью-Мексико, воплощенная в границах города Санта-Фе и направленная на сохранение отличительных территориальных черт, укрепление самосознания граждан и привлечение туристов. Также словосочетание является неофициальным названием и самого города Санта-Фе.

ФБР — Федеральное бюро расследований. Англ. FBI — The Federal Bureau of Investigation. Аббревиатура получила уже широко распространенный юмористический вариант расшифровки — Female Body Inspector (рус. пригл. «спец по женскому телу»).

Cookie — (англ.) булочка; печенье; коржик.

Риталин — медицинский препарат из группы психостимуляторов, сходный по воздействию с амфетаминами. Другое название — метилфенидат. В России и ряде других стран изъят из оборота лекарственных средств. В некоторых странах (в частности, в США, Канаде, Великобритании, Германии и др.) используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

Hola — (исп.) привет.

Чикано — американец мексиканского происхождения, гражданин США.

Pendejo — (исп.) придурок, дурак; чувак.

Vete — (исп.) идите, бегите.

«Секретный агент Макгайвер» — популярный американский телесериал (1985–1992).

Ричард Кимбл — персонаж американского телесериала «Беглец» (1963–1967), роль которого сыграл Дэвид Дженсен.

Тамара (Тэмми) Фэй Беккер Месснер (1942–2007) — американская телеведущая, христианская певица, евангелист, предприниматель и автор. Тэмми также запомнилась своим образом с тяжёлым макияжем на лице, особенно обильным использованием туши и крупными накладными ресницами.

Хуэвос ранчерос (исп. huevos rancheros — «яйца по-деревенски») — традиционное мексиканское блюдо из яиц с соусом (чили, гуакамоле и т. д.), подается в традиционной лепешке (энчилада — исп. enchilada) или с ней/без нее. Иногда с добавлением мяса, чаще всего — цыпленка.

Пыльный котёл, Пыльная чаша (англ. Dust Bowl) — серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами (в отдельных регионах до 1940 года).

Геттисбергская речь Авраама Линкольна — одна из известнейших речей в истории США, которую президент произнёс 19 ноября 1863 года на открытии Национального солдатского кладбища в Геттисберге, штат Пенсильвания. Известна как одно из самых великих воплощений ораторского искусства. Полный текст Геттисбергской речи высечен на пьедестале памятника Линкольна в Вашингтоне.

«Улица Сезам» (Sesame Street) — международная детская телевизионная образовательная программа, которая впервые вышла в эфир крупнейшей американской некоммерческой сети PBS 11 ноября 1969 года.

Милтон Берл (1908–2002) — американский комик и актер.

Джейсон Вурхиз (англ. Jason Voorhees) — вымышленный персонаж, главный герой фильмов серии «Пятница, 13-ое», маньяк-убийца. «Фирменное» оружие убийства — мачете. Впервые проявляется в фильме «Пятница, 13-ое» (1980 года). Впоследствии появлялся во многих книгах, комиксах, а также был издан в виде игрушек и другой продукции наравне с Фредди Крюгером, встреча с которым произошла у Джейсона в фильме «Фредди против Джейсона» (2003).

Майкл «Майк» Майерс (англ. Michael Myers) — вымышленный персонаж серии американских фильмов ужасов «Хэллоуин». Впервые маньяк-убийца, одержимый духом Самайна, появляется в первом фильме «Хэллоуин» 1978 года. Основное оружие — большой столовый нож.

Криптонит — вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, фигурирующее во вселенной DC Comics и возникшее в результате разрушения планеты Криптон. Криптонит знаменит благодаря тому, что является единственной слабостью Супермена и других криптонцев.

Прикладная профессия в сфере здравоохранения в США. Работа заключается в подробном изложении назначений врачей или других сотрудников института здравоохранения, а также в предоставлении текстовой формы устных заключений указанных специалистов.

Маринара (итал. *Marinara*, букв. «моряцкий соус») — итальянский соус из томатов, чеснока, пряных трав и лука. Традиционная итальянская кухня предполагает добавление маринары в пасту, рис, морепродукты и пиццу.

Роман Розмари Роджерс.

Новая Шотландия (лат. написание Nova Scotia используется чаще англ. New Scotland) — провинция на востоке Канады, одна из трёх Приморских провинций. Столица и крупнейший город — Галифакс.

Пекос (англ. Pecos) — небольшое поселение в округе Сан-Мигель, штат Нью-Мексико.

Миорелаксанты — лекарственные средства, снижающие тонус скелетной мускулатуры с уменьшением двигательной активности вплоть до полного обездвиживания.